

ДАЙДЖЕСТ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗА IV КВАРТАЛ 2019 ПО I КВАРТАЛ 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Банкротство граждан.....	2
Возбуждение дела о банкротстве	35
Залог и поручительство при банкротстве.....	41
Мировое соглашение.....	67
Оспаривание сделок должника	73
Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве	143
Продажа имущества должника, защита интересов конкурсной массы	183
Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков	190
Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве....	253
Прочие вопросы.....	378

Банкротство граждан

[Определение ВС РФ от 23.05.2019 № 305-ЭС18-25248](#)

В рамках банкротства гражданина как имущество должника, так и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включаются в конкурсную массу должника. Включенное таким образом в конкурсную массу общее имущество подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества.

При этом для проведения финансовым управляющим мероприятий по реализации общего имущества супругов не имеет правового значения тот факт, что ранее ему было отказано в признании недействительным брачного договора.

Не может быть завершена процедура реализации имущества должника при непроведении финансовым управляющим мероприятий по реализации общего имущества супругов при его наличии.

Судами трех инстанций процедура реализации имущества Андрусенко В.В. (далее также – должник) завершена, должник освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Судебная коллегия считает, что указанные судебные акты судов трех инстанций подлежат отмене по следующим основаниям.

1. В реестр требований кредиторов должника включено требование Локшина М.А. на сумму 4 028 664,40 руб., основанное на заключенных между Андрусенко В.В. и Локшиным М.А. договорах, задолженность по которым взыскана в пользу последнего вступившим в законную силу судебным актом суда общей юрисдикции. Какое-либо имущество должника, подлежащее реализации в процедуре банкротства, не выявлено, расчет с кредитором не производился.

2. Между должником и Малининой Е.П. заключен брачный договор от 26.07.2013, которым супруги определили правовой режим отдельных видов имущества.

Финансовому управляющему имуществом должника отказано в признании брачного договора недействительной сделкой в связи с отсутствием доказательств ее мнимости и указано на наличие у кредиторов права требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее к супруге должника.

Статьей 46 СК РФ предусмотрено, что, являясь двусторонней сделкой, такого рода соглашение связывает только супругов, при этом ухудшение имущественного положения супруга-должника в результате исполнения такого договора не влечет правовых последствий для не участвовавших в нем кредиторов должника (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

Аналогичный подход содержит п.9 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48, исходя из которого, если во внесудебном порядке осуществлены раздел имущества, определение долей супругов в общем имуществе, кредиторы, обязательства перед которыми возникли до такого раздела имущества, определения долей и переоформления прав на имущество в публичном реестре (п. 6 ст.8.1 ГК РФ), изменением режима имущества супругов юридически не связаны (ст. 5, п.1 ст.46 СК РФ). В силу п. 7 ст.213.26 Закона о банкротстве это означает, что как имущество должника, так и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включаются в конкурсную массу должника. Включенное таким образом в конкурсную массу общее имущество подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества.

Таким образом, перешедшее по брачному договору супруге Андрусенко В.В. общее имущество подлежало включению в конкурсную массу и реализации в процедуре банкротства должника (213.26 Закона о банкротстве). Однако соответствующие мероприятия в данном случае финансовым управляющим имуществом должника не осуществлены.

При таких обстоятельствах суд завершил процедуру реализации имущества должника преждевременно.

[Определение ВС РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429](#)

В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица не является основанием для неосвобождения его от долгов по итогам завершения процедуры реализации имущества.

В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Вопреки выводу судов последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях может быть квалифицировано как его недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, лишь в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т.п.) либо предоставления заведомо недостоверной информации.

Финансовый управляющий имуществом должника обратился в арбитражный суд с ходатайством о завершении процедуры реализации имущества должника.

Судами трех инстанций процедура реализации имущества завершена без применения правил об освобождении должника от обязательств.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям:

Должник отказывается от заключения мирового соглашения с ПАО Сбербанк, принятым в процедуре реализации имущества собранием кредиторов, со ссылкой на невыгодные условия, предусматривающими погашение задолженности в течение 10 лет на условиях минимальной процентной ставки и ежемесячными аннуитентными платежами.

Отказывая в применении правил об освобождении должника от исполнения обязательств, суды указали на недобросовестное поведение должника, выразившееся в последовательном наращивании задолженности перед кредиторами (увеличение суммы заведомо неисполнимых кредитных обязательств в период 2012-2015 гг. при отсутствии необходимого уровня доходов), а также на отказ должника от заключения мирового соглашения.

К должнику на основании определения ВС РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013 предъявляются требования в части добросовестности, подразумевающие честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом, поскольку основной задачей банкротства является – представление должнику возможности законно избавиться от обязательств, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника.

При этом по смыслу п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве принятие на себя непосильных долговых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для не освобождения от долгов. Неразумность поведения физического лица сама по себе таким препятствием не является.

В рассматриваемом случае анализ финансового состояния должника признаков преднамеренного и фиктивного банкротства не выявил. Соккрытие или уничтожение принадлежащего должнику имущества, равно как сообщение им недостоверных сведений финансовому управляющему также не установлено.

Вместе с тем суды отметили принятие должником на себя заведомо неисполнимых обязательств по кредитам Банка ВТБ в 2015 году при наличии иных неисполненных кредитных обязательств с 2012 года на значительные суммы.

Должник в свою очередь обращал внимание на то, что при получении кредитов предоставлял банкам полные и достоверные сведения о своем финансовом состоянии, имел в данный период времени стабильный и достаточный для своевременного возврата кредитных средств доход, осуществлял платежи в установленный договорами срок. Прекращение расчетов с кредиторами за три

месяца до возбуждения дела о банкротстве вызвано объективными причинами – снижением оклада более чем на 30 %.

Указанные доводы суды оставили без оценки.

Отказ должника от заключения мирового соглашения на предложенных в нем условиях не может расцениваться как злоупотребление правом, учитывая, что оставшаяся после предусмотренного мировым соглашением ежемесячного платежа за счет текущего дохода должника сумма денежных средств меньше установленной в рамках настоящего дела о банкротстве судом суммы в размере 30 000 руб. для достойного проживания должника и его семьи.

[Определение ВС РФ от 13.06.2019 № 307-ЭС19-358](#)

Единственное пригодное для проживания должника-гражданина жилое помещение, находящееся в залоге, подлежит исключению из конкурсной массы, если залогодержатель предъявил свое требование для его включения в реестр требований кредиторов с пропуском срока.

Требование такого пропустившего срок залогодержателя не может удовлетворяться из выручки от реализации указанного жилого помещения, оставшейся после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, равно как не может утверждаться положение об условиях продажи в отношении такого жилого помещения, а помещение не подлежит реализации.

Финансовый управляющий имуществом должника Поляруш И.С. обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении Положения о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества должника, находящегося в залоге (далее – Положение о продаже) – квартиры.

Для совместного рассмотрения с названным заявлением принято требование должника об исключении из конкурсной массы указанной квартиры.

Судами трех инстанций отказано в удовлетворении ходатайства об исключении квартиры из конкурсной массы, утверждено Положение о продаже, предусматривающее начальную продажную цену квартиры в размере 16 891 000 руб.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Разрешая спор, суды пришли к выводу, что квартира, находящаяся в ипотеке, даже будучи единственным жильем, не может быть исключена из конкурсной массы должника и, следовательно, подлежит реализации в деле о его банкротстве.

Действительно, наличие у квартиры свойств единственного пригодного для постоянного проживания помещения не влечет ее исключение из конкурсной массы, если она является предметом действующей ипотеки.

Между тем, как разъяснено в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48, если кредитор по требованию, обеспеченному залогом единственного пригодного для постоянного проживания должника и членов его семьи жилого помещения, не предъявил это требование должнику в рамках дела о банкротстве либо обратился за установлением статуса залогового кредитора с пропуском срока, определенного пунктом 1 статьи 142 Закона о банкротстве, и судом было отказано в восстановлении пропущенного срока, такой кредитор не вправе рассчитывать на удовлетворение своего требования за счет предмета залога, в том числе посредством обращения взыскания на данное имущество вне рамок дела о банкротстве. В этом случае жилое помещение считается не вошедшим в конкурсную массу в силу пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, право залога на него прекращается после завершения процедуры реализации имущества при условии освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств (пункт 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве, статья 352 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Указанные разъяснения направлены на недопущение ситуации, когда вопреки смыслу положений статьи 446 ГПК РФ и Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение фактически будет реализовываться в целях приоритетного удовлетворения требований по текущим обязательствам и требований незалоговых кредиторов, получивших в силу законодательства о несостоятельности приоритет над опоздавшим залогодержателем.

[Определение ВС РФ от 25.07.2019 № 306-ЭС19-3574](#)

В целях проверки достоверности сведений о месте жительства гражданина, указанных в заявлении о признании должника банкротом, арбитражный суд вправе не ограничиваться запросом данных о его месте жительства в органах регистрационного учета, а провести более глубокую проверку.

В таком случае суд, среди прочего, может учесть сокрытие должником сведений о смене места жительства, многолетнее проживание и наличие экономических интересов в другом регионе, а также выявление противоречивых, парадоксальных, необъяснимых обстоятельств, несогласованности в доказательствах, нелогичности доводов о смене места жительства должника.

Как следует из материалов дела в Арбитражный суд Волгоградской области обратился Элишакашвили Ш. с заявлением о признании Шамира Р.И. банкротом. На дату подачи заявления в суд Шамир Р.И. был зарегистрирован по месту жительства в Волгоградской области, до этой даты должник проживал и был зарегистрирован в Москве.

Банк как один из кредиторов должника указал на нарушение правил подсудности при рассмотрении дела. Суды трех инстанций сочли, что правила подсудности соблюдены.

Между тем судами не учтено следующее.

Презумпция проживания по месту регистрации может быть опровергнута, если заинтересованное лицо (например, кредитор) докажет, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника. В целях выяснения соответствующих обстоятельств во внимание, в первую очередь, могут приниматься факты, свидетельствующие о необычном характере поведения должника при смене регистрационного учета в период инициирования дела о несостоятельности.

Злоупотребление как явление проявляется в большинстве случаев в том, что при внешне формальном следовании нормам права нарушитель пытается достичь противоправной цели. Формальному подходу, в частности, может быть противопоставлено выявление противоречивых, парадоксальных, необъяснимых обстоятельств, рассогласованности в доказательствах, нелогичности доводов.

В целях проверки достоверности сведений о месте жительства гражданина, указанных в заявлении о признании должника банкротом, арбитражный суд вправе провести более глубокую проверку.

Не усмотрев в действиях Шамира Р.И. признаков злоупотребления правом, суды в основу выводов о его проживании в Волгоградской области положили данные о регистрационном учете, пояснения финансового управляющего об общении с представителем должника по месту регистрации Шамира Р.И., а также сведения об аренде земельного участка в этом регионе с целью ведения бизнеса.

Совокупность прочих обстоятельств, указанных банком и не опровергнутых в судах, подтверждает этот вывод.

Так, Шамир Р.И. вместе со своими компаньонами по бизнесу является бенефициаром группы компаний "Г.М.Р. Планета гостеприимства", центр экономических интересов которых сосредоточен в городе Москве. Там же должники проживали. После вступления в законную силу судебного решения о взыскании с должника и его компаньонов более семисот тысяч рублей, все трое синхронно изменили место жительства с города Москвы на Волгоградскую область, не уведомив кредиторов о смене места жительства.

Сразу же после оформления регистрации по новому месту жительства в Арбитражный суд Волгоградской области от единственного кредитора, уведомленного о переезде должников, одновременно поступило три заявления о признании банкротами Шамира Р.И. и его компаньонов.

Действия по регистрации бизнеса в Волгоградской области должник предпринял сразу же после того, как впервые в арбитражном суде был озвучен довод банка о фиктивном переезде к новому месту жительства. К тому же сам факт начала ведения лицом бизнеса, требующего вложения капиталов, при одновременном банкротстве того же лица парадоксален. Необъяснимым осталась и разумность намерения ведения в ноябре сельскохозяйственного бизнеса, связанного с растениеводством. Сомнителен факт заключения договора аренды с точки зрения даты его заключения при том, что сам Шамир Р.И. в описи его имущества, представленной вместе с отзывом на заявление о признании его должником, права аренды на земельный участок не указал.

Таким образом, согласованные действия Шамира Р.И. с компаньонами при схожих экономических обстоятельствах подтверждают доводы банка о фиктивном характере переезда Шамира Р.И. в Волгоградскую область.

[Определение ВС РФ от 05.08.2019 № 308-ЭС17-21032\(2, 3\)](#)

Не может быть отказано в процессуальном правопреемстве кредитора в деле о банкротстве на третье лицо по мотивам завершения процедуры реализации имущества гражданина, потому как обстоятельства, препятствующие освобождению гражданина от исполнения обязательств, могут быть установлены в том числе и после завершения процедуры банкротства, а указание на данные обстоятельства суду возможно лишь при обладании лицом процессуального статуса участника по делу о банкротстве.

Таким образом, в описанной ситуации подлежит удовлетворению заявление о правопреемстве в целях возможности указания цессионарием суду в том числе на обстоятельства, препятствующие освобождению гражданина от обязательств.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Озеровой Т.Н. (далее – должник) агрофирма обратилась в арбитражный суд с заявлением о замене в третьей очереди реестра требований кредиторов должника кредитора – банка на его правопреемника – агрофирму.

Судами первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворено. Судом округа в удовлетворении заявления отказано.

Определением от 05.05.2017 процедура реализации имущества должника завершена, Озеровой Т.Н. отказано в применении правила об освобождении от исполнения обязательств.

Вступившим в законную силу постановлением арбитражного апелляционного суда от 04.08.2017 должник освобожден от исполнения требований кредиторов.

Впоследствии между банком и агрофирмой заключен договор уступки требования (цессии) от 24.01.2018, по условиям которого банк уступил агрофирме

право требования к должнику в полном объеме. Обязательство по оплате стоимости уступленных прав (требований) агрофирмой исполнено.

Данное обстоятельство послужило основанием для обращения агрофирмы в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Отменяя судебные акты судов нижестоящих инстанций и отказывая в удовлетворении заявления, суд округа, ссылаясь на п.3 ст. 213.28 Закона о банкротстве, исходил из того, что материальное правопреемство в гражданско-правовом отношении не возникло, поскольку банк передал агрофирме требование, от исполнения которого Озерова Т.Н. освобождена.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Действительно, закрепленное в статье 213.28 Закона о банкротстве правило об освобождении гражданина от исполнения требований кредиторов (долгов) по итогам процедуры банкротства, является, по сути, экстраординарным способом прекращения обязательств несостоятельного физического лица, отвечающего критериям добросовестности. Предусмотрены случаи, при которых списание задолженности не допускается. Обстоятельства, препятствующие должнику освободиться от имеющихся обязательств (п. 4 ст.213.28 Закона о банкротстве) могут быть установлены и после завершения реализации имущества должника.

Так, в случае выявления фактов сокрытия гражданином - должником имущества или незаконной передачи имущества третьим лицам по заявлению конкурсного кредитора, уполномоченного органа или финансового управляющего определение суда о завершении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам с возобновлением производства по делу о банкротстве должника. (312 АПК РФ.)

Реализация конкурсным кредитором указанного права непосредственно связана с наличием у него процессуального статуса как такового, при этом завершение процедуры банкротства гражданина не является препятствием для разрешения вопроса о правопреемстве по требованию, от исполнения которого должник освобожден.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 305-ЭС18-22504](#)

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Указанное предполагает активную позицию суда в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, одновременно направить запросы в несколько саморегулируемых организаций, а в случае

необходимости в каждую из их числа. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий.

В таком случае истечение трехмесячного срока, отведенного суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, не является основанием для прекращения производства по делу.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения, Непеин В.А. отстранен от исполнения обязанностей финансового управляющего.

После отстранения Непеина В.А. суд предлагал ассоциации МСРО "Содействие" представить кандидатуру арбитражного управляющего.

Ассоциация сообщила, что ни один арбитражный управляющий из числа ее членов согласия на представление своей кандидатуры для утверждения финансовым управляющим не выразил.

Суд предложил лицам, участвующим в деле, представить кандидатуру арбитражного управляющего. Однако сведения об иной саморегулируемой организации, из числа членов которой может быть утвержден финансовый управляющий, представлены не были.

На основании изложенного суд прекратил производство по делу.

В силу Закона о банкротстве процедуры несостоятельности в отношении гражданина осуществляются под контролем суда, который последовательно принимает решения по всем ключевым вопросам, в том числе касающегося утверждения арбитражного управляющего.

Применительно к настоящему делу право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ, включает в себя обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма потребительского банкротства.

В рассматриваемом случае суды фактически лишили должника данного права и не приняли исчерпывающих мер для решения вопроса о выборе саморегулируемой организации, ограничившись направлением запроса лишь в одну саморегулируемую организацию, члены которой согласия исполнять функции финансового управляющего не выразили.

Участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным.

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Это означает

активную позицию суда в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, одновременно направить запросы в несколько саморегулируемых организаций, а в случае необходимости в каждую из их числа. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий (п. 1 ст. 6 ГК РФ, абз. 3 п. 7 ст. 45 Закона о банкротстве).

Как видно из общедоступного реестра саморегулируемых организаций, в настоящее время соответствующим статусом обладают порядка пятидесяти организаций. Суд первой инстанции направил запросы только в одну из них.

Вопреки выводу судов общие положения п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев, не подлежали применению к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства, поскольку они противоречат смыслу и целям законодательного регулирования в этой специальной сфере.

Трехмесячный срок, отведенный суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, установленный п. 5 ст. 213.6 Закона о банкротстве, носит организационный характер. Само по себе его истечение не является основанием для прекращения производства по делу.

[Определение ВС РФ от 07.10.2019 № 304-ЭС19-9053](#)

В случае, если супруг гражданина-банкрота является наряду с ним должником по обеспечительному обязательству, то он разделяет с банкротом обязанность несения расходов по реализации предмета залога. При таких обстоятельствах проценты по вознаграждению финансового управляющего, реализовавшего такое имущество, надлежит исчислять от полной стоимости имущества, а не от половины, причитающейся должнику.

В рамках дела о несостоятельности Малахова Д.О. финансовый управляющий его имуществом Яковлев В.В. обратился в арбитражный суд с заявлением об установлении процентов по вознаграждению арбитражного управляющего в размере 905 800 руб.

Судебными актами трех инстанций установлены проценты по вознаграждению финансового управляющего в размере 452 900 руб., в удовлетворении заявления в остальной части отказано.

Как установлено судами, должнику принадлежат находящиеся в залоге у банка индивидуальный жилой дом и земельный участок, которые приобретены Малаховым Д.О. и его супругой Малаховой Н.В. в период брака.

По условиям заключенного между супругами брачного договора от 18.10.2011 имущество, нажитое во время брака, сохраняет режим совместной собственности.

В ходе процедуры банкротства должника финансовым управляющим организованы и проведены торги по продаже недвижимого имущества. Стоимость реализованного имущества составила 12 940 000 руб.

Разрешая спор, суды исходили из того, что поскольку должнику принадлежит $\frac{1}{2}$ доли в реализованном недвижимом имуществе, сумма процентов по вознаграждению подлежит исчислению именно от размера этой доли. Как отметили суды, нахождение спорного имущества в залоге не изменяет порядок установления размера вознаграждения финансовому управляющему в случае его реализации.

Между тем судами не учтено следующее.

Сумма процентов по вознаграждению финансового управляющего составляет семь процентов размера выручки от реализации имущества гражданина и выплачивается за счет денежных средств, полученных в результате реализации такого имущества (пункт 17 статьи 20.6, пункт 4 статьи 213.9 Закона о банкротстве).

По смыслу 17 статьи 20.6 Закона о банкротстве данной нормы, если в залоге находится имущество целиком, то восемьдесят процентов вырученных средств подлежат направлению залоговому кредитору; десять процентов направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований; оставшиеся денежные средства (далее – иные десять процентов) – на погашение судебных расходов, расходов на выплату вознаграждения финансовому управляющему, расходов на оплату услуг лиц, привлеченных финансовым управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, и расходов, связанных с реализацией предмета залога (текущие расходы).

Из иных десяти процентов в первую очередь погашаются расходы, понесенные в связи с продажей заложенного имущества (статья 319 ГК РФ и пункт 1 статьи 61 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ

«Об ипотеке (залоге недвижимости)»), в частности, на его оценку, проведение торгов, выплату финансовому управляющему вознаграждения, начисленного в результате удовлетворения требований залогового кредитора, оплату привлеченным лицам, услуги которых были необходимы для реализации предмета залога. В случае, если супруг гражданина-банкрота является наряду с ним должником по обеспечительному обязательству (статья 353 ГК РФ), то он также претерпевает на себе

действия принудительного исполнения такого требования, то есть разделяет обязанность несения этих расходов.

При этом проценты по вознаграждению финансового управляющего, исчисляемые при реализации предмета залога, выплачиваются исключительно за счет и в пределах указанных иных десяти процентов. Действуя добросовестно и разумно, арбитражный управляющий обязан приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов расходов, предусмотренных абзацем 4 пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве.

Режим совместной собственности недвижимого имущества и наличие у Малаховой Н.В., являющейся созалогодателем, солидарной обязанности по кредитному обязательству, установлены судами и не оспариваются сторонами.

Таким образом, примененная судами в данном случае формула расчета процентов по вознаграждению финансового управляющего ошибочна. Законных оснований для исчисления процентов от половины стоимости реализованного общего имущества супругов, находившегося в залоге по общему обязательству, не имеется.

[Определение ВС РФ от 31.10.2019 № 307-ЭС16-12310 \(4\)](#)

По завершении процедуры реализации имущества должника-банкрота, не освобожденного от исполнения обязательств, кредитор вправе ходатайствовать о выдаче исполнительного листа. Выдавая исполнительный лист, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках банкротных процедур.

Определением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.07.2018 завершена процедура реализации имущества Кехмана В.А., должник не освобожден от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Сбербанк России, общество «Акварин», БМ-Банк, Промсвязьбанк и общество с ограниченной ответственностью «Пулковская Торговая Компания» обратились в арбитражный суд с заявлениями о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение той части их требований, которые не были удовлетворены в ходе процедуры реализации имущества гражданина.

Отказывая в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение требований кредиторов, которые не были удовлетворены в ходе процедуры реализации имущества гражданина, суд первой инстанции указал на то, что с учетом разъяснений, изложенных в пункте 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с

введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (далее – постановление № 45), выдача таких листов предусмотрена только по требованиям, перечисленным в пунктах 5 и 6 статьи 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В отношении остальных требований имеется квалифицированное умолчание законодателя, то есть даже в условиях неосвобождения от долгов исполнительные листы по ним не выдаются.

Между тем судами не учтено следующее.

По требованиям, поименованным в пунктах 5 и 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве, законодатель указал на наличие у кредиторов права получить исполнительный лист.

Однако предусмотрев возможность не освободить должника от иных обязательств (пункт 4), законодатель в то же время не определил механизм реализации такими кредиторами своих требований к должнику после процедуры несостоятельности. Тем не менее, это не означает, что подобное отсутствие законодательного регулирования не может быть восполнено посредством применения положений пункта 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве к ситуациям неосвобождения от обычных долгов по аналогии (пункт 6 статьи 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Вопреки выводам судов само по себе отсутствие прямого законодательного регулирования не свидетельствует о наличии запрета на выдачу исполнительных листов. Они могли быть выданы судом исходя из общих начал процессуального законодательства, даже если бы пункт 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве не предусматривал возможность их выдачи в схожих ситуациях. При этом не имеется оснований полагать, что между поименованными в пунктах 5-6 названной статьи требованиями и иными обязательствами должника, от которых он не освобожден, имеется принципиальная разница, препятствующая принудительному исполнению последних в рамках исполнительного производства по завершении процедуры банкротства.

По своей правовой природе судебные акты о включении требований в реестр обладают сходством с принимаемыми в рамках общеискового производства судебными актами о взыскании долга. Таким образом, основанием для выдачи исполнительного листа по завершении дела о банкротстве являются именно судебные акты о включении требований в реестр.

Таким образом, выдавая исполнительный лист после завершения дела о банкротстве, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках

банкротных процедур. Вопрос о выдаче исполнительных листов по таким требованиям разрешается арбитражным судом по ходатайству заинтересованных лиц в судебном заседании.

[Определение ВС РФ от 04.02.2019 № 305-ЭС18-13822](#)

Положения законодательства об исполнительском иммунитете (ст. 446 ГПК РФ) не подлежат применению в противоречии с конституционным принципом равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации).

В случае достижения гражданином-должником и его бывшим супругом соглашения, в силу которого оба супруга вправе претендовать на часть недвижимого имущества, являющегося для каждого единственным пригодным для жизни помещением (пусть и приобретенного до брака и зарегистрированного только на гражданина-должника), судам в целях соблюдения конституционного принципа равенства надлежит отказать в исключении такого недвижимого имущества из конкурсной массы гражданина-должника.

В случае, если бывший супруг является единственным кредитором должника, суду надлежит вынести на обсуждение должника, кредитора и финансового управляющего вопрос о возможности разработки такого плана реструктуризации долга перед единственным кредитором, который, с одной стороны, будет предусматривать достижение целей достигнутого супругами ранее соглашения, а, с другой стороны, будет обеспечивать баланс прав на жилище обоих бывших супругов.

Финансовый управляющий обратился в суд с заявлением об исключении части имущества Гремякова А.В. из конкурсной массы.

Судами трех инстанций заявление управляющего удовлетворено.

Судебная коллегия считает, что судебные акты в части исключения квартиры из конкурсной массы подлежат отмене по следующим основаниям.

23.09.2004 в ЕГРП внесена запись о регистрации за Гремяковым А.В. права собственности на квартиру № 171.

Между Гремяковым А.В. и Гремяковой И.В. 30.04.2006 зарегистрирован брак. В дальнейшем (в 2012 году) этот брак расторгнут.

Определением суда общей юрисдикции от 22.01.2013 утверждено мировое соглашение, по условиям которого Гремяков А.В. обязался выплатить Гремяковой И.В. денежные средства в размере половины стоимости квартиры № 171, но не менее 5 500 000 руб., в качестве компенсации стоимости ее доли в общем имуществе супругов.

Впоследствии (19.06.2017) Гремяков А.В., указав на невозможность исполнения условий мирового соглашения, утвержденного судом общей юрисдикции, направил в арбитражный суд заявление о собственном банкротстве.

Решением от 28.09.2017 Гремяков А.В. признан банкротом, в отношении его имущества введена процедура реализации.

После расторжения брака между бывшими супругами возник спор о разделе общего имущества (статья 38 СК РФ), который они разрешили миром путем заключения мирового соглашения, утвержденного судом общей юрисдикции. В рамках дела о банкротстве условия мирового соглашения подлежали истолкованию арбитражными судами применительно к общим положениям ГК РФ о толковании договоров (статья 4 СК РФ).

Из системного толкования условий мирового соглашения, с учетом подписанного его сторонами соглашения о порядке исполнения данного мирового соглашения, существа законодательного регулирования института общей собственности супругов, предусматривающего в качестве общего правила равные права супругов в отношении совместно нажитого имущества (п.1 ст. 33, п. 1 ст.34, п. 1 ст. 39 СК РФ) следует, что супруги констатировали возникновение в период брака общего имущества, стоимость которого составляла половину стоимости квартиры № 171 (но не менее 5 500 000 руб.), Гремяков А.В. пообещал Гремяковой И.В. реализовать упомянутую квартиру с тем, чтобы выплатить бывшей жене компенсацию стоимости причитающейся ей доли в общем имуществе, Гремякова И.В., в свою очередь, пообещала бывшему мужу за счет полученной компенсации приобрести другую квартиру, оформив ее в общую собственность с их общей несовершеннолетней дочерью. Заключая мировое соглашение, его стороны с очевидностью не имели в виду, что после распада семьи одна из них останется без средств на приобретение жилья, а другая продолжит единолично владеть квартирой № 171.

Гремякова И.В., возражая против ходатайства финансового управляющего имуществом ее бывшего мужа, указывала на то, что, по сути, действия Гремякова А.В. и управляющего, совершаемые в процедуре банкротства, направлены на полное лишение ее прав на имущество, нажитое супругами в период брака. Она обращала внимание, что проживает с несовершеннолетней дочерью в чужой квартире, не имеет какого-либо жилого помещения, принадлежащего на праве собственности, тогда как, подписывая мировое соглашение, справедливо рассчитывала на получение от бывшего мужа целевой денежной компенсации на покупку жилья.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 14.05.2012 № 11-П, положение абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ, устанавливающее имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину- должнику на праве собственности жилого помещения (его частей), которое является для гражданина- должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении,

единственным пригодным для постоянного проживания, направлено на защиту конституционного права на жилище самого гражданина-должника, членов его семьи, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав.

В рассматриваемом обособленном споре каждый из бывших супругов ссылался на одно и то же обстоятельство – необходимость соблюдения его права и права членов его семьи на жилое помещение.

Если их утверждения соответствовали действительности, то применив норму об исполнительском иммунитете в отношении Гремякова А.В. и защитив тем самым его права на жилище, а также права членов его новой семьи, суды одновременно лишили данного права Гремякову И.В., фактически проживающую с несовершеннолетней дочерью в не принадлежащей им квартире. В этом случае судами был нарушен конституционный принцип равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации), а правила аб. 2 ч.1 ст. 446 ГПК РФ применены в противоречие с целями законодательного регулирования. При этом применительно к обстоятельствам настоящего дела суды не привели достаточных оснований для игнорирования сохраняющего силу мирового соглашения бывших супругов, добровольно решивших продать квартиру № 171 для удовлетворения потребностей, в том числе жилищных, каждого из них после прекращения брака.

Учитывая, что Гремякова И.В. является единственным кредитором Гремякова А.В., суду первой инстанции при поступлении ходатайства об исключении квартиры № 171 из конкурсной массы следовало вынести на обсуждение должника, кредитора и финансового управляющего вопрос о возможности разработки такого плана реструктуризации долга перед единственным кредитором, который, с одной стороны, предусматривал бы достижение целей утвержденного ранее мирового соглашения (под контролем суда и при посредничестве независимого финансового управляющего), а с другой стороны, обеспечивал бы баланс прав на жилище новой семьи Гремякова А.В. и проживающих совместно Гремяковой И.В. и несовершеннолетней Гремяковой М.А.

[Определение ВС РФ от 14.02.2019 № 304-ЭС17-2162 \(2\)](#)

Несмотря на тот факт, что в положениях Закона о банкротстве, регулирующих несостоятельность граждан, возможность начисления мораторных процентов упоминается лишь в норме о последствиях утверждения плана реструктуризации (п. 2 ст. 213.19 Закона о банкротстве), такие проценты подлежат начислению на протяжении всей процедуры реструктуризации имущества должника-гражданина.

Иной подход привел бы к тому, что для должника нахождение в процедуре реструктуризации без утвержденного плана становилось бы крайне выгодным,

поскольку вовсе отсутствовали бы какие-либо негативные последствия от невозврата долга.

В рамках дела о банкротстве должника между кредитором Крыловым А.Ю. и финансовым управляющим возникли разногласия по вопросу начисления мораторных процентов на требования Крылова А.Ю. за период процедуры реструктуризации.

Судами первой и апелляционной инстанций на финансового управляющего возложена обязанность после удовлетворения в полном объеме требований кредиторов в соответствии с реестром требований кредиторов выплатить Крылову А.Ю. мораторные проценты в сумме 773 180,31 руб. при условии достаточности у должника денежных средств для уплаты данных процентов.

Судом округа в удовлетворении заявления Крылова А.Ю. отказано.

Судебная коллегия считает, что постановление суда округа подлежит отмене.

Определениями арбитражного суда от 27.07.2016, от 09.01.2017, от 26.01.2017 в реестр требований кредиторов должника включены требования Крылова А.Ю. на общую сумму 8 865 899,39 руб.

Крылов А.Ю. 20.02.2018 обратился к финансовому управляющему с заявлением, в котором просил в том числе начислить на данную сумму и выплатить ему мораторные проценты в размере 773 180,31 руб. за период с 27.07.2016 (даты введения процедуры реструктуризации долгов) по 22.05.2017 (даты ведения процедуры реализации имущества).

Финансовый управляющий письмом от 22.02.2018 отказал в начислении таких процентов, поскольку план реструктуризации долгов в рамках настоящего дела о банкротстве не утверждался, в связи с чем и требования кредитора не включались в этот план.

Общим последствием введения процедуры банкротства является установление моратория, то есть запрета на начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по обязательствам должника.

Для кредитора это означает, что он утрачивает право на согласованный в договоре или законодательно предусмотренный возможный прирост к имеющемуся перед ним долгу, опосредующий, как правило, ответственность за неисполнение обязательства.

Вместо этого по смыслу законодательства о банкротстве данный кредитор получает право на специальные проценты, именуемые мораторными.

Мораторий наступает непосредственно после введения первой процедуры – реструктуризации (абзац четвертый пункта 2 статьи 213.11 Закона). При этом положения о начислении мораторных процентов содержатся только в норме о последствиях утверждения плана реструктуризации (пункт 2 статьи 213.19 Закона).

Очевидно, что даты введения процедуры реструктуризации и утверждения соответствующего плана (либо отказа в его утверждении и введения следующей процедуры) не совпадают, разрыв между названными датами, как правило, составляет несколько месяцев (например, статьи 213.8, 213.12 и 213.17 Закона о банкротстве).

Поскольку в отношении требования кредитора действует мораторий, такой кредитор не может быть лишен специальных процентов (как правило, в пониженном размере), установленных на случай моратория законодательством о банкротстве. Иное бы приводило к тому, что кредитор оказывался бы в разном положении в рамках одной процедуры реструктуризации в зависимости от того, утвержден план или нет, а для должника нахождение в процедуре реструктуризации без утвержденного плана становилось бы крайне выгодным, поскольку вовсе отсутствовали бы какие-либо негативные последствия от невозврата долга. Однако достаточных условий к тому, чтобы сделать подобный вывод, не имеется.

[Определение ВС РФ от 23.01.2020 № 308-ЭС19-18381](#)

Подача должником-гражданином заявления об исключении из конкурсной массы квартиры как единственного пригодного для проживания помещения при наличии у супруга гражданина в собственности также другой квартиры фактически является инициированием обособленного спора об определении квартиры, защищенной исполнительским иммунитетом.

При рассмотрении такого спора судам следует привлечь к его разрешению всех заинтересованных лиц – должника, его супругу, их детей, кредиторов каждого из супругов, установить, кто из членов семьи обладает правом пользования той или иной квартирой, и лишь после этого определить помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище супругов должников и членов их семьи.

Базиян В.К. в рамках дела о его банкротстве обратился в суд с заявлением об исключении из конкурсной массы принадлежащей ему на праве собственности квартиры общей площадью 51 кв. м, расположенной в г. Новочеркасске.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Базиян В.К. состоит в зарегистрированном браке с Базиян Е.Г. Банк предоставил фирме кредит. Супруги заключили брачный договор, по условиям которого недвижимое имущество, нажитое супругами во время брака, является собственностью того супруга, на имя которого оно приобретено. Данный брачный договор судами недействительным не признавался.

Вскоре после этого Базиян Е.Г. (покупатель) по договору купли-продажи от 27.10.2009 приобрела у Стульбы В.Н. (продавца) квартиру, расположенную в центре Москвы, общей площадью 312,8 кв. м.

Арбитражный суд при Экономической Палате Чешской Республики решением от 30.07.2015 в связи с неисполнением обязательств по кредитному договору, заключенному с банком, взыскал в его пользу солидарно с фирмы и супругов (поручителей) сумму займа.

Определением от 15.11.2016 возбуждено производство по делу о банкротстве Базияна В.К. После возбуждения дела о банкротстве Базияна В.К. его жена Базиян Е.Г. (даритель) подарила московскую квартиру сыну – Базияну М.В. по договору дарения.

Определением городского суда от 17.01.2017 удовлетворено заявление банка о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения суда при экономической палате в части взыскания денежных средств с фирмы, Базияна В.К. и Базиян Е.Г.

Апелляционным определением от 02.03.2018 договор дарения московской квартиры признан недействительным. Суд прекратил право собственности Базияна М.В. на эту квартиру и возвратил ее в собственность Базиян Е.Г.

В ходе дела о банкротстве Базияна В.К. финансовый управляющий его имуществом выявил только одно жилое помещение, принадлежащее должнику на праве собственности – новочеркасскую квартиру.

Базиян В.К. подал заявление об исключении данной квартиры из конкурсной массы, ссылаясь на то, что новочеркасская квартира является единственным пригодным для постоянного проживания должника помещением.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из отсутствия в материалах дела доказательств фактического проживания должника и членов его семьи по месту регистрационного учета в г.Новочеркасске и сочли, что он имеет объективную возможность проживать в московской квартире своей супруги.

Между тем судами не учтено следующее.

Отказав в удовлетворении заявления Базияна В.К., суды, по сути, дали санкцию на реализацию новочеркасской квартиры в рамках примененной в отношении Базияна В.К. процедуры банкротства. В свою очередь, продажа данной квартиры исключает какую-либо возможность обращения взыскания на московскую квартиру, которая становится единственным жилым помещением, принадлежащим членам семьи Базиян.

Рассматривая вопрос о распределении бремени доказывания, суды не учли, что Базиян В.К. мог быть заинтересован в том, чтобы квартира жены была освобождена от притязаний банка и по этой причине не представлять доказательства фактического проживания в г.Новочеркасске.

В судебном заседании судебной коллегии представители участвующих в обособленном споре лиц пояснили, что в настоящее время Базиян В.К. органами предварительного расследования объявлен в розыск, его местонахождение неизвестно. Однако сам по себе тот факт, что Базиян В.К. временно не живет в новочеркасской квартире, скрываясь от правоохранительных органов, не лишает его права на жилище, гарантированного частью 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации, и поэтому не может рассматриваться как обстоятельство, исключающие применение к новочеркасской квартире исполнительского иммунитета.

В рассматриваемом случае Базиян В.К. и Базиян Е.Г. состоят в зарегистрированном браке. Каждому из них на праве собственности принадлежат по одной квартире. При этом, как указывает банк, площадь находящейся в собственности жены московской квартиры (312,8 кв.м) в 6 раз превышает площадь новочеркасской квартиры (51 кв.м), а кадастровая стоимость первой квартиры (свыше 180 млн. рублей) в 60 раз выше кадастровой стоимости второй (чуть более 3 млн. рублей).

Гарантии жилищных прав членов семьи собственника жилого помещения закреплены в статье 31 ЖК РФ, в том числе и на случай прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения.

По общему правилу члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником (часть 4 статьи 31 ЖК РФ).

В том случае, если гражданин на основании части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования жилым помещением, принадлежащим его супругу, наравне с супругом - собственником, обращение взыскания на другие квартиры такого гражданина, принадлежащие ему на праве собственности, возможно.

Суды не установили, обладает кто-либо из супругов правом пользования квартирой другого супруга. При этом в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 02.03.2018 содержится вывод о том, что местом проживания Базиян Е.Г. на момент разрешения дела судом общей юрисдикции являлась новочеркасская квартира. Данным определением действия Базиян Е.Г. по передаче московской квартиры в дар сыну признаны злоупотреблением правом, совершенными в целях исключения возможности обращения взыскания на эту квартиру по требованию банка.

По смыслу разъяснений, данных в пункте 8 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», должник не вправе обходить правила об исполнительском иммунитете, меняя место жительства в отсутствие к тому объективных причин (и как следствие, перенося своими односторонними действиями в ущерб интересам взыскателя иммунитет с одного помещения на другое) после того,

как взыскатель начал предпринимать активные действия, направленные на получение исполнения.

Для правильного разрешения настоящего обособленного спора, по сути, являющегося спором об определении квартиры, защищенной исполнительским иммунитетом, суду первой инстанции следовало привлечь к его разрешению всех заинтересованных лиц – Базияна В.К., его супругу и их сына (детей), кредиторов каждого из супругов, установить, кто из членов семьи обладал правом пользования той или иной квартирой, и лишь после этого определить помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище супругов-должников и членов их семьи.

[Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 306-ЭС19-22343](#)

При утверждении порядка реализации имущества гражданина-банкрота в целях соблюдения интересов собственников спорного имущества необходимо определить цену доли должника в праве общей собственности.

После определения победителя торгов в отношении доли должника (в том числе иного лица, с которым в соответствии с Законом о банкротстве должен быть заключен договор купли-продажи) сособственнику должна быть предоставлена возможность воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора.

В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов. Такой подход помимо прочего отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Финансовый управляющий Кучинского В.И. обратился в суд с заявлением об утверждении разработанного им положения о порядке реализации имущества должника - 1/2 доли в праве общей собственности на нежилое помещение, которым предусмотрел, что реализация имущества осуществляется путем направления предложения сособственнику реализуемого недвижимого имущества, в порядке ст. 250 ГК РФ, воспользоваться преимущественным правом покупки имущества по цене, определенной заключением об оценке рыночной стоимости имущества – 971 500 руб. В случае отказа сособственника от преимущественного права покупки недвижимого имущества или отсутствия его волеизъявления в течение 30 дней с даты направления

предложения, имущество должника подлежит реализации путем проведения открытых торгов в форме электронного аукциона открытого по составу участников и форме подачи предложений о цене.

Судами трех инстанций положение о реализации утверждено в редакции, предложенной финансовым управляющим.

Предметом данного обособленного спора является разрешение вопроса о порядке реализации участником долевой собственности (сособственником) преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на нежилое помещение с должником-банкротом.

В пунктах 1 и 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве указано, что имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании его банкротом и введении реализации имущества гражданина (в том числе доля гражданина-банкрота в общем имуществе, на которое в соответствии с гражданским или семейным законодательством может быть обращено взыскание), составляет конкурсную массу (за исключением имущества, особо оговоренного в законе). По требованию кредитора доля гражданина-банкрота в общем имуществе может быть выделена для обращения на нее взыскания.

По общему правилу имущество гражданина подлежит реализации на торгах в порядке, установленном Законом о банкротстве (пункт 3 статьи 213.26 Закона о банкротстве).

Согласно пункту 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве утверждаемое судом положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112 и 139 Закона о банкротстве. Из данных статей следует, что продажа имущества должника, как правило, осуществляется путем последовательного проведения первоначальных и повторных открытых торгов в форме аукциона и торгов посредством публичного предложения до выявления победителя, предложившего наиболее высокую цену за продаваемое имущество. Экспертная оценка рыночной стоимости продаваемого имущества учитывается при определении начальной цены продажи. Порядок, сроки и условия продажи имущества должника должны быть направлены на реализацию имущества должника по наиболее высокой цене и должны обеспечивать привлечение к торгам наибольшего числа потенциальных покупателей.

Специальных норм, регулирующих особенности обращения взыскания на долю должника-банкрота в праве общей собственности на нежилое помещение, в законодательстве о банкротстве и иных специальных законах, регулирующих оборот недвижимости, не имеется. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ "Об

исполнительном производстве" (пункт 6 статьи 69) по данному вопросу отсылает к федеральным законам.

В статье 255 ГК РФ, регулирующей общие правила обращения взыскания на долю в общем имуществе, предусмотрен алгоритм последовательных действий кредитора, преследующего цель удовлетворить свои требования за счет стоимости этой доли (каждый последующий этап возможен при недостижении цели на предыдущем): выдел доли должника в общем имуществе и обращение на нее взыскания; продажа должником доли остальным участникам общей собственности по рыночной цене с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга; требование по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

В то же время в силу п. 1 ст. 126 и п. 3 ст. 139, п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве судебный акт о признании должника банкротом санкционирует обращение взыскания на все его имущество, в том числе и на долю в праве общей собственности, и это не позволяет применить положения статьи 255 ГК РФ, касающиеся отношений, возникающих до получения этой санкции.

Проведением публичных торгов достигается установленная Законом о банкротстве цель: возможно большее удовлетворение требований кредиторов должника-банкрота. Однако, законодательством также преследуется цель ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования и охраняется интерес сособственника на укрупнение собственности посредством предоставления последнему преимущественного права покупки доли (статья 250 ГК РФ). Каких-либо законных оснований для вывода о том, что при банкротстве должника его сособственник лишается преимущественного права покупки доли, не имеется.

Таким образом при продаже доли должника-банкрота сталкиваются противоположные и защищаемые законом имущественные интересы кредиторов и сособственников должника. Судебная коллегия полагает, что при действующем правовом регулировании баланс этих интересов будет соблюден следующим образом. Цена доли должника в праве общей собственности на нежилое помещение должна быть определена по результатам открытых торгов. После определения в отношении доли должника победителя торгов (в том числе иного лица, с которым в соответствии с Законом о банкротстве должен быть заключен договор купли-продажи) сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора. В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов.

Такой подход помимо прочего отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Вопреки выводам судов, экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер. Ее результат в идеале менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового. Применение оценочной цены не решает проблему несовершенства методик оценки, качества используемых исходных данных, субъективного фактора в оценке стоимости имущества или возможных злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены. К тому же правовые нормы о банкротстве гражданина (пункт 2 статьи 213.26) не обязывают финансового управляющего проводить экспертную оценку имущества должника.

[Определение ВС РФ от 16.07.2020 № 305-ЭС19-27717](#)

При заявлении должником-гражданином об исключении из конкурсной массы автомобиля на основании его использования для осуществления профессиональной деятельности должнику необходимо доказать, что он является таксистом, личным водителем, перевозчиком и т.д., то есть что спорное транспортное средство позволяет ему генерировать периодический доход, за счет которого живет он и члены его семьи, а также за счет которого возможно было бы осуществлять наполнение конкурсной массы.

В рамках дела о банкротстве должник обратился в суд с ходатайством об исключении из конкурсной массы автомобиля.

По ходатайству гражданина состав имущества, исключаемого из конкурсной массы в силу закона, может быть изменен (в сторону увеличения его стоимости). Суд может удовлетворить названное ходатайство, если сочтет, что подлежащего исключению из конкурсной массы имущества недостаточно для поддержания жизнедеятельности гражданина, удовлетворения его жизненно необходимых потребностей (пункт 2 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48). В таком случае суд определяет имущество, которое подлежит исключению из конкурсной массы дополнительно (разово либо на периодической основе). При этом должен соблюдаться баланс интересов должника, лиц, находящихся на его иждивении, с одной стороны, и кредиторов, имеющих право на получение удовлетворения за счет конкурсной массы, с другой стороны.

В рассматриваемом случае должник сослался исключительно на наличие у него водительского удостоверения как на доказательство осуществления профессиональной деятельности. Но наличие права на управление транспортным средством не является доказательством факта осуществления данной деятельности на профессиональной основе.

Как верно указано судами, должником не представлено в материалы настоящего обособленного спора надлежащих доказательств, свидетельствующих о том, что должник является таксистом, личным водителем, перевозчиком и т.д., то есть что спорное транспортное средство позволяет ему генерировать периодический доход, за счет которого живет он и члены его семьи, а также за счет которого возможно было бы осуществлять наполнение конкурсной массы.

Учитывая, что в настоящий момент в рамках иных судебных дел с исследованием тех доказательств, которые заявителем в материалы настоящего обособленного спора по своей воле предоставлены не были, установлена несостоятельность доводов должника об использовании им указанного транспортного средства в профессиональной деятельности, удовлетворение ходатайства Князя А.С. об исключении данного имущества из конкурсной массы по причине использования в профессиональных занятиях гражданина- должника необоснованно нарушит принцип правовой определенности, что недопустимо.

[Определение от 20.07.2020 № 305-ЭС19-15240 \(2\)](#)

Если кредитором реституционное требование заявляется ко включению в реестр в процедуре реструктуризации долгов, срок предъявления требования и последствия его пропуска регулируются пунктом 2 статьи 213.8 и абзацем вторым пункта 4 статьи 213.19, а не статьей 142 Закона о банкротстве.

При этом предъявление кредитором требования с пропуском двухмесячного срока, установленного указанными нормами или отказ в его восстановлении не являются основаниями для нерассмотрения судом этого требования. Такое требование, в случае его обоснованности, подлежит включению в реестр требований кредиторов гражданина – должника и удовлетворяется на общих условиях; в резолютивной части определения суд лишь указывает на отсутствие у кредитора права принимать участие в первом собрании кредиторов несостоятельного гражданина (пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»).

Подобное требование кредитора не подлежит понижению. Иное, по сути, означало бы переложение ответственности на его кредиторов, пострадавших от

недействительной сделки и не совершавших каких-либо противоправных действий, что недопустимо.

В рамках дела о банкротстве Блажко М.Е. общество «Ривер Тауэр» обратилось в суд с заявлением о включении его требования в сумме 1 430 547,46 руб. в реестр.

Требование общества признано обоснованным, во включении этого требования в реестр отказано, оно признано подлежащим удовлетворению за счет имущества Блажко М.Е., оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр.

В рамках дела о банкротстве общества вступившим в законную силу определением признаны недействительными операции по перечислению 1 120 000 рублей с расчетного счета общества на расчетный счет Блажко М.Е., произведенные в погашение задолженности по соглашению о новации долга от 10.01.2013. Конкурсный управляющий общества предъявил к включению в реестр 1 120 000 рублей (сумма, полученная Блажко М.Е. с предпочтением) и проценты за пользование чужими денежными средствами, взысканные судом.

Суд округа правильно отметил, что приведенные в постановлении № 63 разъяснения о понижении очередности (о применении ответственности особой природы на основании пункта 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве) относятся к удовлетворению восстановленного требования самого Блажко М.Е. к обществу, которое он мог бы заявить в рамках дела о банкротстве общества после исполнения определения о признании сделки недействительной.

Очередность же удовлетворения реституционного требования общества к Блажко М.Е. в рамках дела о банкротстве последнего не подлежала изменению. Иное, по сути, означало бы переложение ответственности на кредиторов общества, пострадавших от недействительных расчетных операций и не совершавших каких-либо противоправных действий, что недопустимо.

Поскольку реституционное требование заявлено обществом в процедуре реструктуризации долгов Блажко М.Е., срок предъявления требования и последствия его пропуска урегулированы пунктом 2 статьи

213.8 и абзацем вторым пункта 4 статьи 213.19, а не статьей 142 Закона о банкротстве.

Двухмесячный срок предъявления требования, установленный пунктом 2 статьи 213.8 Закона о банкротстве, общество пропустило.

Однако предъявление кредитором требования с пропуском данного срока или отказ в его восстановлении не являются основаниями для нерассмотрения судом этого требования. Такое требование, в случае его обоснованности, подлежит включению в реестр требований кредиторов гражданина – должника и удовлетворяется на общих условиях; в резолютивной части определения суд лишь

указывает на отсутствие у кредитора права принимать участие в первом собрании кредиторов несостоятельного гражданина (пункт 23 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»).

[Определение ВС РФ от 03.09.2020 № 310-ЭС20-6956](#)

Основная цель потребительского банкротства – социальная реабилитации добросовестного гражданина, предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым, непосильным для него обязательствам.

Продавец, получивший от покупателя аванс, не должен предполагать, что в результате недобросовестных действий самого покупателя у продавца может возникнуть обязанность по возврату данного аванса как неосновательного обогащения. Продавец, разумно потративший аванс на погашение собственных обязательств, не может быть признан злостно уклоняющимся от исполнения своих обязательств перед неисправным покупателем. В таком случае при завершении процедуры банкротства продавца надлежит освободить его от дальнейшего исполнения обязательств перед покупателем.

Определением от 22.02.2019 завершена процедуры реализации имущества Хаймса М.С., Хаймс М.С. не освобожден от исполнения обязательств перед одним из кредиторов – Морозовой О.А. Судом округа данное определение оставлено в силе.

Хаймс М.С. (продавец) и Морозова О.А. (покупатель) 06.11.2015 заключили предварительный договор купли-продажи принадлежащих должнику земельного участка и расположенного на нем жилого дома, обремененных залогом в пользу Транскапиталбанка.

По условиям предварительного договора купли-продажи продавец обязался до заключения основного договора погасить задолженность перед Транскапиталбанком по кредитному договору, а также запись о залоге в отношении земельного участка и жилого дома.

Стороны согласовали, что в случае, если основной договор купли-продажи не будет заключен до 13.11.2015, они продлят срок действия предварительного договора.

Исполняя условия предварительного договора, Морозова О.А. 06.11.2015 передала 2 100 000 рублей Хаймсу М.С. Большую часть полученного (1 343 000 рублей) он в тот же день потратил на выплату долга Транскапиталбанку, после чего ипотека была прекращена, остальное – израсходовал на исполнение обязательств перед другими кредиторами, содержание семьи.

В дальнейшем срок заключения основного договора неоднократно переносился по просьбе Морозовой О.А. Она предлагала Хаймсу М.С. продать ей

земельный участок и жилой дом за 3 100 000 рублей, то есть на 2 000 000 рублей дешевле, чем предусмотрено предварительным договором (5 100 000 рублей). Хаймс М.С., в свою очередь, предложил снизить цену недвижимости до 4 970 000 рублей.

Ввиду того, что Хаймс М.С. не согласился продать имущество за 3 100 000 рублей, Морозова О.А. потребовала вернуть ей аванс.

Хаймс М.С. полученную сумму не возвратил, в связи с чем Морозова О.А. обратилась с иском в суд общей юрисдикции.

Решением районного суда от 03.08.2016 с Хаймса М.С. в пользу Морозовой О.А. взысканы 2 100 000 рублей как неосновательное обогащение.

Определением от 16.02.2018 по заявлению Хаймса М.С. возбуждено настоящее дело о его банкротстве. Решением того же суда от 18.04.2018 Хаймс М.С. признан банкротом.

Суды пришли к выводу о целесообразности завершения процедуры реализации имущества Хаймса М.С. без освобождения его от исполнения обязательств перед кредитором Морозовой О.А.

В рассматриваемом случае задолженность на стороне Хаймса М.С. сформировалась по обстоятельствам, находящимся вне сферы его контроля. Так, Морозова О.А., заключая предварительный договор и вручая аванс, не располагала всей суммой, необходимой для приобретения недвижимости. Она надеялась получить кредит и за счет привлеченных средств рассчитаться с Хаймсом М.С. Однако в выдаче кредита ей было отказано, что и послужило причиной незаключения основного договора купли-продажи. При этом Морозова О.А. уже на стадии передачи денег Хаймсу М.С. не могла не осознавать, что аванс будет им потрачен, в том числе на погашение собственного ипотечного кредита, а уровень доходов Хаймса М.С. и его имущественное положение не позволят вернуть полученную сумму. Несмотря на это она, не дожидаясь положительного заключения по вопросу о возможности получения кредита, приняла высокорискованное решение, вступила в договорные отношения с Хаймсом М.С. и передала ему часть выкупной цены. Хаймс М.С., как уже отмечалось, исполнил условия предварительного договора – погасил запись об ипотеке, обеспечил снятие с регистрационного учета лиц, проживавших в доме. В это время Хаймс М.С. не мог предположить, что на его стороне возникнет обязательство из неосновательного обогащения, поэтому и отратил оставшиеся от снятия залогового обременения суммы по своему усмотрению, разумно полагая, что основной договор будет заключен. Данные действия Хаймса М.С. нельзя было квалифицировать как недобросовестные.

Суд общей юрисдикции, признав Морозову О.А. неисправной стороной (лицом, ответственным за незаключение основного договора), взыскал в ее пользу сумму аванса исходя из положений пункта 2 статьи 1102 ГК РФ, не ставящих обязанность по

возврату неосновательного обогащения в зависимости от того, чем это обогащение было вызвано (поведением приобретателя, потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли).

Таким образом, ни судом общей юрисдикции, ни арбитражными судами не была установлена противоправность поведения должника при возникновении обязательства перед Морозовой О.А. из неосновательного обогащения, наоборот, неосновательное обогащение стало результатом поведения самокредитора. Равным образом, судами не были установлены факты уклонения Хаймса М.С. от исполнения названного обязательства. Он погашал задолженность как в рамках исполнительного производства, так и в ходе процедуры банкротства настолько, насколько позволяли его доходы, не совершал действия, отрицательно повлиявшие на ход исполнительного производства, формирование конкурсной массы и возможность удовлетворения требований кредиторов.

Суд округа, по сути, упрекнул Хаймса М.С. в том, что он воспользовался исполнительским иммунитетом в отношении жилого дома и земельного участка, на котором этот дом расположен. Вместе с тем, правила об исполнительском иммунитете закреплены в абзаце втором части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и базируются на положениях части 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации, защищающей право каждого на жилище. Действительно, подписав предварительный договор, Хаймс М.С. выразил намерение продать дом, но это намерение он хотел осуществить в 2015 году, исходя из сложившегося в это время состояния рынка недвижимости, при условии получения за свое имущество конкретной суммы – 5 100 000 рублей, с тем, чтобы рассчитаться по ипотеке и приобрести иное жилье. Давая объяснения в суде общей юрисдикции и в рамках дела о банкротстве, Хаймс М.С. последовательно указывал на то, что после прекращения договорных отношений с Морозовой О.А. он подавал объявления о продаже дома в специализированные издания, разместил соответствующую информацию на придомовых воротах, однако вследствие изменения ситуации на рынке не смог реализовать дом третьему лицу с таким расчетом, чтобы выручки хватило на приобретение того заменяющего жилья, которое он мог бы купить при должном исполнении обязательств Морозовой О.А. В нарушение положений статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации Морозова О.А. доводы Хаймса М.С. не опровергла. Риски, связанные с изменением рыночной стоимости имущества и возможностью его реализации, лежали на Морозовой О.А., неисполнившей принятые на себя обязательства по выкупу дома и земельного участка.

Отказ Хаймса М.С. от исполнительского иммунитета в процедуре банкротства повлек бы за собой продажу недвижимости на публичных торгах, то есть в отсутствие

реальных гарантий того, что предложенная победителем цена, сформированная без участия должника, позволит после расчетов с кредиторами приобрести жилое помещение, отвечающее условиям, необходимым для нормального существования семьи Хаймса М.С., и не поставит эту семью в худшее имущественное положение, чем то, в котором она находилась бы при выполнении Морозовой О.А. предварительных договоренностей.

Следовательно, недобросовестность Хаймса М.С. в части, касающейся отказа от продажи дома, документально не подтверждена.

Суды первой инстанции и округа не учли, что основная цель потребительского банкротства – социальная реабилитации добросовестного гражданина, предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым, непосильным для него обязательствам, чем всегда ущемляются права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им в полном объеме.

[Определение ВС РФ от 28.01.2021 № 309-ЭС20-15448](#)

В ситуации, когда части имущества несостоятельного лица достаточно для удовлетворения требований кредиторов, при решении вопроса об очередности обращения взыскания на принадлежащее ему имущество должна быть учтена воля самого должника.

В обособленном споре об исключении имущества должника из конкурсной массы надлежит выяснить, достаточно ли иного имущества должника для удовлетворения всех требований кредиторов с тем, чтобы не предпринимать меры по реализации жилых помещений должника.

Если у должника имеется в собственности квартира, очевидно состоящая из ранее двух отдельных квартир (фактически объединенных, имеющих один выход при отсутствии межквартирных перегородок) вопрос реализации такой квартиры целиком должен решаться в зависимости от добросовестности должника и оценка потенциально необходимых затрат для фактического разделения помещений на две функционально обособленные квартиры.

В рамках дела о банкротстве должника его финансовый управляющий обратился в суд с ходатайством об утверждении положения о порядке продажи двух принадлежащих должнику квартир. Должник заявил об исключении указанных квартир из конкурсной массы.

Суд округа отменил названные судебные акты в части отказа в исключении имущества из конкурсной массы, заявление в этой части удовлетворил.

Финансовым управляющим имуществом должника в конкурсную массу должника помимо прочего имущества включены расположенные в одном доме две

квартиры (N 79 и 80), приобретенные по договору долевого участия в инвестировании строительства от 31.03.2006 и являющиеся совместной собственностью должника и его супруги.

В результате перепланировки и переустройства квартиры объединены.

В квартире N 79 зарегистрированы должник и его несовершеннолетний сын, супруга и несовершеннолетняя дочь зарегистрированы по другому адресу.

Согласно совместному акту осмотра от 02.10.2019 квартиры имеют единственный вход, межквартирные перегородки отсутствуют. В квартирах продолжаются строительные и отделочные работы.

После возбуждения производства по настоящему делу должник согласовал перепланировку и переустройство квартир, однако жилые помещения как единый объект не зарегистрированы.

Поскольку в процедуре банкротства (реализации имущества) граждан последние претерпевают негативные последствия, связанные, в том числе с ухудшением ранее существовавших жилищных условий, одной из задач судов при рассмотрении таких дел является обеспечение баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами (правами на достойную жизнь) гражданина-должника.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 14.05.2012 N 11-П, имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении жилых помещений, установленный положением абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ, предназначен не для того, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы, не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину- должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования.

Механизм обращения взыскания на единственное жилье должника, не отвечающего критериям разумности, законодателем на данный момент не разработан, соответствующие изменения в положения статьи 446 ГПК РФ не внесены, новое регулирование федеральным законодателем не установлено, правила обмена роскошного жилья на необходимое не выработаны, критерии определения последнего не закреплены.

Таким образом, в настоящее время гражданин - должник вправе сохранить за собой как минимум одно находящееся в его собственности помещение, которое может быть использовано для проживания.

По смыслу абзаца второго части 1 статьи 446 ГПК РФ наличие у гражданина фактической возможности временно (например, в связи с проведением ремонтных

работ) проживать по иному адресу (без права собственности на помещение) не означает допустимость безусловного неприменения к находящемуся в его собственности единственному жилью исполнительского иммунитета.

Наличие у должника иных принадлежащих ему на праве собственности жилых помещений судами не установлено.

В нарушение положений статьи 35 Конституции Российской Федерации действия по реализации спорного помещения фактически приведут к лишению должника частной собственности, на которую не может быть обращено взыскание, против его воли, и навязыванию ему права собственности на иное имущество, заинтересованность в приобретении которого он не выразил.

В связи с изложенным, выводы судов первой и апелляционной инстанции о включении в конкурсную массу обеих квартир, их дальнейшей реализации в процедуре банкротства с приобретением за счет средств конкурсной массы жилого помещения, отвечающего нормативам проживания для должника и его семьи, неправомерны.

Исходя из данных регистрационного органа суды установили, что в собственности должника находятся два жилых помещения, каждое из которых имеет достаточную площадь (229 кв. м и 459 кв. м) для проживания семьи из четырех человек (должник, его супруга и двое несовершеннолетних детей).

Суды также установили, что в результате перепланировки и переустройства квартиры объединены, имеют единственный вход, межквартирные перегородки отсутствуют.

В такой ситуации ключевое значение для решения вопроса о допустимости продажи одной из квартир имеет, во-первых, добросовестность должника при осуществлении действий по их объединению, во-вторых, оценка потенциально необходимых затрат для фактического разделения помещений на две функционально обособленные квартиры (установка перегородок, отдельные входы, оборудование в каждой квартире кухонь, санузлов и т.п.) на предмет их соразмерности потенциальной выгоде для конкурсной массы в случае продажи одной из квартир (учитывая при этом режим собственности на недвижимость ввиду нахождения должника в браке).

Формальные действия по получению необходимых разрешений на перепланировку и объединение квартир предприняты должником после принятия заявления по настоящему обособленному спору к производству, тогда как квартиры приобретены в 2006 году.

В случае если до возбуждения дела о банкротстве квартиры действительно представляли собой два обособленных (юридически и функционально) объекта недвижимости, действия должника по осуществлению перепланировки и

инициированию ремонта для их объединения в связи с угрозой обращения взыскания на одну из квартир могут быть квалифицированы как недобросовестные.

Вместе с тем не исключено, что фактическое объединение квартир произошло значительно раньше возбуждения дела о банкротстве, и запоздалые действия должника, направленные на оформление перепланировки, связаны с внесением ясности в уже существующий статус имущества для проведения банкротных процедур. В таком случае следует признать, что поведение должника являлось, скорее, неосмотрительным (неразумным), чем недобросовестным. Однако в таком случае следует выяснить причины длительности ремонтных работ, производимых вплоть до рассмотрения настоящего спора, учитывая дату приобретения квартир и необходимость в связи с этим продолжительного проживания в другом помещении.

Вопрос о затратах, связанных с разделением спорных квартир и сопоставимости этих затрат с потенциальной выручкой от реализации имущества судами не исследовался. Заключение специализированной экспертной организации о невозможности разделения данных помещений, приведения их в первоначальное состояние (две отдельные квартиры с независимыми коммуникациями) и целесообразности их совместной реализации не представлено. Соответствующая судебная экспертиза также не проводилась.

Таким образом, вывод суда округа об исключении спорных квартир из конкурсной массы является преждевременным.

Кроме этого в судебном заседании Поздеев А.А. пояснил, что среди активов должника имеется доля в уставном капитале ООО "ЗУМК-Инжиниринг" в размере 95%, мероприятия по реализации которой приостановлены судом до разрешения Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате Российской Федерации дела по заявлению ООО "ЗУМК-Инжиниринг" о взыскании задолженности с АО "Дехканабадский калийный завод".

В связи с этим судам следует проверить доводы должника о том, что стоимость спорной доли значительно превышает выручку от продажи одной из квартир, и что денежных средств от ее реализации может быть достаточно для погашения всех оставшихся требований, включенных в реестр требований кредиторов должника.

В ситуации, когда части имущества несостоятельного лица достаточно для удовлетворения требований кредиторов, при решении вопроса об очередности обращения взыскания на принадлежащее ему имущество должна быть учтена воля самого должника. Возникшие между должником и кредиторами по вопросу об очередности обращения взыскания на имущество разногласия разрешаются арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, часть 5 статьи 69 Закона об исполнительном производстве).

Возбуждение дела о банкротстве

[Определение ВС РФ от 12.03.2019 № 301-ЭС18-23938](#)

Если на момент подачи заявления о признании должника банкротом заявитель заблаговременно не опубликовал сообщение о таком намерении, заявление не может быть принято судом к производству при наличии иных кредиторов, уже совершивших аналогичную публикацию.

Как установлено судами и следует из материалов дела, оставляя заявление общества "Формматериалы" о признании должника банкротом без движения, суд первой инстанции предложил заявителю представить доказательства выполнения им обязанности, установленной п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве по предварительному опубликованию в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (далее – Единый федеральный реестр) уведомления о своем намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом.

Такое уведомление общества "Формматериалы" опубликовано в Едином федеральном реестре позднее даты подачи заявления о признании должника банкротом.

Впоследствии, принимая заявление общества "Формматериалы" к производству после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления его без движения, суды указали, что к моменту рассмотрения вопроса о принятии заявления к производству возложенная на общество "Формматериалы" обязанность исполнена.

Между тем судами не учтено следующее.

В рассматриваемом случае цель публикации – оповещение всех заинтересованных лиц о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом – не достигнута. Доказательств соблюдения требования о предварительном публичном раскрытии информации о намерении общества "Формматериалы" подать заявление о банкротстве общества "Раско" не представлено.

Следовательно, на момент подачи заявления у общества "Формматериалы" отсутствовало право на совершение такого процессуального действия, а допущенное нарушение применительно к дате подачи заявления носило неустранимый характер и не могло быть принято к производству как поданное с нарушением требований, предусмотренных Законом о банкротстве (абз. 1 п. 1 ст. 42 Закона).

Учитывая изложенное, суд первой инстанции должен был возвратить заявление общества "Формматериалы" на основании п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ и п. 4 ст. 44 Закона о банкротстве, указав, что возвращение заявления не препятствует повторному обращению с таким же требованием в суд в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения, и в случае признания аналогичных заявлений иных лиц необоснованными.

Публикация сведений о намерении общества "Формматериалы" обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом 20.08.2018 при соблюдении п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве свидетельствует о возникновении у общества "Формматериалы" права на подачу такого заявления не ранее 05.09.2018. Однако на указанную дату (05.09.2018) в суде уже находилось заявление общества "Первый стекольный холдинг" о признании должника банкротом (сообщение о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом опубликовано обществом "Первый стекольный холдинг" в Едином федеральном реестре за № 03278433 от 31.07.2018). Нарушив порядок подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), общество "Формматериалы" в том числе лишило общество "Первый стекольный холдинг" как кредитора должника, своевременно исполнившего обязанность по опубликованию намерения обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, права на представление кандидатуры арбитражного управляющего.

В рассматриваемой ситуации заявление общества "Формматериалы", поданное до совершения публикации о намерении, могло быть принято судом к производству только в том случае, если бы к моменту истечения срока оставления заявления без движения и решения вопроса о принятии в Едином федеральном реестре отсутствовали бы аналогичные публикации иных лиц о намерении банкротить должника, осуществленные ранее обществом "Формматериалы". Однако, как указано выше, общество "Первый стекольный холдинг" совершило публикацию первым, то есть у него первого в силу п. 2.1. ст. 7 Закона о банкротстве возникло право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом, которое было им реализовано.

Довод банка об уведомлении обществом "Формматериалы" всех известных кредиторов должника путём заблаговременного направления последним персональных извещений отклоняется судебной коллегией, поскольку не нашел своего подтверждения в материалах дела. Кроме того, данные действия не освобождают от необходимости соблюдения требования, установленного п. 2.1. ст. 7 Закона о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 25.02.2019 № 305-ЭС18-16327](#)¹

В ситуации, когда смена регистрации места жительства произведена гражданином незадолго до или после подачи заявления о признании гражданина банкротом, последний должен обосновать, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

При непредоставлении гражданином такого обоснования его поведение может быть расценено как недобросовестное, направленное на искусственное изменение территориальной подсудности дела.

В таком случае дело о банкротстве гражданина подлежит рассмотрению в том арбитражном суде, к территориальной подсудности которого относился спор до момента недобросовестного изменения гражданином места жительства.

Корпорация обратилась в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании Бажанова Ф.В. несостоятельным (банкротом), включении требования в размере 6 030 601 758,17 руб. основного долга, процентов за пользование кредитом и штрафных санкций в реестр требований кредиторов должника.

Судом апелляционной инстанции дело направлено по подсудности в Арбитражный суд Рязанской области.

Судебная коллегия считает, что обжалуемый судебный акт суда апелляционной инстанции подлежит отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 29.05.2018 корпорация обратилась в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании должника банкротом.

30.05.2018 регистрирующим органом внесена запись об изменении места жительства Бажанова Ф.В. с Московской области на Рязанскую область.

31.05.2018 Бажанов Ф.В. уведомил Арбитражный суд Московской области о смене места жительства путем направления ходатайства с приложением копии паспорта, в котором просил возвратить заявление корпорации как поданное с нарушением правил подсудности. В тот же день Бажанов Ф.В. обратился в Арбитражный суд Рязанской области с заявлением о собственном банкротстве.

Заявление о признании гражданина банкротом подается в арбитражный суд по месту его жительства (часть 4 статьи 38 АПК РФ, пункт 1 статьи 33 Закона о банкротстве).

Однако в исключительных случаях настоящее место жительства должника может не совпадать с информацией, содержащейся в документах регистрационного учета, что заинтересованное лицо (например, кредитор) может подтвердить, в том числе путем приведения доводов и представления соответствующих доказательств, касающихся поведения должника в период инициирования дела о несостоятельности.

На момент подачи корпорацией заявления в арбитражный суд (29.05.2018) должник проживал и был зарегистрирован в Московской области; перерегистрация произведена на следующий день (30.05.2018).

В ситуации, когда смена регистрации произведена незадолго до или после подачи заявления о признании гражданина банкротом, последний должен

обосновать, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

В рассматриваемом случае Бажанов Ф.В. доказательства своего переезда и фактического проживания в Рязанской области не представил и не привел доводов о том, что смена регистрации вызвана какими-либо объективными причинами (семейные обстоятельства, ведение предпринимательской деятельности и т.п.).

В обоснование своего заявления корпорация ссылалась на задолженность по договору поручительства от 29.07.2011 № 110100/1220-ДП, подтвержденную вступившими в законную силу судебными актами суда общей юрисдикции. В договоре поручительства, в числе прочих сведений о Бажанове Ф.В., содержатся данные о регистрации его в Московской области. Договором предусмотрена обязанность Бажанова Ф.В. как поручителя уведомить кредитора, в том числе о смене адреса. Доказательство такого уведомления не представлено.

Таким образом, корпорация, обладая имеющейся у нее информацией относительно места жительства гражданина-должника, правомерно обратилась в Арбитражный суд Московской области с настоящим заявлением, которое принято с соблюдением правил подсудности.

В поведении же Бажанова Ф.В. судебная коллегия усматривает недобросовестность, направленную на искусственное изменение территориальной подсудности дела, явное наличие которой не могло остаться не отмеченным апелляционным судом, однако оставлено без внимания.

[Определение ВС РФ от 20.02.2021 № 305-ЭС20-17918](#)

В случае, если перед судом ставится вопрос о прекращении процедуры банкротства в отношении должника в связи с отсутствием средств для финансирования процедуры, суду необходимо в том числе оценить, имеет ли место недостаточность имущества должника, за счет которого можно было бы финансировать банкротство. Если будет установлено, что заявитель по делу не дал согласия на несение расходов по сопровождению процедуры, однако представил убедительные доказательства о наличии у должника имущества, бремя доказывания недостаточности имущества для покрытия расходов по делу переходит на возражающих лиц.

В рамках дела о банкротстве общества принято к производству заявление банка о вступлении в дело о банкротстве.

Впоследствии судами трех инстанций производство по делу о банкротстве должника прекращено.

В связи с ненадлежащим исполнением обществом обязательств по договору об открытии кредитной линии от 06.08.2015 банк в лице конкурсного управляющего

обратился в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) и включении в реестр требований кредиторов его денежного требования в размере 389 745 670 руб. 09 коп.

Действительно, в случае, если имеющегося у должника имущества (с учетом планируемых поступлений) недостаточно для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, судья по своей инициативе либо по ходатайству участвующего в деле лица назначает судебное заседание для рассмотрения вопроса о прекращении производства по делу. В соответствующем определении участвующим в деле лицам предлагается выразить согласие на финансирование процедуры банкротства. При отсутствии согласия на такое финансирование производство по делу о банкротстве подлежит прекращению (абзац 8 пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве, пункт 14 постановления № 91).

По смыслу упомянутых разъяснений, необходимость получения согласия заинтересованного лица на финансирование банкротных процедур (внесения на депозитный счет суда денежных средств) возникает лишь при отсутствии у должника имущества, достаточного для погашения расходов по делу о банкротстве. Таким образом, при рассмотрении вопроса о прекращении производства по делу о банкротстве по указанным основаниям установление недостаточности имущества должника имеет первоначальное значение.

При этом суд, осуществляя руководство арбитражным процессом, должен правильно распределить бремя доказывания фактических обстоятельств на процессуальных оппонентов, в том числе принимая во внимание их материально-правовые интересы (статья 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

В подтверждение наличия у должника имущества, достаточного для возмещения расходов по делу о банкротстве, банком в материалы дела представлены договоры об ипотеке с отметкой уполномоченного органа об их регистрации, а также выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество. Согласно данным выпискам общество является правообладателем семи объектов недвижимого имущества, в пользу банка зарегистрировано обременение в виде ипотеки на данное имущество. Банк также ссылался на решение арбитражного суда об обращении взыскания на объекты залога.

Представленные банком доказательства во взаимосвязи позволяют признать убедительными его аргументы о достаточности имущества должника для покрытия расходов по делу о банкротстве, поэтому в силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного перешло к должнику, настаивавшему на прекращении производства по делу о банкротстве.

Однако доказательств, опровергающих доводы банка (в частности, касающихся обстоятельств фактического пользования, владения и распоряжения спорным имуществом), общество не представило. При этом формальное несоответствие (отсутствие подписи уполномоченного лица) представленных выписок из ЕГРН само по себе не свидетельствует об отсутствии у должника указанного в них имущества, учитывая наличие иных доказательств, в том числе решения арбитражного суда об обращении взыскания на объекты залога.

В ситуации недоказанности недостаточности средств должника для возмещения судебных расходов в процедуре банкротства, возложение обязанности по ее финансированию на банк неправомерно, а последующее прекращение производства по настоящему делу преждевременно.

Суды первой и апелляционной инстанций в нарушение положений процессуального законодательства не определили должным образом подлежащие установлению обстоятельства по делу и неправильно распределили бремя доказывания между участниками процесса.

Залог и поручительство при банкротстве

[Определение ВС РФ от 20.05.2019 № 308-ЭС19-449](#)

Предоставленное Законом о банкротстве право залогового кредитора на утверждение положения о порядке, сроках и условиях продажи залогового имущества не является безусловным.

Коль скоро разногласия передаются на разрешение суда, он должен определить наиболее целесообразные правила продажи заложенного имущества, учитывающие баланс интересов всех вовлеченных в процесс несостоятельности должника лиц, а не только интересы залогового кредитора.

Установление размера вознаграждения организатора торгов в проценте от вырученного, а не в твердой сумме, может иметь место в случае, если лицо, предлагающее включение в Положение соответствующего условия, приведет конкретные доводы, опровергающие необходимость применения общего подхода (твердая цена) и указывающие на то, что итоговая выручка будет зависеть от качества услуг организатора торгов или оператора электронной торговой площадки, например, что организатор торгов имеет эксклюзивную возможность осуществить какие-либо действия по поиску и привлечению покупателей с учетом особенностей выставленного на торги имущества, что приведет к существенному увеличению итоговой цены.

Непредложение арбитражным управляющим собственной кандидатуры в качестве организатора торгов не препятствует суду утвердить его в качестве такового, если такое решение представляется наиболее разумным, целесообразным и сбалансированным, потому как по общему правилу организация торгов возлагается именно на управляющего.

В рамках дела о банкротстве должника на рассмотрение суда был передан обособленный спор о разрешении разногласий, возникших между банком и финансовым управляющим относительно содержания Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, являющегося предметом залога (далее – Положение).

Суды трех инстанций утвердили Положение в редакции, предложенной банком. Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

Суды пришли к выводу, что предложенная банком редакция Положения не противоречит действующему законодательству и является экономически целесообразной, отметив также, что установление вознаграждения организатора торгов в процентном отношении от цены реализации (3 %) само по себе не свидетельствует о завышенном размере такого вознаграждения и не может негативно отразиться на правах иных незалоговых кредиторов.

При разрешении спора суды фактически исходили из того, что предоставленное залоговому кредитору право утверждать Положение о продаже (пункт 6 статьи 18.1, абзац второй пункта 4 статьи 138, абзац второй пункта 4 статьи 213.26 Закона о банкротстве) является безусловным, то есть по существу связывает как лиц, участвующих в деле о банкротстве, так и суд при принятии соответствующего решения. Однако такой подход ошибочен. Коль скоро разногласия передаются на разрешение суда, он должен определить наиболее целесообразные правила продажи заложенного имущества, учитывающие баланс интересов всех вовлеченных в процесс несостоятельности должника лиц, а не только интересы залогового кредитора.

На протяжении рассмотрения обособленного спора финансовый управляющий приводил доводы о том, что сумма вознаграждения как организатора торгов, так и оператора электронной площадки является завышенной, поскольку поставлена в зависимость от размера выручки при продаже имущества. Само по себе такое условие не является неправомерным, с точки зрения действующего правового регулирования. Однако по общему правилу размер подобного вознаграждения должен устанавливаться в твердой фиксированной сумме, так как набор действий организатора торгов или оператора электронной площадки является стандартным (абзацы со второго по девятый пункта 8, пункт 20 статьи 110 Закона о банкротстве). Учитывая, что в конечном счете (косвенно) расходы по организации и проведению торгов переносятся на должника или его кредиторов, произвольное установление вознаграждения в процентном отношении от суммы продажи, зависящей от такого фактора как спрос третьих лиц на реализуемое имущество, является неразумным и необоснованным.

Тем не менее, в исключительных случаях такой порядок определения размера вознаграждения может быть применен, если лицо, предлагающее включение в Положение соответствующего условия, приведет конкретные доводы, опровергающие необходимость применения общего подхода и указывающие на то, что итоговая выручка будет зависеть от качества услуг организатора торгов или оператора электронной торговой площадки, например, что организатор торгов имеет эксклюзивную (недоступную иным потенциальным организаторам) возможность осуществить какие-либо действия по поиску и привлечению покупателей с учетом особенностей выставленного на торги имущества (применительно к абзацу второму пункта 9 статьи 110 Закона о банкротстве), что приведет к существенному увеличению итоговой цены.

Кроме того, разрешая спор и отклоняя доводы управляющего, суды также отметили, что проведение торгов с минимальными расходами могло быть осуществлено, если бы финансовый управляющий предложил в качестве организатора торгов свою кандидатуру, чего им сделано не было.

Вместе с тем, как указано выше, при разрешении разногласий суд не связан исключительно позицией сторон спора, в том числе относительно личностей организатора торгов или оператора электронной площадки. Непредложение управляющим своей кандидатуры не препятствовало суду утвердить его в качестве организатора торгов, если такое решение спора представлялось наиболее разумным, целесообразным и сбалансированным.

Так, согласно абзацу второму пункта 5 статьи 18.1 и абзацу первому пункта 8 статьи 110 Закона о банкротстве в качестве организатора торгов выступает арбитражный управляющий или привлекаемая для этих целей специализированная организация. По смыслу названных норм предполагается, что организация торгов по общему правилу возлагается на арбитражного управляющего. Привлечение сторонней организации

для этих целей должно быть обосновано какими-либо дополнительными аргументами, например, указывающими на то, что использование ее услуг сократит расходы должника на проведение торгов либо даст иные положительные эффекты, которые не могут быть достигнуты при проведении торгов арбитражным управляющим.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 310-ЭС18-17700 \(2\)](#)

По смыслу пункта 7.1 статьи 16, пункта 5 статьи 18.1 Закона о банкротстве в ситуации, когда стоимости залогового имущества недостаточно, залоговый кредитор занимает место рядового кредитора третьей очереди и имеет право претендовать на удовлетворение своих требований из общей массы необременного имущества.

Если до реализации залогового имущества имеются основания полагать, что стоимости такого имущества будет недостаточно для покрытия требования залогового кредитора, арбитражный управляющий как профессиональный антикризисный менеджер имеет реальную возможность заранее осознать (должен знать), что появится необходимость направить денежные средства, не связанные с продажей предмета залога, на удовлетворение требований залогодержателя.

Разрешая вопрос о том, следует ли направлять такие денежные средства до или после реализации предмета залога, необходимо оправданным является направление денежных средств, не связанных с реализацией предмета залога, на удовлетворение требований залогового кредитора после продажи заложенного имущества и распределения выручки по правилам статьи 138 Закона о банкротстве; от оставшихся непогашенными требований залогового кредитора подлежит расчету пропорция при распределении выручки от продажи незаложенного имущества.

При этом до момента продажи предмета залога средства, поступившие в конкурсную массу не в связи с реализацией заложенного имущества, подлежат

резервированию применительно к правилам пункта 6 статьи 142 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего Нуриева В.Б., выразившиеся в преимущественном погашении требований отдельного кредитора – общества «Мурметалл» – перед иными кредиторами должника.

Обращаясь с жалобой на действия управляющего, заявитель указывал, что он является кредитором третьей очереди с требованием в размере 635 278 282,06 руб., обеспеченным залогом имущества должника. Общая сумма требований кредиторов третьей очереди составляет 887 963 599, 55 руб.

В 2016-2017 г. в конкурсную массу поступили денежные средства (в том числе арендные платежи, исполнение по реституции и т.д.) в сумме 40,25 млн. руб., которые распределены управляющим Нуриевым В.Б. только между незалоговыми кредиторами, в частности, в пользу общества «Мурметалл» было перечислено 30,4 млн. руб.

Обязанность действовать добросовестно является универсальным гражданско-правовым принципом, получившим свое отражение в нормах действующего права (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 6, статья 10 ГК РФ). Применительно к деятельности арбитражного управляющего названный общий принцип ретранслирован в законодательство о банкротстве в качестве специальной нормы (с аналогичным содержанием).

Согласно пункту 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Учитывая существование объективно обусловленной повышенной конфликтности между заинтересованными лицами в отношениях, связанных с институтом банкротства, возложение на арбитражного управляющего соответствующей обязанности в числе прочего означает, что он как профессиональный антикризисный менеджер в ситуации неопределенности правового регулирования должен действовать исходя из баланса объективно противопоставленных интересов вовлеченных в процесс несостоятельности лиц с учетом заложенных в действующих нормах права ценностных ориентиров, предопределяющих цели законодательного регулирования.

Именно с этой позиции суд в дальнейшем должен оценивать поведение управляющего при поступлении соответствующей жалобы на его действия (бездействие).

По смыслу пункта 7.1 статьи 16, пункта 5 статьи 18.1 Закона о банкротстве не удовлетворенные за счет стоимости предмета залога требования конкурсного

кредитора по обязательствам, которые были обеспечены залогом имущества должника, удовлетворяются в составе требований кредиторов третьей

очереди. Таким образом, в ситуации, когда стоимости залогового имущества недостаточно, залоговый кредитор занимает место рядового кредитора третьей очереди и имеет право претендовать на удовлетворение своих требований из общей массы необремененного имущества.

Поэтому если до реализации залогового имущества имеются основания полагать, что стоимости такого имущества будет недостаточно для покрытия требования залогового кредитора, арбитражный управляющий имеет реальную возможность заранее осознать (должен знать), что появится необходимость направить денежные средства, не связанные с продажей предмета залога, на удовлетворение требований залогодержателя.

Предполагается, что цена имущества на торгах определяется исходя из объективно действующих рыночных законов, на основе спроса и предложения, в силу чего она не может быть спрогнозирована с высокой степенью точности. Поэтому указывая на предположительный характер доводов банка о недостаточности стоимости заложенного имущества для удовлетворения его требований, суды не учли, что их вывод об обратном также основан на предположении. Решающее значение при выяснении вопроса о том, действовал ли управляющий добросовестно, имеет степень убедительности того или иного предположения, то есть имелись ли у управляющего разумные основания предполагать, что залогового имущества достаточно либо недостаточно для погашения требований залогового кредитора.

В связи с этим следовало исходить из того, что денежные средства, поступившие в конкурсную массу не в результате продажи предмета залога, потребуются для удовлетворения требований банка.

Разрешая вопрос о том, следует ли направлять такие денежные средства до или после реализации предмета залога, необходимо учитывать, что исчисление доли залогового кредитора от всех его требований (до продажи заложенного имущества) являлось бы неправильным, поскольку в подсчете при вычислении пропорции участвовали бы те требования, которые впоследствии погашены за счет предмета залога, то есть эти требования искусственно увеличивали бы долю удовлетворения залогового кредитора от незалогового имущества, что очевидно несправедливо. Поэтому в подобной ситуации оправданным является направление денежных средств, не связанных с реализацией предмета залога, на удовлетворение требований залогового кредитора после продажи заложенного имущества и распределения выручки по правилам статьи 138 Закона о банкротстве; от оставшихся непогашенными требований залогового кредитора подлежит расчету пропорция при распределении выручки от продажи незалогового имущества.

При этом до момента продажи предмета залога средства, поступившие в конкурсную массу не в связи с реализацией заложенного имущества, подлежат резервированию применительно к правилам пункта 6 статьи 142 Закона о банкротстве.

Таким образом, погасив после поступления в массу средств, не связанных с продажей предмета залога, требования кредиторов третьей очереди, за исключением банка, арбитражный управляющий фактически нарушил закрепленные в пунктах 2 и 3 статьи 142 Закона о банкротстве принципы очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов, что указывает на правомерность предъявленной банком жалобы.

[Определение ВС РФ от 01.04.2019 № 308-ЭС18-21322](#)

При разрешении вопроса об очередности залогов следует учитывать, что залог может быть признан последующим в том случае, если исполнение обеспеченных им обязательств по кредитному договору предшествовало исполнению обязательств по другому кредитному договору, и обязательства по первому договору не были исполнены.

В случае, если обязательства по предшествующему кредитному договору были исполнены, залоговое старшинство в отношении предмета ипотеки принадлежит залогодержателю-кредитору по последующему кредитному договору либо лицу, получившему права такого кредитора.

Судами трех инстанций требования фонда включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника в размере 2 012 220,54 руб. как обеспеченные залогом на правах последующего залогодержателя.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене в части признания фонда последующим залогодержателем по следующим основаниям.

Между банком (кредитором) и должником (заемщиком) заключен кредитный договор от 12.10.2010 № 50, по условиям которого кредитор обязался открыть заемщику невозобновляемую кредитную линию сроком до 10.09.2015 с лимитом в сумме 5 500 000 руб.

В целях обеспечения исполнения обязательств по возврату кредитных средств между банком (залогодержателем) и заемщиком (залогодателем) заключены договоры залога от 12.10.2010 № 50/з-1 и от 24.02.2011 № 50/з-4, в соответствии с которыми в залог было передано движимое имущество и земельный участок.

Кроме того, в обеспечение кредитных обязательств заемщика фонд предоставил поручительство (договор поручительства от 12.10.2010 № 123), по условиям которого ответственность поручителя является субсидиарной и ограничена суммой в размере 2 740 000 руб., что составляет 49,81 % от фактически

полученной суммы кредита за период с 31.01.2011. Впоследствии банк предоставил кредит обществу "Вектор-Инвест" кредитный договор от 27.07.2011 № 173.

В обеспечение исполнения обязательств по этому кредиту, а также по кредитному договору № 50 между банком (залогодержателем) и должником (залогодателем) заключен договор ипотеки № 173, по условиям которого в залог передан названный выше земельный участок, а также возведенный на нем к этому моменту объект незавершенного строительства.

Стороны пришли к соглашению о том, что с момента вступления в силу договора ипотеки № 173 считается расторгнутым договор залога № 50/з-4.

После образования за должником задолженности по кредитному договору № 50, в 2014-2015 г. фонд как поручитель уплатил ссудную задолженность в размере 2 012 220,54 руб. Данные денежные средства были впоследствии взысканы в пользу фонда.

Из установленных судами обстоятельств очевидно следует, что расторжение договора ипотеки № 50/з-

4 связано не с тем, что банк отказался от права залога, возникшего в 2012 году, а сопряжено с распространением обеспечения на оба кредитных соглашения. Таким образом, залог по кредитному договору

№ 50 с момента его возникновения и до настоящего времени не прекращался.

Как кредитором, так и залогодержателем по обоим кредитным договорам и договорам залога являлся банк. В подобной ситуации залоговое старшинство определяется не по общим правилам, привязанным к дате внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости.

Кредитным договором № 50 был установлен график погашения задолженности, согласно которому первый платеж должен был быть осуществлен в апреле 2011 года, а последний – в сентябре 2015 года. Кредитным договором № 173 предусмотрено, что первый платеж должен был быть выполнен в августе 2011 года, а последний – в июле 2016 года. Следовательно, срок исполнения обязательств по кредитному договору № 50 предшествовал аналогичному сроку по договору № 173, в связи с чем ипотека, обеспечивающая исполнение обязательств по первому соглашению, является предшествующей по отношению к ипотеке, обеспечивающей исполнение обязательств по второму договору. На существование соглашений между залогодателем и залогодержателем, регулирующих отношения сторон иным образом, лица, участвующие в деле, не ссылались.

В связи с этим в течение всего периода, пока банк оставался единственным залогодержателем, выручка от реализации заложенного имущества подлежала бы направлению сначала на погашение обязательств из кредитного договора № 50, и в

оставшейся части – на погашение обязательств с более поздним сроком исполнения (из кредитного договора № 173).

После того, как фонд исполнил обязательства из договора поручительства, к нему в исполненной части в порядке суброгации перешли права кредитора по кредитному договору № 50 (статья 387 ГК РФ). Однако перемена лица в обязательстве не влечет изменение очередности погашения требований по двум кредитным договорам и перераспределение залогового старшинства (определение ВС РФ от 26.03.2018 № 310-ЭС16-6059). Следовательно, обязательства, исполнение по которым было обеспечено ипотекой, подлежали удовлетворению из суммы, вырученной от реализации заложенного имущества, в прежней очередности – исходя из сроков исполнения обязательств по двум кредитным договорам (пункт 5 статьи 46 Закона об ипотеке).

В обоснование последующего статуса ипотеки фонда суды сослались на положения пункта 4 статьи 364 ГК РФ и разъяснения пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 "О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством", согласно которым исполнивший поручитель не вправе осуществлять их во вред кредитору, в том числе не имеет права на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости заложенного имущества до полного удовлетворения требований кредитора по основному обязательству. В то же время невозможность противопоставить свои требования кредитору распространяется на обязательства, по которым поручитель выдавал обеспечение. В рассматриваемом случае фонд предоставил поручительство только по кредитному договору № 50 и не обеспечивал исполнение обязательств по договору № 173. Однако суды не исследовали, погашен ли долг перед банком по кредитному договору № 50 в полном объеме, принимая во внимание тот факт, что ответственность поручителя была ограничена 49,81 % от суммы долга.

Если у должника отсутствуют обязательства перед банком по кредитному договору № 50, то залоговое старшинство в отношении предмета ипотеки принадлежит фонду. При этом ссылка банка на то, что вобеспечение данного кредита не передавался объект незавершенного строительства, подлежит отклонению, так как по общему правилу ипотека распространяется на возведенные на заложенном земельном участке здания и сооружения (пункт 1 статьи 65 Закона об ипотеке).

Если же долг перед банком по кредитному договору № 50 не погашен полностью, то он имеет залоговое старшинство перед фондом в части этого долга, затем следуют требования фонда, а затем – требования банка из кредитного договора № 173.

Залогодержатель помимо суммы, размер которой определяется в соответствии с п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, обязан перечислить на специальный банковский счет денежные средства на возмещение расходов по содержанию предмета залога, а также иных расходов, связанных с его реализацией.

Переключивание данных расходов на незалоговых кредиторов (на заявителя по делу о банкротстве) не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

В рамках дела о банкротстве общества арбитражный управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании с администрации (заявителя по делу) вознаграждения и судебных расходов. Три инстанции удовлетворили заявление управляющего.

Обращаясь с настоящим заявлением, арбитражный управляющий ссылаясь на то, что не возмещенными за счет имущества должника остались в том числе расходы на оценку заложенного имущества.

Законом о банкротстве предусмотрено, что расходы на содержание заложенного имущества и реализацию его на торгах, в том числе расходы на обеспечение сохранности, на оценку, на публикацию сообщений о продаже такого имущества и результатах проведения торгов покрываются за счет вырученных от реализации предмета залога средств до распределения их конкурсным управляющим в порядке, предусмотренном п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве.

Данная норма направлена на защиту прав и законных интересов не обладающих залоговым статусом кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации заложенного имущества, обеспечивает баланс интересов всех кредиторов.

Действительно, положения законодательства о банкротстве прямо не регулируют порядок погашения упомянутых расходов в случае оставления предмета залога залоговым кредитором за собой. В этом случае необходимо учитывать, что оставление залогодержателем предмета залога за собой, по смыслу п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, является формой реализации заложенного имущества наряду с его продажей с торгов. Таким образом, исходя из положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, ст. 343 ГК РФ залогодержатель помимо суммы, размер которой определяется в соответствии с п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, обязан перечислить на специальный банковский счет денежные средства на возмещение расходов по содержанию

предмета залога, а также иных расходов, связанных с его реализацией.

В рассматриваемом случае наличие непогашенных расходов на оценку заложенного имущества обусловлено действиями конкурсного управляющего, который при распределении поступивших от реализации предмета залога денежных средств не учел упомянутые положения Закона о банкротстве. Фактически данные

расходы были переложены на незалогового кредитора (администрацию), что не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

[Определение ВС РФ от 16.12.2019 №305-ЭС19-927 \(2 - 5\)](#)

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве. По смыслу данной нормы, если в залоге находится имущество целиком, то восемьдесят процентов вырученных средств подлежат направлению залоговому кредитору.

Из оставшихся средств десять процентов направляются на погашение судебных расходов, расходов на выплату вознаграждения финансовому управляющему и т.д. В силу абзаца третьего пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве другие десять процентов направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

В абзаце пятом этого же пункта указано, что при отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) другие десять процентов включаются в конкурсную массу. Указание законом на включение названных средств в конкурсную массу означает, что они также подлежат распределению с учетом приоритета залогового кредитора (статьи 18.1, 134 и 138 Закона о банкротстве) при условии, что обеспеченное залогом требование не было удовлетворено в полном объеме.

В рамках дела о банкротстве должника его кредиторы – Панкова М.А. и Макринская-Груич В.И. обратились в суд с заявлением о признании недействительной сделки от 12.04.2016 по оставлению имущества за собой взыскателем в исполнительном производстве должника (далее – сделка), применении последствий недействительности сделки в виде возврата в конкурсную массу поименованного в заявлении имущества должника.

При новом рассмотрении сделка признана недействительной в части, применены последствия в виде обязанности взыскателя возвратить в конкурсную массу должника 15 755 220 рублей. В остальной части в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 22.07.2010 общество "Стимул групп" (далее – взыскатель) передало должнику по договору займа денежные средства в размере 6 000 000 долларов США под залог принадлежащего должнику недвижимого имущества (жилого дома и трёх земельных участков) на основании заключенной сторонами обеспечительной сделки (договора залога от 22.07.2010).

Заёмные денежные средства возвращены не были, в связи с чем, общество "Стимул групп" обратилось в суд общей юрисдикции, решением которого от

02.12.2015 с должника были взысканы суммы основного долга, проценты за пользование займом; возбуждено исполнительное производство о взыскании с должника денежных средств, обращено взыскание на заложенное имущество.

01.03.2016 Морозова Н.К. обратилась в суд с заявлением о признании её несостоятельной (банкротом), принятым к производству определением от 18.03.2016.

12.04.2016 службой судебных приставов вынесено постановление о передаче залоговому кредитору не реализованного в принудительном порядке недвижимого имущества должника, той же датой подписан акт его приёма-передачи по цене на 25 процентов ниже указанной в исполнительном листе стоимости – 157 552 000 рублей.

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве.

По смыслу данной нормы, если в залоге находится имущество целиком, то восемьдесят процентов вырученных средств подлежат направлению залоговому кредитору.

В соответствии с абзацем четвертым данного пункта из оставшихся средств десять процентов (далее – "проценты на расходы") направляются на погашение судебных расходов, расходов на выплату вознаграждения финансовому управляющему, расходов на оплату услуг лиц, привлеченных финансовым управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, и расходов, связанных с реализацией предмета залога. Оставшиеся от "процентов на расходы" средства подлежат направлению на расчеты с залоговым кредитором (абзац шестой названного пункта).

В части "процентов на расходы" суды правильно определили, что обществу "Стимул групп" предпочтение оказано не было, при продаже имущества с торгов данные средства также подлежали бы перечислению залоговому кредитору.

В силу абзаца третьего пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве другие десять процентов (далее – "другие десять процентов") направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

В абзаце пятом этого же пункта указано, что при отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) "другие десять процентов" включаются в конкурсную массу. Указание законом на включение названных средств в конкурсную массу означает, что они также подлежат распределению с учетом приоритета залогового кредитора (статьи 18.1, 134 и 138 Закона о банкротстве) при условии, что обеспеченное залогом требование не было удовлетворено в полном объеме. Именно такое толкование названной нормы дано в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда

Российской Федерации от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086 (1, 2) и от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615.

Указав, что залоговый кредитор в любом случае не вправе претендовать на "другие десять процентов", в связи с чем наличие кредиторов первой и второй очередей не имеет значения для правильного разрешения настоящего спора, суды допустили ошибку, неправильно истолковав подлежащие применению нормы права. Вопрос о наличии кредиторов первой и второй очередей, а также о достаточности иного имущества должника для расчета с ними имел значение для определения того, оказано ли залоговому кредитору предпочтение путем удовлетворения его требований из "других десяти процентов", и если оказано – то в какой части.

Относительн доводов Панковой М.А., Макринской-Груич В.И. и Морозовой Н.К. о том, что кредитору в любом случае было оказано предпочтение, поскольку из стоимости залогового имущества было удовлетворено его требование о выплате неустойки, необходимо заметить следующее. Действительно, по смыслу пункта 4 статьи 134, пункта 3 статьи 137 и статьи 138 Закона о банкротстве требование о взыскании неустоек как обеспеченное залогом имущества должника должно учитываться отдельно в реестре требований кредиторов, оно подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов по требованиям всех кредиторов третьей очереди, включая незалоговых (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2017 № 301-ЭС16-17271).

Действия кредитора, предъявившего свои требования о включении в реестр, также свидетельствовали о том, что он первоначально счел погашенной неустойку, а уже затем – основной долг. Такое поведение не только свидетельствовало о нарушении положений об очередности удовлетворения требований кредиторов в банкротстве, но и статьи 319 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако судами установлено, что впоследствии общество "Стимул Групп" уменьшило свои требования в части основного долга на стоимость имущества, оставленного за собой (определение Арбитражного суда Московской области от 19.10.2018 по настоящему делу). Таким образом, не имеется оснований для того, чтобы сделать вывод об удовлетворении неустойки из стоимости предмета залога.

[Определение ВС РФ от 21.02.2019 № 305-ЭС16-20992 \(8\)](#)

В случае отсутствия записи в ЕГРН об ипотеке на недвижимое имущество должника вследствие действий самого должника (например, разделение одного помещения на два и неоформление регистрации и ипотеки на вновь возникшие объекты), однако при возможности установить наличие обременений иным способом (из текста судебного акта, подтверждающего право кредитора на ипотеку в

отношении вновь возникших объектов недвижимости) суду надлежит признать требования кредитора обеспеченными залогом таких незарегистрированных объектов.

При этом мероприятия, связанные с регистрацией прав на данные объекты, в процедуре банкротства гражданина надлежит осуществить финансовому управляющему.

В рамках дела о банкротстве Одинцова А.Н. банк обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его денежных требований, просил признать часть требований обеспеченными залогом имущества.

К участию в обособленном споре привлечена супруга должника.

Судом апелляционной инстанции и судом округа требования банка признаны обоснованными, включены в реестр требований кредиторов должника. В признании банка залоговым кредитором отказано.

Судебная коллегия считает, что постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене в части отказа в признании требований банка обеспеченными залогом имущества по следующим основаниям.

11.06.2008 банком, с одной стороны, и Одинцовым А.Н. и его супругой Одинцовой О.В. (созаемщиками), с другой стороны, заключен кредитный договор.

Исполнение обязательств созаемщиков по указанному договору было обеспечено ипотекой принадлежащей им квартиры № 40.

В конце 2008 года Одинцов А.Н. и Одинцова О.В. переустроили квартиру № 40, образовав на ее месте две новые отдельные квартиры.

Решением суда общей юрисдикции от 12.07.2013 сохранены вновь возникшие квартиры на основании части 4 статьи 29 ЖК РФ. Суд общей юрисдикции присвоил новым квартирам номера 40 «а» и 40 «б», признал за Одинцовым А.Н. и Одинцовой О.В. право общей собственности на эти квартиры и общий коридор, прекратил регистрационные записи об их праве собственности на квартиру № 40 и об обременении данной квартиры ипотекой, а также принял решение о регистрации права общей собственности Одинцовых на квартиры № 40 «а» и № 40 «б» и ипотеки на вновь образованные квартиры в обеспечение исполнения обязательств созаемщиков по кредитному договору от 11.06.2008.

Легализованные указанным решением квартиры 40 «а», 40 «б» на кадастровый учет не поставлены, в государственный реестр не внесены записи о праве общей собственности Одинцова А.Н. и Одинцовой О.В. на названные объекты, равно как и об обременении упомянутых квартир и коридора ипотекой.

Суд апелляционной инстанции указал, что после реконструкции квартира № 40 перестала существовать. С момента вступления в законную силу решения от 12.07.2013 банк был вправе зарегистрировать в государственном реестре залоговое

обременение в отношении квартир 40 «а» и 40 «б» в свою пользу, однако данным правом кредитная организация не воспользовалась. В отсутствие записи о государственной регистрации ипотеки банк не может быть признан залоговым кредитором.

В резолютивной части вступившего в законную силу решения суда общей юрисдикции от 12.07.2013 сделан вывод о наличии залогового обременения в пользу банка в отношении объектов, образованных из квартиры № 40.

Участвующие в деле лица не оспаривают, что несмотря на наличие такого судебного решения вновь образованные объекты не поставлены на кадастровый учет, в ЕГРН не внесены записи о праве собственности на эти объекты. В настоящее время в государственном реестре содержится неактуальная информация о праве собственности Одинцова А.Н. и Одинцовой О.В. на несуществующую квартиру № 40 и о ее обременении ипотекой.

Ссылаясь на отсутствие государственной регистрации ипотеки в отношении вновь образованных объектов, суды не приняли во внимание, что она не могла быть осуществлена до государственной регистрации права собственности Одинцовых на эти же объекты.

При этом сведения государственного реестра перестали отражать действительное положение дел исключительно вследствие действий залогодателей, которые самовольно переустроили заложенное жилое помещение без согласия залогодержателя. Разрешение вопросов, связанных с регистрацией права собственности на возникшие вследствие такого переустройства новые квартиры № 40 «а» и № 40 «б» находилось в сфере их контроля. Вопреки выводам судов именно Одинцову А.Н. и Одинцовой О.В. надлежало принять меры к актуализации записей государственного реестра. Обстоятельства, возникшие из-за их поведения, не могли быть поставлены в вину залогодержателю.

Решением арбитражного суда от 17.08.2018 Одинцов А.Н. признан несостоятельным (банкротом), в отношении его имущества введена процедура реализации.

Во избежание негативных последствий пропуска срока, отведенного на предъявление кредиторами требований к должнику (пункт 4 статьи 213.24, абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве), в целях обеспечения возможности реализации банком залоговых прав, признанных за ним решением суда общей юрисдикции от 12.07.2013, его требования, вытекающие из неисполнения обязательств по кредитному договору, следует признать обеспеченными залогом незарегистрированных квартир № 40 «а» и № 40 «б», общего коридора, в отношении которых судебным решением подтверждены основания возникновения как права собственности, так и ипотеки.

Мероприятия, связанные с регистрацией прав, в процедуре реализации имущества надлежит осуществлять финансовому управляющему (абзац второй пункта 5 статьи 213.25 Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 21.05.2020 № 307-ЭС19-25735](#)

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которому восемьдесят процентов, вырученных от продажи заложенного имущества средств, подлежат направлению залоговому кредитору.

В силу абзаца третьего приведенного пункта десять процентов от вырученных средств направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

При отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) и при условии, что первоначальные восемьдесят процентов не покрыли полностью обеспеченное залогом требование, указанные десять процентов по смыслу абзацев пятого и шестого пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве направляются на расчеты с залоговым кредитором.

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615 и 305-ЭС18-15086(1,2).

В рамках дела о банкротстве Иванова Александра Борисовича банк и акционерное общество обратились в суд с заявлениями о разрешении разногласий относительно порядка распределения финансовым управляющим денежных средств, полученных от реализации заложенного имущества. В удовлетворении заявлений отказано.

В ходе процедуры банкротства должника финансовым управляющим организованы и проведены торги по продаже имущества (торгово-промышленного комплекса с правом аренды земельного участка), находящегося в залоге у правопродшественника банка. Стоимость реализованного имущества составила 160 000 000 руб.

Денежные средства, вырученные от реализации предмета залога, распределены конкурсным управляющим в следующем порядке: 128 000 000 руб. (восемьдесят процентов) направлены на погашение требований залогового кредитора; 16 000 000 руб. (десять процентов) переведены на расчетный счет должника; за счет иных десяти процентов погашены текущие расходы и частично залоговые требования, а также зарезервированы денежные средства для выплаты вознаграждения финансовому управляющему.

В связи с наличием между финансовым управляющим и банком разногласий относительно порядка распределения денежных средств, последний обратился в арбитражный суд с настоящим заявлением, указывая, что ввиду отсутствия у должника кредиторов первой и второй очереди десять процентов суммы, вырученной от реализации предмета залога (16 000 000 руб.), подлежали направлению на погашение требований банка, не получившего полного удовлетворения своих требований из стоимости предмета залога.

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которому восемьдесят процентов, вырученных от продажи заложенного имущества средств, подлежат направлению залоговому кредитору.

В силу абзаца третьего приведенного пункта десять процентов от вырученных средств направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

При отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) и при условии, что первоначальные восемьдесят процентов не покрыли полностью обеспеченное залогом требование, указанные десять процентов по смыслу абзацев пятого и шестого пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве направляются на расчеты с залоговым кредитором.

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615 и 305-ЭС18-15086(1,2).

Судами установлено отсутствие у должника кредиторов первой и второй очереди.

Таким образом, денежные средства в размере 16 000 000 руб. должны быть направлены на погашение требования залогового кредитора – банка.

[Определение ВС РФ от 03.09.2020 № 307-ЭС20-5284](#)

Ипотека в отношении добросовестного залогодержателя сохраняется, в том числе, если сделка в отношении залогодателя признана недействительной, в связи с чем при оспаривании цепочки сделок по отчуждению недвижимого имущества должника для прекращения залога надлежит установить недобросовестность залогодержателя, а также конкретные обстоятельства, касающиеся реальной осведомленности залогодержателя о порочности отчуждения имущества, выход залогодержателя за рамки обычного поведения.

В рамках дела о банкротстве должника его финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделками договора от

16.03.2017 купли-продажи квартиры, заключенного должником и Гуциным А.И., а также договора купли-продажи от 03.04.2017 квартиры с использованием кредитных средств, заключенного Гуциным А.И. и Милевским Д.В. Финансовый управляющий просил прекратить установленный на квартиру в пользу акционерного общества «Коммерческий банк ДельтаКредит» залог в силу закона, просил признать право собственности должника на квартиру.

Судами трех инстанций требования удовлетворены.

16.03.2017 должник продал квартиру Гуцину А.И. по договорной цене 42 000 000 рублей. Государственная регистрация прекращения права собственности должника на квартиру состоялась 21.03.2017.

Спустя две недели – 03.04.2017 Гуцин А.И. по договору купли-продажи недвижимого имущества с использованием кредитных средств продал квартиру Милевскому Д.В., являющемуся родным братом должника. Цена квартиры согласована сторонами в размере 42 000 000 рублей, из которых 19 807 000 рублей переданы покупателем продавцу до подписания договора. Денежные средства в оставшемся размере (22 193 000 рублей) предоставлены банком «ДельтаКредит» по кредитному договору от 03.04.2017. Квартира передана названному банку в залог в силу закона.

Суды установили, что на дату отчуждения квартиры у должника имелись обязательства перед двумя банками (поручительство в целях обеспечения исполнения кредитных обязательств бщества «Алитет»).

Задолженность должника перед банками взыскана с должника и впоследствии включена в реестр требований кредиторов должника.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.07.2011 № ВАС2763/2011 по делу № А56-24071/2010 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области ипотека в отношении добросовестного залогодержателя сохраняется, в том числе, если сделка в отношении залогодателя признана недействительной.

Исходя из общего принципа равенства участников гражданских отношений (ст. 1 Гражданского кодекса) и необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, залогодержатель вправе использовать способ защиты своего права залога ссылаясь на собственную добросовестность. В противном случае на добросовестного залогодержателя при отсутствии к тому должных оснований будут возлагаться риски последствий, связанных с нарушением сторонами сделок при отчуждении имущества требований действующего законодательства.

По смыслу статьи 10 и абзаца 2 пункта 2 статьи 335 Гражданского кодекса недобросовестным признается залогодержатель, которому вещь передана в залог от

лица, не являющегося ее собственником (или иным управомоченным на распоряжение лицом), о чем залогодержатель знал или должен был знать.

Таким образом, вопреки выводам судов, для прекращения залога в рассматриваемом случае необходимо было установить недобросовестность банка «ДельтаКредит». Исходя из предусмотренной законом презумпции добросовестности залогодержателя, выбытия спорной квартиры из владения должника по его воле, суд апелляционной инстанции, вменяя залогодержателю поведение, отличное от обычного поведения кредитной организации, должен был установить конкретные обстоятельства, касающиеся реальной осведомленности банка «ДельтаКредит» о порочности отчуждения квартиры, переход права собственности на которую был в установленном законом порядке зарегистрирован в публичном реестре.

[Определение ВС РФ от 15.09.2020 № 308-ЭС19-9133\(11\)](#)²

Не подлежит включению в реестр требований кредиторов поручителя задолженность из кредитного договора, если установлено, что стороны договора поручительства не преследовали достижения разумных хозяйственных целей, а своими недобросовестными действиями способствовали наращиванию кредиторской задолженности поручителя в преддверии банкротства должника с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, что свидетельствует о злоупотреблении правом (статьи 10 и 168 ГК РФ); заключение обеспечительной сделки не являлось обязательным условием банка для предоставления кредита основному заемщику; заключение договора поручительства повлекло возникновение дополнительных обязательств должника в условиях его неплатежеспособности.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника общество «АЭНП» обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 101 088 186, 29 руб. задолженности по договору поручительства от 23.10.2017, во исполнение обязательств общества

«Роскоммунэнерго» перед обществом «ББР Банк» по договору о кредитной линии от 23.10.2017.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

23.10.2017 между обществом «ББР Банк» и обществом «Архэнергосбыт» (поручитель) заключен договор поручительства, в соответствии с которым поручитель принял на себя обязательства нести солидарную ответственность перед обществом «ББР Банк» по обязательствам общества «Роскоммунэнерго» (заемщик), возникшим из договора о кредитной линии от 23.10.2017.

Ввиду нарушения заемщиком обязательств по кредитному договору общество «ББР Банк» обратило взыскание на предмет залога (вексель) по цене и на условиях, предусмотренных договором залога векселя от 23.10.2017.

Компания, исполнившая обязательства должника, 10.05.2018 на основании договора уступки прав (требований) переуступила обществу «АЭНП» право (требование) взыскания долга по указанному договору окредитной линии.

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника - банкрота, предъявляются повышенные требования.

При этом необходимо иметь в виду, что целью проверки обоснованности требований является недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При рассмотрении обоснованности требования кредитора подлежат проверке доказательства возникновения задолженности в соответствии с материально-правовыми нормами, которые регулируют обязательства, не исполненные должником.

Кредитор, заявивший требования к должнику, как и лица, возражающие против этих требований, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений (статья 65 АПК РФ).

В условиях банкротства должника, а значит, очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, судебным спором об установлении требования конкурсного кредитора затрагивается материальный интерес прочих кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. В сохранении имущества банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что повышает вероятность различных злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших реально правоотношений.

Абзацем первым пункта 1 статьи 10 ГК РФ установлена недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребление правом).

Отказывая во включении требований в реестр, суды первой и апелляционной инстанций руководствовались положениями статей 10, 168, 170, 335 ГК РФ, статей 61.2, 71 и 100 Закона о банкротстве и исходили из наличия аффилированности лиц, участвующих в сделках на которых заявитель основывает свои требования, а также из того, что обществом «АЭНП» не представлены доказательства, исключаящие разумные сомнения в реальности долга и подтверждающие наличие оснований для включения заявленных требований в реестр кредиторов.

Суд округа, исключив из мотивировочной части судебных актов выводы судов о недействительности сделок по выдаче векселя, купле-продаже векселя, залога векселя, договоров об открытии кредитной линии и цессии на основании статей 10, 168, 170 ГК РФ, оставил судебные акты без изменения, указав на то, что названные выводы не повлияли на правильность вывода о недействительности договора поручительства и отказе в удовлетворении требования общества «АЭНП» о включении в реестр требований должника по договору поручительства.

В случае, если стороны рассматриваемого дела являются аффилированными лицами, то к требованию истца должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве, поскольку общность экономических интересов, в том числе, повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав.

При этом наличие в действиях стороны злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во взыскании долга (статья 10 ГК РФ, абзац четвертый пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», далее - постановление № 63).

Принимая во внимание, что общество «АЭНП» при рассмотрении дела не пояснило разумность своего поведения, экономическую цель и мотивы получения заемного финансирования от аффилированной иностранной компании, суды пришли к выводу об отсутствии экономической целесообразности в заключении договора поручительства, заключении договора с целью создания искусственной задолженности.

В пункте 4 постановления № 63 указано, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

В рассматриваемом обособленном споре суды, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделкам, правомерно пришли к выводу о том, что стороны договора поручительства

не преследовали достижения разумных хозяйственных целей, а своими недобросовестными действиями способствовали наращиванию кредиторской задолженности поручителя в преддверии банкротства должника с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, что свидетельствует о злоупотреблении правом (статьи 10 и 168 ГК РФ); заключение обеспечительной сделки не являлось обязательным условием банка для предоставления кредита основному заемщику; заключение договора поручительства повлекло возникновение дополнительных обязательств должника в условиях его неплатежеспособности.

[Определение ВС РФ от 02.10.2020 № 309-ЭС19-20740 \(2\)](#)

Компенсация затрат на охрану предмета залога осуществляется только из денежных средств, вырученных от реализации этого предмета залога, при этом направление денежных средств, вырученных от продажи имущества должника, находящегося в залоге у одного кредитора, на компенсацию затрат на охрану иного имущества должника, находящегося в залоге у других кредиторов и нереализованного, противоречит указанному принципу. Расходы на обеспечение сохранности заложенного имущества в таком случае должны покрываться за счет средств, поступивших от реализации предметов залога, но с учетом принципа пропорционального распределения таких расходов между залоговыми кредиторами. При этом пропорция может быть определена исходя из соотношения начальной стоимости предмета залога и общей начальной стоимости всего заложенного имущества должника, что позволит начать удовлетворение текущего требования охранной организации, не дожидаясь реализации всего заложенного имущества.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий относительно порядка исполнения обязательств должника перед обществом «ЧОО «Интер-Урал-К» по договору на оказание охранных услуг.

Судом первой инстанции и округа в удовлетворении требований отказано.

В процедуре конкурсного производства должник заключил с обществом «ЧОО «Интер-Урал-К» (исполнитель) договор на оказание охранных услуг, по условиям которого исполнитель обязуется охранять имущество заказчика (должника).

На указанной территории располагалось имущество должника, находящееся в залоге у банка на общую сумму 35 870 753 руб. и в залоге у общества «Чистогорье» на общую сумму 96 280 205 руб.

Во исполнение данного договора общество «ЧОО «Интер-Урал-К» в период с 12.11.2015 по 15.08.2016 оказало должнику услуги по охране имущества на сумму 1 601 280 руб.

Вступившим в законную силу решением с должника в пользу общества «ЧОО «Интер-Урал-К» взыскана задолженность по договору на оказание охранных услуг в размере 1 601 280 руб.

На торгах реализован предмет залога банка, в связи с чем общество «ЧОО «Интер-Урал-К» предъявило конкурсному управляющему требование об оплате задолженности в сумме 1 601 280 руб. за счет денежных средств, уже полученных от реализации имущества должника, находящегося в залоге у банка, и за счет денежных средств, получаемых от продажи имущества, находящегося в залоге у общества «Чистогорье».

Однако конкурсный управляющий Кашкуров А.А. полагал, что за счет денежных средств, вырученных от реализации залогового имущества банка, задолженность по оплате охранных услуг подлежит погашению только частично, с учетом принципа пропорционального распределения денежных средств на обеспечение сохранности предмета залога между залоговыми кредиторами. По мнению конкурсного управляющего, исходя из того, что начальная стоимость предмета залога общества «Чистогорье» составляет 72,86% от общей начальной стоимости всего залогового имущества, а банка – 27,14%, то на покрытие расходов по сохранности предмета залога от реализации имущества, находящегося в залоге у банка, в пользу общества ЧОО «Интер-Урал-К» должно быть направлено 442 522,99 руб., оставшаяся сумма в размере 1 187 770,01 руб. должна быть погашена после реализации предмета залога общества «Чистогорье».

Согласно пункту 6 статьи 138 Закона о банкротстве расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи.

По смыслу указанного пункта, компенсация затрат на охрану предмета залога осуществляется только из денежных средств, вырученных от реализации этого предмета залога.

В связи с этим направление денежных средств, вырученных от продажи имущества должника, находящегося в залоге у одного кредитора, на компенсацию затрат на охрану иного имущества должника, находящегося в залоге у других кредиторов и нереализованного, противоречит указанной норме права.

При ином подходе кредитор, предмет залога которого реализован раньше, становится фактически вынужденным оплачивать расходы на охрану имущества за другого залогового кредитора; и наоборот, кредитор, предмет залога которого реализован позже, фактически освобождается от несения расходов на охрану имущества. Такой подход нельзя признать справедливым.

В ситуации, когда охрана различного имущества должника, находящегося в залоге у разных кредиторов, осуществлялась на основании единого договора, следует руководствоваться пунктом 6 статьи

138 Закона о банкротстве во взаимосвязи с положениями абзаца 8 пункта 15 постановления № 58, разъясняющего порядок распределения денежных средств, вырученных от продажи различных предметов залога, находящихся у разных залогодержателей.

На практике это означает, что расходы на обеспечение сохранности заложенного имущества в указанной ситуации должны покрываться за счет средств, поступивших от реализации предметов залога, но с учетом принципа пропорционального распределения таких расходов между залоговыми кредиторами.

При этом пропорция может быть определена исходя из соотношения начальной стоимости предмета залога и общей начальной стоимости всего заложенного имущества должника, что позволит начать удовлетворение текущего требования охранной организации не дожидаясь реализации всего заложенного имущества, что и было сделано судом апелляционной инстанции.

[Определение ВС РФ от 19.10.2020 № 305-ЭС20-10152](#)

Сумма налога является частью цены аренды. Поэтому суммы НДС, выделяемые из арендных платежей, и подлежащие уплате в бюджет в рамках текущих обязательств должника следует считать расходами на реализацию предмета залога, указанным в пункте 6 статьи 138 Закона о банкротстве, а значит, затраты на уплату НДС, начисленного при сдаче в аренду заложенного имущества в ходе конкурсного производства, погашаются за счет арендной платы до ее распределения по правилам, установленным пунктами 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве, и не могут быть переложены на иных кредиторов должника.

Не являющаяся залогодержателем кредитная организация, обслуживающая специальный счет, осуществляя в процедуре банкротства контроль за тем, относится ли платеж к числу разрешенных, проводит проверку по формальным признакам. Она не вправе заявлять конкурсному управляющему

возражения против списания, основанные на доводах о неверном указании им суммы задолженности или момента ее возникновения.

Конкурсный управляющий общества обратился в суд к Сбербанку с иском об обязанности исполнить платежные поручения о перечислении в бюджет сумм налога на добавленную стоимость.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Общество передало имущество в залог банку «Абсолют Банк».

Впоследствии общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство. Требования Абсолют банка признаны обеспеченными залогом имущества общества.

Конкурсный управляющий общества заключил со Сбербанком договор о ведении специального банковского счета, предусмотренного пунктом 3 статьи 138 Закона о банкротстве.

В процедуре конкурсного производства общество (арендодатель), являющееся плательщиком НДС, передало заложенное недвижимое имущество в аренду.

На специальный счет поступила арендная плата, включающую в себя сумму НДС.

Конкурсный управляющий обществом направил в Сбербанк платежные поручения о списании со специального счета и перечислении в бюджет сумм НДС. В графе «назначение платежа» расчетных документов управляющий указал: «налог на добавленную стоимость».

Сбербанк отказал в проведении расчетных операций, сославшись на несоответствие платежных документов особому режиму счета, что послужило причиной обращения в суд с настоящим иском.

На основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 334 ГК РФ залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования за счет причитающихся залогодателю доходов от использования заложенного имущества третьими лицами.

Согласно приведенной норме залогодержатель, по общему правилу, имеет приоритет в удовлетворении своих требований за счет экономического приращения, полученного от использования предмета залога собственником, в том числе, при передаче им имущества в аренду.

Однако это не означает, что вся сумма арендной платы, перечисленной должнику, в отношении которого открыто конкурсное производство, направляется на удовлетворение обеспеченного залогового требования.

Так, Федеральным законом от 29.12.2014 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» статья 138 Закона о банкротстве дополнена пунктом 6, в котором закреплено правило о приоритетном погашении издержек: расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет выручки от реализации предмета залога до распределения конкурсным управляющим этой выручки в порядке, предусмотренном пунктами 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве, то есть до начала расчетов с залоговым кредитором.

Данное правило носит общий характер. Оно подлежит применению и тогда, когда в силу пункта 2 статьи 334 ГК РФ залогодержатель обращает свои требования не к самой заложенной вещи, а к доходам от ее аренды. При ином толковании положений пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве текущие расходы, возникающие в связи с передачей в аренду заложенного имущества, будут относиться на все гражданско- правовое сообщество кредиторов (удовлетворяться за счет продажи незаложенного имущества, уменьшая тем самым общую конкурсную массу), а выручка от той же аренды – направляться только одному члену названного сообщества – залоговому кредитору, создавая явный дисбаланс в объеме прав залогодержателя и остальных кредиторов.

Согласно пункту 1 статьи 168 НК РФ сумма налога является частью цены аренды. Поэтому суммы НДС, выделяемые из арендных платежей, и подлежащие уплате в бюджет в рамках текущих обязательств должника следует считать расходами на реализацию предмета залога, указанным в пункте 6 статьи 138 Закона о банкротстве, а значит, затраты на уплату НДС, начисленного при сдаче в аренду заложенного имущества в ходе конкурсного производства, погашаются за счет арендной платы до ее распределения по правилам, установленным пунктами 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве, и не могут быть переложены на иных кредиторов должника.

Не являющаяся залогодержателем кредитная организация, обслуживающая специальный счет, осуществляя в процедуре банкротства контроль за тем, относится ли платеж к числу разрешенных, проводит проверку по формальным признакам. Она не вправе заявлять конкурсному управляющему возражения против списания, основанные на доводах о неверном указании им суммы задолженности или момента ее

возникновения (по смыслу разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.06.2014 № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедуре банкротства»).

В рассматриваемом случае в платежных поручениях содержались указание на перечисление сумм НДС, ссылки на конкретные налоговые периоды (за IV квартал 2017 года, I – III кварталы 2018 года), слова «в порядке пункта 6 статьи 138 Закона о банкротстве», то есть информация, формально свидетельствующая об отнесении оплачиваемых сумм к текущим платежам, по которым допускается списание со специального счета. Данной информации Сбербанку было достаточно для принятия распоряжений клиента (должника) к исполнению и перечисления денежных средств в бюджет.

Мировое соглашение

[Определение ВС РФ от 25.05.2020 № 305-ЭС15-11067](#)

Имеющиеся между конкурсными кредиторами разногласия по поводу условий мирового соглашения устраняются посредством проведения голосования и основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством (лиц, обладающих большим количеством требований к должнику (в денежном выражении)).

Однако превосходство в количестве голосов не должно позволять кредиторам, обладающим большинством, принимать произвольные решения. Так, по итогам осуществления предусмотренного мировым соглашением плана кредиторы, чья позиция не была принята на собрании, не должны получать существенно меньше того, что они получили бы в результате незамедлительной реализации имущества в ликвидационной процедуре.

Признаками того, что кредиторы могут получить меньше чем при незамедлительной реализации имущества, могут служить следующие обстоятельства: стоимость имущества должника занижена, а в мировом соглашении отсутствуют сведения об источниках финансирования для погашения требований кредиторов.

В рамках дела о банкротстве должника с применением правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве судом рассмотрено ходатайство конкурсного управляющего должником об утверждении мирового соглашения. Мировое соглашение утверждено.

На собрании кредиторов должника и собрании участников строительства от 25.03.2019 большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром, а также более чем тремя четвертями голосов участников строительства приняты решения о заключении мирового соглашения.

Утверждая мировое соглашение, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд округа, исходил из соответствия мирового соглашения требованиям Закона о банкротстве. При этом соглашение одобрено собранием кредиторов должника, содержит равные условия для всех кредиторов и не нарушает права и законные интересы иных лиц. Доказательств того, что в случае продолжения процедуры конкурсного производства требования кредиторов были бы удовлетворены в большем объеме, не представлено. Между тем судами не учтено следующее.

Смысл заключения мирового соглашения в деле о банкротстве состоит в том, чтобы, с одной стороны, предоставить должнику возможность продолжить осуществление хозяйственной деятельности (путем восстановления его

платежеспособности), а с другой, защитить права и интересы кредиторов, максимально удовлетворив их требования.

Как правило, среди кредиторов имеются различные мнения относительно дальнейшей судьбы должника. Ряд кредиторов видит целесообразным вернуть должника к своей основной деятельности и для этого готовы пойти на ряд уступок экономического характера (скидка долга, рассрочка, отсрочка и т.д.). В то же время иные кредиторы, не усматривая перспективы подобного варианта развития событий (например, в результате недоверия к контролирующим должника лицам), настаивают на немедленной продаже активов должника и распределении выручки.

Имеющиеся между кредиторами разногласия устраняются посредством проведения голосования и основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством (лиц, обладающих большим количеством требований к должнику (в денежном выражении)).

Однако превосходство в количестве голосов не должно позволять кредиторам, обладающим большинством, принимать произвольные решения. Так, по итогам осуществления предусмотренного мировым соглашением плана кредиторы, чья позиция не была принята на собрании, не должны получать существенно меньше того, что они получили бы в результате незамедлительной реализации имущества в ликвидационной процедуре (пункт 18 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)").

При утверждении мирового соглашения суд обязан проверить мировое соглашение на предмет соответствия этому требованию, оценить его экономическую обоснованность и целесообразность. Помимо этого суд должен оценить степень вероятности исполнения соглашения с учетом требований разумности и рыночной конъюнктуры.

Поскольку итог будущей хозяйственной деятельности должника зависит от многих, в том числе сложно прогнозируемых факторов, само по себе заключение мирового соглашения не гарантирует безусловное получение большего по сравнению с тем, на что можно было бы рассчитывать в результате незамедлительного распределения конкурсной массы. Однако процедура утверждения мирового соглашения в любом случае обязана обеспечивать защиту меньшинства кредиторов от действий большинства.

Если хотя бы одно из вышеназванных требований не выполняется, суд отказывает в утверждении мирового соглашения как противоречащего Закону о банкротстве и нарушающего права голосовавших против него кредиторов (пункт 2 статьи 160 Закона о банкротстве).

Возражая против утверждения мирового соглашения, участники строительства обращали внимание на заниженную в несколько раз стоимость объекта незавершенного строительства в представленном в преддверии голосования по условиям соглашения отчете об оценке от 19.03.2019 по сравнению с имеющимся в материалах дела отчете об оценке от 05.12.2016. При этом степень готовности объекта составляет 86 % (определение суда от 16.11.2017). По мнению участников строительства, в случае реализации имущества должника с торгов кредиторы получили бы удовлетворение требований в гораздо большем размере, чем при исполнении мирового соглашения, по условиям которого погашается только задолженность по заключенным в 2003 году договорам участия в строительстве без учета реального ущерба. Однако за время конкурсного производства (с 2012 года) попытки реализации спорного объекта с торгов не предпринимались. Кроме того, участники строительства обращали внимание на то, что мировое соглашение не содержит сведений об источниках финансирования для погашения требований кредиторов

Приведенные участниками строительства столь убедительные доводы должны были вызвать у суда обоснованные сомнения относительно экономической целесообразности мирового соглашения, в связи с чем бремя опровержения этих возражений подлежало переложению на конкурсного управляющего и кредиторов, настаивавших на его заключении.

[Определение ВС РФ от 28.05.2020 № 305-ЭС18-11645 \(3\)](#)

Особенность правового регулирования банкротных отношений состоит в том, что за утверждение мирового соглашения в деле о банкротстве должника должны проголосовать все залоговые кредиторы (пункт 2 статьи 150 Закона о банкротстве).

Залоговый конкурсный кредитор основного должника, являющийся правопреемником другого кредитора, вправе согласовать с поручителями, также находящимися в банкротстве, заключение в рамках дела о банкротстве основного должника мирового соглашения на условиях сохранения в последующем поручительства на прежних условиях – подобная договоренность не противоречит положениям ст. 421 ГК РФ о свободе договора.

В рассматриваемом случае недопустимо исключение требований кредитора-правопреемника из реестра требований кредиторов поручителя со ссылкой на то, что обязательство сторон кредитного договора изменено с связи с заменой стороны договора, заемщик-основной должник более не находится в просрочке, а основания для взыскания причитающегося с поручителя и нахождения соответствующего требования к нему в реестре отсутствуют.

В рамках дела о банкротстве должника финансовый управляющий обратился в суд с заявлением об исключении требования Гусарова А.В. из третьей очереди реестра. Судами первой и кассационной инстанций требования управляющего удовлетворены.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 11.02.2014 банк (займодавец) заключил с обществом "Комфортный город" (заёмщик) договор об открытии невозобновляемой кредитной линии. Исполнение обязательств заёмщика было обеспечено поручительством должника Терехова А.П. и Акыевой О.О.

В связи с неисполнением обществом "Комфортный город" и поручителями обязательств по возврату займа решением районного суда от 08.12.2015 с указанных лиц в солидарном порядке в пользу банка взыскано 323 374 317,42 руб.

Определением от 31.10.2016 к производству принято заявление банка о признании Терехова А. П. банкротом, 20.01.2017 введена процедура реструктуризации долгов гражданина, в третью очередь реестра включены требования банка, а 18.07.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), введена процедура реализации имущества гражданина.

В отношении второго поручителя заявление банка о признании несостоятельным (банкротом) принято определением от 28.09.2016 по делу № А40-17767/2016.

Решением от 31.01.2017 по делу № А23-5277/2016 общество "Комфортный город" также признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

05.12.2017 на собрании кредиторов общества "Комфортный город" принято решение о заключении мирового соглашения.

Определением от 19.12.2017 в настоящем деле о банкротстве должника произведена замена конкурсного кредитора – банка на его правопреемника Гусарова А.В., а также Гусаров А.В. признан сокредитором банка по кредитному договору от 11.02.2014.

Аналогичным образом правопреемство Гусарова А.В. состоялось и по делам о банкротстве общества "Комфортный город" и Акыевой О.О.

Определением от 07.02.2018 утверждено мировое соглашение, предусматривающее изменение сроков исполнения обязательств общества "Комфортный город" перед кредиторами, в том числе обязательств перед Гусаровым А.В., обеспеченных поручительством Терехова А.П. и Акыевой О.О.

Полагая, что обязательство сторон кредитного договора изменено, заёмщик более не находится в просрочке, а основания для взыскания причитающегося с поручителя и нахождения соответствующего требования к нему в реестре

отсутствуют, финансовый управляющий его имуществом обратился в арбитражный суд с настоящим заявлением.

При разрешении вопроса о влиянии мирового соглашения, заключенного в деле о банкротстве основного должника, на обязательство из поручительства, необходимо исходить из правовой природы обеспечительных сделок, смысл которых заключается в ограждении кредитора от риска непредоставления должником исполнения по основному обязательству, в повышении вероятности погашения долга за счет обеспечения, в защите кредитора от неоплатности должника, в том числе на случай банкротства последнего.

Поручительство как обеспечительная сделка призвано обслуживать интересы кредита, а не наоборот. Добросовестный и разумный кредитор, выдавая кредит, обоснованно рассчитывает на его возврат

заемщиком и получение платы. Фактор же наличия обеспечения, повышающего вероятность возврата денег, объективно влияет на условия кредитования, в частности, на получение одобрения кредитного комитета, срок, процентную ставку и т.д. (Определение ВС РФ от 27.04.2018 № 305-ЭС17-2344(13) по делу № А40- 232020/2015).

Особенность правового регулирования банкротных отношений состоит в том, что за утверждение мирового соглашения в деле о банкротстве должника должны проголосовать все залоговые кредиторы (пункт 2 статьи 150 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае, Гусаров А.В. являлся залоговым кредитором должника, правопреемником банка по кредитному договору, от волеизъявления которого зависела судьба мирового соглашения в рамках дела о банкротстве общества "Комфортный город" (основного заемщика).

Как следует из переписки сторон, представленной в материалы дела, в ответ на просьбу Терехова А.П. о заключении мирового соглашения по делу о банкротстве общества "Комфортный город" Гусаров А.В. сообщил о своей согласии при условии сохранения поручительства Терехова А.П. на прежних условиях, что поручитель фактически ему и гарантировал.

Таким образом, заключение мирового соглашения в деле о банкротстве основного заемщика залоговый кредитор согласовал с поручителем. Стороны пришли к соглашению о сохранении солидарной обязанности Терехова А.П. на прежних условиях после заключения мирового соглашения. Такая договоренность не противоречит положениям статьи 421 ГК РФ о свободе договора. Соответствующая сделка не была признана недействительной в рамках дела о банкротстве Терехова А.П. Следовательно, требование кредитора подлежит сохранению, позволяя ему получить удовлетворение в полном объеме в деле о банкротстве солидарного должника. Иной вывод противоречил бы договоренностям сторон.

Оспаривание сделок должника

[Определение ВС РФ от 06.06.2019 № 307-ЭС18-10383 \(3\)](#)

В случае, если в рамках дела о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве оспаривается не само мировое соглашение, заключенное должником в ином деле, а его исполнение, в признании такого исполнения недействительным не может быть отказано по мотиву оказания предпочтения со ссылкой на то, что оспаривание мирового соглашения без обжалования судебного акта об утверждении мирового соглашения невозможно.

В рамках дела о банкротстве должника в процедуре реструктуризации его долгов финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделки должника по отчуждению в пользу общества квартиры по договору купли-продажи.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, в порядке обеспечения исполнения кредитных обязательств третьего лица должник заключил с банком договор об ипотеке (залоге недвижимого имущества) от 02.05.2012, по условиям которого передал последнему в залог земельный участок.

По договору цессии от 27.02.2014 банк уступил права требования по кредитному договору, а также по договорам, обеспечивающим его исполнение (в том числе по договору ипотеки), в пользу компании.

Компания и должник заключили дополнительное соглашение от 11.06.2014 к договору ипотеки о передаче компании в залог квартиры.

Компания обратилась в суд общей юрисдикции с иском к должнику и иным лицам о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество. Впоследствии компания по договору цессии от 28.12.2015 уступила обществу права требования, в том числе к должнику.

Определением суда общей юрисдикции от 28.12.2015 утверждено мировое соглашение, по условиям которого общество обращает взыскание, в том числе на квартиру путем оставления ее за собой по цене 20 740 000 руб.

Переход права собственности на квартиру к обществу подтвержден регистрирующим органом 31.03.2017 после возбуждения в отношении должника дела о банкротстве (09.09.2016). Впоследствии спорная квартира отчуждена обществом в пользу третьего лица.

Отказывая в признании сделки недействительной, суды исходили из того, что оставление обществом квартиры за собой предусмотрено утвержденным судом

мировым соглашением, оспаривание которого без обжалования соответствующего судебного акта невозможно.

Между тем судами не учтено следующее.

Оспаривая действия по исполнению сторонами мирового соглашения, финансовый управляющий ссылаясь на отчуждение спорного имущества после возбуждения в отношении должника дела о банкротстве без соблюдения установленной Законом о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов. Доводов о недействительности самого мирового соглашения, утвержденного судом общей юрисдикции, не приводилось.

По соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением взамен исполнения отступного (уплатой денег, передачей имущества и т.п.) (статья 409 ГК РФ).

Поскольку заключенное между сторонами соглашение предусматривает предоставление в качестве отступного недвижимого имущества (квартиры), право собственности на которое в соответствии с пунктом 2 статьи 223 ГК РФ возникает у приобретателя этого имущества с момента регистрации перехода права, оно считается исполненным только после перехода к кредитору титула собственника недвижимого имущества в установленном законом порядке. Само по себе утверждение судом мирового соглашения в отсутствие регистрации перехода права собственности не влечет наступления правовых последствий, на создание которых была направлена воля сторон при его заключении.

После признания гражданина банкротом и введения процедуры реструктуризации его долгов арбитражный управляющий осуществляет предусмотренные Законом о банкротстве мероприятия в целях удовлетворения требований всех кредиторов должника. При этом кредиторы, предъявившие требования должнику в рамках дела о банкротстве до регистрации перехода права собственности на отчужденное должником недвижимое имущество, должны находиться в равном положении с кредитором, заключившим соглашение об отступном. Иной подход противоречит задачам регулирования отношений несостоятельности.

В рассматриваемом случае исполнение мирового соглашения (регистрация перехода права собственности на спорное имущество от должника к обществу) привело, по мнению финансового управляющего, к преимущественному удовлетворению требований общества перед другими кредиторами должника, в связи с чем могло быть оспорено по правилам главы III.1 Закона о банкротстве (подпункт 6 пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС18-18294](#)

При разрешении спора о признании сделки недействительной суду надлежит учитывать выводы судов об обстоятельствах совершения данной сделки, сделанные ранее при рассмотрении дел, решения по которым имеют преюдициальное значение для рассмотрения обособленного спора в рамках банкротства.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий – агентство – обратился в суд с заявлением о признании недействительными трех банковских операций по выдаче обществу наличных денежных средств со счета, открытого в банке, через кассу банка, а именно, операций: от 28.03.2017 по выдаче 808 500 рублей; от 28.03.2017 по выдаче 810 000 рублей; от 30.03.2017 по выдаче 5 600 000 рублей.

Агентство просило применить последствия недействительности этих операций, взыскав в конкурсную массу полученные обществом суммы, а также взыскать с общества проценты за пользование чужими денежными средствами, начисленные на полученные суммы.

Судом первой инстанции заявление агентства удовлетворено в части: признаны недействительными спорные банковские операции от 28.03.2017 и от 30.03.2017 на общую сумму 7 218 500 рублей. Судом апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено в части отказа во взыскании с общества процентов за пользование чужими денежными средствами. Суд округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной оставил без изменения.

Судебная коллегия считает, что кассационная жалоба подлежит частичному удовлетворению по следующим основаниям.

28.03.2017 и 30.03.2017 оформлены документы о выдаче обществу (клиенту банка по договору банковского счета) через кассу банка денежных средств, находившихся на счете общества, в сумме 808 500 рублей, 810 000 рублей и 5 600 000 рублей.

Приказами Банка России с 10.04.2017 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

Впоследствии решением от 30.06.2017 банк признан банкротом.

В рамках дела о банкротстве агентство оспорило названные операции по выдаче денежных средств, полагая что вследствие их совершения общество получило предпочтительное удовлетворение своего требования, вытекающего из договора банковского счета, по отношению к требованиям иных клиентов должника.

Удовлетворяя заявление агентства о признании недействительными банковских операций от 28.03.2017 и от 30.03.2017 и о применении последствий их недействительности, суды исходили из того, что данные операции совершены менее чем за месяц до назначения временной администрации по управлению банком, распоряжения общества о выдаче денежных средств исполнены в обход других ожидающих исполнения распоряжений клиентов.

При этом суд округа отклонил довод общества о наличии взаимоисключающих выводов в судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции (в определении суда первой инстанции, постановлении суда апелляционной инстанции по настоящему делу и в решениях суда общей юрисдикции от 18.12.2017, от 29.01.2018), сославшись на то, что решения суда общей юрисдикции вступили в законную силу после принятия определения арбитражным судом первой инстанции.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу пункта 6 части 1 статьи 185 АПК РФ арбитражным судам надлежало оценить возражения общества относительно противоречивой позиции агентства по вопросу о реальности получения 5 600 000 рублей через кассу банка.

Так, в рамках настоящего дела агентство в обоснование своего требования указало на то, что денежные средства в указанной сумме были реально получены обществом, при этом имело место предпочтительное удовлетворение требования данного клиента о возврате остатка на счете.

Однако в суде общей юрисдикции при рассмотрении дел по искам Игрунова М.М., Игруновой Л.Н., Чудакова С.Л. и Чудаковой Н.М., предъявленным ими к агентству, отказавшему в выплате упомянутым гражданам страхового возмещения, агентство занимало иную позицию и доказывало, что кассовая операция на сумму 5 600 000 рублей носила технический характер, фактически выдача средств обществу не производилась. Истинной целью совершения совокупности названных технических операций являлось искусственное создание остатка на счетах физических лиц вместо остатка на счете юридического лица для последующего получения страховой выплаты. Суд общей юрисдикции признал доводы агентства обоснованными и подтвержденными документально, в связи с чем отказал в удовлетворении исков граждан.

Решения были приняты судом общей юрисдикции 18.12.2017 и 29.01.2018, то есть до вынесения оспариваемого определения суда первой инстанции о признании банковской операции недействительной. Они вступили в законную силу 18.06.2018 и 04.06.2018 – до рассмотрения судом апелляционной инстанции жалобы на определение.

Суд первой инстанции реальность операции по получению обществом 5 600 000 рублей не проверил, несмотря на то, что это входило в предмет доказывания по

спору о признании банковской операции недействительной и применении последствий ее недействительности. Суды апелляционной инстанции и округа не привели мотивы, по которым они не согласились с выводами, изложенными во вступивших к тому времени в законную силу решениях суда общей юрисдикции, имеющих преюдициальное значение для участвующих в обособленном споре лиц.

В настоящее время агентство в отзыве на кассационную жалобу признает притворный характер операции по выдаче обществу 5 600 000 рублей из кассы банка. Соответствующие обстоятельства были установлены судом общей юрисдикции и не опровергнуты арбитражными судами.

При таких обстоятельствах данная банковская операция является ничтожной в силу статьи 170 ГК РФ как притворная. Фактически техническими операциями по получению 5 600 000 рублей из кассы банка и по внесению их через ту же кассу на счета физических лиц оформлена уступка обществом требования о возврате банком, находящимся в ситуации объективного банкротства, остатка средств на расчетном счете организации четырем физическим лицам (статья 382 ГК РФ).

Поскольку обществом не были получены какие-либо денежные средства, а требование к банку оно уступило физическим лицам, у судов не имелось оснований ни для взыскания с общества 5 600 000 рублей, ни для восстановления обязательств банка перед обществом на эту сумму. Ввиду неправомерности основного требования о возврате 5 600 000 рублей не подлежало удовлетворению и дополнительное требование о выплате обществом процентов, начисляемых на указанную сумму.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021](#)

При предоставлении участником дела о банкротстве доказательств, указывающих на то, что сделки, совершённые должником и заинтересованными лицами, использованы в качестве механизма формального наращивания кредиторской задолженности с противоправной целью, у судов должны возникнуть обоснованные сомнения о мотивах сделок, наличии экономической необходимости их совершать и должны быть исследованы такие аспекты спорных отношений, как использование полученных денежных средств и реальность намерений исполнить обязательства по сделкам.

В рамках дела о банкротстве должника его кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделкой договора поручительства от 12.04.2016, заключенного между должником и обществом (далее – займодавец).

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия полагает, что судебные акты подлежат отмене.

12.04.2016 между займодавцем и должником заключен договор поручительства, который обеспечивал исполнение обязательств общества «Риверсайд» (далее – заёмщик) перед займодавцем по договору займа от 12.04.2016.

Отказывая в удовлетворении требования, суды указали, что оснований для признания договора поручительства недействительной сделкой не имеется ввиду его безвозмездности, уменьшения конкурсной массы вследствие заключения договора поручительства не произошло.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно сложившейся судебной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок (постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 14510/13). Получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заёмщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является стандартной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности (определение ВС РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475). Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счёте, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть фактически о злоупотреблении данным займодавцем своими правами во вред иным участникам оборота, в частности, остальным кредиторам должника (пункт 4 статьи 1 и пункт 1 статьи 10 ГК РФ).

В ситуации, когда кредитор является независимым от группы заемщика лицом, предоставленные в виде займа денежные средства, как правило, выбывают из-под контроля кредитора, поэтому предполагается, что главная цель поручительства заключается в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств. Следовательно, доказывание недобросовестности кредитора осуществляется лицом, ссылающимся на данный факт (часть 1 статьи 65 АПК РФ).

Если же заём является внутригрупповым, денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях заинтересованности займодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические

мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В обратном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц (определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6)).

При рассмотрении настоящего спора кредитор ссылался на то, что займодавец, заёмщик и поручитель входят в одну группу компаний и контролируются одними лицами. В связи с этим кредитор ставил под сомнение наличие экономической целесообразности для сторон спорных сделок в предоставлении поручительства, поскольку в такой ситуации, учитывая подконтрольность данных лиц одной группе, поручительство фактически выдавалось по долгу перед «самим собой».

Кроме того, кредитор обращал внимание суда на происхождение денежных средств, перечисленных заёмщику. Кредитор отмечал, что 18.12.2015 им был выдан кредит обществу «ТТК Чечёрский 16» в размере 250 млн. рублей.

Далее эти денежные средства 12.04.2016 общество «ТТК Чечёрский 16» перечислило в пользу акционерного общества «Щебень Карелии» по договору купли-продажи акций.

В этот же день акционерное общество «Щебень Карелии» перечислило денежные средства в аналогичной сумме по договору займа обществу (займодавцу по настоящему спору), которое также 12.04.2016 направляет средства по спорному договору займа обществу «Риверсайд», за которое и поручился должник.

Далее общество «Риверсайд» тоже 12.04.2016 направляет полученные средства в пользу кредитора (банка) в погашение ранее возникших кредитных обязательств закрытому акционерному обществу

«Прионежский габбродиабаз» (поручительское исполнение).

Тем самым, по мнению кредитора, имело место транзитное движение денежных средств, которое позволило в отсутствие реальных хозяйственных отношений искусственно создать и нарастить внутригрупповую задолженность; оспариваемый договор поручительства заключён с целью прикрытия притворного договора займа при условии заинтересованности всех сторон данных договоров (в том числе и займодавца), что требует более тщательной проверки и надлежащего документального опровержения.

Однако суды в нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ названным доводам правовой оценки не дали.

При предоставлении участником дела о банкротстве доказательств, указывающих на наличие признаков злоупотребления правом при совершении

указанных сделок займа и поручительства, а именно на то, что сделки, совершённые заинтересованными лицами, использованы в качестве механизма формального наращивания кредиторской задолженности с противоправной целью (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), у судов должны были возникнуть обоснованные сомнения о мотивах сделок, наличии экономической необходимости их совершать и исследованы такие аспекты спорных отношений, как использование заёмщиком полученных денежных средств, реальность намерений исполнить обязательства по сделкам.

[Определение ВС РФ от 12.07.2019 № 303-ЭС18-18778](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделки должника суд не связан выводами другого суда о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм.

При невозможности получить исполнение по сделке должник вправе требования возмещения убытков на основании статьи 393, пункта 2 статьи 567, пункта 2 статьи 463, статьи 398 и пункта 1 статьи 568 ГК РФ, по меньшей мере, в размере стоимости переданного по такой сделке.

В рамках дела о банкротстве общества «Алмикс» его конкурсный управляющий и конкурсный кредитор Плахов Н.В. обратились в суд с заявлениями о признании недействительным соглашения от 29.04.2015 о передаче прав и обязанностей по договору аренды земельного участка от 27.11.2014, заключенного обществом «Алмикс» (прежним арендатором) и обществом «Владстройзаказчик» (новым арендатором), и о применении последствий недействительности этой сделки в виде взыскания с общества

«Владстройзаказчик» в пользу общества «Алмикс» 29 264 000 рублей.

Судами трех инстанций заявления удовлетворены. Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат оставлению в силе.

Обществом «Алмикс» (арендатором) и Администрацией Артемовского городского округа (арендодателем) заключен договор от 27.11.2014 аренды земельного участка для комплексного освоения в целях жилищного строительства на срок до 26.05.2016.

Данный договор заключен по результатам аукциона. За приобретенное на торгах право на заключение договора аренды общество «Алмикс» заплатило 8 355 200 рублей.

Впоследствии общество «Алмикс», общество «Владстройзаказчик», общество «Партнеры» заключили договор от 29.04.2015, поименованный договором об инвестиционной деятельности. По условиям этой сделки упомянутые хозяйственные

общества обязались реализовать инвестиционный проект по строительству пяти многоквартирных жилых домов на арендуемом обществом «Алмикс» земельном участке.

Согласно договору общество «Алмикс» обязалось передать в качестве вклада право аренды земельного участка, которое оценено сторонами договора в 40 000 000 рублей, в обмен на предоставление ему в будущем части недвижимого имущества, созданного другими сторонами договора на этом участке.

Вкладом общества «Партнеры» являются денежные средства, необходимые для финансирования работ по сбору исходных данных, разработке проектной документации, прохождению государственной экспертизы, а также для финансирования мероприятий по получению технических условий для присоединения возводимых объектов к инженерным сетям. Общество «Партнеры» также обязалось принять участие совместно с обществом «Владстройзаказчик» в деятельности, связанной с выполнением проектно- изыскательских работ, получением разрешения на строительство.

На общество «Владстройзаказчик» договором возложены функции застройщика, обязавшегося осуществить строительство домов, провести мероприятия по вводу их в эксплуатацию.

В день подписания договора об инвестиционной деятельности общество «Алмикс» (прежний арендатор) и общество «Владстройзаказчик» (новый арендатор) заключили соглашение от 29.04.2015 о передаче последнему прав и обязанностей по договору аренды земельного участка от 27.11.2014. Соглашение заключено с согласия собственника земельного участка.

Впоследствии арбитражным судом был разрешен иск общества «Алмикс» к обществам «Партнеры» и

«Владстройзаказчик» об обязанности общества «Владстройзаказчик» вернуть земельный участок обществу

«Алмикс». Вступившим в законную силу решением суда от 10.03.2017 в удовлетворении этого иска отказано. Суд квалифицировал договор об инвестиционной деятельности от 29.04.2015 как договор простого товарищества (глава 55 ГК РФ и признал данный договор прекращенным на основании пункта 1 статьи 1050 ГК РФ вследствие объявления обществ «Алмикс» и «Партнеры» (товарищей) несостоятельными

(банкротами). Вместе с тем, указав на недоказанность обществом «Алмикс» того, что во исполнение договоренностей, достигнутых при заключении инвестиционного договора, право аренды земельного участка вошло в состав общего имущества товарищей и участок использовался ими на условиях множественности

лиц на стороне арендатора, суд признал требование о возврате земельного участка необоснованным.

Удовлетворяя заявления управляющего и кредитора, суды исходили из того, что соглашение от 29.04.2015 заключено менее чем за год до возбуждения дела о банкротстве общества «Алмикс». Оно является соглашением о перенайме (пункт 2 статьи 615 ГК РФ). Суды указали на то, что при наличии спроса на земельный участок перенаем не мог быть осуществлен без взимания с нового арендатора платы за вступление в арендные отношения, оспариваемое соглашение от 29.04.2015 не содержало условия об осуществлении каких-либо выплат в пользу общества «Алмикс» (прежнего арендатора), тогда как рыночная стоимость права аренды согласно заключению судебной экспертизы составляла 29 264 000 рублей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1041 ГК РФ существенными условиями договора простого товарищества являются совместные действия, направленные на достижение общей цели, и соединение участниками товарищества своих вкладов. Кроме того, при ведении общих дел и в отношениях с третьими лицами участники простого товарищества действуют совместно (статья 1044 ГК РФ).

Согласно части 2 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Вместе с тем арбитражный суд не связан выводами другого суда о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм.

Судебная коллегия считает, что не имеется оснований для квалификации отношений, возникших между обществами «Алмикс» и «Владстройзаказчик» из договора об инвестиционной деятельности, как отношений двух товарищей (глава 55 ГК РФ).

По упомянутому договору общество «Алмикс» не принимало на себя обязательств о совершении тех или иных конкретных действий совместно с иными сторонами для извлечения прибыли или достижения иной цели, в том числе направленных на создание недвижимости. В соответствии с договором единственным обязательством общества «Алмикс» являлась передача права аренды земельного участка под строящимися объектами в обмен на недвижимое имущество, которое будет создано в будущем. Общество «Алмикс» было наделено лишь полномочиями, характерными для приобретателя будущей вещи (дача согласия на изменение проектного решения, замену используемых при строительстве материалов, право на получение информации о ходе строительства и т.п.).

При этом общества «Владстройзаказчик» и «Партнеры», действительно, выступили товарищами, как это и было констатировано в ходе рассмотрения дела №

А51-18206/2016, заключившими соглашением об осуществлении совместных действий, нацеленных на реализацию инвестиционного проекта по строительству многоквартирных домов.

С учетом изложенного, судебная коллегия приходит к выводу о том, что общество «Алмикс» заключило с участниками товарищества договор, по которому оно предоставило право аренды земельного участка, а в качестве встречного предоставления должно было получить недвижимые вещи, которые будут созданы в будущем. К такому договору подлежат применению правила главы 31 и subsidiarily главы 30 ГК РФ.

Общество «Алмикс», выполнившее свои обязательства по передаче права аренды, встречное предоставление не получило, и не получит его в дальнейшем, так как строительство на земельном участке не осуществлялось, он возвращен публичному образованию в виде пустыря с зелеными насаждениями.

Следовательно, общество «Алмикс» вправе требовать возмещения убытков обществом

«Владстройзаказчик» (солидарным должником) на основании статьи 393, пункта 2 статьи 567, пункта 2 статьи 463, статьи 398 и пункта 1 статьи 568 ГК РФ, по меньшей мере, в размере стоимости переданного обществом

«Алмикс» права аренды.

[Определение ВС РФ от 22.07.2019 № 308-ЭС19-4372](#)

Для применения презумпции наличия цели причинения вреда имущественным правам кредиторов достаточно, в частности, установить совокупность двух обстоятельств: недостаточность имущества должника на момент совершения сделки и безвозмездный характер этой сделки.

Вопрос о том, какое из жилых помещений, принадлежащих должнику, будет защищено исполнительским иммунитетом, подлежит разрешению только после рассмотрения всех споров,

касающихся применения последствий недействительности сделок с жилыми помещениями должника и окончательного определения перечня жилья, возвращенного по реституционным требованиям.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Мацанова А.А. финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными двух заключенных должником с Гайденом М.А. договоров дарения от 30.04.2015.

Суд первой инстанции требования финансового управляющего удовлетворил. Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом округа, в удовлетворении заявления отказано.

Удовлетворяя заявление управляющего, суд первой инстанции указал, что должник произвел безвозмездное отчуждение недвижимости в пользу дочери своей супруги в целях предотвращения возможного обращения взыскания на эту недвижимость в процедурах банкротства; совершение данных сделок привело к невозможности наиболее полного удовлетворения требований кредиторов должника, что свидетельствует о причинении договорами дарения вреда кредиторам должника. На момент заключения оспариваемых сделок Мацанов А.А., будучи одним из бенефициаров группы компаний «Орбита», имел обязательства по нескольким договорам поручительства, обеспечивающим возврат значительных сумм, полученных по кредитным договорам, заключенным входящими в данную группу компаниями (заемщиками) с несколькими кредитными организациями. Суд обратил внимание на отсутствие в деле доказательств того, что в момент дарения стоимость имущества Мацанова А.А. была достаточна для исполнения обязательств перед кредиторами, о чем не могла не знать Гайденко М.А.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что на день заключения договоров дарения основные должники (заемщики) не находились в просрочке по тем обязательствам, по которым Мацанов А.А. выдал поручительства. Суд апелляционной инстанции констатировал отсутствие у Мацанова А.А. признаков неплатежеспособности на момент дарения. Суд также счел, что и у заемщиков в это время отсутствовали признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества, а должник подарил жилой дом и земельные участки дочери своей супруги в рамках обычных семейных отношений.

Суд округа дополнительно указал на то, что Мацанов А.А. и член его семьи Гайденко М.А. зарегистрированы и проживают в спорном доме, при этом в материалах дела отсутствуют доказательства наличия у должника и члена его семьи иного помещения, пригодного для проживания, поэтому при возврате дома в конкурсную массу он будет защищен исполнительским иммунитетом.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

Для применения презумпции наличия цели причинения вреда имущественным правам кредиторов достаточно, в частности, установить совокупность двух обстоятельств: недостаточность имущества должника на момент совершения сделки и безвозмездный характер этой сделки (абз. 2 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Под недостаточностью имущества должника в силу ст. 2 Закона о банкротстве понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей над стоимостью имущества.

Суд первой инстанции констатировал отсутствие в материалах дела доказательств того, что в момент дарения недвижимости активов Мацанова А.А. хватало для покрытия его совокупного долга, который многократно превышал

величину годового дохода Мацанова А.А., определенного судом апелляционной инстанции.

Суд первой инстанции правильно указал на то, что Мацанов А.А. не мог не знать о неудовлетворительном экономическом состоянии заемщиков и поэтому не имел разумных ожиданий относительно того, что кредитные обязательства будут исполнены основными должниками. Судебная коллегия не может согласиться с выводом суда апелляционной инстанции о стабильном финансовом положении заемщиков вплоть до возбуждения дел об их банкротстве. Кризисная ситуация, как правило, возникает не одномоментно, ей предшествует период снижения прибыльности, который переходит в стадию объективного банкротства. Мацанов А.А., являвшихся, в частности, руководителем и участником ряда организаций, входящих в группу «Орбита», не представил доказательств того, что в преддверии банкротства заемщиков имелась реальная возможность исполнения ими кредитных обязательств, которая была утрачена в относительно короткий промежуток времени.

Вывод суда апелляционной инстанции о совершении обычной внутрисемейной сделки ошибочен. С точки зрения принципа добросовестности в ситуации существования значительных долговых обязательств, указывающих на возникновение у гражданина-должника признака недостаточности имущества, его

стремление одарить родственника или свойственника не может иметь приоритет над необходимостью удовлетворения интересов кредиторов за счет имущества должника.

Вывод суда округа о том, что признание сделок недействительными не приведет к восстановлению прав кредиторов, поскольку жилой дом защищен исполнительским иммунитетом, судебная коллегия находит неправильным.

Как разъяснено в абз. 2 п. 3 постановления № 48, при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи.

Как следует из материалов дела о банкротстве Мацанова А.А., помимо настоящего спора на разрешение суда переданы другие заявления о признании недействительными иных сделок по отчуждению жилых помещений, совершенных супругой должника в преддверии банкротства. Кредиторы считают реализованную супругой должника недвижимость общим имуществом супругов.

Вопрос о том, какое из помещений будет защищено исполнительском иммунитетом, подлежал разрешению судом только после рассмотрения всех споров, касающихся применения последствий недействительности сделок с жилыми

помещениями, и окончательного определения перечня жилья, возвращенного по реституционным требованиям.

[Определение ВС РФ от 23.08.2019 № 304-ЭС15-2412 \(19\)](#)

Положения статьи 61.2 Закона о банкротстве необходимы, в первую очередь, для того, чтобы посредством аннулирования подозрительных сделок ликвидировать последствия вреда, причиненного кредиторам должника после вывода активов последнего. Квалифицирующим признаком таких сделок является именно наличие вреда кредиторам, умаление конкурсной массы в той или иной форме.

В целях определения того, повлекла ли сделка вред, поведение должника может быть соотнесено с предполагаемым поведением действующего в своем интересе и в своей выгоде добросовестного и разумного участника гражданского оборота. Так, если сделка, скорее всего, не могла быть совершена таким участником оборота, в первую очередь, по причине ее невыгодности (расточительности для имущественной массы), то наиболее вероятно, что сделка является подозрительной. И напротив, если есть основания допустить, что разумным участником оборота могла быть совершена подобная сделка, то предполагается, что условий для ее аннулирования не имеется.

Необходимо также учитывать, что помимо стоимостных величин при квалификации сделки во внимание должны приниматься и все обстоятельства ее совершения, указывающие на возможность получения взаимной выгоды сторонами, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным.

В случае, если уменьшение процентной ставки по кредиту и продление срока его возврата незначительно изменяли условия кредитования (отклонение параметров финансирования менее чем на 14%), то дополнительное соглашение, внесшее такие изменения в кредитный договор, не подлежит признанию недействительным применительно к ст. 61.2 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве банка конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным дополнительного соглашения от 09.12.2013 к кредитному договору от 17.01.2013, заключенного между банком и Касатенковой В.А.

Судами трех инстанций оспариваемое дополнительное соглашение признано недействительным. Касатенкова В.А. являлась сотрудником банка (экономистом по вкладным операциям).

17.01.2013 между ней (заемщиком) и банком (кредитором) был заключен договор, на основании которого банк предоставил Касатенковой В.А. кредит в

размере 1 030 000 руб. на приобретение квартиры. Кредит был предоставлен под 11 % годовых сроком до 2038 года, его исполнение обеспечивалось ипотекой названной квартиры.

09.12.013 стороны подписали дополнительное соглашение к кредитному договору. По условиям названного соглашения срок возврата кредита продлен до 2043 года, процентная ставка снижена до 7 % годовых.

Приказами Банка России от 09.01.2014 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

В связи с ненадлежащим исполнением заемщиком Касатенковой В.А. обязательств перед банком по погашению кредита в период с 31.01.2014 по 01.04.2018 (исходя из условий первоначальной редакции договора) последний в лице конкурсного управляющего обратился в районный суд с исковым заявлением к Касатенковой В.А. о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество.

Решением районного суда от 05.06.2018 в удовлетворении иска отказано, суд сослался на изменение условий кредитного договора в результате заключения оспариваемого дополнительного соглашения.

Полагая, что дополнительное соглашение заключено в пределах месяца до назначения временной администрации на заведомо невыгодных для банка условиях в целях причинения имущественного вреда кредиторам должника, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением по настоящему обособленному спору.

Положения статьи 61.2 Закона о банкротстве необходимы, в первую очередь, для того, чтобы посредством аннулирования подозрительных сделок ликвидировать последствия вреда, причиненного кредиторам должника после вывода активов последнего. Квалифицирующим признаком таких сделок является именно наличие вреда кредиторам, умаление конкурсной массы в той или иной форме.

В целях определения того, повлекла ли сделка вред, поведение должника может быть соотнесено с предполагаемым поведением действующего в своем интересе и в своей выгоде добросовестного и разумного участника гражданского оборота. Так, если сделка, скорее всего, не могла быть совершена таким участником оборота, в первую очередь, по причине ее невыгодности (расточительности для имущественной массы), то наиболее вероятно, что сделка является подозрительной. И напротив, если есть основания допустить, что разумным участником оборота могла быть совершена подобная сделка, то предполагается, что условий для ее аннулирования не имеется.

Необходимо также учитывать, что помимо стоимостных величин при квалификации сделки во внимание должны приниматься и все обстоятельства ее совершения, указывающие на возможность получения взаимной выгоды сторонами, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным (определение ВС РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-8671 (2)).

Из этого следует, что незначительное отклонение стоимостных параметров сделки от аналогичных сделок само по себе еще не означает, что сделка не являлась для сторон взаимовыгодной и что посредством ее заключения конкурсной массе причинен вред.

Приводя довод об отсутствии вреда от спорной сделки, Касатенкова В.А. ссылалась на то, что уменьшение процентной ставки по кредиту и продление срока его возврата незначительно изменяли согласованные с банком условия кредитования. Согласно положениям кредитного договора в изначальной редакции заемщик в общей сложности должен был выплатить 2,46 млн. руб., в то время как с учетом дополнительного соглашения эта сумма составила 2,12 млн. руб., что указывает на незначительность изменения параметров финансирования (отклонение на 13,8 %) и, как следствие, отсутствие признака вреда применительно к правилам статьи 61.2 Закона о банкротстве. При таких условиях у судов не имелось оснований для квалификации оспариваемого дополнительного соглашения как подозрительной сделки и признания его недействительным.

[Определение ВС РФ от 26.08.2019 № 305-ЭС16-11128](#)

По специальным правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве может быть оспорено и двустороннее соглашение о прекращении обязательств договаривающихся сторон (пункт 3 статьи 407 ГК РФ). Однако обязательным условием недействительности такого рода соглашения по признаку предпочтительности является то, что исполнение по названному в этом соглашении прекращенным требованию должника к другой стороне соглашения действительно причиталось должнику, то есть являлось его активом, подлежащим распределению между всеми кредиторами.

В случае, если соглашения между клиентом и фактором не привели к уменьшению активов должника (клиента), их расходованию на предпочтительное удовлетворение какого-либо требования фактора, они не подлежат признанию недействительными.

2. Само по себе погашение клиентом финансирования по предыдущим траншам, полученным в рамках одной факторинговой сделки с лимитом финансирования, с последующим предоставлением по той же сделке новых траншей

не свидетельствует о нарушении прав и законных интересов кредиторов должника (клиента) в ситуации, когда общий объем задолженности перед фактором в результате таких операций остается неизменным.

3. Окончательный размер полученной с предпочтением суммы по обязательствам, не являющимся текущими, невозможно исчислить без анализа совокупности взаимосвязанных операций по выдаче финансовых траншей и погашению образовавшейся задолженности.

4. Сам по себе тот факт, что фактор является профессиональным участником финансового рынка, не может рассматриваться как единственное достаточное обоснование того, что он знал или должен был знать о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам. Оспаривающие текущие платежи лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности фактора, в частности подтвердить, что полученные от клиента (должника) документы о его финансовом положении содержали конкретные сведения, свидетельствующие об очередности проведения расчетов по текущим платежам (по смыслу пункта

12.2 постановления № 63).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) буровой компании (должник) его конкурсный управляющий Якимиди Л.Р. обратилась в суд с заявлением о признании недействительными:

операций по перечислению денежных средств в общей сумме 866 618 895 ,05 руб. с расчетного счета буровой компании на счет общества, совершенных при исполнении обязательств по договору финансирования под уступку денежного требования от 14.11.2012;

соглашений о зачете взаимных требований буровой компании и общества на общую сумму 203 386 775,14 руб., подписанных в рамках упомянутого договора.

Управляющий Якимиди Л.Р. также просила применить последствия недействительности спорных операций и соглашений.

Судами трех инстанций заявление конкурсного управляющего удовлетворено.

14.11.2012 общество (фактор) и буровая компания (клиент) заключили договор финансирования под уступку денежных требований к дебиторам с дополнительными соглашениями.

Договором факторинга установлен лимит финансирования – 30 000 000 руб., который дополнительным соглашением от 10.06.2013 был увеличен до 200 000 000 руб.

Договором определен порядок расчета вознаграждения фактора.

В дополнительном соглашении к договору факторинга закреплена обязанность клиента перечислять фактору денежные средства, полученные от дебиторов, в случае

если последние после уступки денежного требования произведут исполнение в пользу клиента, а не фактора.

Согласно условиям договора факторинга сумма финансирования определяется отдельно по каждому уступленному требованию и составляет номинальную стоимость требования к дебитору, под уступку которого осуществляется финансирование.

При этом стороны согласовали, что сумма финансирования может быть уменьшена на сумму вознаграждения фактора и сумму причитающихся ему договорных пеней, штрафов, начисленных в связи с ненадлежащим исполнением обязательств клиентом по факторинговой сделке.

В действительности дебиторы об уступках требований к ним не уведомлялись ни клиентом, ни фактором и поэтому производили расчеты напрямую с клиентом.

Определением суда первой инстанции от 04.10.2013 возбуждено производство по настоящему делу о банкротстве буровой компании, решением суда от 10.02.2015 в отношении буровой компании, единственный участник которой 31.10.2014 принял решение о ее ликвидации, введена первая процедура банкротства – конкурсное производство.

В период до возбуждения дела о банкротстве и после 04.10.2013 фактор заключал с буровой компанией соглашения об уступке требований и предоставлял финансирование под эти соглашения, буровая компания, в свою очередь, исполняла обязательства по возврату финансирования и выплате вознаграждения фактору.

Так, в период с 04.04.2013 по 28.07.2014 со счета буровой компании были списаны денежные средства в пользу фактора (как по распоряжению самой буровой компании, так и в безакцептном порядке по инкассовым поручениям фактора, выставленным в соответствии с условиями договора факторинга) в размере:

850 562 837,3 руб. – возврат финансирования за счет платежей, поступивших клиенту от дебиторов;

16 056 057,75 руб. – вознаграждение фактора, неустойка за нарушение клиентом обязательств по договору факторинга.

Кроме того, в ходе исполнения договора факторинга клиент и фактор подписывали соглашения, поименованные ими соглашениями о зачете взаимных требований, в которых они констатировали, что не подлежат исполнению взаимные обязательства фактора и клиента: обязательство фактора по предоставлению клиенту второй части финансирования и частично обязательство клиента по перечислению фактору средств, полученных напрямую от дебиторов, – в размере второй части финансирования.

В период с 04.04.2013 по 28.07.2014 подписаны двусторонние соглашения о зачете на общую сумму 203 386 775,14 руб.

Конкурсный управляющий буровой компанией, полагая, что операции по списанию денежных средств со счета клиента в пользу фактора, совершенные после 04.04.2013, а также соглашения о зачете, подписанные после 04.04.2013, являются недействительными на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, обратился в суд с заявлением о признании их недействительными и о применении последствий недействительности данных операций, соглашений.

Удовлетворяя заявление управляющего, суды исходили из того, что в преддверии банкротства фактор имел доступ к бухгалтерской документации клиента, свидетельствующей о наличии у буровой компании признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества, несмотря на это он принял исполнение, произвел зачет встречных однородных требований, получив преимущественное удовлетворение своих требований по отношению к требованиям иных реестровых кредиторов. В части текущих платежей, суды сочли, что общество, являющееся профессиональным участником рынка финансовых услуг, осуществляющее постоянный контроль за финансовым состоянием буровой компании, действуя с должной степенью разумности и осмотрительности, должно было узнать о нарушении очередности погашения текущих платежей.

Между тем судами не учтено следующее.

В соответствии с пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований.

По специальным правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве может быть оспорено и двустороннее соглашение о прекращении обязательств договаривающихся сторон (статья 421 ГК РФ (в настоящее время – пункт 3 статьи 407 названного Кодекса)). Однако обязательным условием недействительности такого рода соглашения по признаку предпочтительности является то, что исполнение по названному в этом соглашении прекращенным требованию должника к другой стороне соглашения действительно причиталось должнику, то есть являлось его активом, подлежащим распределению между всеми кредиторами.

В рассматриваемом случае обязательство фактора по перечислению второй части финансирования клиенту, выплачиваемой согласно условиям договора после получения самим фактором денежных средств от дебиторов, не возникло, так как на протяжении всего периода взаимодействия клиента и фактора дебиторы ни разу не перечисляли денежные средства фактору, клиент также никогда не перечислял фактору полученное от дебиторов в полном объеме, оставляя у себя сумму, относящуюся ко второй части финансирования.

Таким образом, какой-либо актив на стороне клиента в виде его требования к фактору о выплате второй части финансирования в действительности не существовал. В спорных соглашениях, по сути, зафиксировано фактически сложившееся состояние отношений между сторонами договора – во-первых, констатировано отсутствие на стороне фактора обязательства по перечислению второй части финансирования ввиду непоступления ему денежных средств от дебиторов и, во-вторых, в целях недопущения неосновательного обогащения фактора, действующего в этой части добросовестно, зафиксировано частичное отступление от договорного условия об обязанности клиента по перечислению фактору всех средств, полученных напрямую от дебиторов, – в размере второй части финансирования.

Поскольку упомянутые соглашения не привели к уменьшению активов должника, их расходованию на предпочтительное удовлетворение какого-либо требования фактора, они не подлежали признанию недействительными.

В этой части в удовлетворении заявления конкурсного управляющего буровой компанией следовало отказать.

2. Судебная коллегия не может согласиться и с выводами судов, сделанными по требованию управляющего о признании недействительными операций по списанию денежных средства в пользу фактора. Законодательное регулирование вопросов недействительности сделок с предпочтением имеет целью создание правового механизма, обеспечивающего защиту прав всех кредиторов в ситуации, когда один кредитор получает удовлетворение, превышающее причитающееся ему по правилам законодательства о несостоятельности, вследствие чего уменьшается конкурсная масса и нарушаются права и законные интересы иных кредиторов, которые получают меньше причитающегося им.

По рассматриваемому договору факторинга буровая компания (клиент) была вправе получить от общества (фактора) сумму очередного финансирования лишь при условии, что общий размер ее долга по договору не превышает установленный сделкой лимит финансирования клиента (зафиксированную сторонами в договоре верхнюю долговую границу).

В ходе исполнения договора буровая компания получила первые транши, частично погасила задолженность перед обществом по ним, а затем вновь неоднократно финансировалась, периодически погашая долги.

Однако кредиторы буровой компании в принципе не могли претендовать на удовлетворение своих требований за счет всей совокупности платежей, внесенных обществу в погашение задолженности, поскольку если бы данная задолженность перед обществом периодически не погашалась, невнесенные клиентом суммы не могли бы ему вновь предоставляться в качестве финансирования. Поэтому само по

себе погашение буровой компанией финансирования по предыдущим траншам, полученным в рамках одной факторинговой сделки с лимитом финансирования, с последующим предоставлением по той же сделке новых траншей не свидетельствует о нарушении прав и законных интересов кредиторов должника в ситуации, когда общий объем задолженности перед обществом в результате таких операций остается неизменным.

3. Вопреки выводам судов к спорным отношениям подлежали применению разъяснения, данные в пункте 12.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», на что неоднократно указывало общество. Окончательный размер полученной с предпочтением суммы по обязательствам, не являющимся текущими, невозможно было исчислить без анализа совокупности взаимосвязанных операций по выдаче финансовых траншей и погашению образовавшейся задолженности, что судами не было сделано.

4. В отношении платежей, направленных на погашение текущей задолженности буровой компании перед обществом судами неверно истолкованы разъяснения, приведенные в пункте 13 постановления № 63. Согласно данным разъяснениям сделка по удовлетворению текущего платежа, совершенная с нарушением очередности, установленной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве, может быть признана недействительной на основании пункта 2 статьи 61.3 Закона, если в результате этой сделки у должника отсутствуют денежные средства, достаточные для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным требованием, в размере, на который они имели право до совершения оспариваемой сделки, при условии доказанности того, что получивший удовлетворение кредитор знал или должен был знать о нарушении такой очередности. Если к моменту рассмотрения заявления об оспаривании такой сделки имевшие приоритет кредиторы получают удовлетворение в соответствующем размере или будут представлены доказательства наличия в конкурсной массе необходимых для этого средств, эта сделка не может быть признана недействительной.

Суды, по сути, исходили только из того, что общество, принимая исполнение по текущим платежам, располагало сведениями о наличии других неисполненных текущих обязательств перед иными лицами.

Применительно к моменту возврата финансирования по каждому текущему траншу судам следовало определить:

конкретные текущие обязательства перед другими лицами, которые уже подлежали исполнению в момент списания средств со счета буровой компании в пользу общества;

очередность удовлетворения этих текущих обязательств перед третьими лицами и возможность их погашения за счет оставшейся конкурсной массы;

должно ли было общество знать о сроке исполнения данных обязательств перед несвязанными с ним участниками оборота и об очередности их погашения.

Сам по себе тот факт, что общество является профессиональным участником финансового рынка, не может рассматриваться как единственное достаточное обоснование того, что оно знало или должно было знать о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам. Оспаривающий текущие платежи конкурсный управляющий должен был представить конкретные доказательства недобросовестности фактора, в частности подтвердить, что полученные от клиента документы о его финансовом положении содержали конкретные сведения, свидетельствующие об очередности проведения расчетов по текущим платежам (по смыслу пункта 12.2 постановления № 63).

[Определение ВС РФ от 12.03.2019 № 305-ЭС17-11710 \(4\)](#)

Положения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве устанавливают лишь презумпции, которые могут быть использованы при доказывании обстоятельств, необходимых для признания сделки недействительной. Недоказанность данных признаков не блокирует возможность квалификации оспариваемой сделки в качестве подозрительной. В частности, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях.

14.05.2012 между должником (продавцом) и обществом (покупателем) заключен договор купли-продажи (зарегистрирован 02.08.2012), на основании которого к обществу перешло право собственности на нежилое помещение стоимостью 58 102 000 руб.

Полагая, что заключение спорного договора в пределах трех лет до возбуждения дела о банкротстве продавца (20.01.2014) имело своей целью причинение вреда имущественным правам его кредиторов, а также сопровождалось злоупотреблением правом, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного договора.

Отменяя судебные акты и отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, суд округа принял во внимание выводы об отсутствии у должника признака неплатежеспособности на момент заключения договора. Сославшись на правовые позиции, изложенные в постановлении Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11, определениях ВС РФ от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061, от 28.04.2016 № 306-

ЭС15-20034, суд округа отметил, что при отсутствии специальных банкротных оснований недействительности (ст. 61.2 и 61.3 Закона) нормы о злоупотреблении правом могут быть применены, только если сделка имела пороки, выходящие за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок. Поскольку суды, квалифицировав сделку как ничтожную, не указали, чем в условиях конкуренции норм о недействительности выявленные нарушения выходили за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, суд округа пришел к выводу, что в данном случае условия для применения положений ст. 10 ГК РФ отсутствовали.

Между тем судом округа не учтено следующее.

По смыслу п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве для признания подозрительной сделки недействительной необходима доказанность совокупности следующих обстоятельств: вред имущественным правам кредиторов от совершения сделки, наличие у должника цели причинения вреда и осведомленность другой стороны сделки об указанной цели.

Суд округа вслед за апелляционной инстанцией пришел к выводу об отсутствии специальных оснований недействительности оспариваемой сделки по той причине, что согласно финансовой документации должника в период совершения сделки его активы превышали размер кредиторской задолженности, то есть не имелось признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества продавца. В свою очередь, отсутствие названных признаков, по мнению судов, повлекло недоказанность существования цели причинения вреда кредиторам.

Вместе с тем, из содержания положений п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве можно заключить, что нормы и выражения, следующие за первым предложением данного пункта, устанавливают лишь презумпции, которые могут быть использованы при доказывании обстоятельств, необходимых для признания сделки недействительной и описание которых содержится в первом предложении пункта.

Из этого следует, что, например, сама по себе недоказанность признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделки (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда) не блокирует возможность квалификации такой сделки в качестве подозрительной. В частности, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях (ст. 9 и 65 АПК РФ).

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий ссылался на то, что в реестр включены требования кредиторов, обязательства перед которыми возникли до совершения оспариваемой сделки. Аналогичный довод при рассмотрении настоящего обособленного спора приводил и кредитор ПАО "МОЭК" с указанием конкретного перечня лиц, долг перед которыми возник до 14.05.2012, что было

учтено судом первой инстанции при установлении совокупности условий для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

По мнению судебной коллегии, факт заключения спорной сделки в условиях неисполнения существовавших обязательств перед кредиторами, отчуждение актива по существенно заниженной цене и

аффилированность покупателя – в своей совокупности являлись обстоятельствами, достаточными для определения того, что у должника имелась цель причинения вреда своим кредиторам в результате совершения названной сделки, в связи с чем суд первой инстанции пришел к правильному выводу о наличии у оспариваемой сделки состава подозрительности, предусмотренного п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

При этом следует согласиться с выводами суда округа о том, что в рассматриваемом случае приведенные в основание иска доводы не свидетельствовали о наличии у сделки пороков, выходящих за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок, в связи с чем и не имелось оснований для применения положений ст. 10 и 6 168 ГК РФ о злоупотреблении правом.

[Определение ВС РФ от 28.03.2019 г. № 304-ЭС16-17384 \(21\)](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделкой погашение задолженности по кредиту, осуществленное путем перечисления денежных средств со счета заемщика по вкладу, открытому в том же банке, судам необходимо установить баланс прав клиентов банка, действующих в преддверии банкротства банка, и иных кредиторов банка – должника. Для правильного разрешения спора суду надлежит исследовать мотивы и основания всей цепочки банковских операций, а также доводы о добросовестности участников сделки.

Между банком и Сотниковым В.В. (заёмщик) были заключены кредитные договоры, а также договор банковского вклада.

08 сентября 2015 г. Сотниковым В.В. со счета по вкладу перечислены денежные средства для досрочного погашения задолженности по кредитным обязательствам перед банком.

24 сентября 2015 г. у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация.

Обращаясь в суд, конкурсный управляющий полагал, что переводы денежных средств со счёта на ~~се~~ целью погашения кредитных обязательств являются недействительными сделками, поскольку повлекли преимущественное удовлетворение требований Сотникова В.В. по обязательствам, возникшим из договора банковского вклада.

Разрешая спор, суды установили, что денежные средства на счет по вкладу Сотникова В.В. были переведены со счета Сотниковой Л.Н. (супруги), которая получила их в результате продажи объекта недвижимости обществу "АБРО-АК", которое, в свою очередь, расплатилось за данный объект недвижимости денежными средствами, зачисленными на свой банковский счет с банковских счетов иных компаний - также клиентов банка.

Все вышеуказанные банковские операции совершены в один день 08.09.2015 и без использования корреспондентского счета банка, то есть являются внутрибанковскими проводками в бухгалтерском учете банка.

Исследовав всю цепочку внутрибанковских операций, суды пришли к выводу о том, что действительное удовлетворение требований с предпочтением возникло на стороне всех привлечённых соответчиков – Сотникова В.В., Сотниковой Л.Н., общества "АБРО-АК" и иных компаний.

Последующее отчуждение обществом "АБРО-АК" объекта недвижимости, приобретённого у Сотниковой Л.Н., в пользу третьих лиц и ликвидация общества "АБРО-АК" повлекли, по мнению судов, невозможность применения надлежащей реституции (возврат объекта недвижимости Сотниковой Л.Н. и взыскание с общества "АБРО-АК" действительной стоимости объекта недвижимости), что послужило основанием для прекращения производства по заявлению конкурсного управляющего в отношении общества "АБРО-АК" и отказа в удовлетворении требований к Сотникову В.В.

Отказывая в применении последствий недействительности сделки в отношении иных компаний, суды исходили из пропуска конкурсным управляющим срока исковой давности, о котором было заявлено данными лицами в ходе рассмотрения спора.

Между тем судами не учтено следующее.

Признавая невозможность применения надлежащей реституции, судами не учтены фактические требования конкурсного управляющего, который указывает на причинение вреда именно оспариваемой сделкой Сотникова В.В. по погашению кредитных обязательств и не имеет каких-либо требований к иным лицам в рамках настоящего спора, констатируя отсутствие признаков причинения вреда внутрибанковскими проводками привлечённых в качестве соответчиков лиц, отношения с которыми Сотников В.В. имел возможность урегулировать в самостоятельном порядке.

В данном случае для признания оспариваемой банковской операции недействительной, совершенной с предпочтением, конкурсному управляющему по общим правилам о доказывании необходимо было подтвердить её выход за пределы обычной хозяйственной деятельности, доказать наличие признаков

недобросовестности в поведении участников банковской операции, в том числе Сотникова В.В.

В обоснование выхода операций за пределы обычной хозяйственной деятельности, конкурсный управляющий сослался на то, что эти операции оформлены внутрибанковскими проводками при наличии скрытой картотеки.

Арбитражный управляющий указывал на то, что вследствие отсутствия денежных средств на корреспондентском счете, банк не в состоянии был реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, а безналичные деньги как записи по счетам утратили свое назначение как средство платежа, в связи с чем действительного исполнения кредитного договора со стороны заемщика не произошло.

В рамках иных обособленных споров по настоящему делу также установлено, что на 03.09.2015 в банке образовалась скрытая картотека неоплаченных платежных документов из-за отсутствия денежных средств на корреспондентском счёте должника.

Указанные обстоятельства, действительно, могли быть приняты во внимание при разрешении вопроса о нетипичности банковской операции для конкретной кредитной организации и (или) ее клиента.

Однако Сотников В.В. приводил свои доводы в опровержение позиции конкурсного управляющего. Как он полагал, в картотеку помещались только отдельные поручения некоторых клиентов, о которых другие клиенты не знали, воспринимая банк как финансово устойчивую кредитную организацию.

Суды установили, что в день совершения оспариваемых банковских операций Сотниковой Л.Н. было произведено отчуждение объекта недвижимости (совместной собственности супругов) в пользу общества "АБРО-АК", за приобретение которого общество "АБРО-АК" перевело на счет Сотниковой Л.Н. в банке 5 033 000 рублей. Как указывает Сотников В.В. в представленном отзыве, на момент совершения данной сделки супруги Сотниковы исходили из того, что получили от общества "АБРО-АК" реальные денежные средства.

При наличии осведомленности о том, что оплата за отчужденный актив стоимостью около 5 миллионов рублей является фактически безденежной, супруги Сотниковы не завершили бы сделку и не обратились бы в регистрирующий орган за последующей государственной регистрацией перехода права собственности на нежилое помещение к обществу "АБРО-АК".

О добросовестности супругов Сотниковых, по их мнению, свидетельствует также то, что они направили все имевшиеся на их счетах в банке денежные средства на совершение оспариваемых операций (погашение кредитных обязательств перед банком), тем самым лишив себя гарантированных страховых сумм по вкладам

физических лиц и счетам индивидуальных предпринимателей. Отчуждение ликвидного актива по заведомо безденежной сделке является абсурдным и явно экономически нецелесообразным.

В рассматриваемом споре судам необходимо было установить баланс прав клиентов банка, действующих в преддверии банкротства банка, с одной стороны, и иных кредиторов банка – должника, с другой.

Для правильного разрешения настоящего спора необходимо исследование обстоятельств, касающихся движения денежных средств, задействованных при осуществлении спорных платежей по исполнению Сотниковым В.В. своих кредитных обязательств, то есть исследовать мотивы и основания всей цепочки банковских операций по счёту Сотникова В.В., связанных с погашением им кредитных обязательств перед банком.

Несмотря на констатацию возникновения цепочки банковских операций, которые привели к погашению кредитных обязательств Сотникова В.В. перед банком, вышеуказанные доводы о добросовестности участников данных операций и совершения их в ходе обычной хозяйственной деятельности не нашли своей оценки в обжалуемых судебных актах.

[Определение ВС РФ от 25.04.2019 № 308-ЭС18-16370 \(2\)](#)

Само по себе неоднократное снятие клиентом со своего счета в банке-должнике денежных средств не свидетельствует об опровержении презумпции, установленной пп. 2 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве. В данном случае необходимо проверить на момент снятия денежных средств со счета наличие требований иных клиентов банка той же очереди (в том числе с ненаступившим сроком исполнения), которые в настоящий момент включены в реестр и не удовлетворены в рамках мероприятий конкурсного производства. Если в результате совершения спорных сделок клиенту действительно оказано предпочтение, судам следовало проверить выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества кредитной организации должны устанавливаться исходя из необходимости соблюдения предписаний регулятора о формировании резервов на возможные потери по ссудной и приравненной к ней задолженности. В противном случае может сложиться ложная видимость финансового благополучия банка в отношении исследуемого периода, что искусственно исключает возможность оспаривания сделок по правилам п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании операций по выдаче банком Аверину К.М. наличных

денежных средств недействительными сделками и о применении последствий их недействительности. Три инстанции отказали в удовлетворении заявления.

Как установлено судами, 01.03.2016, 29.03.2016 и 30.03.2016 Аверину К.М. были выданы наличные денежные средства.

На момент совершения данных операций Аверин К.М. являлся единственным участником должника. 14.04.2016 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена

временная администрация.

Отказывая в признании спорных сделок недействительными, суды указали на недоказанность наличия у должника в спорный период признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества.

При этом суды исходили из того, что в спорный период должник осуществлял текущую деятельность, имея действующую лицензию на совершение банковских операций, картотека неоплаченных в срок расчетных документов отсутствовала, арестов и иных ограничений распоряжения счетами ответчика не имелось.

Суды также установили, что подобные операции по снятию Авериним К.М. денежных средств неоднократно имели место в отношениях между сторонами, в связи с чем пришли к выводу о совершении сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности банка.

Между тем судами не учтено следующее.

В рассматриваемом случае временная администрация по управлению должником назначена 14.04.2016, соответственно, спорные сделки совершены в разные периоды предпочтительности: сделки от 29.03.2016 и 30.03.2016 – в течение месяца, а остальные сделки от 01.03.2016 – в пределах шести месяцев до назначения временной администрации.

Для признания недействительными сделок из первой группы истцу необходимо доказать лишь оказание предпочтения ответчику по сравнению с иными кредиторами той же очереди (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве); для сделок из второй группы – дополнительно к предпочтению необходимо подтвердить наличие признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника на момент совершения сделок и осведомленность ответчика об этих признаках (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

По смыслу п. 4 ст. 189.40 Закона о банкротстве в случае оспаривания на основании ст. 61.3 данного закона сделок по выдаче наличных денежных средств со счета клиента бремя доказывания выхода сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности кредитной организации лежит на истце (конкурсном управляющем), что по сути означает наличие презумпции совершения кредитной организацией подобного рода сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Следовательно, в дополнение к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по правилам ст.

Закона о банкротстве, истец должен доказать выход сделок, совершенных как в месячном, так и в шестимесячном интервале до назначения временной администрации, за пределы обычной хозяйственной деятельности банка.

Суды не установили, имелись ли на момент снятия Авериным К.М. денежных средств со счета требования иных клиентов банка той же очереди (в том числе с ненаступившим сроком исполнения), которые в настоящий момент включены в реестр и не удовлетворены в рамках мероприятий конкурсного производства. Если в результате совершения спорных сделок Аверину К.М. действительно оказано предпочтение, судам следовало проверить выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Вопреки выводам судов само по себе неоднократное совершение ранее подобных сделок между сторонами не свидетельствует об опровержении презумпции, установленной пп. 2 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве, учитывая, что конкурсный управляющий приводил доводы о снятии Авериным К.М. остатка денежных средств по вкладам досрочно, чему суды также не дали оценку.

2. Относительно операций от 01.03.2016 и соответственно доказывания признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника необходимо указать следующее.

Значимость кредитных организаций в системе экономических отношений обуславливает определенные особенности их функционирования, заключающиеся, в частности, в необходимости повышенного контроля за их финансовой устойчивостью. Для этих целей регулятор в том числе предписывает формировать резервы на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (в момент совершения сделок такие предписания были закреплены в соответствующем Положении Банка России от 26.03.2004 № 254-П).

Таким образом, признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества кредитной организации должны устанавливаться исходя из необходимости соблюдения таких предписаний. В противном случае может сложиться ложная видимость финансового благополучия банка в отношении исследуемого периода, что искусственно исключает возможность оспаривания сделок по правилам п. 3 ст.

Закона о банкротстве.

Из материалов дела следует, что в спорный период (март-апрель 2016 г.) в отношении должника Банком России проводились надзорные мероприятия, по результатам которых 01.04.2016 Банком России в адрес должника направлено предписание о необходимости доформирования обязательных резервов, введено ограничение на осуществление банковских операций на привлечение денежных

средств физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также на открытие банковских счетов названным лицам.

В связи с этим вывод судов относительно неплатежеспособности (или недостаточности имущества) должника только лишь исходя из остатков денежных средств на корсчетах без учета финансового состояния банка при соблюдении специальных нормативов и предписаний, также основан на неполном выяснении судами всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

[Определение ВС РФ от 02.09.2019 № 307-ЭС19-6974\(2\)](#)

При оспаривании в рамках банкротства банка сделки с клиентом банка подлежит учету, насколько обычной была такая сделка для должника. Разрешая вопрос о наличии признаков предпочтительности сделки судам надлежит проверять наличие неисполненных распоряжений иных клиентов по перечислению денежных средств с их счетов в банке до того, как были погашены требования контрагента по оспариваемой сделке.

Сама по себе продажа имущества, оставшегося за банком как за залоговым кредитором, или полученного им в качестве отступного, как правило, является для него типичной сделкой. При оспаривании такой сделки существенное значение для разрешения дела имеет вопрос об осведомленности контрагента о финансовом состоянии банка в момент совершения сделки. Случайное совпадение обстоятельств совершения сделки будет свидетельствовать в пользу ее обычности.

Как следует из судебных актов и материалов дела, по договору купли-продажи от 19.10.2016 банк (продавец) в день заключения сделки передал Федорову А.А. (покупателю) три погрузчика общей стоимостью 16 915 595 руб., а Федоров А.А. оплатил покупку посредством перевода денежных средств со своего счета, открытого в этом же банке.

25.10.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией, 08.11.2016 возбуждено дело о его банкротстве, а 19.12.2016 в отношении банка введена процедура конкурсного производства, функции конкурсного управляющего возложены на агентство.

Агентство потребовало в арбитражном суде признать недействительным договор купли-продажи от 19.10.2016 и применить последствия недействительности сделки: восстановить обязательства банка перед Федоровым А.А. по расчетному счету в этом банке и право собственности банка на погрузчики.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

По мнению заявителя, суды не применили абзац 5 части 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве: не сопоставили наступившие от спорной сделки последствия с теми, на что кредитор был вправе рассчитывать при удовлетворении его требований в конкурсном производстве. При таком сопоставлении Федоров А.А. мог

рассчитывать на получение денежных средств со своего счета в банке в составе кредиторов третьей очереди, а по спорной сделке он получил удовлетворение этих же требований преимущественно даже перед кредиторами первой очереди. К тому же по спорной сделке банк лишился высоколиквидного актива (техники), за счет реализации которого другие кредиторы вправе были претендовать на удовлетворение своих требований к должнику. Взамен банк не получил от Федорова А.А. ничего, поскольку платеж был осуществлен технической проводкой, не сопровождавшейся реальным движением денежных средств.

Удовлетворение кредитной организацией в преддверии своего банкротства требований отдельного кредитора в более льготном порядке, чем он мог бы рассчитывать в соответствии с очередностью, установленной статьями 134, 189.92 Закона о банкротстве, свидетельствует о признаке предпочтительности в отношении этого кредитора.

В то же время в силу пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве не является недействительной сделка, подпадающая под признаки предпочтительности, если она совершена в обычной хозяйственной деятельности должника, если цена передаваемого имущества не превышает один процент стоимости активов должника за последний отчетный период перед этой сделкой.

Как правило, к обычным относятся типичные для должника сделки, существенно не отличающиеся от аналогичных, ранее неоднократно совершавшиеся им в течение продолжительного периода времени, например, платежи по длящимся обязательствам. При оспаривании банковских платежей также подлежит учету, насколько обычными они были для клиента (пункты 14, 35.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"). Однако, данное правило не исключает возможности признать и иные сделки обычными при наличии на то оснований.

В рассматриваемом деле, отказав агентству в удовлетворении его требований, суды указали, что в результате совершения купли-продажи имущества банка погашение его обязательств перед Федоровым А.А. не производилось, поэтому оспариваемая сделка не обладает признаками предпочтительности.

Между тем этот вывод не верен. Поскольку покупка погрузчиков оплачена Федоровым А.А. за счет денежных средств, находящихся на его счете в том же банке,

банк внутренней проводкой погасил свои обязательства перед Федоровым А.А. по возврату денежных средств клиента, передав ему свое имущество.

Разрешая вопрос о наличии признаков предпочтительности, судам следовало проверить, как минимум, обстоятельства, на которые ссылалось агентство, в частности, на наличие неисполненных распоряжений иных клиентов по перечислению денежных средств с их счетов в банке до того, как были погашены требования Федорова А.А. При этом остались не опровергнутыми доводы агентства о том, что требования этих клиентов банк не погасил и впоследствии они были включены в реестр третьей очереди кредиторов. При доказанности этих обстоятельств сделка банка с Федоровым А.А. имеет признаки предпочтительности.

Продажа имущества, оставшегося за банком как за залоговым кредитором, или полученного им в качестве отступного, как правило, является для него типичной сделкой. Не представляет ничего необычного спорная сделка и для Федорова А.А., так как согласно его объяснениям у него имелся строительный бизнес, в котором погрузчики были востребованы. В то же время необычность сделки может выражаться в условиях, при которых она совершалась. Передача банком за шесть дней до отзыва у него лицензии своего ликвидного и дорогостоящего имущества члену совета директоров в обмен на актив сомнительной ликвидности при том, что в банке начались неплатежи по поручениям клиентов, сама по себе нетипична.

При таких обстоятельствах существенное значение для разрешения дела имеет вопрос об осведомленности Федорова А.А. о финансовом состоянии банка в момент совершения сделки, учитывая как доводы агентства о статусе Федорова А.А. по отношению к банку, так и возражения Федорова А.А. о внесении им в банк незадолго до отзыва лицензии значительного денежного вклада, чего он не сделал бы при осведомленности о предстоящем банкротстве. Случайное совпадение обстоятельств совершения сделки будет свидетельствовать в пользу ее обычности.

[Определение ВС РФ от 23.09.2019 № 306-ЭС18-6320 \(2\)](#)

Для разрешения спора о признании недействительным договора поручительства судам необходимо определить мотивы предоставления обеспечения за должника, то есть реальные причины, побудившие поручителя-акционера банка принять на себя солидарное кредитное обязательство. Такими причинами могли быть:

наличие аффилированности между должником и поручителем (родственные, корпоративные и иные связи);

не связанный с аффилированностью собственный экономический интерес поручителя в предоставлении кредита должнику;

номинальный статус должника в качестве заемщика, при этом реальным получателем денежных средств выступал поручитель, что могло быть использовано

сторонами, например, для искусственного обхода ограничений в кредитовании связанных с банком лиц и т.п.

При этом в случае недоказанности того, что интересы лиц, между которыми распределен капитал банка (как самостоятельных субъектов оборота) совпадают, обеспечение со стороны одного из акционеров банка служит своей основной цели - создает для банка и других его участников дополнительные гарантии исполнения обязательств должника.

В рамках дела о банкротстве Развеева В.Б. финансовый управляющий его имуществом обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделкой договора поручительства от 27.03.2014, заключенного между банком и должником в обеспечение исполнения обязательств Васякина В.А. по договору о предоставлении кредита от 27.03.2014.

Судами апелляционной инстанции и округа заявление удовлетворено.

Как установлено судами, в соответствии с условиями кредитного договора Васякину В.А. предоставлены денежные средства в размере 80 932 000 руб. со сроком возврата 25.09.2014, за исполнение обязательств по возврату кредита поручился должник.

Развеев В.Б., его сын и дочь являлись акционерами банка (общее количество голосующих акций составляло 19,97%).

Определением суда от 23.01.2017 возбуждено дело о банкротстве должника, решением суда от 30.03.2017 Развеев В.Б. признан банкротом, введена процедура реализации имущества гражданина.

В обоснование настоящего заявления финансовый управляющий имуществом, ссылаясь на статью 10 ГК РФ, указывал, что совершение оспариваемой сделки повлекло дополнительные обязательства для должника во вред интересам его кредиторов.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции указал на отсутствие доказательств злоупотребления правом при заключении договора поручительства, отметив, что должник неоднократно выступал поручителем Васякина В.А. по кредитным договорам.

Признавая договор поручительства недействительной сделкой, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, исходил из заинтересованности банка и должника, непринятия банком мер по взысканию задолженности по кредитному договору с Васякина В.А. и необоснованного предоставления отсрочки по кредиту. В связи с этим суд указал на отсутствие оснований для отнесения спорной сделки к совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности, а также отметил, что злоупотребление правом

выразилось в выводе активов должника в пользу банка через механизм поручительства с целью причинения вреда кредиторам.

Между тем судами не учтено следующее.

Сделки поручительства и залога сами по себе обычно не предусматривают встречного исполнения со стороны кредитора в пользу гарантирующего лица (поручителя или залогодателя). Вместе с тем совершение обеспечительных сделок может быть обусловлено наличием какой-либо связи между поручителем (залогодателем) и должником по основному обязательству.

Поэтому для разрешения настоящего спора о признании недействительным договора поручительства судам, помимо прочего, необходимо было определить мотивы предоставления должником обеспечения за Васякина В.А., то есть реальные причины, побудившие Развеева В.Б. принять на себя солидарное кредитное обязательство.

Таковыми причинами могли быть: - наличие аффилированности между Назаровым А.Ю. и Развеевым В.Б. (родственные, корпоративные и иные связи); - не связанный с аффилированностью собственный экономический интерес Развеева В.Б. в предоставлении кредита Васякину В.А.; - номинальный статус Васякина В.А. в качестве заемщика, при этом реальным получателем денежных средств выступал Развеев

В.Б., что могло быть использовано сторонами, например, для искусственного обхода ограничений в кредитовании связанных с банком лиц и т.п.

В процессе рассмотрения дела банк приводил доводы и ссылался на доказательства, подтверждающие общий экономический интерес Васякина В.А. и Развеева В.Б. (ведение совместного бизнеса).

Указанным доводам оценка судами не давалась, наличие (отсутствие) связанности между заемщиком и поручителем не проверялось.

В соответствии со сложившейся судебной практикой в условиях аффилированности заимодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В противном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых связей позволяет создать подконтрольную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения доли требований независимых кредиторов при банкротстве участников группы лиц.

Однако в рассматриваемом случае Развеев В.Б. не являлся единственным либо мажоритарным участником банка, имевшим возможность координировать действия последнего, обладавшим полномочиями давать обязательные для исполнения указания и свободно перемещать активы в собственных целях без учета прав

кредиторов подконтрольных организаций для создания мнимого долга поручителя перед контролируемым им заимодавцем в целях причинения вреда иным кредиторам поручителя на случай банкротства.

При недоказанности того, что интересы лиц, между которыми распределен капитал банка (как самостоятельных субъектов оборота) совпадают (статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), обеспечение со стороны Развеева В.Б. служит своей основной цели - создает для банка и других его участников дополнительные гарантии исполнения обязательств Васякина В.А.

Таким образом, вопреки выводу судов сама по себе аффилированность Развеева В.Б. с банком в данном случае не влияет на разрешение вопроса о действительности (недействительности) поручительства.

Банк также обращал внимание на отсутствие у Развеева В.Б. к моменту совершения сделки (за два года и десять месяцев до принятия заявления о его банкротстве) признаков неплатежеспособности и просроченных обязательств, а также на неоднократное заключение должником аналогичных сделок. Данные доводы надлежащей судебной оценки также не получили.

[Определение ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064](#)

Акты взаимозачета, фактически констатирующие объем осуществленного обеими сторонами исполнения, вносящие определенность в состояние расчетов между ними и носящие сверочный характер, не могут быть оспорены в качестве самостоятельных сделок в рамках дела о банкротстве

Между должником (подрядчиком) и обществом (заказчиком) был заключен договор подряда от 04.05.2012 № КБ-ПОД/1, в соответствии с которым подрядчик обязался выполнить работы по строительству жилых домов.

Также между должником (участником долевого строительства) и обществом (застройщиком) было заключено три договора участия в долевом строительстве, по условиям которых застройщик обязался построить жилые дома и после получения разрешения на ввод их в эксплуатацию передать участнику долевого строительства поименованные в договорах помещения.

23.06.2015 и 23.09.2015 должник и общество подписали три акта взаимозачета, согласно которым погашались встречные обязанности сторон по оплате из договоров подряда и участия в долевом строительстве на общую сумму 32 901 938,79 руб.

Разрешая спор, суды сослались на положения пунктов 2 и 3 статьи 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и исходили из того, что оспариваемая сделка по зачету от 23.09.2015 совершена после возбуждения дела о банкротстве (03.08.2015) с предпочтением по отношению к требованиям иных кредиторов, которые впоследствии не были удовлетворены. Суды

также указали на то, что две сделки от 23.06.2015 совершены в пределах полугода до возбуждения дела о банкротстве при наличии предпочтения по отношению к иным кредиторам и в условиях неплатежеспособности должника, о чем общество должно было знать, поскольку должник неоднократно в обращениях к обществу ссылался на нехватку денег для выплаты заработной платы и приобретения

строительных материалов в целях продолжения хозяйственной деятельности, также он просил ответчика перечислять денежные средства на счета третьих лиц в целях погашения задолженности перед ними.

При этом из материалов дела следует, что в разделе договора подряда, посвященном оплате выполненных работ, указано на то, что застройщик (общество) передает подрядчику (должнику) права на часть квартир в объекте – жилом доме, подлежащем возведению.

Равным образом в договорах участия в долевом строительстве имеется указание на то, что уплата участником строительства (должником) цены договора возможна путем встречных однородных требований по каждому акту приемки выполненных работ (пункт 5.3 договоров).

Исходя из вышеизложенного, судебная коллегия приходит к выводу, что, несмотря на подписание нескольких документов, в действительности воля сторон (статья 431 Гражданского кодекса Российской Федерации) была направлена на установление между ними единой договорной связи с двумя встречными магистральными обязанностями осуществить характерное исполнение: 1) со стороны должника – строительство домов; 2) со стороны общества – передача части квартир (прав на квартиры). Такой договор является смешанным (пункт 3 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзац третий пункта 6 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»). При этом обязанность по расчету за характерное исполнение являлась для каждого контрагента альтернативной: как действия по передаче результата выполненных работ могли носить расчетный характер по отношению к полученным правам на квартиры, так и передача квартир могла иметь аналогичный эффект в отношении выполненных работ.

Подобное оформление отношений может быть обусловлено особенностями правовой конструкции договоров участия в долевом строительстве. В частности, как пояснил представитель общества, разделение договора на несколько документов упрощало процедуру государственной регистрации договора участия в долевом строительстве.

Исходя из дат, в которые между сторонами подписывались оформляющие их договор документы, следует заключить, что выполнение должником подрядных работ

являлось первоначальным исполнением по договору; затем стороны подписывали договоры участия в долевом строительстве, по которым передавались права на квартиры стоимостью, соотносимой с ценой выполненных работ; и затем уже стороны подписывали оспариваемые акты взаимозачета.

В такой ситуации оспариваемые документы, поименованные как акты взаимозачета, фактически констатировали объем осуществленного обеими сторонами исполнения по договору, внося определенность в состояние расчетов между ними. Подобные акты сами по себе не влекли наступление правовых последствий, не опосредовали выбытие из имущественной сферы должника какого-либо актива, а носили сверочный характер. Поэтому они не могут быть оспорены в качестве самостоятельных сделок в рамках дела о банкротстве (статья 61.1 Закона о банкротстве, статья 153 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При этом исполнение должника по единому договору являлось не последующим, а первоначальным, он сперва выполнял работы, а уже затем происходил расчет с ним посредством передачи прав на квартиры, то есть в данной ситуации отсутствовал признак предпочтения (статья 61.3 Закона о банкротстве). В то же время конкурсный управляющий эквивалентность осуществляемых по договору предоставлений под сомнение не ставил.

Таким образом, у судов не имелось оснований для признания спорных актов взаимозачета или действий должника по исполнению договора недействительными.

[Определение ВС РФ от 21.01.2019 № 306-ЭС16-9687 \(3\)](#)

Ликвидация стороны оспариваемой в рамках дела о банкротстве должника сделки не является основанием для прекращения производства по обособленному спору, если в реестр требований кредиторов включен цессионарий ликвидированного контрагента. Иной подход нарушает баланс юридических возможностей заинтересованных лиц и применительно к процедурам банкротства повышает вероятность включения требования правопреемника через устранение одного из механизмов проверки его реального характера, что недопустимо.

Между должником (заказчиком) и обществом «Созидатель» (подрядчиком) заключено шесть договоров подряда.

Право требования к должнику по обязательствам из договоров подряда на основании договора уступки перешло от общества к Крючкову И.В., а от последнего к Муртазалиеву С.М.М.

Впоследствии Муртазалиев С.М.М. был включен в реестр требований кредиторов должника.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными вышеуказанных договоров подряда.

Суд округа прекратил производство по заявлению об оспаривании сделки, указал на ликвидацию участника оспариваемых сделок – общества «Созидатель» к моменту рассмотрения спора в суде первой инстанции и невозможность рассмотрения спора без участия одной из ее сторон.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Приоритетной задачей института банкротства является справедливое и пропорциональное погашение требований кредиторов. При этом нахождение должника в конкурсном производстве может свидетельствовать о том, что денежных средств для погашения долга перед всеми кредиторами недостаточно. В случае признания каждого нового требования обоснованным доля удовлетворения требований других кредиторов уменьшается, в связи с чем они объективно заинтересованы, чтобы в реестр включалась только реально существующая задолженность.

Указанный интерес может быть реализован конкурсными кредиторами и арбитражным управляющим как посредством заявления возражений против каждого нового предъявленного требования или обжалования судебного акта, которым оно подтверждено, так и посредством оспаривания соответствующих сделок, на которых требование основано.

Действительно, по общему правилу, при ликвидации одной из сторон сделки спор о признании этой сделки недействительной не может быть рассмотрен судом и дело подлежит прекращению (п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, Постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2005 № 7278/05).

В рассматриваемом случае общество до своей ликвидации уступило права по договорам подряда в пользу кредитора, который через третейский суд взыскал задолженность с заказчика, включился с требованием в реестр.

При разрешении вопроса о включении требования цессионария в реестр, ликвидация первоначального цедента не препятствовала рассмотрению заявления по существу, такой факт сам по себе не может породить сомнения в обоснованности требования. Данное обстоятельство также не должно препятствовать лицам (в частности, кредиторам), которым такое требование противопоставляется, в реализации права на защиту от необоснованных притязаний. Иной подход нарушает баланс юридических возможностей заинтересованных лиц и применительно к процедурам банкротства повышает вероятность включения требования правопреемника через устранение одного из механизмов проверки его реального характера, что недопустимо.

Цессионарий, претендующий по получению исполнения по договору, правоспособность не утратил. В такой ситуации именно он является надлежащим

ответчиком по спору о признании недействительной сделки, на которой основано его требование.

Таким образом, объективных препятствий для рассмотрения обособленного спора по существу не имелось.

[Определение ВС РФ от 24.01.2019 № 305-ЭС16-6318 \(9\)](#)

Погашение контрагентом должника задолженности перед кредиторами последнего в порядке ст.313 ГК РФ, совершенное за счёт средств, причитавшихся должнику, может быть оспорено ~~оп~~ правилами главы III. 1 Закона о банкротстве.

В рамках дела о несостоятельности конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделкой перечисление акционерным обществом «ИНТЕР РАОЭЛЕКТРОГЕНЕРАЦИЯ» за счёт должника денежных средств на общую сумму 60 000 000 руб. и применении последствий недействительности сделки.

Три инстанции отказал в удовлетворении заявления конкурсного управляющего.

Как установлено судами, между обществом «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС» (экспедитором) и должником (клиентом) был заключен договор транспортной экспедиции и таможенного оформления, в соответствии с которым экспедитор обязался оказать транспортно-экспедиторские услуги, связанные с перевозкой и таможенным оформлением груза в соответствии с поручениями клиента.

Оказанные услуги приняты должником по акту, для оплаты экспедитор выставил клиенту счет.

В свою очередь, между обществом «ИНТЕР РАОЭЛЕКТРОГЕНЕРАЦИЯ» (заказчик) и должником (генподрядчиком) заключен договор генерального подряда.

Впоследствии должник направил в адрес общества «ИНТЕР РАОЭЛЕКТРОГЕНЕРАЦИЯ» письмо, в котором просил произвести оплату принятых работ и поставленного оборудования поставщикам и подрядчикам, одним из получателей денежных средств в размере 60 000 000 рублей указав общество «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС».

В соответствии с указанным письмом общество «ИНТЕР РАОЭЛЕКТРОГЕНЕРАЦИЯ» осуществило платёж в адрес общества «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС».

Обращаясь с заявлением об оспаривании состоявшегося перечисления денежных средств по основаниям, предусмотренным п. 1, 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, конкурсный управляющий указал, что общество «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС» получило удовлетворение своих требований перед другими

кредиторами должника в течение месяца до возбуждения в отношении последнего дела о банкротстве в обход иных кредиторов должника, но за счёт должника, что недопустимо.

Отказывая в удовлетворении требования, суды указали, что оснований для признания платежа недействительной сделкой не имеется, так как денежные средства на расчётный счёт должника не ~~пошли~~ (отсутствует факт выбытия денежных средств из конкурсной массы должника), а конкурсным управляющим не представлено доказательств предпочтительного удовлетворения требований одного кредитора перед другими кредиторами.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно ст. 313 ГК РФ исполнение обязательства может быть возложено должником на третье лицо, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. В этом случае кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах связанных с применением главы III. 1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"» сделки, совершённые не должником, а другими лицами за счёт должника, в силу п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве могут быть признаны недействительными по правилам главы III. 1 Закона о банкротстве.

В рассматриваемом случае подлежали доказыванию следующие обстоятельства: совершение сделки в период подозрительности, наличие признаков предпочтительного удовлетворения требований одного кредитора – общества «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС» перед другими кредиторами должника, а также совершение данного платежа в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

Суды пришли к выводу о том, что оспариваемым платежом погашена задолженность должника перед обществом «ИНСТАР ЛОДЖИСТИКС» третьим лицом – обществом «ИНТЕР РАО-ЭЛЕКТРОГЕНЕРАЦИЯ» за счёт средств, причитавшихся должнику по договору подряда, что не оспаривается сторонами и подтверждается в судебном заседании представителями всех лиц, участвующих в обособленном споре. Оспариваемый платеж является сделкой, совершенной за счёт средств должника.

Следовательно, вывод судов о том, что факт выбытия денежных средств из конкурсной массы должника отсутствует, является ошибочным и противоречит как материалам дела, так и предыдущему выводу судов о том, что спорный платеж произведен за счёт средств должника.

[Определение ВС РФ от 28.02.2020 № 302-ЭС16-8804 \(4\)](#)

Сама по себе информированность контрагента об объективном банкротстве должника, равно как и осуществление должником и его контрагентом деятельности на одном и том же рынке (например, коммунальных услуг), не могут рассматриваться в качестве достаточного обоснования того, что контрагент знал или должен был знать о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам.

Оспаривающее текущие операции лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности контрагента должника в этой части, в частности подтвердить, что такой контрагент имел доступ к реестру текущих обязательств или иным документам, которые содержали информацию об очередности проведения расчетов по текущим платежам.

Должник и завод заключили договор уступки требования, по условиям которого cedent уступил цессионарию требование к обществу с ограниченной ответственностью "ТГК-14" (далее – общество) в сумме 18 638 142 рубля. Согласно содержанию договора уступки требования в счет оплаты по этому договору уменьшен объем денежных обязательств cedenta перед цессионарием по другому договору – по договору на отпуск питьевой воды и прием сточных вод на 18 638 142 рубля, в том числе: на 12 114 492 рубля 33 копейки уменьшена существующая задолженность, сформировавшаяся с мая по сентябрь 2014 года, на оставшуюся сумму – полагается уменьшению объем денежных обязательств cedenta по оплате услуг, которые будут ему оказаны заводом в будущем – после сентября 2014 года.

Общество, уведомленное об уступке, погасило задолженность заводу (новому кредитору). Определением от 10.11.2014 возбуждено дело о банкротстве должника.

Определением от 25.03.2015 в отношении должника введена процедура наблюдения.

Решением от 29.06.2017 в отношении должника открыта процедура конкурсного производства.

Полагая, что вследствие заключения и исполнения договора уступки требования цессионарию оказано предпочтение перед другими кредиторами cedenta, конкурсный управляющий должником обратился в суд с заявлением о признании указанной сделки недействительной, ссылаясь на положения статьи 61.3 Закона о банкротстве).

Суд первой инстанции посчитал, что при заключении договора цессии заводу было известно о наличии у должника признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества. Соответственно, суд посчитал, что эта сделка была преференциальной и была признана ничтожной.

Суд апелляционной инстанции указал, что стороны договора уступки требования отступили от согласованного в этом договоре условия о порядке взаиморасчетов и в действительности в счет оплаты переданного заводу требования к

обществу была уменьшена следующая задолженность должника перед заводом по договору от 01.02.2011: за услуги, оказанные заводом должнику до возбуждения дела о банкротстве последнего, в сумме 7 155 677,51 рублей; за услуги, оказанные после возбуждения дела о банкротстве, в сумме 11 482 464,49 рубля.

Установив, что завод не знал и не мог знать о нарушении очередности погашения текущих обязательств должника, имущества которого достаточно для удовлетворения приоритетных текущих платежей, суд апелляционной инстанции признал, что предпочтение заводу перед другими кредиторами должника оказано лишь в связи с уменьшением задолженности, подлежащей включению в реестр, составившей 7 155 677,51 рублей.

Однако, суд округа, отменяя решение апелляционной инстанции посчитал, что правовая квалификация требования (текущее или реестровое) является нерелевантным.

Между тем, Верховный суд, отменяя постановление суда округа указал, что суд не учел, что суд апелляционной инстанции установил, что уступкой требования погашено, в том числе, текущее обязательство должника перед заводом по договору от 01.02.2011 на отпуск питьевой воды и прием сточных вод в сумме 11 482 464,49 рубля, в свою очередь суд округа не опроверг этот вывод апелляции, не сослался на его несоответствие фактическим обстоятельствам.

Кроме того, суд округа не учел разъяснения п. 13 Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" где сделка по удовлетворению текущего платежа, совершенная с нарушением очередности, установленной п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, может быть признана недействительной на основании п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, если в результате этой сделки у должника отсутствуют денежные средства, достаточные для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным требованием, при доказанности того, что получивший удовлетворение кредитор знал или должен был знать о нарушении очередности.

Суд не учел, что в материалах дела не содержится доказательств того, что завод знал о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам, пусть даже и знал об объективном банкротстве должника – одного лишь этого факта недостаточно для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 19.03.2020 № 305-ЭС19-24795](#)

Недопустимо признание недействительной сделкой действий должника по возврату исполненного по договору в случае, если ранее в деле о банкротстве было

отказано во включении в реестр требований кредитора, вытекающих из данного договора, в связи с недоказанностью факта исполнения данного договора.

Оценка судом доказательств по своему внутреннему убеждению не означает допустимость ситуации, при которой одни и те же документы получают диаметрально противоположное толкование судов в разных делах без указания каких-либо причин для этого. Такая оценка доказательств не может быть признана объективной (определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 № 305-ЭС15-17704).

Признание преюдициального значения судебного решения, направленное на обеспечение стабильности и общеобязательности этого решения и исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если имеют значение для его разрешения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П).

Конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделкой возврат товара Денисовой Н.Д. на общую сумму 8 363 101 руб., применении последствий недействительности указанной сделки.

Судами трех инстанций требования удовлетворены, в порядке реституции с Денисовой Н.Д. в пользу должника взыскано 8 363 101 руб.

11.01.2016 между индивидуальным предпринимателем Денисовой Н.Д. (поставщиком) и должником (покупателем) заключен договор поставки № 2, согласно п. 1.1 которого поставщик принимает на себя обязательства передать в собственность покупателю товар, а покупатель - принять и оплатить товар.

В соответствии с товарной накладной от 13.01.2016 поставщик поставил в адрес покупателя детские игрушки на общую сумму 16 117 731 руб.

Впоследствии должник по товарной накладной от 07.11.2016 возвратил поставщику ранее приобретенный товар на сумму 8 363 101 руб.

Денисова Н.Д. в деле о банкротстве должника ранее обращалась в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр задолженности по договору поставки от 11.01.2016 в размере 7 754 630 руб. (разница между стоимостью первоначально поставленного и стоимостью возвращенного товара).

Однако, определением от 25.04.2018 в удовлетворении заявления отказано в связи с недоказанностью факта поставки Денисовой Н.Д. товара должнику. При этом суд указал, что представленная товарная накладная от 13.01.2016 не является достаточным и допустимым доказательством, подтверждающим исполнение поставщиком обязательств по поставке товара и принятие товара должником.

При разрешении настоящего обособленного спора суд без указания мотивов пришел к противоположному выводу, признав товарную накладную от 13.01.2016 допустимым доказательством, подтверждающим факт первоначальной поставки товара должнику.

Вследствие чего одни и те же обстоятельства, являющиеся существенными для правильного рассмотрения спора, оказались оцененными судами по-разному и это привело к конфликту судебных актов, в результате которого возникла ситуация, когда Денисовой Н.Д. сначала отказано во включении долга в реестр требований кредиторов должника в связи с недоказанностью поставки товара, а затем с нее взыскана стоимость частично возвращенного товара, поставка которого первоначально не была подтверждена, что не соответствует принципу правовой определенности.

При таких условиях обстоятельства, установленные судом ранее и связанные с оценкой факта поставки товара, не подлежали переоценке при рассмотрении настоящего спора.

В условиях недоказанности факта поставки Денисовой Н.Д. товара должнику у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для признания в деле о банкротстве недействительной сделки по частичному возврату должником указанного товара Денисовой Н.Д.

[Определение ВС РФ от 01.06.2020 г. № 307-ЭС19-26444 \(1, 2\)](#)

Лицо, заявляющее виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком. Для этого, в частности, необходимо доказать либо что приобретение ответчиком имущества не являлось возмездным, либо осведомленность ответчика о том, что лицо, у которого он приобрел имущество, не имело право это имущество отчуждать.

О безвозмездности сделки может свидетельствовать тот факт, что покупателю фактически предоставлена отсрочка платежа (например, выдачей собственного векселя покупателя с датой погашения через несколько лет). В таком случае следует учесть, представлял ли действительную ценность и (или) был ли погашен вексель к тому моменту, когда конечный приобретатель наверняка должен был узнать о неправомерности отчуждения имущества должником.

О необходимости возникновения у конечного покупателя сомнений в отношении права продавца на имущество могут свидетельствовать: факт занижения стоимости имущества в договоре купли-продажи по сравнению с кадастровой стоимостью, наличие введенной в отношении должника процедуры банкротства, наличие на момент приобретения имущества удовлетворенных обеспечительных мер на спорные объекты, а также наличие возбужденного спора о признании сделки

недействительной. Каждое из названных обстоятельств в отдельности может и не свидетельствовать об осведомленности конечного приобретателя об отсутствии у предшествующего прав на отчуждение имущества, однако их совокупность ставит добросовестность покупателя под сомнение. Исходя из этого бремя опровержения названных доводов переходит на ответчика, который должен подтвердить, что при совершении сделки он вел себя осмотрительно.

Конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным соглашения об отступном от 06.03.2017, заключенного должником с обществом «Сервис Маркет», применении последствий недействительности сделки в виде возврата в конкурсную массу должника нежилого здания и земельного участка, а также обязанности Башмакова И.В. возвратить спорное имущество во владение должника.

Судом апелляционной инстанции в пользу должника взыскано 12 504 000 руб.

Между банком и должником заключен кредитный договор от 07.09.2010, в обеспечение исполнения обязательств по которому должник передал банку по договору последующего залога нежилое здание и земельный участок.

Право требования к должнику в размере 3 000 000 руб. по указанному кредитному договору и права залогодержателя в результате цепочки сделок переданы обществу «Сервис Маркет».

06.03.2017 должник (залогодатель) и общество «Сервис Маркет» (залогодержатель) заключили соглашение об отступном, по условиям которого в связи с невозможностью исполнения обязательств, вытекающих из кредитного договора, залогодатель предоставляет залогодержателю земельный участок и нежилое здание; стоимость передаваемого имущества сторонами определена в размере 3 000 000 руб., что полностью покрывает все расходы залогодержателя.

09.11.2017 общество «Сервис Маркет» (продавец) и Башмаков И.В. (покупатель) заключили договор купли-продажи земельного участка и нежилого здания, цена которых определена сторонами в размере 8 160 000 руб.

Положения статей 301 и 302 ГК РФ регулируют вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения, в том числе из владения добросовестного приобретателя.

По общему правилу истец, заявляющий виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком (пункты 1 и 133 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25), пункты 37 и 38 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в

судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав".

Для этого, в частности, необходимо доказать либо что приобретение ответчиком имущества не являлось возмездным, либо осведомленность ответчика о том, что лицо, у которого он приобрел имущество, не имело право это имущество отчуждать.

Проверяя возмездность получения имущества, судам необходимо было учесть следующее. Конкурсный управляющий и общество «Нефтесервис» ссылались на то, что в счет оплаты за спорное имущество по договору от 09.11.2017 Башмаков И.В. (конечный приобретатель) выдал обществу «Сервис Маркет» собственный вексель со сроком платежа не ранее 30.09.2019. Фактически это означало, что продавец предоставил Башмакову И.В. отсрочку платежа сроком практически на два года.

Судам надлежало выяснить, представлял ли действительную ценность и (или) был ли погашен вексель к тому моменту, когда Башмаков И.В. наверняка должен был узнать о неправомерности отчуждения (в частности, к моменту, когда он получил копию искового заявления по настоящему делу – пункт 4 информационного письма № 126). Однако данные обстоятельства, имеющие существенное значение для принятия решения по виндикационному требованию, судами не были исследованы.

Далее судам необходимо было дать оценку тому, должны ли сопутствующие приобретению имущества обстоятельства, на которые ссылались истцы, вызвать у приобретателя имущества сомнения в отношении права продавца (общества «Сервис Маркет») на его отчуждение (пункт 9 Информационного письма № 126). В частности, в подтверждение своих доводов конкурсный управляющий и общество «Нефтесервис» указывали на ряд фактов:

приобретение Башмаковым И.В. имущества осуществлено после введения в отношении должника процедуры наблюдения (13.08.2017);

на дату заключения сделки уже имелись поданные заявления о принятии обеспечительных мер в отношении спорного имущества (24.10.2017) и об оспаривании первой сделки от 06.03.2017 по отчуждению имущества должником в пользу общества «Сервис Маркет» (07.11.2017);

после ознакомления с данными ЕГРН, а также с первичными документами, на которых продавец основывал свое право, Башмаков И.В. мог сделать вывод, что общество «Сервис Маркет» владело спорным имуществом полгода, приобрело его у должника по цене (3 000 000 руб.), которая почти в три раза ниже цены, установленной в договоре с Башмаковым И.В. и т.д.

Каждое из названных обстоятельств в отдельности может и не свидетельствовать об осведомленности конечного приобретателя об отсутствии у предшествующего прав на отчуждение имущества, однако их совокупность ставит

добросовестность Башмакова И.В. под сомнение. Исходя из этого бремя опровержения названных доводов переходит на ответчика, который должен подтвердить, что при совершении сделки он вел себя осмотрительно.

Любой разумный участник гражданского оборота перед покупкой недвижимого имущества знакомится со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выясняет основания возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности на него, правомочия продавца на отчуждение помещения, а также реальную стоимость имущества.

Равным образом любой разумный продавец в условиях, когда продажа имущества предполагается с фактической отсрочкой оплаты, примет меры к выяснению финансового положения покупателя (применительно к настоящим правоотношениям проверит ликвидность полученного в счет оплаты векселя), а также приложит усилия для заключения обеспечительных сделок.

Без подобных проверок возникновение соответствующих обязательств возможно только при наличии доверительных отношений между продавцом и покупателем.

[Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 305-ЭС19-20282](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделки должника судам надлежит исследовать все приведенные обстоятельства и сделать выводы по каждому из них. Если доводы относительно применения последствий недействительности сделки в виде возврата имущества в конкурсную массу суд не оценил, никаких выводов по ним не сделал и никак не мотивировал свою позицию в судебном определении, принятом по существу обособленного спора, такой судебный акт подлежит отмене.

По договору от 26.03.2016 Смаглий П.И. и Кузнецов Г.В. (займодавцы) передали в собственность Лысюка А.С. (заемщика) по 11 000 000 руб. для расчетов с кредиторами ОАО "Молоко". Лысюк А.С. обязался в срок до 01.06.2016 вернуть займодавцам предоставленные ему денежные средства.

В обеспечение возврата займа Лысюк А.С. (залогодатель) по договору от 05.05.2016 передал в залог Смаглию П.И. и Кузнецову Г.В. (залогодержателям) десять объектов недвижимости. По условиям договора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения Лысюком А.С. обязательств по возврату займа залогодержатели имели право реализовать предмет залога во внесудебном порядке.

16.05.2016 залог прошел государственную регистрацию, а 17.05.2016 те же лица заключили соглашение о передаче Смаглию П.И. и Кузнецову Г.В. заложенного имущества, мотивировав его неисполнением Лысюком А.С. своих обязательств.

16.11.2016 в отношении Лысюка А.С. возбуждено дело о его банкротстве и 15.02.2017 он признан банкротом.

В суд поступило три заявления финансового управляющего должником и кредитора Кудрина М.А. о признании займа, залога и соглашения о передаче заложенного имущества недействительными сделками (заявления от 20.03.2017, от 30.01.2018 и от 11.09.2018).

Суды признали недействительным соглашение от 17.05.2016, применили последствия его недействительности путем взыскания со Смаглия П.И. и Кузнецова Г.В. в конкурсную массу должника по 2 200 000 руб. (20 процентов от стоимости залогового имущества). В удовлетворении требований о признании договоров займа и залога недействительными в силу ничтожности (притворности) отказано.

Согласно пункту 1 статьи 61.1 Закона о банкротстве сделки, совершенные должником, могут быть признаны недействительными в соответствии с ГК РФ, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве.

Право на оспаривание сделки должника лиц имеет конкурсный кредитор, имеющий существенный размер требований к должнику, то есть отвечающий условиям, указанным в пункте 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве.

Из пунктов 1 и 2 статьи 61.8 Закона о банкротстве следует, что заявление об оспаривании сделки должника рассматривается в деле о его банкротстве в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - АПК РФ), с особенностями, предусмотренными Законом о банкротстве.

Согласно процессуальному закону защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих экономическую деятельность, а также укрепление законности является задачами судопроизводства в арбитражных судах. При рассмотрении дел арбитражным судом законность обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (пункт 4 статьи 2, статья 6 АПК РФ).

Процессуальный закон обязывает суд осуществлять руководство процессом, разъяснять участвующим в деле лицам их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела (пункт 3 статьи 9 АПК РФ).

Согласно пункту 2 статьи 65, пунктам 1 и 7 статьи 71 АПК РФ арбитражный суд на основании требований и возражений участвующих в деле лиц в соответствии с подлежащими применению нормами материального права определяет

обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела; оценивает доказательства и отражает результаты оценки в судебном акте, содержащем мотивы принятия или отказа в принятии доказательств, представленных участвующими в деле лицами в обоснование своих требований и возражений.

Правила принятия и изложения судебного решения, указанные в статьях 168-170 АПК РФ, обязывают арбитражный суд помимо прочего оценить доказательства и доводы, приведенные участвующими в деле лицами; определить установленные и не установленные обстоятельства, имеющие значение для дела, и изложить в решении мотивы его принятия. При этом в мотивировочной части решения должны быть указаны мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле; мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались участвующие в деле лица. Резолютивная часть решения должна содержать выводы об удовлетворении или отказе в удовлетворении полностью или в части каждого из заявленных требований.

В заявлении от 30.01.2018 Кудрин М.А. оспорил договор залога от 05.05.2016, настаивая на наличии в этой сделке предусмотренных статьями 61.2 (пункт 2) и 61.3 Закона о банкротстве признаков подозрительной сделки и сделки с предпочтением. Так, в частности, по мнению Кудрина М.А., залог подпадал под шестимесячный период, предшествовавший возбуждению дела о банкротстве, и был направлен на обеспечение исполнения обязательства Лысюка А.С. перед займодавцами как отдельными кредиторами, возникшего до совершения залога. Кроме того, заявитель ссылался на наличие у должника на дату заключения договора залога обязательств перед иными кредиторами (в частности перед Кудриным М.А. на 7 405 000 руб.); на цель заключения договора залога – причинение вреда кредиторам должника путем изъятия

у Лысюка А.С., имевшего очевидные как для стороннего лица, так и для займодавцев признаки неплатежеспособности, единственного ликвидного имущества.

Суд первой инстанции эти доводы не оценил, никаких выводов по ним не сделал и никак не мотивировал свою позицию в судебном определении, принятом по существу обособленного спора. В то же время удовлетворение судом требований Кудрина М.А. могло бы в большей мере защитить его права, позволив наполнить конкурсную массу за счет реализации спорного имущества.

Кудрин М.А. последовательно указывал на эту судебную ошибку в судах апелляционной и кассационной инстанций, однако его доводы и там остались без судебной оценки.

Наличие решения о признании недействительной одной сделки из цепочки взаимосвязанных сделок не препятствует рассмотрению по существу требования о квалификации всей цепочки как притворной и выявлению действительно совершенной (прикрываемой) сделки.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий в лице агентства обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделок, истребовании имущества из чужого незаконного владения, признания права собственности банка на отчужденное имущество.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявленных требований отказано.

Как следует из материалов дела и установлено судами, осенью 2014 года общество «Росинвест» продало Митрушину В.И. бизнес-центр.

Далее Митрушин В.И., являясь акционером банка, заключил с последним договоры дарения имущества в целях увеличения чистых активов, по условиям которых передал банку бизнес-центр безвозмездно.

Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции названные договоры дарения признаны недействительными. Основанием для признания сделок недействительными послужило отсутствие согласия супруги Митрушина В.И. на дарение бизнес-центра банку.

После возврата имущества Митрушину В.И. оно было внесено в качестве вклада в уставный капитал компании. Банк полагал, что в действительности цепочка заключенных между обществом «Росинвест», Митрушиным В.И. и банком сделок прикрывала прямую продажу бизнес-центра обществом банку.

Из положений пункта 2 статьи 170 ГК РФ следует, что правопорядок признает совершенной лишь прикрываемую сделку – ту сделку, которая действительно имела в виду. Именно она подлежит оценке в соответствии с применимыми к ней правилами (определение ВС РФ от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678).

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 86, абзаце первом пункта 87, абзаце первом пункта 88 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок; само по себе осуществление государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к промежуточным покупателям не препятствует квалификации данных сделок как ничтожных на основании пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Интерес истца в квалификации внешне совершенных сделок как притворных и в обнаружении действительно заключенной сделки может состоять не только в том,

чтобы оспорить прикрываемую сделку, но и в том, чтобы исключить для себя те правовые последствия, которые формально порождают сделки прикрывающие.

Суть правовой позиции, которую занимало агентство при рассмотрении спора, состояла в том, что сделки по отчуждению имущества от общества «Росинвест» в пользу Митрушина В.И. и далее в пользу банка являлись взаимосвязанными, а принадлежность имущества Митрушину В.И. носила транзитный характер.

По мнению конкурсного управляющего, стороны оформили свои отношения подобным образом по следующим причинам. Оказание банку безвозмездной помощи способствовало пополнению величины собственных активов банка в целях улучшения норматива достаточности собственных средств, что, в свою очередь, позволило ему отразить в отчетности перед регулирующим органом улучшение финансового положения, тем самым было продлено функционирование банка.

При этом передача имущества не от общества «Росинвест», а от Митрушина В.И., который являлся акционером, позволяла: - получить налоговую преференцию в виде освобождения от уплаты налога на прибыль; - а также давала возможность при возникновении необходимости пересмотреть свое управленческое решение по внесению имущества в капитал банка посредством предъявления аффилированной с ним супруги иска об отчуждении общего имущества без согласия.

Агентство настаивало на том, что банк получил имущество не безвозмездно, поскольку общество

«Росинвест» было освобождено банком от ряда финансовых обязательств. Тем самым конкурсный управляющий полагал, что цепочка спорных сделок прикрывала прямую продажу актива от общества

«Росинвест» в пользу банка.

Подобная квалификация отношений позволяет констатировать, что сделки по дарению имущества Митрушиным В.И. банку в действительности никогда не было, что лишает супругу формальной предпосылки для оспаривания этой сделки и позволяет пересмотреть по новым обстоятельствам соответствующий судебный акт суда общей юрисдикции.

Вместе с тем суды сосредоточили свою аргументацию исключительно на существовании решения суда общей юрисдикции, на основании которого сделка была оспорена, а имущество – возвращено супругам. Однако вопреки выводам судов наличие решения о признании одной сделки из цепочки взаимосвязанных сделок недействительной не препятствует рассмотрению по существу требования о квалификации всей цепочки как притворной и выявлению действительно совершенной (прикрываемой) сделки.

В случае, если суд установит, что должник аффилирован с лицом – контрагентом по оспариваемой сделке, а также аффилирован с кредиторами, все указанные лица являются группой лиц, то оспариваемая сделка, будучи заключенной в интересах всей группы, не может нарушать права таких конкурсных кредиторов. В отсутствие у должника независимых кредиторов не имеется оснований для лишения юридической силы внутригрупповой сделки, не затрагивающей права третьих лиц.

В рамках дела о банкротстве должника банк в лице АСВ обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 689 762 661,6 руб. как обеспеченных залогом.

В свою очередь, конкурсный управляющий должника Белов И.В. обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров залога, заключенных должником и банком.

Судами трех инстанций сделки признаны недействительными, в удовлетворении заявления банка о включении задолженности в реестр отказано.

В период с 2006 по 2013 годы банком и рядом обществ заключено 82 кредитных договора. Надлежащее исполнение заемщиками обязательств по кредитным договорам обеспечивалось заключенными банком и должником договорами об ипотеке земельных участков.

В рассматриваемом случае в реестр включено требование только одного кредитора (общества «К- Восток»). Иные конкурсные кредиторы у должника отсутствуют.

Разрешая вопрос об обоснованности заявления о признании договоров об ипотеке недействительными, судам, в первую очередь, необходимо было выяснить, нарушены ли залоговыми сделками права и законные интересы общества «К-Восток».

Названное общество является заявителем по настоящему делу о банкротстве. Его требования к должнику основаны вступившем в силу решении суда о взыскании с должника 66 746 136,14 руб.

Иск общества «К-Восток» мотивирован тем, что должник в 2011 году приобрел по девяти договорам купли-продажи земельные участки у обществ «АвтоСтат» и «Русское поле», но не оплатил их. Требования о выплате цены договоров купли-продажи уступлены продавцами обществу «К-Восток». Из материалов электронного дела № А55-15176/2016 видно, что в договорах и (или) передаточных актах, приложенных к иску общества «К-Восток» и представленных в регистрирующий орган для государственной регистрации перехода права собственности к должнику, содержится указание на то, что оплата за участки произведена. Однако 10.09.2013 правопреемником продавцов (обществом «К-Восток») и должником (покупателем) подписано соглашение о признании долга, в котором они указали обратное –

покупателем не исполнено обязательство по оплате земельных участков. Именно по этому соглашению с должника в пользу общества

«К-Восток» и были взысканы денежные средства в рамках дела № А55-15176/2016. Данное решение сначала послужило основанием для возбуждения дела о банкротстве должника, а затем позволило конкурсному управляющему обратиться с заявлением по настоящему обособленному спору о недействительности договоров об ипотеке.

Решение по делу № А55-15176/2016 не обжаловалось и вступило в законную силу. При наличии неотмененных решения по иску общества «К-Восток» и судебного акта по делу о банкротстве о включении задолженности перед этим обществом в реестр в силу их общеобязательности вопрос о наличии задолженности по договорам купли-продажи земельных участков не подлежит повторному рассмотрению. Однако это не освобождает суд от необходимости оценки действий правопреемников общества «К-Восток» (продавцов) и должника (покупателя).

Поведение сторон договоров купли-продажи, которые изначально (в 2011 году) указали в документах, поданных в регистрирующий орган, сведения об исполнении обязательств по оплате, а затем (в 2013 году) заключили соглашение, в котором констатировали неисполнение тех же самых обязательств, является противоречивым. Ни один независимый от покупателя разумный продавец не указал бы в договоре купли-продажи недвижимого имущества, что оплата произведена, в отсутствие таковой; равным образом, ни один независимый от продавца покупатель не согласился бы принять на себя вновь обязательство по оплате, если бы ранее он его исполнил. Кроме того, отсутствие оплаты по общему правилу влечет за собой регистрацию залога в силу закона на проданное имущество до момента исполнения соответствующего обязательства (пункт 5 статьи 488 ГК РФ). Отказ правопреемников общества «К-Восток» от права залога свидетельствует о том, что у них имелись иные (неформальные) гарантии оплаты либо оплата их не интересовала в принципе.

Такое поведение сторон можно объяснить исключительно наличием между ними доверительных отношений, позволяющих совершать сделки, опираясь лишь на устные договоренности, искажая в документах как сами эти договоренности, так и истинные мотивы своего поведения. Так могут действовать только аффилированные лица. Бремя опровержения аффилированности правопреемников общества «К-Восток» и должника лежит на этом обществе.

Из неопровергнутой аффилированности должника с правопреемниками его единственного кредитора и установленной судами аффилированности должника с банком следует, что все они входили в одну группу, контролируемую предыдущим руководством банка, и были аффилированы между

собой (статья 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и часть 1 статьи 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). Таким образом, отношения по кредитным и ипотечным обязательствам были построены по следующей модели: банк выдавал кредит связанному с ним лицу, надлежащее исполнение обязательств которым впоследствии обеспечивалось залогом имуществом иного связанного лица (залогодателя - должника по настоящему делу о банкротстве). При этом аффилированность участников спорных правоотношений позволяла сохранять внутри группы как предоставленное финансирование, так и заложенное имущество, из

чего следует, что сделки для их бенефициаров фактически являлись безрисковыми.

Однако приказами Банка России от 08.04.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией. Решением от 06.07.2016 банк признан несостоятельным.

В апреле 2016 года возник риск утраты группой заложенного имущества. После этого общество «К- Восток» инициировано взыскание долга по договорам купли-продажи с должника (исковое заявление по делу

№ А55-15176/2016 поступило в суд 22.06.2016), что позволило возбудить дело о несостоятельности залогодателя по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника и в конкурсном производстве заявить требование о признании соглашений об ипотеке недействительными.

Иск о признании подозрительной сделки недействительной направлен на защиту прав кредиторов, понесших от данной сделки имущественные потери, независимо от того, кем этот иск подан – арбитражным управляющим или одним из кредиторов. В ситуации, когда должник заключает договор в интересах связанной с ним группы лиц, права членов этой группы не подлежат защите с использованием механизма, установленного статьей 61.2 Закона о банкротстве. Тем более не имеется оснований для лишения юридической силы внутригрупповой сделки, не затрагивающей права третьих лиц, на основании статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В данном случае в отсутствие у залогодателя независимых кредиторов судам следовало установить действительную цель подачи конкурсным управляющим заявления об оспаривании сделок, выяснить было ли это заявление направлено на пересмотр внутригрупповых управленческих решений, в том числе о предоставлении земельных участков в ипотеку, во вред независимым кредиторам банка, находящегося в процедуре конкурсного производства, чьи денежные средства и были

выданы заемщикам, имея ввиду, что конкурсное оспаривание не предполагает его использование в таких целях.

[Определение ВС РФ от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613](#)

Для квалификации платежа как совершенного с предпочтением перед иными кредиторами суду необходимо установить, оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника.

Оспаривание преференциальных сделок является разновидностью косвенного иска, предъявляемого в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов несостоятельного должника. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые. При этом оспариваемому платежу не могут противопоставляться требования во много тысяч раз меньшие ввиду их несоизмеримости с оспариваемым.

В ситуации, когда кредитор предоставляет должнику денежные средства на погашение долга перед иным (первоначальным) кредитором, осознавая, что заменяет этого первоначального кредитора в отношениях с должником, – требование такого нового кредитора (при отсутствии иных кредиторов) не может быть противопоставлено первоначальному при установлении признака предпочтительности в рамках спора о признании недействительной платежной операции по погашению долга перед первоначальным кредитором.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительными двух платежей на сумму 3 165 160 920,85 руб., произведенных должником 30.11.2017 в пользу банка по договору об уступке прав (требований).

Судом первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

31.08.2015 между должником (цессионарием) и банком (цедентом) заключен договор об уступке прав (требований), в соответствии с которым банк уступил должнику право требования к обществу «Регент НМ» по нескольким кредитным договорам на общую сумму 37 120 185,74 евро по цене номинала.

По условиям соглашения право требования переходит к цессионарию в момент его подписания, при этом предоставляется отсрочка по оплате до 30.11.2015. Кроме

того, должник уплачивает банку проценты, начисляемые на неоплаченную стоимость уступленных прав требований в размере 3,5 процентов годовых.

30.11.2017 на расчетный счет должника от компании Делвенисто Инвестментс Лтд. поступили заемные средства в размере 3 917 200 000 руб.

В этот же день двумя платежами на сумму 2 607 765 433,32 руб. (погашение основного долга) и 557 395 487,53 руб. (погашение процентов) часть из названных средств перечислена банку в счет оплаты по договору уступки.

Оспаривание платежей, совершенных должником в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абзаца пятого пункта 1 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации платежа на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства: оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника; должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов.

При отсутствии одного из названных обстоятельств исковые требования не подлежат удовлетворению. Разрешая первый вопрос, необходимо принимать во внимание, что оспаривание преференциальных сделок является разновидностью косвенного иска, предъявляемого в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов несостоятельного должника. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке.

Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые (определение ВС РФ от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155). Соответственно, отвечая на вопрос о наличии предпочтения, необходимо выявить круг кредиторов, чьи права нарушены оспариваемой сделкой, то есть круг лиц, чьи интересы и требования можно противопоставить погашенному требованию контрагента по сделке.

В данном случае суды установили, что на момент исполнения обязательства перед банком общество «Солхом» имело задолженность перед тремя кредиторами: ИФНС России № 22 в сумме около 43 тыс. руб.; ООО «МагистральТрубоПром» в сумме 3 337 000 000 руб.; Делвенисто Инвестментс Лтд. в сумме 3 917 200 000 руб.

Относительно долга перед обществом «МагистральТрубоПром» необходимо отметить, что впоследствии, как установили суды, он был погашен, в настоящее время

соответствующее требование не включено в реестр. В связи с этим долг перед этим кредитором непротивопоставим банку при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Равным образом необходимо констатировать, что размер задолженности перед уполномоченным органом (около 43 тыс. руб.) не позволяет противопоставить соответствующее требование сделке на сумму более 3 млрд. руб. в виду их несоизмеримости (применительно к пункту 29.4 постановления Пленума ВАС Р

от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Таким образом, спорные сделки подлежали проверке на предмет предпочтительности только по отношению к требованию Делвенисто Инвестментс Лтд. (чей правопреемник Фиделио Энтерпрайзис Лимитед включен в реестр определением от 09.11.2018 по настоящему делу).

Разрешая вопрос о допустимости противопоставления банку требования Делвенисто Инвестментс Лтд., необходимо обратить внимание, что долг перед этой фирмой возник из договора займа, при этом размер займа (3 917 200 000 руб.) соответствовал размеру задолженности общества «Солхом» по договорам цессии, заключенным с банком (помимо обязательств, погашенных совершением оспариваемых сделок, между банком и должником имелись иные отношения по уступке), что не отрицал представитель конкурсного управляющего в судебном заседании.

Таким образом, в условиях, когда сторонами заемных отношений не раскрыты иные мотивы совершения сделки, следует предположить, что Делвенисто Инвестментс Лтд. предоставил заем в целях реструктуризации долговой нагрузки общества «Солхом», осознавая, что денежные средства будут направлены на погашение задолженности перед банком по договорам уступки, то есть фактически займодавец выразил согласие на то, чтоб занять место банка как кредитора должника. Более того, как следует из договора займа, копия которого размещена на официальном сайте арбитражных судов в материалах электронного дела, в качестве обеспечения по займу Делвенисто Инвестментс Лтд. принял права требования к обществу «Регент НМ», которые приобретены должником у банка по договорам уступки, из чего также следует, что займодавец был осведомлен о взаимоотношениях банка с обществом «Солхом».

В подобной ситуации, когда кредитор предоставляет должнику денежные средства на погашение долга перед иным (первоначальным) кредитором, осознавая, что заменяет этого первоначального кредитора в отношениях с должником, – требование такого нового кредитора (при отсутствии иных кредиторов) не может быть противопоставлено первоначальному при установлении признака

предпочтительности в рамках спора о признании недействительной платежной операции по погашению долга перед первоначальным кредитором.

Поскольку банку не было оказано предпочтение при удовлетворении его требования, отсутствовали основания для установления второго признака (осведомленность контрагента о неплатежеспособности должника), необходимого для признания сделки недействительной по правилам пунктов 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве. Таким образом, суды первой инстанции и округа пришли к правильным выводам об отказе в удовлетворении заявленных требований.

[Определение ВС РФ от 07.09.2020 № 305-ЭС19-13899 \(2\)](#)

При подготовке к разрешению спора о признании недействительной сделки должника суду надлежит определить характер спорных правоотношений и с учетом этого подлежащие применению нормы права.

Так, условие о наступлении обязанности по возврату денежных средств под условием (в частности, перехода права собственности на недвижимое имущество) является нестандартным для договора займа. В таком случае необходимо выяснить, кому должник передал имущество, под момент перехода прав на которое должник поставил необходимость возврата денежных средств, и какое отношение к передаче данного имущества имеет заемщик. Так, если заемщик пояснил, что, не являясь покупателем имущества, между тем фактически его оплачивал, это объясняет связанность указанного в расписке (договоре займа) денежного обязательства с переходом права собственности на имущество. В случае, если установлено также, что должник имел средства для выдачи такой суммы контрагенту, такой договор займа не подлежит признанию недействительным.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Рыбалко Г.Е. его финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора денежного займа от 31.08.2017 на сумму 15 656 000 руб., заключенного между должником и Лариным А.С.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

31.08.2017 должником и Лариным А.С. составлена расписка, по условиям которой Ларин А.С. получил от должника денежные средства в размере 15 656 000 руб. и обязался вернуть их в течение трех дней с момента перехода права собственности на квартиру и подписания акта приема-передачи квартиры.

Суды отметили, что наличие у должника денежных средств в спорном размере подтверждено вступившим в законную силу определением, из содержания которого следует, что Ларина И.И. передала должнику денежные средства за приобретаемую квартиру в размере 46 680 000 руб.

При подготовке к разрешению спора суду, в первую очередь, надлежит определить характер спорных правоотношений (то есть дать им правовую квалификацию) и с учетом этого подлежащие применению нормы права (статья 133 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Следовательно, юридически значимым для правильного разрешения настоящего спора являлось выяснение судом вопроса о том, наличие каких правоотношений подтверждает спорная расписка.

Из текста расписки следует обязанность Ларина А.С. вернуть Рыбалко Г.Е. денежные средства в течение трех дней с момента перехода права собственности на квартиру и подписания акта приема-передачквартиры.

Однако наступление обязанности по возврату денежных средств под условием (в частности, перехода права собственности на недвижимое имущество) является нестандартным для договора займа. Учитывая данное обстоятельство, а также принимая во внимание предшествующее и последующее поведение сторон, суду необходимо было выяснить истинную природу их отношений (действительную общую волю) при составлении расписки, объясняющую связанность денежного обязательства со сменой собственника квартиры (абзац второй статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Как указывал на протяжении спора Ларин А.С., в действительности между его матерью Лариной И.И. (покупателем) и Рыбалко Г.Е. (продавцом) был заключен договор купли-продажи квартиры. При этом Ларин А.С., будучи сыном покупателя, осуществлял действия, направленные на оплату квартиры. До составления спорной расписки денежные средства были размещены в индивидуальном банковском сейфе на хранение с правом доступа к ним должника и Ларина А.С. при наступлении (ненаступлении) определенного условия, а именно государственной регистрации перехода права на продаваемую должником в пользу Лариной И.И. квартиры. Государственная регистрация квартиры была приостановлена из-за ареста квартиры, договор аренды банковского сейфа расторгнут, Ларин А.С. забрал денежные средства из ячейки. Расписка подтверждала намерение Ларина А.С. заплатить должнику денежные средства в случае перехода права собственности на квартиру к Лариной И.И. Поскольку переход права собственности на имущество не состоялся, Ларин А.С. дальнейших действий по оплате не совершал.

Таким образом, приведенное Лариным А.С. обоснование объясняло связанность упомянутого в расписке денежного обязательства в размере 15 656 000 руб. с переходом права собственности на квартиру.

В свою очередь ни Рыбалко Г.Е., ни его финансовый управляющий альтернативных версий о том, как развивались спорные отношения, не приводили.

Суды первой и апелляционной инстанций, формально констатировав, что договор купли-продажи квартиры заключен с Лариной И.И., и сославшись на обстоятельства, установленные при рассмотрении обособленного спора о включении требования последней в реестр требований кредиторов должника, в нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ уклонились от оценки приведенных Лариным А.С. доводов, тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора.

Вместе с тем обстоятельства, касающиеся того, кто фактически оплачивал расходы на приобретение квартиры, не устанавливались.

[Определение ВС РФ от 10.12.2020 № 305-ЭС19-23861\(3\)](#)

Сделки должника с банком могут быть признаны недействительными на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве в случае, если кредитная организация обладала сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, и исполнение кредитного обязательства не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре (типичность платежа).

Учитывая, что любое суждение об осведомленности лица в прошлом предполагает вменение ему соответствующего факта, при определении признака осведомленности ответчика подлежат учету и те просроченные денежные обязательства, о которых ответчик должен был знать на момент принятия платежа.

В целях квалификации платежа на предмет его отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника необходимо сопоставить оспариваемый платеж с предусмотренными договором условиями о порядке погашения кредита, а также с иными платежами, совершенными должником при исполнении данного кредитного договора ранее. Возврат кредита со значительной просрочкой по общему правилу не может быть отнесен к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Оспаривание платежей, совершенных должником после возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абз. 5 п. 1 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации платежа в качестве недействительной сделки суду достаточно установить оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника.

При этом установление иных обстоятельств, в частности осведомленность лица о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника в момент совершения сделки, не требуется.

Вместе с тем п. 4 ст. 61.4 Закона о банкротстве установлен специальный критерий недобросовестности, который применяется при рассмотрении заявлений об оспаривании сделок, связанных с исполнением кредитных обязательств.

В соответствии с указанной нормой такие сделки могут быть признаны недействительными на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве в случае, если кредитная организация обладала сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, и исполнение кредитного обязательства не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре (типичность платежа).

Учитывая, что любое суждение об осведомленности лица в прошлом предполагает вменение ему соответствующего факта, при определении признака осведомленности ответчика подлежат учету и те просроченные денежные обязательства, о которых ответчик должен был знать на момент принятия платежа.

Разрешая вопрос об осведомленности банка в данном обособленном споре, суд округа, сославшись на разъяснения, изложенные в п. 12.2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", согласился с выводами суда первой инстанции об отсутствии в материалах дела доказательств того, что банк знал или должен был знать о неплатежеспособности должника или о наличии у него признаков недостаточности имущества.

Вместе с тем настоящее дело о банкротстве должника возбуждено на основании определения суда от 13.03.2017, то есть дополнительное соглашение № 2 было подписано сторонами спустя полтора месяца (28.04.2017) после возбуждения дела о банкротстве, а оспариваемый платеж совершен спустя четыре с лишним месяца (26.07.2017) после названной даты.

При таких условиях, а также принимая во внимание, что сведения о возбуждении дела о банкротстве размещены в общедоступном источнике информации - Картотеке арбитражных дел, суд апелляционной инстанции пришел к правомерному выводу, что банк, действуя добросовестно и разумно, должен был знать о наличии у должника на момент принятия платежа от 26.07.2017 просроченных обязательств перед иными кредиторами.

В целях квалификации платежа на предмет его отнесения к обычной хозяйственной деятельности должника необходимо сопоставить оспариваемый платеж с предусмотренными договором условиями о порядке погашения кредита, а также с иными платежами, совершенными должником при исполнении данного

кредитного договора ранее ("не отличалось по срокам и размеру уплаченных или взысканных платежей от определенных в кредитном договоре").

В данном случае суды установили, что платеж был произведен во исполнение обязательства, установленного дополнительным соглашением № 2, и представляет собой часть единой сделки по погашению просроченной задолженности по кредитному договору в размере 7 792 868,86 руб.

Вместе с тем возврат кредита со значительной просрочкой по общему правилу не может быть отнесен к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности (абз. 4 п. 14 постановления №63).

При таких условиях Судебная коллегия полагает, что оснований для квалификации оспариваемого платежа в качестве сделки, совершенной в процессе обычной хозяйственной деятельности, не имеется. Суд апелляционной инстанции правомерно исходил из того, что спорный платеж не является типичным для сложившихся между сторонами отношений.

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623\(7\)](#)

1. Для признания дополнительных соглашений к трудовому договору недействительными на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве следует установить существенную неравноценность встречного исполнения со стороны работника путем сравнения спорных условий о повышении его должностного оклада с аналогичными соглашениями, заключавшимися, в том числе иными участниками оборота (пункт 8 постановления № 63). Цель причинения вреда кредиторам отсутствует в ситуации, когда заработная плата обычного работника повышена так, что она существенно не отличается от оплаты за труд по аналогичной должности, которую получают на других предприятиях, схожих с должником по роду и масштабу деятельности.

2. В ситуации, когда начисленные работнику премии фактически входят в систему оплаты труда, действия по их начислению могли быть признаны недействительными лишь при существенном несоответствии размера этих премий внесенному работником трудовому вкладу (статья 61.2 Закона о банкротстве).

В рамках настоящего обособленного спора требования о недействительности дополнительных соглашений к трудовому договору и действий по начислению увеличенной заработной платы, премий заявлены конкурсным управляющим на основании [статьи 61.2](#) Закона о банкротстве.

В силу [пункта 3 статьи 61.1](#) Закона о банкротстве под сделками (действиями), которые могут быть оспорены по правилам [главы III.1](#) этого Закона, понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии трудовым законодательством.

Согласно [пункту 1 статьи 61.2](#) Закона о банкротстве недействительной может быть признана сделка (действия по исполнению обязательств), совершенная в годичный период подозрительности при неравноценном встречном исполнении обязательств, то есть сделка, по которой исполнение, предоставленное должником, в худшую для него сторону отличается от исполнения, которое обычно предоставляется при сходных обстоятельствах. При этом не требуется доказывать факты, указывающие на недобросовестность другой стороны сделки ([абзац второй пункта 9](#) постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - постановление № 63)).

Квалифицирующими признаками подозрительной сделки, указанной в [пункте 2 статьи 61.2](#) Закона о банкротстве, являются ее направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой стороны сделки об указанной противоправной цели, фактическое причинение вреда в результате совершения сделки.

Наличие в законодательстве о банкротстве приведенных специальных правил об оспаривании сделок (действий) не означает, что само по себе ухудшение финансового состояния работодателя, его объективное банкротство ограничивают права обычных работников на получение всего комплекса гарантий, установленных Трудовым [кодексом](#) Российской Федерации (далее - Трудовой кодекс).

Одной из таких государственных гарантий является гарантия индексации оплаты за труд, направленная на обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы, ее покупательной способности ([статьи 2, 130 и 134](#) Трудового кодекса). Данная гарантия действует не только в отношении работников государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, но и в отношении иных работников, заключивших трудовые договоры с работодателями, осуществляющими предпринимательскую и иную экономическую деятельность (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2010 [№ 913-О-О](#), от 29.05.2019 [№ 1269-О](#) и др.).

Другой гарантией является компенсация за выполнение дополнительной работы в виде денежной доплаты ([статья 151](#) Трудового кодекса).

В ходе рассмотрения настоящего дела конкурсный управляющий комбинатом не оспаривал факт исполнения Матюниным С.Б. трудовой функции, не ссылаясь на его аффилированность по отношению к

должнику либо лицам, контролирующим последнего. Из материалов дела не усматривается, что Матюнин С.Б. занимал должность, относящуюся к числу руководящих.

Возражая по требованию управляющего, Матюнин С.Б. обращал внимание судов на то, что периодическое повышение его должностного оклада было направлено не на причинение вреда кредиторам комбината, а на компенсацию инфляции ([статьи 130](#) и [134](#) Трудового кодекса) и предоставление доплаты ввиду увеличения объема работы ([статья 151](#) Трудового кодекса). Матюнин С.Б., в частности, указывал на то, что с 2015 года работники комбината стали постепенно увольняться, число сотрудников юридического департамента все время сокращалось (2015 год - 8 человек, 2016 год - 7 человек, 2017 год - 5 человек, 2018 год - 4 человека), их работа перераспределялась между оставшимися юрисконсультами.

В нарушение положений [статей 71, 184](#) и [185](#) Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суды уклонились от оценки приведенных возражений Матюнина С.Б., тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора. Суды не учли, что увеличение причитающихся работнику выплат, осуществленное работодателем в преддверии банкротства и в процедурах несостоятельности в пределах индексации заработной платы, предоставления компенсации за выполнение дополнительной работы, не могло быть квалифицировано как недействительная подозрительная сделка.

Более того, для признания дополнительных соглашений к трудовому договору недействительными на основании [статьи 61.2](#) Закона о банкротстве следовало, по меньшей мере, установить существенную неравноценность встречного исполнения со стороны работника путем сравнения спорных условий о повышении его должностного оклада с аналогичными соглашениями, заключавшимися, в том числе иными участниками оборота ([пункт 8](#) постановления № 63). Цель причинения вреда кредиторам отсутствует в ситуации, когда заработная плата обычного работника повышена так, что она существенно не отличается от оплаты за труд по аналогичной должности, которую получают на других предприятиях, схожих с должником по роду и масштабу деятельности.

В рассматриваемом случае, разрешая обособленный спор, суды не проверили доводы Матюнина С.Б. о том, что его повышенная заработная плата в целом соответствовала вознаграждению, которое выплачивали юрисконсультам иные работодатели, осуществляющие деятельность в том же регионе и на том же рынке.

2. В соответствии со [статьей 129](#) Трудового кодекса в состав заработной платы включаются премии. При этом работнику могут быть установлены два вида премий - премии постоянного и разового характера. Первые входят в систему оплаты труда, начисляются регулярно за выполнение заранее утвержденных показателей, у работника возникает право требовать их выплаты при условии выполнения указанных показателей ([статья 135](#) Трудового кодекса). Вторые не являются гарантированным доходом работника, выступают дополнительной мерой его материального стимулирования, поощрения, применяемой по усмотрению работодателя ([статья 191](#) Трудового кодекса).

В материалы настоящего дела конкурсным управляющим представлены расчетные листки и документ, поименованный сводом начислений и удержаний. Из этих документов усматривается, что премии начислялись Матюнину С.Б. ежемесячно с сентября 2014 года (после истечения испытательного срока) до февраля 2017 года. Размер премий был существенно ниже должностного оклада Матюнина С.Б. Также в материалах дела имеется штатное расписание по состоянию на 01.10.2015, согласно которому фонд оплаты труда комбинат рассчитывал исходя из должностных окладов работников и их ежемесячных премий.

Признав недействительными действия по начислению премий Матюнину С.Б., совершенные с июня 2016 года, суды не выяснили, являются ли спорные премии составной частью его ежемесячной оплаты труда, подлежащей обязательной выплате в качестве заработной платы. В ситуации, когда начисленные Матюнину С.Б. премии фактически входили в систему оплаты труда, действия по их начислению могли быть признаны недействительными лишь при существенном несоответствии размера этих премий внесенному работником трудовому вкладу ([статья 61.2](#) Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 308-ЭС18-14832 \(3,4\)](#)

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок возможна ситуация, когда создается лишь видимость широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзия последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка - сделка по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем бенефициара данной сделки, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка,

направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании пункта 2 статьи 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения обособленного спора, имеют обстоятельства, касающиеся установления наличия (отсутствия) факта притворности последовательных сделок купли-продажи, реальности передачи фактического контроля над объектами недвижимости конечному покупателю, для чего необходимо определить намерение сторон: соответствовала ли их воля волеизъявлению, выраженному во вне посредством оформления документов, формально свидетельствующих о совершении не одной, а нескольких сделок.

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок возможна ситуация, когда создается лишь видимость широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзия последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка - сделка по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем бенефициара данной сделки, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных притворных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара или связанного с ним лица. Такая цепочка прикрываемых притворных сделок является недействительной на основании п. 2 ст. 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения настоящего обособленного спора, исходя из заявленных оснований оспаривания, имели обстоятельства, касающиеся установления наличия (отсутствия) факта притворности последовательных сделок купли-продажи, реальности передачи фактического контроля над объектами недвижимости конечному покупателю, для чего необходимо определить намерение сторон: соответствовала ли их воля волеизъявлению, выраженному во вне посредством оформления документов, формально свидетельствующих о совершении не одной, а нескольких сделок.

Россельхозбанк и уполномоченный орган, поддерживая требования конкурсного управляющего должником о признании сделок недействительными, указывали на то, что в результате совершения оспариваемых сделок контроль над объектами недвижимости продолжают осуществлять те же лица, конечный бенефициар не изменился.

В обоснование своих доводов заявители и конкурсный управляющий ссылались на поведение участников рассматриваемых правоотношений (Теплякова А.Ю. и Горлова Романа Валерьевича – единственного участника должника), их фактическую заинтересованность и общность экономических интересов, обстоятельства, при которых оспариваемые сделки были совершены и которые им предшествовали.

На фактическую заинтересованность Теплякова А.Ю. и Горлова Р.В. указывали не только обстоятельства совместного учредительства в ряде юридических лиц, но и заключение между собой сделок и их фактическое исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

Остался без судебной проверки довод Россельхозбанка о том, что исполнение обязательств по кредитным договорам с Мидбанком было обеспечено залогом иного недвижимого имущества, принадлежащего Теплякову А.Ю., исключение обращения взыскания на которое и явилось основанием для заключения Тепляковым А.Ю. и должником договора перевода долга и изменения порядка оплаты оспариваемого договора купли-продажи. Экономическая выгода от совершения данных сделок получена не должником, а Тепляковым А.Ю. Погасив в преимущественном порядке обязательства перед Мидбанком с привлечением денежных средств заинтересованного лица неплатёжеспособный должник, с одной стороны, создал видимость совершения сделки на рыночных условиях, блокирующей пороки подозрительности, а, с другой стороны, в преддверии собственного банкротства окончательно стал отвечать признакам недостаточности имущества, передав свой единственный актив члену той же группы, которая его контролировала ранее, сделав невозможным погашение требований прочих кредиторов. Заявители указывают, что подобная слаженность действий свидетельствует о наличии доверительных отношений между участниками сделок, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

[Определение ВС РФ от 29.12.2020 № 305-ЭС19-1552 \(4\)](#)

По смыслу абзаца пятого пункта 1 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве для квалификации зачета встречных требований на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства: оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования

принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника; должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов. При отсутствии одного из названных обстоятельств заявленные требования не подлежат удовлетворению.

В ситуации, когда документ, поименованный как соглашение либо заявление о зачете, носит сверочный характер и не является сделкой, необходимо исходить из того, что прекращение упомянутых в данном документе встречных обязательств произошло ранее и стороны лишь зафиксировали состоявшийся прежде юридический факт.

Оспаривание сделок, направленных на прекращение обязательства (например, по зачету встречных требований) и совершенных должником в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абз. 5 п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации совершенного зачета на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства:

оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника;

должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов.

При отсутствии одного из названных обстоятельств заявленные требования не подлежат удовлетворению.

В отношении первого обстоятельства стороны не отрицали, что к моменту совершения оспариваемого зачета от 30.10.2015 существовали требования, по крайней мере, двух кредиторов (банка и общества

«Тэпиджиниринг»), которые не удовлетворены вплоть до настоящего момента и включены в реестр требований кредиторов. Таким образом, спорная сделка совершена с предпочтением по отношению к иным кредиторам.

В отношении осведомленности ответчика суд округа указал, что имела место фактическая аффилированность с должником, которая презюмирует наличие сведений о неплатежеспособности. Вместе с тем, даже независимо от разрешения вопроса о наличии либо отсутствии признаков аффилированности, у судов имелись основания сделать выводы об информированности ответчика о прекращении исполнения должником части денежных обязательств и в связи с иными обстоятельствами. Так, исходя из особенностей структуры подрядных отношений, участником которых стало общество, и обстоятельств, установленных судами,

общество должно было понять, что у должника имеются определенные финансовые трудности и сложности со строительством:

на момент передачи обществу прав и обязанностей подрядчика со стороны заказчика (должника) была допущена просрочка (около полутора лет) в передаче рабочей документации, без которой невозможно приступить к подрядным работам;

замена прежнего подрядчика на общество состоялась 02.12.2014, в то время как по условиям договора подряда к 01.12.2014 должны были быть построены 2-4 пусковые комплексы электростанции, при том, что строительство станции являлось единственным предметом деятельности должника, в силу чего он мог рассчитывать на получение дохода в будущем только в случае окончания строительства;

в дальнейшем (после замены подрядчика) рабочая документация так и не была передана обществу, что послужило основанием для направления обществом в адрес должника заявления от 25.09.2015 об одностороннем отказе от исполнения договора подряда.

Кроме того, банк и конкурсный управляющий на всем протяжении рассмотрения дела ссылались на то, что 19.10.2015 (до совершения оспариваемой сделки от 30.10.2015) банком на сайте ЕФРСБ было опубликовано уведомление о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве должника.

Таким образом, совокупности названных фактов было достаточно для того, чтобы сделать вывод об осведомленности ответчика о наличии у должника по состоянию на 30.10.2015 признаков неплатежеспособности, в силу чего вывод суда округа, квалифицировавшего совершенный зачет в качестве недействительного по правилам абз. 5 п. 1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, является верным.

При этом не может быть принято сделанное со ссылкой на определение ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064 возражение общества о том, что заявление о зачете фактически констатировало объем осуществленного обеими сторонами исполнения, внося определенность в состояние расчетов между ними.

В ситуации, когда документ, поименованный как соглашение либо заявление о зачете, носит сверочный характер и не является сделкой, необходимо исходить из того, что прекращение упомянутых в данном документе встречных обязательств произошло ранее и стороны лишь зафиксировали состоявшийся прежде юридический факт. В данном же случае представители общества в судебном заседании подтвердили, что, вступая в подрядные отношения, общество имело намерение осуществлять работы по строительству электростанции, в силу чего переданная ему прежним подрядчиком сумма неотработанного аванса подлежала направлению на цели строительства и не могла рассматриваться как предназначенная для погашения заемных обязательств должника перед обществом в декабре 2014 года.

Соответственно, до расторжения договора подряда у должника не имелось и встречного денежного требования к обществу о возврате неотработанного аванса, которое могло бы быть зачтено против требования, вытекающего из договоров займа.

При этом спорный зачет не может рассматриваться и как совершенный в иную дату по признаку совпадения встречных требований общества и должника ранее дня заявления о зачете, поскольку исходя из содержания уведомления общества об отказе от договора подряда от 25.09.2015 расторжение договора осуществлялось с 30.10.2015, то есть в тот день, когда обществом было направлено заявление о зачете.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве

[Определение ВС РФ от 15.08.2019 № 301-ЭС19-6143](#)

Из пункта 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, данных в пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 "О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве", следует исключение из общего правила установления процентного вознаграждения арбитражного управляющего для случая прекращения дела о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения. В этом случае выплата суммы процентов по вознаграждению регулируется условиями мирового соглашения. Однако это исключение установлено лишь для процедуры банкротства, в ходе которой было утверждено мировое соглашение. В отношении иных процедур такого изъятия не установлено и законных оснований распространять его на процедуры, предшествовавшие той, в которой заключалось мировое соглашение, не имеется.

Таким образом, проценты по вознаграждению временного управляющего, не имевшего возможности влиять на содержание заключенного в иной процедуре банкротства мирового соглашения, должны быть установлены по правилам пункта 10 статьи 20.3 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату назначения временного управляющего.

Определением арбитражного суда от 02.09.2015 в отношении общества "Канаш" введена процедура наблюдения, временным управляющим утвержден Алимов И.Ш.

04.12.2015 Алимов И.Ш. направил в арбитражный суд заявление об определении процентов по вознаграждению временного управляющего, настаивая на сумме 301 205 руб., исчисленной по правилам пункта 10 статьи 20.6 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату его утверждения временным управляющим.

10.12.2015 решением арбитражного суда должник признан банкротом, открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Алимов И.Ш.

08.02.2016 определением арбитражного суда производство по заявлению Алимова И.Ш. об утверждении вознаграждения приостановлено до реализации активов должника в ходе конкурсного производства.

Определением от 26.04.2017 арбитражный суд ввел в отношении должника внешнее управление; прекратил процедуру конкурсного производства и полномочия конкурсного управляющего Алимова И.Ш.; утвердил внешним управляющим Павлунину Л.С.

25.08.2017 арбитражный суд прекратил производство по делу о банкротстве должника в связи с утверждением мирового соглашения между должником и его конкурсными кредиторами. Размер процентов по вознаграждению временного управляющего Алимова И.Ш. за процедуру наблюдения в мировом соглашении не определен.

Впоследствии по ходатайству Алимова И.Ш. арбитражный суд возобновил производство по заявлению об установлении суммы процентов по вознаграждению временного управляющего и отказал в его удовлетворении.

Суды исходили из того, что проценты могут быть выплачены, если они предусмотрены условиями мирового соглашения, чего в настоящем случае не произошло. Кроме того, суды сослались на невозможность установить стоимость активов должника на отчетную дату.

Закон о банкротстве (пункт 1 статьи 20.3, пункты 1, 2, 3, 9 статьи 20.6) гарантирует арбитражному управляющему право на получение вознаграждения в деле о банкротстве, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. По общему правилу вознаграждение выплачивается за счет средств должника в течение десяти календарных дней с даты завершения процедуры, которая применяется в деле о банкротстве и для проведения которой был утвержден арбитражный управляющий.

Расчет суммы процентов по вознаграждению временного управляющего осуществляется по правилам пункта 10 статьи 20.3 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату назначения временного управляющего (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2017 № 305-ЭС16-20547). Сумма процентов по вознаграждению исчисляется от балансовой стоимости активов должника.

Размер вознаграждения может быть снижен при ненадлежащем исполнении временным управляющим своих обязанностей (пункт 5 постановления № 97).

Из пункта 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, данных в пункте 8 постановления

№ 97, следует исключение из общего правила установления процентного вознаграждения для случая прекращения дела о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения. В этом случае выплата суммы процентов по вознаграждению регулируется условиями мирового соглашения. Однако это исключение установлено лишь для процедуры банкротства, в ходе которой было утверждено мировое соглашение. В отношении иных процедур такого изъятия не установлено и законных оснований распространять его на процедуры, предшествовавшие той, в которой заключалось мировое соглашение, не имеется.

В рассматриваемом обособленном споре право на процентное вознаграждение временного управляющего и порядок его расчета определены

законом. Алимов И.Ш. своевременно обратился в арбитражный суд за установлением размера вознаграждения, представив варианты его расчета, основанные на балансовой стоимости активов должника. Мирное соглашение заключено после процедуры наблюдения. Участие в заключении мирового соглашения Алимов И.Ш. не принимал и не мог влиять на его условия. Следовательно, отсутствие в мировом соглашении условия о выплате процентного вознаграждения временного управляющего не может являться основанием для полного отказа Алимову И.Ш. в удовлетворении его требований.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 310-ЭС17-15048 \(2\)](#)

В случае, если судами было признано незаконным бездействие арбитражного управляющего, он подлежит отстранению от исполнения возложенных на него обязанностей в случае, если допущенные им нарушения законодательства порождают обоснованные сомнения в способности данного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства.

Порождающими сомнения и достаточным для отстранения могут считаться следующие действия (бездействие) арбитражного управляющего: непроведение управляющим детальной оценки движения средств по счету должника, непроведение управляющим проверки судьбы выручки от реализации имущества должника, противодействие кредиторам, пытающимся нейтрализовать негативные последствия бездействия управляющего, непроведение управляющим проверки мотивов принятия органами должника решений по изменению корпоративных отношений и места нахождения должника.

Суды трех инстанций признали незаконным бездействие конкурсного управляющего Борзова И.Ю., выразившееся в неподаче в суд заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, однако отказали в удовлетворении ходатайства об отстранении Борзова И.Ю. от исполнения обязанностей конкурсного управляющего.

По мнению кредитора Ткаченко А.С., должник, проведя в 2012 году широкомасштабную акцию по распространению среди населения топливных карт, не обеспечил предоставление потребителям соответствующих товаров и услуг и не вернул по их требованиям денежные средства, полученные при выдаче названных карт.

Лагранский А.В., приобретший наряду с другими гражданами топливные карты должника, не получив удовлетворения, обратился в арбитражный суд с заявлением о признании топливной компании банкротом, однако производство по делу о банкротстве было прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства.

После прекращения производства по первому делу о банкротстве должник изменил наименование и дважды перерегистрировался в других субъектах Российской Федерации – сначала в Ивановской области (январь 2015 года), затем в Смоленской области (март 2015 года), где вскоре принял решение о добровольной ликвидации (август 2015 года).

При этом в названный период времени произошли и другие изменения – изменился состав участников должника, его единоличный исполнительный орган, был назначен ликвидатор.

По мнению Ткаченко А.С., не имелось разумного экономического обоснования смены места нахождения должника, проведения процедуры ликвидации в ином регионе под неизвестным кредиторам фирменным наименованием, совершению действий по передаче прав на доли в уставном капитале компании и по передаче полномочий ее руководителя.

Признавая бездействие управляющего Борзова И.Ю. незаконным, суды пришли к выводам о том, что у конкурсного управляющего имелись основания для подготовки заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и обращения с таким заявлением в арбитражный суд, одновременно суды не отстранили Борзова И.Ю. от исполнения возложенных на управляющего обязанностей.

Между тем судами не учтено следующее.

Меры, направленные на пополнение конкурсной массы (в частности, с использованием механизма привлечения к субсидиарной ответственности), планирует и реализует, прежде всего, арбитражный управляющий как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, а не кредиторы должника.

Отстранение управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей должно применяться тогда, когда допущенные им нарушения законодательства порождают обоснованные сомнения в способности данного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства (абз. 4 п. 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве").

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что управляющий Борзов И.Ю. не совершил действия, необходимые для правильного разрешения вопроса о возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц.

Более того, конкурсный управляющий Борзов И.Ю. противодействовал кредиторам Ткаченко А.С., который пытался своими силами устранить негативные последствия бездействия управляющего.

Управляющий возражал против заявления данного кредитора, предоставив отдельные документы по годовой и промежуточной бухгалтерской отчетности компании, выписку о движении средств по ее счету за период с 31.05.2013 по 01.04.2016 и отчет о финансовом анализе, выполненный управляющим, большая часть которого посвящена описанию социально-экономического развития Смоленской области в январе – декабре 2014 года, тогда как компания в это время фактически вела деятельность на территории других субъектов Российской Федерации. В документах, исходящих от управляющего, не содержатся суждения относительно мотивов принятия органами должника решений по изменению корпоративных отношений и места нахождения компании, не дается детальная оценка движению средств по счету компании (в том числе, должным образом не исследуется, связаны ли операции, по которым компания перечисляла средства в значительном размере, в частности те, по которым она расходовала средства, полученные должником в IV квартале 2014 года от реализации запасов стоимостью около 1 млрд. рублей, с действительной хозяйственной деятельностью, отражает ли документооборот реальное положение дел).

Не проведя подробной проверки судьбы выручки от реализации имущества компании и ее имущественных прав (при многомиллиардных оборотах по счетам компании за 2013 – 2014 годы (согласно данным бухгалтерских отчетов самого должника)), управляющий подал ходатайство о завершении процедуры конкурсного производства, не разобравшись в сложившейся ситуации (определение суда первой инстанции от 28.02.2017).

Такое поведение управляющего давало основания полагать, что Борзов И.Ю. не желает надлежащим образом вести процедуру банкротства компании.

Бездействие Борзова И.Ю., признанное судами незаконным, создало реальную угрозу причинения убытков должнику и кредиторам ввиду невыполнения всего комплекса мероприятий по формированию конкурсной массы, определенного Законом о банкротстве, что создало риск ее непополнения.

Вывод судов о несущественности допущенных Борзовым И.Ю. нарушений вступил в явное противоречие с содержанием той части судебных актов, в которых эти нарушения признаны незаконными.

Установленные судами первой и апелляционной инстанций обстоятельства в соответствии с положениями ст. 20.4, 145 Закона о банкротстве, приведенными разъяснениями ВАС РФ являлись достаточными для применения к Борзову И.Ю. такой меры ответственности как отстранение его от исполнения обязанностей конкурсного управляющего компанией.

Когда арбитражный управляющий выступает в процессе на стороне кредиторов и должника, он действует в качестве их представителя, потому справедливым является то, что издержки, связанные с защитой интересов конкурсной массы, должны быть понесены за счет входящего в ее состав имущества.

В случаях, когда управляющий противостоит кредиторам (рассмотрение жалоб на действия управляющего и т.д.) и действует исключительно в своих интересах, расходы на ведение процесса он должен нести за свой счет.

В случае, если жалоба на действия арбитражного управляющего была признана судом необоснованной, законодательно предусмотрен механизм компенсации управляющему понесенных расходов – их переложение на проигравшую сторону по правилам статьи 110 АПК РФ. При этом распределение издержек происходит именно за счет кредиторов, требовавших признания действий (бездействия) незаконными. Если же услуги юристов оплачиваются из средств, составляющих конкурсную массу, то фактически расходы несут все кредиторы, в том числе те, кто не настаивал на удовлетворении жалобы на управляющего, что не является обоснованным.

В рамках дела о банкротстве должника ООО «Индустрия ЛКМ» (правопреемник общества) обратилось с заявлением:

- о признании необоснованными привлечение конкурсным управляющим должником в лице агентства адвокатов и сотрудников Московской коллегии адвокатов «Кворум» для защиты конкурсного управляющего от жалоб конкурсных кредиторов на действия (бездействие) управляющего;

- о признании необоснованной оплаты за счет конкурсной массы названных услуг коллегии адвокатов;

- о взыскании с агентства суммы оплаченных из конкурсной массы услуг коллегии адвокатов;

- об обязанности управляющего устранить допущенные нарушения путем расторжения соглашения от 23.08.2017 № 2017-3335/3.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебные акты подлежат частичной отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, между банком в лице агентства как конкурсного управляющего и адвокатом коллегии адвокатов «Кворум» заключено соглашение от 23.08.2017 № 2017-3335/3 по сопровождению судебных процессов по рассмотрению обоснованности жалоб кредиторов на действия (бездействие) конкурсного управляющего банком.

Заключение названного соглашения одобрено решением комитета кредиторов.

Полагая, что привлечение сторонних юристов для участия в обособленных спорах о признании незаконными действий (бездействия) агентства является неправомерным, кредитор обратился с настоящим заявлением в суд.

Поведение лиц, участвующих в деле о банкротстве, должно быть направлено на достижение целей несостоятельности – восстановление платежеспособности в реабилитационной процедуре или наиболее полное удовлетворение требований кредиторов в ликвидационной процедуре. Достижение названной цели зависит от того, насколько полно и в каких объемах удастся наполнить конкурсную массу. Поэтому задача вовлеченных в процесс несостоятельности лиц заключается в том, чтобы действовать добросовестно в интересах конкурсной массы, то есть относиться к ней так, как если бы имущество, ее составляющее, являлось бы личным имуществом каждого из них.

Предполагается, что в наибольшей части обособленных споров, рассматриваемых в деле о банкротстве (оспаривание сделок, включение требований в реестр, разрешение разногласий и т.д.), интересы арбитражного управляющего, должника и гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов последнего, совпадают.

Характерной же особенностью споров о признании незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего является то, что судебное разбирательство по такой категории дел построено по модели, подразумевающей противопоставление фигуры управляющего иным участникам банкротного процесса. Выдвигая против управляющего обвинения в ненадлежащем осуществлении возложенных на него полномочий, кредиторы или иные лица тем самым вынуждают управляющего занимать противоположную позицию в споре, доказывая свою разумность, добросовестность и лояльность должнику и его кредиторам.

Соответственно, в первой ситуации, когда управляющий выступает в процессе на стороне кредиторов и должника, он действует в качестве их представителя, а потому справедливым является то, что издержки, связанные с защитой интересов конкурсной массы, должны быть понесены за счет входящего в ее состав имущества.

В случаях же, когда управляющий противостоит кредиторам и действует исключительно в своих интересах, расходы на ведение процесса он должен нести за свой счет.

Из материалов дела следует и суды установили, что спорное соглашение об оказании юридических услуг по защите управляющего от жалоб кредиторов со стороны заказчика было заключено не управляющим лично, а банком в лице управляющего, что подразумевает несение соответствующих расходов за счет

конкурсной массы. Финансирование услуг юристов подобным образом не соответствует стандартам добросовестного и разумного осуществления своих полномочий (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

По сути, сложилась ситуация, в рамках которой средства конкурсной массы, которые в итоге предназначаются на погашение требований кредиторов, расходуются управляющим против этих же кредиторов, истцы фактически оплачивают стоимость услуг юристов ответчика, в том числе в случаях, когда жалобы на действия (бездействие) управляющего признавались обоснованными.

Ссылка же заявителей на то, что расходование средств из конкурсной массы банка согласовано с комитетом кредиторов, подлежит отклонению по следующим причинам. Во-первых, арбитражный управляющий несет самостоятельную обязанность действовать добросовестно и разумно (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2016 год, утвержденный 20.12.2016 Президиумом Верховного Суда Российской Федерации), независимо от решения коллегиального органа кредиторов; во-вторых, по той причине, что некоторые кредиторы (в частности, общество) были не согласны с подобным решением комитета, а потому оно не может быть им противопоставлено, то есть не препятствует обжалованию действий конкурсного управляющего.

Указание же агентства и коллегии адвокатов на то, что большинство жалоб заявителей являлось необоснованным, то есть, защищаясь от жалоб, управляющий фактически действовал не в своих интересах, а в интересах конкурсной массы, подлежит отклонению. Как указано выше, жалоба на управляющего является требованием против него, а не против конкурсной массы; удовлетворение жалобы подразумевает, что суд обязывает именно управляющего (а не должника) устранить допущенные нарушения. Поэтому несение судебных издержек за счет конкурсной массы даже в условиях неизвестности результатов обособленного спора является неправомерным. В случае признания жалобы необоснованной законодательно предусмотрен иной механизм компенсации управляющему понесенных расходов – их переложение на проигравшую сторону по правилам статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. При этом распределение издержек происходит именно за счет кредиторов, требовавших признания действий (бездействия) незаконными. Если же услуги юристов оплачиваются из средств, составляющих конкурсную массу, то фактически расходы несут все кредиторы, в том числе те, кто не настаивал на удовлетворении жалобы на управляющего.

Привлечение агентством за счет конкурсной массы коллегии адвокатов для защиты конкурсного управляющего от жалоб кредиторов на его действия (бездействие), а также оплата названных услуг за счет конкурсной массы подлежат признанию необоснованными. Поскольку размеры выплат в пользу коллегии адвокатов за названные услуги судами не устанавливались, обособленный спор в части вопроса о подлежащих взысканию с конкурсного управляющего сумм

оплаченных за счет конкурсной массы услуг подлежит направлению на новое рассмотрение.

В отношении остальной части требований – об обязанности управляющего расторгнуть соглашение от 23.08.2017 № 2017-3335/3 – суды правомерно не удовлетворили требования кредиторов в этой части, поскольку условия данного соглашения, определяющие его предмет, являются неоднозначными, что позволяет оказывать в его рамках иные услуги, направленные на защиту интересов не только управляющего, но также должника и его кредиторов. Признание необоснованным привлечения юристов за счет конкурсной массы в целях оказания спорного вида услуг для действующего разумно арбитражного управляющего является достаточным для того, чтобы прекратить подобное необоснованное расходование средств конкурсной массы самостоятельно, без дополнительного указания со стороны суда.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 305-ЭС19-9863](#)

При рассмотрении жалобы на действия арбитражного управляющего, выразившиеся в нарушении календарной очередности удовлетворения требований кредиторов должника по текущим обязательствам, суду надлежит исследовать, имелись ли у управляющего обоснованные причины для такого нарушения, предусмотренные абзацем третьим пункта 40.1 постановления от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно указанным разъяснениям, отступление арбитражным управляющим от очередности исполнения текущих обязательств, предусмотренной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве может быть признано обоснованным, в частности, в случае представления доказательств того, что такое отступление обусловлено исключительными обстоятельствами – необходимостью предотвращения катастрофы, гибели людей.

В случае, если указанные обстоятельства привели к нарушению управляющим очередности удовлетворения текущих требований, такие действия управляющего не подлежат признанию незаконными.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «Реставрационный проект», должник его конкурсный кредитор – ООО «Финактив РУ» – обратилось в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего Ольгина А.В., выразившиеся в нарушении календарной очередности удовлетворения требований кредиторов должника по текущим обязательствам.

Жалобы на действия управляющего Ольгина А.В., касающиеся нарушения очередности погашения текущих обязательств, поданы также рядом физических лиц, являвшихся работниками должника.

Судами трех инстанций жалобы признаны обоснованными. Данные судебные акты подлежат отмене.

Решением суда первой инстанции от 16.10.2017 общество «Реставрационный проект» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Ольгин А.В.

Конкурсный управляющий Ольгин А.В. перечислил с расчетного счета общества «Реставрационный проект» денежные средства: 1 022 000 руб. (28.12.2017) и 400 000 руб. (16.03.3018) в пользу ООО «ЧОП 13 рота» в оплату услуг по охране объектов должника (за сентябрь – ноябрь 2017 года, январь 2018 года); 642 840 руб. (15.02.2018) и 179 531,15 руб. (16.03.3018) в пользу ООО «Высота» в счет оплаты оказанных услуг (за февраль, март 2018 года).

Определением суда первой инстанции от 21.05.2018 Ольгин А.В. освобожден от исполнения обязанностей конкурсного управляющего обществом «Реставрационный проект».

В соответствии со статьями 134, 142 Закона о банкротстве в процедуре конкурсного производства расчеты с кредиторами, в том числе по текущим обязательствам, производит конкурсный управляющий. Текущие требования об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, о выплате выходных пособий удовлетворяются им во вторую очередь (пункт 2 статьи 134 Закона о банкротстве).

При этом управляющий при проведении процедур банкротства обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае, суды исходили исключительно из того, что требования кредиторов по текущим платежам пятой очереди удовлетворения (требования обществ «ЧОП 13 рота» и «Высота») погашены управляющим преимущественно перед текущими требованиями работников, относящимися ко второй очереди удовлетворения.

Возражая по жалобам, управляющий Ольгин А.В. ссылался на то, что он действовал добросовестно и разумно. Ситуация, связанная с нарушением очередности исполнения текущих обязательств перед работниками, была создана искусственно физическими лицами, аффилированными с должником и его кредиторами. Так, Ходаков К.Н. являлся руководителем должника, который не исполнил обязанность по передаче конкурсному управляющему документации, в том числе трудовых договоров, приказов о приеме на работу, бухгалтерских документов о

состоянии расчетов с работниками. По мнению конкурсного управляющего, он не был осведомлен о наличии какого-либо долга перед физическими лицами, последние к управляющему не обращались, а судебное решение по трудовому спору вынесено после совершения управляющим перечислений в адрес обществ «ЧОП 13 рота» и «Высота». Несмотря на то, что долг по заработной плате, на который сослались суды, образовался в ходе процедуры наблюдения, он не отражался в отчете временного управляющего. Ольгин А.В. отрицает тот факт, что упомянутые граждане работали в обществе «Реставрационный проект» в тот период, когда он осуществлял полномочия конкурсного управляющего. При этом, как полагает арбитражный управляющий, ряд граждан в настоящее время представляют кредиторов в деле о банкротстве общества «Реставрационный проект», то есть имеют интерес, отличный от интереса обычного работника: Ходаков К.Н. (бывший руководитель должника) – представляет общество «Финактив РУ», Крутицкая Е.С. – представляет заявителя по делу о банкротстве – общество с ограниченной ответственностью «Аркстрой» (далее – общество «Аркстрой»), а также общество

«Финактив РУ», Слончак И.В. – представляет общества с ограниченной ответственностью «Волга-информпресс» (далее – общество «Волга-информ-пресс») и «Горизонт», Чепурнов Д.В. – представляет общество «Волга-информ-пресс», Жагров С.А. – представляет общество «Аркстрой».

В нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ суды первой и апелляционной 5 инстанций не проверили возражения арбитражного управляющего, уклонились от исследования и оценки представленных им доказательств.

Суд округа допущенные судами нарушения норм права не устранил.

Кроме того, по смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве, разъяснений Пленума ВАС РФ, данных в абзаце третьем пункта 40.1 постановления от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», отступление арбитражным управляющим от очередности исполнения текущих обязательств, предусмотренной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве может быть признано обоснованным, в частности, в случае представления доказательств того, что такое отступление обусловлено исключительными обстоятельствами – необходимостью предотвращения катастрофы, гибели людей.

В настоящем деле в обоснование довода о наличии экстраординарных обстоятельств арбитражный управляющий указывал на то, что должник строил блок начальных классов на территории действующего образовательного учреждения (общеобразовательной школы № 2109). Охрану строительной площадки осуществляло общество «ЧОП 13 рота», привлеченное еще до возбуждения дела о

банкротстве. Вскоре после открытия конкурсного производства оно потребовало погасить текущую задолженность под страхом снятия постов охраны и прекращения договорных отношений. Платежи в пользу общества «ЧОП 13 рота», как полагал управляющий, вызваны крайней необходимостью и направлены не только на обеспечение сохранности имущества должника, но и на обеспечение безопасности несовершеннолетних обучающихся. Платежи в пользу общества «Высота», как отмечал управляющий, вызваны тем, что в нарушение правил производства строительных работ бывший руководитель должника разместил вблизи школы такой строительный кран, который создал угрозу безопасности для посетителей образовательного учреждения. Данное нарушение выявлено Мосгосстройнадзором. Конкурсный управляющий предпринимал меры к демонтажу и вывозу этого потенциально опасного крана, оплатив соответствующие расходы в пользу общества «Высота» (подрядчика).

Возражения арбитражного управляющего о наличии оснований для отступления от предусмотренной Законом о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим обязательствам остались без какой-либо оценки со стороны судов.

Если доводы конкурсного управляющего Ольгина А.В. о возникновении реальной угрозы безопасности школьников соответствовали действительности, любой разумный менеджер, на которого возложены полномочия руководителя строительной организации, осуществил бы в приоритетном порядке платежи в пользу охранного предприятия и подрядчика.

[Определение ВС РФ от 21.01.2019 № 307-ЭС18-14705](#)

Требования, закрепленные в Законе о банкротстве, связанные с особым статусом конкурсного управляющего, являются дополнительными по отношению к общим требованиям, предъявляемым законодательством к обычным руководителям, а значит, конкурсным управляющим не может быть утверждено лицо, подпадающее под временный запрет на участие в управлении организациями.

При разрешении вопроса об отстранении арбитражного управляющего, личность которого не соответствует требованиям закона, суд должен занимать активную позицию, в том числе в отсутствие ходатайства участвующих в деле лиц об отстранении такого управляющего.

ФНС России обратилась в суд с заявлением об отстранении Шелепова А.В. от исполнения обязанностей конкурсного управляющего обществом «Новый порт».

Три инстанции отказали в удовлетворении указанного заявления.

Как следует из материалов дела по результатам проверки заявления Шелепова А.В. о включении в ЕГРЮЛ информации о нем как о лице, имеющем право без

доверенности действовать от имени порта, Шелепову А.В. было отказано в совершении регистрационного действия.

По мнению ФНС России, это обусловлено тем, что Шелепов А.В., являясь единоличным исполнительным органом общества «Компания «Алмис» не представил достоверные сведения о фактическом месте нахождения контролируемого им хозяйственного общества.

В государственном реестре имелась запись о недостоверности адреса компании «Алмис», возглавляемой Шелеповым А.В. Три года с момента внесения данной записи в реестр не истекли.

Отказывая в удовлетворении заявления ФНС России, суды исходил из того, что отстранение арбитражного управляющего от исполнения обязанностей, возложенных на него в деле о банкротстве, возможно только по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

Суд счел, что Закон о банкротстве является специальным по отношению к Закону о регистрации. Между тем судами не учтено следующее.

Абз. 4 пп. «ф» п. 1 ст. 23 Закона о регистрации, по сути, введен временный запрет на участие в управлении юридическими лицами для тех граждан, которые прежде проявили недобросовестность, уклонившись от совершения необходимых действий по представлению достоверных сведений о контролируемых ими организациях.

В частности, согласно приведенной норме признается правомерным отказ в государственной регистрации сведений о гражданине, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, если этот гражданин ранее исполнял полномочия единоличного исполнительного органа другой организации, в отношении которой в государственном реестре содержится запись о недостоверности информации о ее адресе, и на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли три года со дня внесения упомянутой записи.

Положения пп. «ф» п. 1 ст. 23 Закона о регистрации направлены на реализацию принципа публичной достоверности содержащихся в государственном реестре сведений, защиту третьих лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены использованием недостоверных сведений.

Выводы судов о том, что ограничения, установленные Законом о регистрации, не препятствуют замещению должности конкурсного управляющего, ошибочны.

В соответствии с п. 1 ст. 20.2, п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве на конкурсного управляющего, осуществляющего полномочия руководителя должника, распространяются все требования, предъявляемые к руководителям федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Следовательно, по общему правилу требования, закрепленные в Законе о банкротстве, связанные с особым статусом конкурсного управляющего – руководителя несостоятельной организации ликвидируемой по решению суда через процедуру банкротства, являются дополнительными по отношению к общим требованиям, предъявляемым законодательством к обычным руководителям, а значит, конкурсным управляющим не может быть утверждено лицо, подпадающее под временный запрет на участие в управлении организациями, предусмотренный абз. 4 пп. «ф» п. 1 ст. 23 Закона о регистрации.

В случае выявления обстоятельств, препятствовавших утверждению гражданина конкурсным управляющим, после того как утверждение состоялось, гражданин может быть отстранен судом от исполнения возложенных на него обязанностей (абз. 4 п. 1 ст. 145 Закона о банкротстве).

Как разъяснено в п. 5 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих», отстранение конкурсного управляющего по такому основанию может осуществляться судом по собственной инициативе вне зависимости от того, имеется или нет ходатайство об отстранении со стороны собрания (комитета) кредиторов, лица, участвующего в деле, или саморегулируемой организации.

В приведенных разъяснениях указано на активную роль суда в вопросе об отстранении арбитражного управляющего, личность которого не соответствует требованиям, предъявляемым законом.

В момент утверждения Шелепова А.В. конкурсным управляющим суд не располагал сведениями о наличии препятствий для его утверждения.

Сама по себе осведомленность об этом заинтересованного лица (в данном случае ФНС России) не может являться обстоятельством, позволяющим Шелепову А.В. продолжать исполнять полномочия после того, как соответствующая информация стала известна суду, рассматривающему дело о банкротстве, к компетенции которого отнесено утверждение, отстранение конкурсного управляющего.

[Определение ВС РФ от 30.01.2019 № 310-АД18-16560](#)

Сведения о введении в отношении должника процедуры наблюдения должны быть направлены для опубликования в 10-дневный срок, в пределах которого временный управляющий должен не только направить такие сведения в официальное издание, но и предварительно оплатить их публикацию.

Три инстанции отказали Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – административный орган) в

удовлетворении заявления о привлечении арбитражного управляющего Юркшата А.С. к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Административный орган установил, что арбитражный управляющий не исполнил обязанность по направлению в 10-дневный срок для опубликования в официальном издании в порядке, установленном ст. 28 Закона о банкротстве, сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения.

Указанная обязанность подлежала исполнению арбитражным управляющим не позднее 02.01.2018, в то время как фактически сообщение было опубликовано только 10.02.2018. Выявленные нарушения послужили основанием для составления административным органом в отношении арбитражного управляющего протокола об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Отказывая в удовлетворении требований, суды указали, что обязанность по направлению в 10-дневный срок для опубликования в официальном издании сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения, неисполнение которой вменяется арбитражному управляющему, исполнена им путем направления указанного сообщения 25.12.2017, то есть в пределах установленного 10-дневного срока с даты введения в отношении должника процедуры наблюдения и утверждения арбитражного управляющего временным управляющим должника.

При этом, по мнению суда, осуществление арбитражным управляющим несвоевременной оплаты за публикацию сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения, повлекшее опубликование этого сообщения с нарушением срока, не вменяется в вину арбитражному управляющему.

Однако указанный вывод судов нельзя признать правомерным.

Согласно п. 1 ст. 68 Закона о банкротстве временный управляющий обязан направить для опубликования в порядке, установленном ст. 28 настоящего Федерального закона, сообщение о введении наблюдения.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Закона о банкротстве сведения, подлежащие опубликованию в соответствии с настоящим Федеральным законом, при условии их предварительной оплаты включаются в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликовываются в официальном издании, определенном Правительством РФ в соответствии с федеральным законом.

В п. 29 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что до определения регулирующим органом на основании абз. 2 п. 1 ст. 28 Закона о банкротстве срока опубликования сведений о введении наблюдения

данные сведения в силу аналогии закона (п. 1 ст.6 ГК РФ) подлежат направлению временным управляющим для опубликования в десятидневный срок с даты его утверждения (п. 1 ст. 128 Закона о банкротстве).

Таким образом, положения указанных норм свидетельствуют о том, что установленный порядок опубликования сведений о введении в отношении должника процедуры наблюдения предусматривает, что соответствующие сведения должны быть направлены для опубликования в 10-дневный срок, в пределах которого временный управляющий должен не только направить такие сведения в официальное издание, но и предварительно оплатить их публикацию.

Учитывая изложенное, обязанность по направлению для опубликования сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения признается исполненной временным управляющим при условии направления для публикации в официальном издании предварительно оплаченного сообщения о введении в отношении должника процедуры наблюдения в 10-дневный срок с даты его утверждения.

[Определение ВС РФ от 07.02.2019 № 305-ЭС16-15579](#)

При выявлении решений собраний кредиторов (залогового кредитора) о раздельной продаже составных частей неделимой вещи, разумно и добросовестно действующий арбитражный управляющий (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, должен передать соответствующие разногласия на разрешение суда, отложив проведение мероприятий по продаже имущества на условиях, предложенных кредиторами.

Салтанова Р.П. обратилась в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего должника, связанные с реализацией имущества должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении жалобы отказано.

Судебная коллегия полагает судебные акты подлежащими отмене.

Решением от 21.03.2017 завод признан банкротом, в отношении него открыта процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утверждена Николаева О.В.

В рамках дела о банкротстве завода были признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника как обеспеченные залогом его имущества требования ООО «Группа компаний

«Финансы. Право. Аудит» (далее – залоговый кредитор).

Предмет залога реализован конкурсным управляющим Николаевой О.В. в порядке, утвержденном залоговым кредитором.

Имущество должника, не обремененное залогом, продано управляющим в соответствии с положением, утвержденным решением собрания кредиторов завода.

Салтанова Р.П. обратилась в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего заводом Николаевой О.В., касающиеся реализации имущества должника.

В обоснование заявленных требований Салтанова Р.П. указывала, в частности, на то, что в принадлежащие заводу нежилые здания, переданные в ипотеку залоговому кредитору, вмонтированы крановые конструкции, являющиеся частью производственного комплекса. По ее мнению, нельзя освободить недвижимость от названного производственно-технологического оборудования без причинения вреда самому оборудованию и зданиям, в которых оно размещено.

Как полагала Салтанова Р.П., в рассматриваемом случае с учетом конструктивных особенностей нежилых помещений раздельная продажа зданий и крановых конструкций не соответствовала закону и была объективно невозможна (ст. 133 ГК РФ).

Конкурсный управляющий как лицо, обязанное принять в ведение имущество должника, провести его инвентаризацию (абзац второй пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве), не мог не знать, какое оборудование размещено в спорных зданиях.

При выявлении решений собраний кредиторов (залогового кредитора) о раздельной продаже составных частей неделимой вещи, разумно и добросовестно действующий арбитражный управляющий (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, должен передать соответствующие разногласия на разрешение суда, отложив проведение мероприятий по продаже имущества на условиях, предложенных кредиторами.

Если утверждения Салтановой Р.П. о невозможности отделения крановых конструкций без нанесения существенного вреда зданиям соответствовали действительности, проведение раздельных торгов нарушило права и законные интересы должника, его кредиторов. Так, любой разумный субъект гражданского оборота воздержится от участия в первых торгах по продаже зданий, если только не будет иметь предварительных договоренностей с лицом, имеющим возможность оказать влияние на результаты вторых торгов, относительно последующего приобретения крановых конструкций в свою собственность или в собственность лица, с которым он состоит в доверительных отношениях. Подобный механизм реализации имущества должника противоречит самой сути торгов как процедуры, направленной на привлечение независимых потенциальных покупателей, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию имущества по наиболее высокой цене, выявленной в ходе сопоставления свободных конкурирующих заявок (статьи 447, 448 ГК РФ).

Вопреки выводам судов само по себе отсутствие судебных решений о недействительности торгов и заключенных по их результатам договоров не является основанием для отказа в удовлетворении жалобы на действия арбитражного управляющего.

[Определение ВС РФ от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779\(1,2\)](#)

Действия арбитражного управляющего, воздержавшегося от оспаривания совершенных за пределами периода подозрительности сделок, могут быть признаны правомерными, в случае, если управляющий обоснованно полагал, что такие сделки не выходят за пределы диспозиции п. 2 ст.

Закона о банкротстве и, соответственно, не могут быть оспорены по ст. 10 и 168 ГК РФ.

Крымов А.И. (имевший статус индивидуального предпринимателя до декабря 2016 года) с июля 2011 года по май 2012 года получил от Попова В.А. по договорам займа 12 620 000 руб., однако займы не вернул.

С сентября 2011 года по апрель 2013 года Крымов А.И. продал своим родственникам и иным лицам четырнадцать объектов недвижимого имущества за 4 185 000 руб., в то время как их рыночная стоимость составляла 18 571 000 руб. Сведения о получении должником денежных средств за отчужденное имущество не представлены.

27.12.2016 возбуждено дело о банкротстве Крымова А.И., 08.02.2017 он признан банкротом, в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим утверждена Епишева Н.Н.

Определением от 07.08.2017 в реестр требований кредиторов должника включено требование Попова В.А.

Попов В.А. в ходе процедуры банкротства Крымова А.И. неоднократно обращался к арбитражному управляющему Епишевой Н.Н. с просьбой оспорить сделки по отчуждению Крымовым А.И. четырнадцати объектов недвижимости, указывая на них как на причины, повлекшие банкротство должника.

Арбитражный управляющий указанные сделки не оспорил.

17.05.2018 Арбитражный суд Ростовской области завершил процедуру реализации имущества Крымова А.И.

Попов В.А. обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с арбитражного управляющего Епишевой Н.Н. убытков.

В процедуре реализации имущества гражданина как и в конкурсном производстве деятельность арбитражного управляющего должна быть подчинена цели этой процедуры - соразмерному удовлетворению требований кредиторов с максимальным экономическим эффектом, достигаемым обеспечением баланса между

затратами на проведение процедуры реализации имущества и ожидаемыми последствиями в виде размера удовлетворенных требований.

Преследуя эту цель, арбитражный управляющий должен с одной стороны предпринять меры, направленные на увеличение конкурсной массы должника, в том числе на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц, посредством обращения в арбитражный суд с заявлениями о признании недействительными сделок, а также о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником (пункты 2, 3 ст. 129 Закона о банкротстве).

С другой стороны, деятельность арбитражного управляющего по наполнению конкурсной массы должна носить рациональный характер, не допускающий бессмысленных формальных действий, влекущих неоправданное увеличение расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и прочих текущих платежей, в ущерб конкурсной массе и интересам кредиторов.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, повлекшее причинение убытков должнику, кредиторам и иным лицам, является основанием для привлечения его к ответственности в виде возмещения убытков.

Под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) арбитражного управляющего, при этом права должника и конкурсных кредиторов считаются нарушенными всякий раз при причинении убытков.

Судебное оспаривание сделок должника является одним из механизмов пополнения конкурсной массы. Однако, не всякое оспаривание может привести к положительному для конкурсной массы результату. Так, в частности, если сделка совершена должником или за счет должника за пределами трехлетнего периода подозрительности, исчисляемого с даты принятия судом заявления о возбуждении в отношении должника дела о банкротстве, то вполне очевидно, что ее оспаривание по основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве, не имеет судебных перспектив на положительное удовлетворение. Следовательно, бездействие арбитражного управляющего в отношении оспаривания подобных сделок разумно и рационально и по общему правилу не может быть признано противоправным.

Напротив, возбуждение по инициативе арбитражного управляющего судебных производств по заведомо бесперспективным требованиям может указывать либо на его непрофессионализм, либо на его недобросовестность, влекущие для конкурсной массы дополнительные издержки. Уменьшение конкурсной массы, вызванное

подобными неправомерными действиями, может являться основанием для взыскания с арбитражного управляющего убытков.

Епишева Н.Н., исполняя обязанности финансового управляющего Крымова А.И., не оспорила его сделки по отчуждению имущества. Апелляционный и окружной суды усмотрели в этом бездействии противоправность, повлекшую утрату возможности увеличения конкурсной массы. В то же время суды не учли, что Крымов А.И. имел статус индивидуального предпринимателя и его сделки могли быть оспорены по специальным основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве. Предельный период подозрительности, при котором сделка может быть признана недействительной по этим основаниям, составляет три года, исчисляемых с даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В связи с тем, что дело о банкротстве Крымова А.И. возбуждено 27.12.2016, под подозрение попадали сделки, совершенные не позднее декабря 2013 года. Поскольку спорные сделки совершены Крымовым А.И. с 2011 года по апрель 2013 года, то есть за пределами трехлетнего периода подозрительности, перспектив на судебное оспаривание по главе III.1 Закона о банкротстве они не имели, так как с высокой вероятностью последовал бы судебный отказ в удовлетворении заявленных требований.

Для квалификации сделки как ничтожной по статьям 10 и 168 ГК РФ требовалось выявление нарушений, выходящих за пределы диспозиции части 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

По мнению истца, отчуждение Крымовым А.И. своего имущества по заниженной цене в пользу заинтересованных лиц (родственников) в преддверии наступления срока возврата займов с целью причинения вреда кредиторам являлось достаточным основанием для оспаривания сделок по общим нормам о недействительности сделок, совершенных со злоупотреблением правом. Однако, арбитражный управляющий вполне правильно исходил из того, что названные Поповым В.А. обстоятельства не выходят за рамки диспозиции статьи 61.2 Закона о банкротстве, а иных обстоятельств не усматривалось. Следовательно, судебных перспектив для оспаривания сделок Крымова А.И. в деле о его банкротстве по статьям 10 и 168 ГК РФ так же не было.

Таким образом, действия Епишевой Н.Н., воздержавшейся от бесперспективного оспаривания сделок, разумны, рациональны, направлены на реализацию целей конкурсного производства, а значит правомерны.

Вопреки выводам апелляционного и окружного судов, судебный отказ Крымову А.И. в освобождении его от исполнения требований кредиторов по мотивам допущенного должником недобросовестного поведения при отчуждении своего

имущества сам по себе не является достаточным основанием для признания сделок ничтожными в деле о банкротстве.

Следует также заметить, что Попов В.А. имел возможность своевременно обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника, что позволило бы ему избежать последствий пропуска срока подозрительности сделок. Взысканием с арбитражного управляющего убытков истец по существу пытается переложить негативные последствия своей нерасторопности по истребованию займов, предоставленных должнику.

[Определение ВС РФ от 20.02.2020 № 305-ЭС19-21664](#)

1. Отказ в компенсации возникших в рамках дела о банкротстве у участника такого дела убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право такого участника (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя).

Освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения в пользу потерпевшего убытка лица (выгодоприобретателя) в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых и осуществлено страхование.

В ситуации выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия – предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (пункт 9 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

2. При рассмотрении иска о взыскании убытков суду необходимо установить, подпадают ли заявленные требования под действия страхования, для чего следует сопоставить период действия полиса с периодами пребывания управляющего в должности, совершения им незаконных действия и возникновения от этих действий убытков.

Общество "Коммунальные системы БАМа" (далее – общество) обратилось в суд с иском о взыскании страхового возмещения с общества "Региональный Страховой Центр" (далее – ответчик 1) в размере 1 151 614,55 рублей, общества "Акционерная страховая компания "Инвестстрах" (далее – ответчик 2) – 1 715 248,57 рублей, общества "Страховая компания "АРСЕНАЛЪ" (далее – компания) – 68 439,44 рублей.

К участию в деле в качестве третьего лица привлечен гражданин Чесноков А.Г. Судами трех инстанций отказано в иске к страховщику – компании.

Чесноков А.Г. исполнял в отношении общества обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве общества.

Принятым в указанном деле определением от 15.08.2017 признаны незаконными действия арбитражного управляющего, и он обязан возвратить в конкурсную массу общества 2 935 302,56 рублей.

Ответственность арбитражного управляющего была застрахована компанией на основании полиса от 10.04.2017.

Считая, что под страхование попадают незаконные действия, вследствие которых возникли в качестве убытков подлежащие возврату в конкурсную массу 68 439,44 рублей, общество предъявило компании рассматриваемый иск о взыскании страхового возмещения в этой сумме.

Ответственность арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве подлежит страхованию в обязательном порядке на основании статьи 24.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – Закон о банкротстве).

Целью названного страхования как разновидности страхования ответственности за причинение вреда, осуществляемого в пользу лиц (выгодоприобретателей), которым может быть причинен вред (статья 931 ГК РФ), является гарантированная за счет средств страхового фонда имущественная защита в условиях ведущихся процедур банкротства.

Закон о банкротстве обязывает страховщика при наличии вступившего в законную силу решения суда о наступлении ответственности арбитражного управляющего (страхового случая) произвести страховую выплату в пользу лица (выгодоприобретателя), потерпевшего от действий управляющего (пункты 5, 7 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

Отказ в компенсации возникших у общества в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право общества (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя).

Освобождение компании от выплаты страхового возмещения в пользу общества (выгодоприобретателя) в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит и пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует обществу как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых осуществлено страхование.

В ситуации выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен

возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия – предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (пункт 9 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

Довод компании о принадлежности страховщику выбора способа защиты от умышленных действий арбитражного управляющего (посредством возражений против иска выгодоприобретателя или предъявления регрессного иска) не основан на законе.

В рассматриваемом иске компания не лишена права на выдвижение возражений, связанных с характером страхового случая, однако должна осознавать, что правовые последствия такие возражения будут иметь только в возможном будущем споре с арбитражным управляющим.

Вместе с тем компания заявляла в отношении иска и другие возражения, способные повлиять на результат его разрешения, для исследования и оценки которых необходимо новое рассмотрение дела. В частности, при новом рассмотрении иска к компании суду потребуется установить, попадают ли и в каком размере заявленные обществом убытки под действие страхования, осуществляемого на основании полиса от 10.04.2017 № 34-17/ТPL16/001636, для чего следует сопоставить период действия полиса с периодами пребывания арбитражного управляющего в должности, совершения им незаконных действий и возникновения от этих действий убытков.

[Определение ВС РФ от 25.02.2020 № 309-ЭС19-15908](#)

Параграф 1.1 "Реструктуризация долгов гражданина и реализация имущества гражданина" главы X "Банкротство гражданина" Закона о банкротстве прямо не устанавливает обязанности арбитражного управляющего по публикации в ЕФРСБ сообщений о поданных и рассмотренных заявлениях о признании сделки недействительной и о вынесенном судом определении о рассмотрении заявления третьего лица о намерении удовлетворить требования кредиторов должника.

Статья 213.7 Закона о банкротстве является специальной по отношению к статье 28 Закона о банкротстве.

Таким образом, норм, обязывающих финансового управляющего при проведении процедур банкротства физического лица публиковать в ЕФРСБ подобные сведения, Закон о банкротстве не содержит, в связи с чем за неопубликование таких сведений арбитражный управляющий не подлежит привлечению к административной ответственности.

Управление ФНС обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего Сеиткова Юрия Геннадьевича к административной ответственности предусмотренной частями 3, 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Как следует из судебных актов и материалов дела, основанием для обращения управления в суд с вышеназванным заявлением послужил установленный в ходе административного расследования факт несоблюдения арбитражным управляющим требований статьи 28, пункта 4 статьи 61.1 Закона о банкротстве в ходе осуществления процедуры банкротства в отношении физического лица, а именно факт неисполнения обязанности по публикации в ЕФРСБ сообщений о поданных и рассмотренных заявлениях о признании сделки недействительной и о вынесенном судом определении о рассмотрении заявления третьего лица о намерении удовлетворить требования кредиторов должника.

По фактам допущенных арбитражным управляющим нарушений законодательства о банкротстве управление составило протокол от 13.11.2018 об административных правонарушениях, предусмотренных частями 3, 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ, и обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении его к административной ответственности.

Согласно части 3 статьи 14.13 КоАП РФ неисполнение арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководителем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет административную ответственность.

Удовлетворяя заявление административного органа, суд первой инстанции руководствовался положениями Закон о банкротстве, пришел к выводу о наличии в действиях арбитражного управляющего элементов составов административных правонарушений, содержащихся в частях 3, 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ.

Пункт 2 статьи 213.7 Закона о банкротстве содержит перечень сведений, подлежащих обязательной публикации в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина.

При этом § 1.1 "Реструктуризация долгов гражданина и реализация имущества гражданина" главы X "Банкротство гражданина" Закона о банкротстве прямо не устанавливает обязанности арбитражного управляющего по публикации в ЕФРСБ сообщений о поданных и рассмотренных заявлениях о признании сделки недействительной и о вынесенном судом определении о рассмотрении заявления третьего лица о намерении удовлетворить требования кредиторов должника.

Статья 213.7 Закона о банкротстве является специальной по отношению к статье 28 Закона о банкротстве.

Таким образом, норм, обязывающих финансового управляющего при проведении процедур банкротства физического лица публиковать в ЕФРСБ подобные сведения, Закон о банкротстве не содержит.

В силу пункта 1 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии в том числе такого обстоятельства, как отсутствие события административного правонарушения. Соответственно, арбитражный управляющий не мог быть привлечен к ответственности за вмененные ему деяния.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553](#)

Длительное непринятие документации должника конкурсным управляющим у бывшего руководителя должника, мотивированное тем, что документация передавалась директором поэтапно и добровольно, свидетельствует о нарушении управляющим норм Закона о банкротстве.

Не соответствуют закону действия арбитражного управляющего, выразившиеся в поддержке необоснованных требований кредиторов, заявлении возражений на доводы конкурирующего кредитора, тогда как доводы кредитора позволили последнему добиться исключения из реестра необоснованных требований. В подобной ситуации любой разумно действующий управляющий примкнул бы к позиции кредитора, который смог добиться исключения из реестра иных требований, обладая при этом меньшим объемом документов, нежели арбитражный управляющий.

Нельзя признать соответствующими закону действия управляющего, выразившиеся в неоспаривании сделок перевода долга основными дебиторами должника на иностранные организации – разумно и добросовестно действующий управляющий оценил бы целесообразность оспаривания таких сделок и предъявления требований о возврате задолженности первоначальным дебиторам.

Не является основанием для отказа в признании незаконными действий управляющего по неподаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности тот факт, что в удовлетворении аналогичного заявления было отказано.

Компания «Хендэ Корпорэйшн» обратилась в суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего акционерным обществом «Техногрейд» (далее – должник) Смирнова С.В.

Компания просила признать незаконными ряд действия (бездействие) арбитражного управляющего Смирнова С.В. Компания «Хендэ Корпорэйшн» также ходатайствовала об отстранении Смирнова С.В. от исполнения возложенных на него обязанностей конкурсного управляющего должником.

Судами трех инстанций в удовлетворении жалобы отказано.

19.05.2017 в отношении должника введена процедура наблюдения, временным управляющим должником утвержден Смирнов С.В. Впоследствии решением от 31.10.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), Смирнов С.В. утвержден конкурсным управляющим.

Эпизод, связанный с длительным непринятием Смирновым С.В. мер, направленных на получение документации должника.

Отказывая в удовлетворении жалобы в этой части, суды исходили из того, что после открытия конкурсного производства бывший руководитель должника не уклонялся от исполнения обязанности по передаче документации. Эта передача осуществлялась им поэтапно вплоть до 15.01.2018.

Однако абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве отведен трехдневный срок на передачу руководителем должника бухгалтерской и иной документации конкурсному управляющему.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий утвержден решением суда от 31.10.2017. В установленный законом срок Смирнов С.В. документацию не получил. В ее отсутствие невозможно полноценное исполнение возложенных на управляющего обязанностей.

В сложившейся ситуации любой разумный управляющий не мог бездействовать, полагаясь на обещания последнего бывшего генерального директора исполнить обязанность по передаче документации после истечения отведенного законом срока, поскольку длительное нахождение документов вне сферы контроля управляющего могло привести к их искажению, частичному изъятию, что является препятствием для создания достоверного представления об имущественном положении должника.

Задача управляющего состоит в том, чтобы принять реальные меры к розыску и истребованию документов, проведению на их основе инвентаризации (выявления фактического наличия имущества, числящегося за должником по данным бухгалтерского учета), обеспечению сохранности обнаруженного имущества, предъявлению на основании полученных документов требований имущественного характера к дебиторам и т.д. (пункт 2 статьи 129 Закона о банкротстве).

Суды не установили, какие конкретные действия, направленные на получение документов, совершал управляющий после истечения трехдневного срока, предусмотренного абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

2. Эпизоды, касающиеся непредъявления требований к обществам «ТехноПарк», «Техно-Инвест»,

«Техно-Комплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток», проведения дополнительной инвентаризации дебиторской задолженности и составления дополнительных актов инвентаризации от 13.08.2018 и от 18.04.2019.

Отклоняя жалобу в данной части, суды сочли, что конкурсным управляющим приняты надлежащие меры, направленные на истребование задолженности. Суды установили, что Смирнов С.В. в ходе претензионной работы направил требования 102 дебиторам должника о погашении долга, в том числе ликвидаторам обществ «Техно-Парк», «Техно-Инвест», «ТехноКомплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток». Ликвидаторы сообщили об отсутствии задолженности в связи с заключением в конце 2016 года соглашений о переводе долга на новых должников – компании «РОВАРИО ЛТД» (Rovario LTD) и

«ЭНАЛИО ЛТД» (Enalio LTD).

Как указывала компания «Хендэ Корпорэйшн», общества «Техно-Парк», «Техно-Инвест», «Техно-Комплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток» являлись крупнейшими дебиторами должника, их общая сумма задолженности превышала 1,8 млрд. рублей. Сведения об этом отражены Смирновым С.В. в акте инвентаризации дебиторской задолженности от 20.02.2018, размещенном в открытом доступе ЕФРСБ.

В ситуации, когда большая часть дебиторской задолженности приходится на несколько организаций, разумный и добросовестный управляющий в первую очередь должен рассмотреть вопрос о возможности пополнения конкурсной массы за счет истребования долга с этих организаций.

Получив сведения о том, что лицо, исполнявшее лишь несколько месяцев полномочия генерального директора должника, в преддверии банкротства последнего дало согласие на перевод долга в сумме свыше 1,8 млрд. рублей на компании, находящиеся в иностранной юрисдикции (Белиз), существенно осложняющий предъявление к ним требований, любой независимый арбитражный управляющий проанализировал бы согласия на перевод долга на предмет их действительности, выяснил истинные цели перевода долга, возможность фактического получения исполнения с иностранных компаний, а затем принял бы одно из двух решений: о целесообразности оспаривания согласий на перевод долга и взыскания задолженности с первоначальных должников или о взыскании задолженности с новых должников.

Смирнов С.В. 14.08.2018 опубликовал уточненный акт инвентаризации дебиторской задолженности, указав в качестве дебиторов компании «РОВАРИО ЛТД» и «ЭНАЛИО ЛТД». При этом в ходе судебного разбирательства он никак не обосновал

принятые решения о целесообразности взыскания задолженности именно с названных компаний, расположенных вне юрисдикции Российской Федерации, об отказе от оспаривания согласий на перевод долга.

Вступившим в законную силу постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2019 по настоящему делу по заявлению компании «Хендэ Корпорэйшн» признаны недействительными согласия должника на заключение соглашений о переводе долга обществ «Техно-Парк», «Техно-Комплекс»,

«Техно-Инвест», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток» на компании «РОВАРИО ЛТД» и

«ЭНАЛИО ЛТД». Эти согласия признаны судом недействительными как сделки, совершенные в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов должника. При рассмотрении данного спора суд установил, что общества «Техно-Парк», «Техно-Комплекс», «Техно-Инвест» и «АН-Билдинг» на момент заключения соглашений о переводе долга являлись аффилированными по отношению к должнику лицами, находящимися под контролем Михеева Д.С., к выгоде которого и были даны согласия на перевод долга.

При таких обстоятельствах поведение Смирнова С.В. нельзя было признать, по меньшей мере, разумным.

К моменту признания согласий на перевод долга недействительными предъявить иски к первоначальным должникам уже не представлялось возможным, поскольку они были ликвидированы.

Несмотря на ликвидацию первоначальных дебиторов управляющий включил требования к ним в уточненный акт об инвентаризации дебиторской задолженности от 18.04.2019 и продал данные требования на торгах в июне 2019 года за 21 млн. рублей.

3. Эпизоды, относящиеся к процессуальному поведению конкурсного управляющего, выразившемуся в уклонении от подачи возражений и жалоб, признании обоснованными ряда требований.

Разрешая вопрос о том, соотносились ли действия управляющего по представлению отзыва на требование кредитора, его отказ от обжалования судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, с принципом добросовестности, следует принимать во внимание разъяснения, изложенные в абзаце третьем пункта 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». По смыслу указанных разъяснений, несмотря на то, что управляющий обладает определенной дискрецией, оценивая его действия как добросовестные или недобросовестные, суд должен соотнести их с поведением, ожидаемым от любого независимого профессионального управляющего,

находящегося в сходной ситуации и учитывающего права и законные интересы гражданско-правового сообщества кредиторов, а не отдельных лиц.

В рассматриваемом случае компания «Хендэ Корпорэйшн» не просто не соглашалась с позицией управляющего, как сочли суды, она обращала внимание на то, что управляющий в нарушение требований Закона о банкротстве без должного анализа требований ряда кредиторов представлял в суд отзывы об их обоснованности. Мнимый характер этих требований впоследствии был подтвержден вступившими в законную силу судебными актами. Также, по мнению компании «Хендэ Корпорэйшн», управляющий заявлял возражения по ее апелляционным и кассационным жалобам, тогда как любой разумный управляющий присоединился бы к позиции компании. Компания «Хендэ Корпорэйшн» ссылаясь на то, что благодаря ее действиям из реестра требований кредиторов должника исключены необоснованные требования на сумму свыше 1,3 млрд. рублей, то есть она, будучи кредитором, смогла подтвердить их фиктивность, располагая значительно меньшим объемом информации, чем конкурсный управляющий должником Смирнов С.В.

4. Необращение Смирнова С.В. в арбитражный суд с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Суд округа в этой части пришел к выводу о том, что неподача конкурсным управляющим заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности не нарушила права компании

«Хендэ Корпорэйшн», поскольку она как конкурсный кредитор самостоятельно реализовала право обращения в суд с соответствующим заявлением.

Однако оценка действий (бездействия) конкурсного управляющего на предмет законности не может ставиться в зависимость от осуществления конкурсным кредитором предоставленных ему прав.

Как уже отмечалось, конкурсный управляющий как профессиональный участник отношений в сфере несостоятельности (банкротства) должен принимать все доступные ему в соответствии с законом меры для пополнения конкурсной массы и максимального удовлетворения требований кредиторов.

С учетом того, что процедура банкротства в отношении должника инициирована обществом

«САНОЙЛ», фиктивные требования которого признавались должником, а также того, что должник осуществлял значительные вложения в связанные с ним общества «Техно-Парк», «ТехноКомплекс», «Техно- Инвест» и «АН-Билдинг», которые перевели долг на иностранные компании и ликвидировались, у конкурсного управляющего должны были возникнуть обоснованные сомнения в добросовестности и разумности действий бенефициаров должника и он обязан был проанализировать наличие оснований для их привлечения к субсидиарной ответственности.

Такую работу конкурсный управляющий не провел.

Возражения управляющего относительно того, что в настоящее время в удовлетворении заявления компании «Хендэ Корпорэйшн» о привлечении ряда лиц к субсидиарной ответственности отказано, не могут свидетельствовать о законности бездействия Смирнова С.В. Окончательный судебный акт по данному вопросу не принят, обособленный спор находится на рассмотрении в арбитражном суде округа.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-4326](#)

Отказ в компенсации возникших у кредитора в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право кредитора (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя). Освобождение страховой компании от выплаты страхового возмещения в пользу выгодоприобретателя в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует кредитору как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых страхование осуществлено.

Общество обратилось в суд с иском к компании о взыскании 2 657 393,33 руб. убытков. К участию в деле в качестве третьего лица привлечена гражданка Чернышева Л.Н. Судами трех инстанций в иске отказано

Чернышева Л.Н. исполняла в обществе обязанности арбитражного управляющего при ведении дела о банкротстве общества.

В процедуре конкурсного производства Чернышева Л.Н. допустила расходование денежных средств из конкурсной массы общества, признанное незаконным действием с взысканием в пользу общества причиненных таким действием 4 072 196,56 руб. убытков.

Ответственность Чернышевой Л.Н. была застрахована компанией на основании полиса в период с 26.02.2016 по 25.02.2017.

Ответственность арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве подлежит страхованию в обязательном порядке на основании статьи 24.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Целью названного страхования как разновидности страхования ответственности за причинение вреда, осуществляемого в пользу лиц (выгодоприобретателей), которым может быть причинен вред (статья 931 Гражданского кодекса Российской Федерации), является гарантированная за счет

средств страхового фонда имущественная защита в условиях ведущихся процедур банкротства.

Закон о банкротстве обязывает страховщика при наличии вступившего в законную силу решения суда о наступлении ответственности арбитражного управляющего (страхового случая) произвести страховую выплату в пользу лица (выгодоприобретателя), потерпевшего от действий управляющего (пункты 5, 7 статьи 24.1).

Отказ в компенсации возникших у общества в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право общества (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя).

Освобождение компании от выплаты страхового возмещения в пользу общества (выгодоприобретателя) в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит и пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует обществу как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых страхование осуществлено.

В ситуации выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия – предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (пункт 9 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

Довод компании о том, что возникшие в рассматриваемых обстоятельствах убытки не являются страховым случаем, противоречит правилам статьи 69 АПК РФ и упомянутым нормам Закона о банкротстве.

Возражения компании в отношении характера страхового случая не оказывают влияния на судьбу иска общества, не должно нести негативные последствия от действий арбитражного управляющего.

Иная оценка судами последствий поведения арбитражного управляющего в процедуре банкротства общества привела к незаконному отказу в иске, в связи с которым судебные акты подлежат отмене на основании части 1 статьи 291.11 АПК РФ.

Размер иска обоснован обществом и не опровергнут компанией, поэтому, отменяя состоявшиеся судебные акты, судебная коллегия принимает новый судебный акт об удовлетворении иска.

[Определение ВС РФ от 26.08.2020 № 308-ЭС20-2721](#)

Стороне, возражающей против утверждения конкретной кандидатуры арбитражного управляющего (либо саморегулируемой организации), достаточно

подтвердить существенные и обоснованные сомнения в независимости управляющего, иными словами, зародить у суда разумные подозрения относительно приемлемости названной кандидатуры. Следовательно, в целях отклонения кандидатуры управляющего отсутствует необходимость доказывать его аффилированность с должником, такой подход является излишне строгим.

Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии). Следовательно, положения статьи 45 Закона о банкротстве не исключают наличия у арбитражного суда дискреционных полномочий назначить арбитражного управляющего посредством случайного выбора саморегулируемой организации, что является наиболее оптимальным вариантом поиска управляющего для всех спорных ситуаций в условиях действующего правового регулирования.

В рамках дела о банкротстве должника после отстранения конкурсного управляющего Сергеева М.В. арбитражный суд рассматривал вопрос о назначении нового управляющего.

Судами первой и апелляционной инстанции по результатам случайного выбора саморегулируемой организации конкурсным управляющим утверждена Бейя К.М. Судом округа вопрос направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Предыдущий конкурсный управляющий должником Сергеев М.В. был отстранен от исполнения возложенных на него обязанностей.

Поскольку на собрании кредиторов решение о новом кандидате принято не было, суд запросил кандидатуру в СРО АУ «ЦФО», членом которой являлся отстраненный управляющий. Данная организация в итоге представила для утверждения кандидатуру Черепанова П.Ю.

Предложенный саморегулируемой организацией АУ «ЦФО» кандидат (Черепанов П.Ю.) является управляющим в другом деле о банкротстве ООО «Донпрессмаш-Энерго», в рамках которого его выбрали кредиторы, связанные с группой МТЕ и Волковым Д.Ю. Интересы названной группы, которая к тому же является связанной с должником, затронуты и в настоящем деле, в связи с чем Черепанов П.Ю. является кандидатом, в независимости и беспристрастности которого имеются сомнения.

Суды пришли к выводу, что выход из сложившейся ситуации возможен посредством назначения независимого арбитражного управляющего, представленного СРО, определенной методом случайного выбора, в связи с чем утвердили в качестве управляющего Бейя К.М.

Как разъяснено в пункте 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о

банкротстве», суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения.

Таким образом, стороне, возражающей против утверждения конкретной кандидатуры арбитражного управляющего (либо саморегулируемой организации), достаточно подтвердить существенные и обоснованные сомнения в независимости управляющего, иными словами, зародить у суда разумные подозрения относительно приемлемости названной кандидатуры. Следовательно, в целях отклонения кандидатуры управляющего отсутствовала необходимость доказывать его аффилированность с должником, избранный судом округа подход является излишне строгим, что не согласуется с вышеназванными разъяснениями.

Отклоняя кандидатуру предложенного СРО АУ «ЦФО» управляющего Черепанова П.Ю., суды первой и апелляционной инстанции установили следующие обстоятельства: - у предыдущего конкурсного управляющего Сергеева М.В. (член СРО АУ «ЦФО»), Волкова Д.Ю. (предполагаемого, по мнению независимых кредиторов, контролирующего должника лица) и кредитора – общества «Логистик Партнерс» был в разные периоды времени общий представитель – Смирнов А.В.; - предложенный СРО АУ «ЦФО» вместо Сергеева М.В. арбитражный управляющий Черепанов П.Ю. является управляющим в другом деле (№ А53-4395/2016 о банкротстве общества «ДонпрессмашЭнерго»), в рамках которого его выбрали кредиторы, связанные с группой МТЕ и Волковым Д.Ю.; - в деле о банкротстве общества «Донпрессмаш-Энерго» интересы конкурсного управляющего представляла Петрикант А.В., в то же время данное лицо представляло интересы общества «МТЕ ДПМ» (связанного с группой МТЕ и Волковым Д.Ю.) в рамках настоящего дела; - в деле о банкротстве общества «Донпрессмаш-Энерго» интересы конкурсного управляющего представляла Бочкова Е.С., которая также представляла интересы и отстраненного конкурсного управляющего Сергеева М.В. и т.д.

По мнению судебной коллегии, хотя данные обстоятельства сами по себе не достаточны для констатации аффилированности Черепанова П.Ю. с должником и связанными с ним лицами, тем не менее, они свидетельствуют о наличии разумных подозрений в независимости предложенного управляющего, на что правильно указали суды первой и апелляционной инстанций.

Согласно позиции, изложенной в определении ВС РФ от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656, если у суда имеются разумные подозрения в независимости управляющего, то суд всегда имеет право затребовать кандидатуру другого управляющего. Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего

решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии).

Следовательно, положения статьи 45 Закона о банкротстве не исключают наличия у арбитражного суда дискреционных полномочий назначить арбитражного управляющего посредством случайного выбора саморегулируемой организации, что является наиболее оптимальным вариантом поиска управляющего для всех спорных ситуаций в условиях действующего правового регулирования.

Таким образом, у суда округа не имелось оснований признать ошибочным случайный выбор саморегулируемой организации, даже если бы формально была нарушена процедура, предусмотренная статьей 45 Закона о банкротстве.

Ввиду изложенного следует признать правильными выводы суда апелляционной инстанции, который, оставляя без изменения определение от 26.08.2019, отметил, что в спорной ситуации назначение независимого арбитражного управляющего, представленного саморегулируемой организацией на основе случайного выбора, обеспечивает баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 16.11.2020 № 307-ЭС20-11632](#)

Бездействие арбитражного управляющего по оспариванию сделок, когда подобные меры способны восстановить имущественное положение должника и произвести расчеты с кредиторами, является основанием для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности. Попытки утверждения необоснованного плана реструктуризации задолженности, которые были продиктованы намерением обеспечить должнику рассрочку в погашении долгов перед кредиторами, в случае если сам факт возникновения просрочки вызван недобросовестными действиями должника, также свидетельствуют о недобросовестности управляющего.

Административный орган в отношении арбитражного управляющего составлен протокол об административном правонарушении от 26.08.2019 по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ, после чего управление обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности.

Судами первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворено, арбитражному управляющему назначено административное наказание в виде штрафа в размере 25 000 рублей.

Постановлением округа состоявшиеся по делу судебные акты отменены, в удовлетворении заявления управления отказано.

На основании части 3 статьи 14.13 КоАП РФ установлена административная ответственность за неправомерные действия при банкротстве, в частности, за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния.

Приведенная норма, будучи бланкетной, применяется в системной связи с законодательством о банкротстве, поскольку именно в Законе о банкротстве определены полномочия (права и обязанности) арбитражного управляющего, реализуемые в рамках соответствующих процедур банкротства.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (Постановления от 22.07.2002 № 14-П и от 19.12.2005 № 12-П; Определения от 17.07.2014 № 1675-О, от 25.09.2014 № 2123-О и др.) неоднократно указывал, что процедуры банкротства носят публично-правовой характер; в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства; достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий, наделяемый полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер: он обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние должника и т.д., действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Принимая во внимание публично-правовой характер процедур банкротства, это общее требование распространяется также на реализацию прав арбитражного управляющего, которые предоставлены ему для защиты законных интересов должника и кредиторов, достижения целей соответствующих процедур банкротства.

В частности, на основании части 8 статьи 213.9 Закона о банкротстве арбитражный управляющий, действуя в качестве финансового управляющего в процедурах банкротства гражданина, обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества. Судебное оспаривание сделок должника, предусмотренное главой III.1 Закона № 127-ФЗ и применяемое при банкротстве физических лиц, согласно абзацу первому части 7 статьи 213.9 Закона о банкротстве является одним из механизмов формирования конкурсной массы, за счет которой подлежат удовлетворению требования кредиторов гражданина.

Таким образом, в силу закона финансовый управляющий должен предпринимать меры, направленные на увеличение конкурсной массы должника – гражданина, в том числе посредством обращения в арбитражный суд с заявлениями о

признании недействительными сделок, а также о применении последствий недействительности сделок, заключенных или исполненных должником.

В то же время, толкуя категорию разумности и добросовестности поведения арбитражного управляющего, судебная практика признает, что деятельность арбитражного управляющего по наполнению конкурсной массы должна носить рациональный характер, не допускающий бессмысленных формальных действий, влекущих неоправданное увеличение расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, и прочих текущих платежей, в ущерб конкурсной массе и интересам кредиторов. Не всякое оспаривание может привести к положительному для конкурсной массы результату. Так, в частности, если сделка совершена должником или за счет должника за пределами трехлетнего периода подозрительности, исчисляемого с даты принятия судом заявления о возбуждении в отношении должника дела о банкротстве, то вполне очевидно, что ее оспаривание по основаниям, предусмотренным главой III.1 Закона о банкротстве, не имеет судебных перспектив на положительное удовлетворение. Следовательно, бездействие арбитражного управляющего в отношении оспаривания подобных сделок разумно и рационально и по общему правилу не может быть признано противоправным (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2)).

Исходя из изложенного, неисполнением арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), образующим объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.13 КоАП РФ, может быть признано уклонение арбитражного управляющего от реализации права на оспаривание сделок в ситуации, когда это было необходимо для защиты интересов должника и его кредиторов и упомянутая необходимость являлась ясной для арбитражного управляющего, либо должна была стать таковой. Вина арбитражного управляющего в этом случае имеет место, если допущенное им бездействие не было обусловлено разумными причинами или носило намеренный характер.

К обстоятельствам, имеющим юридическое значение для квалификации поведения арбитражного управляющего, относятся: наличие достаточной совокупности оснований для оспаривания сделок (установленных законом признаков подозрительности сделок и т.п); были ли эти основания известны арбитражному управляющему, либо должны были стать известными при должном исполнении арбитражным управляющим своих обязанностей; могла ли реализация арбитражным управляющим полномочий на оспаривание сделки привести к пополнению конкурсной массы, защите прав и законных интересов должника и кредиторов;

имелись ли у арбитражного управляющего рациональные причины для отказа от оспаривания сделок.

При рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций установлено, что основным кредитором должника, требования которого включены в третью очередь реестра кредиторов, являлся уполномоченный орган – Федеральная налоговая служба.

В процедуре реструктуризации долгов гражданина арбитражным управляющим подготовлено заключение от 12.07.2017 о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства Палкина А.В., в котором указано о заключении должником сделок по отчуждению имущества на общую сумму 1,5 млрд. рублей на заведомо невыгодных для должника условиях.

В 2017 году арбитражным управляющим также было подготовлено заключение о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок Палкина А.В., из которого следует, что, несмотря на заключение должником ряда сделок на нерыночных условиях, данные сделки не явились причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника, а учитывая наличие у должника различного рода активов и предложение должника об утверждении плана реструктуризации долгов, оспаривание совершенных должником сделок является преждевременным.

В дальнейшем должник совместно с арбитражным управляющим разработал проект плана реструктуризации долгов гражданина, который дважды был предложен собранию кредиторов (протоколы собраний кредиторов от 19.07.2017, от 14.08.2017) и предполагал погашение в полном объеме требований кредиторов в течение двух лет с даты утверждения предлагаемого плана реструктуризации судом посредством ежемесячного перечисления кредиторам денежных средств в размере 7 962 497 рублей 01 копейки.

В качестве источников поступления денежных средств в целях исполнения плана реструктуризации указывалось на доходы от основного места работы (Аппарат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации), трудовой пенсии по старости, взыскания дебиторской задолженности согласно приложению № 1 к плану. В качестве альтернативного варианта исполнения плана также указано на возможную реализацию имущества должника.

Собранием кредиторов, состоявшимся 14.08.2017, принято решение об отклонении плана реструктуризации долгов гражданина. Должник и финансовый управляющий обратились в суд с заявлением об утверждении плана реструктуризации долгов, однако постановлением Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2018 в утверждении плана реструктуризации долгов отказано.

Не согласившись с заключением арбитражного управляющего о преждевременности оспаривания сделок должника по выводу своего имущества на общую сумму более 1,5 млрд. рублей, уполномоченный орган самостоятельно обратился с заявлением об оспаривании сделок должника.

Судебными актами, вступившими в силу, признаны недействительными 157 договоров дарения и купли-продажи, применены последствия недействительности сделок, совершенных должником в пользу своих сыновей Палкина П.А. и Палкина М.А. на общую сумму 320 344 985 рублей 50 копеек.

Из изложенных обстоятельств, установленных судами первой и апелляционной инстанции, следует, что арбитражному управляющему был, бесспорно, известен невыгодный характер этих сделок, что образует основания для оспаривания сделок, предусмотренные статьей 61.2 Закона о банкротстве.

Положения Закона о банкротстве, позволяющие гражданину претендовать на реструктуризацию долгов в процедурах банкротства (статьи 213.11 – 213.22), не исключают необходимость оспаривания сделок должника, нарушающих права кредиторов, поскольку имеют цель учета имущественного положения гражданина-должника при вынесении арбитражным судом решения о признании его банкротом. Они обеспечивают особый режим имущественных требований к должнику, не допускающий удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке, а также баланс имущественных интересов всех лиц, участвующих в деле о банкротстве гражданина, но не отменяют обязанность финансового управляющего применять меры для наполнения конкурсной массы (в том числе, посредством получения стоимости отчужденного имущества в порядке применения последствий недействительности сделок), что позволило бы осуществить расчеты с кредиторами и, тем самым, исключило как таковую необходимость дальнейшего осуществления процедур банкротства граждан.

Таким образом, как обоснованно отметили суды первой и апелляционной инстанций, поведение арбитражного управляющего, бездействовавшего в оспаривании сделок, способного восстановить имущественное положение должника и произвести расчеты с кредиторами, в данном случае было продиктовано намерением обеспечить должнику Палкину А.В. рассрочку в погашении долгов, включая задолженность по налоговым платежам, в то время как сам факт возникновения просрочки вызван действиями должника – отчуждением имущества в преддверии банкротства, и этот факт должен быть очевиден самому арбитражному управляющему по результатам проведенного им анализа.

[Определение ВС РФ от 24.11.2020 № 308-ЭС20-10652](#)

Арбитражный управляющий, являющийся членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, не может быть привлечен к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации, как то установлено пунктом 18 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации".

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ.

Судами трех инстанций арбитражный управляющий привлечен к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, с назначением наказания в виде предупреждения.

Как следует из материалов дела, арбитражный управляющий является членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, о чем он указывал при рассмотрении дела в суде первой инстанции, в том числе в отзыве на заявление административного органа, приложив копию соответствующего удостоверения.

В соответствии с пунктом 18 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ) член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Гарантии, предоставляемые членам избирательных комиссий, в области административной ответственности, не являются их личной привилегией, имеют публично-правовой характер, так как призваны служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом таких лиц именно в силу осуществляемых ими публично значимых полномочий, ограждая их в период исполнения указанных полномочий от необоснованных преследований и способствуя беспрепятственной деятельности избирательных комиссий, их самостоятельности и независимости. Такие гарантии полностью исключают возможность привлечения к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, лица, являющегося членом избирательной комиссии с правом решающего голоса, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что арбитражный управляющий подлежит привлечению судом к административной ответственности с соблюдением требований пункта 18 статьи 29 Закона № 67-ФЗ и возможность рассмотрения настоящего дела по существу в установленном порядке с получением соответствующего согласия прокурора

субъекта Российской Федерации на привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности не утрачена, поскольку установленный частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за вменяемое правонарушение в настоящее время не истек, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Продажа имущества должника, защита интересов конкурсной массы

[Определение ВС РФ от 21.01.2019 г. № 302-ЭС18-528](#)

Прямая передача недвижимого имущества должника в качестве отступного одному из кредиторов без проведения торгов и выявления его подлинной стоимости недопустима даже по решению собрания кредиторов.

Кредиторы не могут принимать произвольные решения о судьбе имущества должника вопреки правомерным ожиданиям участников должника относительно того, что имущество подконтрольной им организации будет выставлено на торги для определения справедливой цены продажи.

По результатам голосования на собрании кредиторов большинством голосов принято решение о заключении соглашения о предоставлении имущества должника в качестве отступного в редакции, предложенной кредитором - Тузовым И.В.

Соглашением предусмотрена передача кредитору Тузову И.В. недвижимого имущества должника, а также обязанность Тузова И.В. перечислить должнику денежные средства в общей сумме 3 473 219,83 руб. для погашения требований других кредиторов.

Зафиксированная в соглашении стоимость имущества, подлежащего передаче в качестве отступного, составила 10 615 015 руб.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании указанного решения собрания кредиторов недействительным.

Суд апелляционной инстанции счел, что в данном случае прямая передача имущества должника в качестве отступного не привела к нарушению прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, поскольку по условиям предложенного Тузовым И.В. соглашения, последний принял на себя обязательство по перечислению на расчетный счет должника денежных средств в большем размере, чем необходимо для погашения требований всех кредиторов общества-должника.

Между тем судом апелляционной инстанции не учтено следующее.

Законом о банкротстве предусмотрен специальный порядок реализации имущества должника путем проведения нескольких последовательных торгов (ст. 110, 111, 139 Закона о банкротстве).

Избранный законодателем в качестве общего правила механизм реализации имущества несостоятельного лица на открытых торгах направлен на создание условий для заключения сделок по наиболее высокой цене, выявленной в ходе сопоставления свободных конкурирующих заявок. Такой подход обеспечивает защиту как интересов кредиторов, рассчитывающих на максимальное удовлетворение своих требований за счет выручки от реализации, так и защиту прав должника, его участников

(акционеров, собственников имущества унитарных предприятий), претендующих на активы должника, оставшиеся после расчетов с кредиторами.

В качестве отступного кредиторам может быть передано только то имущество, которое не было продано в порядке, установленном Законом о банкротстве (пункт 1 статьи 142.1 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае собрание кредиторов большинством голосов фактически одобрило заключение соглашения об отступном с одним из кредиторов – Тузовым И.В., минуя стадию продажи недвижимого имущества на торгах.

Законодательство о банкротстве направлено на установление баланса между разнонаправленными интересами гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, с одной стороны, должника и лиц, участвующих в его капитале, с другой стороны. Это значит, что кредиторы не могут принимать произвольные решения о судьбе имущества должника, игнорируя предписанные законом процедуры, направленные на выявление его рыночной стоимости.

В рассматриваемом деле мажоритарный участник общества имел правомерные ожидания относительно того, что имущество подконтрольной ему организации будет выставлено на торги для определения справедливой цены продажи.

Прямая передача данного имущества в качестве отступного одному из кредиторов на предложенных этим кредитором условиях без выявления подлинной стоимости недвижимости в предписанном Законом о банкротстве порядке нарушила права должника и, как следствие, права его участника.

[Определение ВС РФ от 03.02.2020 № 305-ЭС16-13381 \(4\)](#)

При определенных обстоятельствах в рамках дела о банкротстве эффективное восстановление прав кредиторов на получение удовлетворения своих требований может быть обеспечено продажей на торгах разнородного имущества должника одним лотом. Однако объединение объектов продажи в один лот должно носить объективный характер.

Разрешая вопрос о том, является ли разнородное имущество предприятием в значении, придаваемом этому понятию законодательством о несостоятельности, следует исходить из того, имеет ли возможность покупатель, приобретший имущество, на его основе приступить к ведению бизнеса без излишних сложностей. Принципиальная невозможность организации предпринимательской деятельности на базе отчужденного имущества свидетельствует о недопустимости его продажи как предприятия по правилам статьи 110 Закона о банкротстве.

Торги подлежат признанию недействительными в случае, если реализация разнородного имущества должника на торгах единым лотом привела к ограничению

конкуренции, снижению числа потенциальных покупателей и неполучению максимально возможной выручки от продажи имущества должника.

В рамках дела о должника Гуров Д.П. обратился в суд с заявлением о признании недействительными торгов по продаже имущества должника, проведенных посредством публичного предложения, результаты которых оформлены протоколом от 04.09.2017.

Судом первой инстанции спорные торги признаны недействительными, судами апелляционной и кассационной инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Согласно утвержденному конкурсными кредиторами положению на торгах единым лотом подлежало реализации имущество должника, общая начальная цена продажи которого составила 62 121 995 рублей. Первые и повторные торги признаны несостоявшимися ввиду отсутствия заявок.

После этого конкурсный управляющий опубликовал сообщения о проведении торгов посредством публичного предложения. Начальная продажная цена на стадии публичного предложения составила 55 909 795,50 рублей.

Торги посредством публичного предложения состоялись, их победителем признан единственный участник, предложивший за имущество должника 6 800 000 рублей.

Не согласившись с порядком подготовки и проведения торгов и их результатами, кредитор по заработной плате Гуров Д.П. оспорил торги.

По общему правилу, в конкурсном производстве имущество должника подлежит реализации на торгах, после чего вырученные средства расходуются на погашение требований кредиторов с учетом принципов очередности и пропорциональности (статьи 134, 139 и 142 Закона о банкротстве). Само конкурсное производство как ликвидационная процедура нацелено на достижение максимального экономического эффекта при продаже имущества должника.

При определенных обстоятельствах эффективное восстановление прав кредиторов на получение удовлетворения может быть обеспечено продажей разнородного имущества должника одним лотом. Однако объединение объектов продажи в один лот должно носить объективный характер. Оно допустимо, например, в ситуации, когда совокупность отчуждаемых активов отвечает признакам предприятия, к которому для целей несостоятельности пункты 1 и 3 статьи 110 Закона о банкротстве относят имущественный комплекс, предназначенный для осуществления предпринимательской деятельности. Разрешая вопрос о том, является ли разнородное имущество предприятием в значении, придаваемом этому понятию законодательством о несостоятельности, следует исходить из того, имеет ли возможность покупатель, приобретший имущество, на его основе приступить к ведению бизнеса без излишних сложностей. Принципиальная

невозможность организации предпринимательской деятельности на базе отчужденного имущества свидетельствует о недопустимости его продажи как предприятия по правилам статьи 110 Закона о банкротстве.

Суд первой инстанции установил, что проданное должником имущество не связано между собой технологически, функционально или иным образом. Оно не может рассматриваться как совокупность объектов, образующих предприятие. Отсутствуют разумные основания полагать, что на базе такого имущества может быть организован бизнес и вестись полноценная предпринимательская деятельность. Выводы суда первой инстанции не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа.

При этом указанное имущество не является и единым недвижимым комплексом (статья 133.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

С точки зрения обычного покупателя земельные участки, различающиеся как по категории, так и виду разрешенного использования, расположенные в разных районах Чувашской Республики – Чувашии (и при этом не являющиеся смежными), а также в Волгоградской области, не могут рассматриваться как дополняющие друг друга и поэтому не представляют для такого покупателя интереса. Объединением данных участков в один лот установлен дополнительный барьер для организаций и граждан, работающих на специализированных рынках в пределах одного субъекта Российской Федерации. Как следствие, вероятность реализации столь разнородного имущества должника единым лотом значительно ниже, чем в случае его разделения на несколько лотов.

Первые и повторные торги, проведенные посредством аукциона, были признаны несостоявшимися ввиду отсутствия заявок, что должно было вызвать у конкурсного управляющего объективные сомнения относительно правильности принятого решения о продаже имущества одним лотом. В результате торгов, проведенных посредством публичного предложения, победителем стал их единственный участник, предложивший 6 800 000 рублей, при утвержденной начальной стоимости лота 62 121 995 рублей.

Денежных средств, вырученных от реализации имущества должника на торгах, недостаточно даже для расчетов с кредиторами второй очереди удовлетворения, совокупный долг перед которыми составил более 24 млн. рублей, в том числе с Гуровым Д.П.

В настоящем деле были допущены существенные нарушения порядка проведения торгов, что является основанием для признания оспариваемых торгов недействительными на основании п. 1 ст. 449 ГК РФ. Так, реализация разнородного имущества должника на торгах единым лотом привела к ограничению конкуренции, снижению числа потенциальных покупателей и неполучению максимально

возможной выручки от продажи имущества должника, что противоречит существу законодательного регулирования в сфере несостоятельности, целям конкурсного производства, установленным Законом о банкротстве, и нарушает права и законные интересы должника и его кредиторов.

[Определение ВС РФ от 28.02.2020 № 308-ЭС16-10285 \(4, 5, 6\)](#)

В ситуации, когда в ходе конкурсного производства возникает объективная необходимость передачи имущества должника в аренду, именно конкурсный управляющий как антикризисный менеджер в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию наиболее эффективного подыскания потенциальных арендаторов, оценив востребованность имущества на рынке, круг лиц, которых это имущество может заинтересовать, их финансовое состояние и их возможность обеспечить сохранную эксплуатацию.

Арбитражный управляющий не вправе рассчитывать на то, что данные действия за него будут выполнены кредиторами, в том числе залоговыми (что не исключает возможность взаимодействия управляющего с данными кредиторами, например, путем проведения консультаций). Управляющий обращается к залоговому кредитору за получением согласия на заключение договора аренды с конкретным лицом после проведения им процедуры отбора арендатора.

Федеральная налоговая служба обратилась в суд с жалобой на действия Костюнина А.В., исполнявшего обязанности конкурсного управляющего ОАО "ЮгРосПродукт", выразившиеся в заключении договора аренды имущества должника с обществом с ограниченной ответственностью "Юг Стекло" и дополнительного соглашения к этому договору.

Должник является собственником земельных участков и расположенных на них стеклотарных заводов, в состав которых входят недвижимое имущество и оборудование, используемые для производства листового стекла и стеклянной тары (далее – заводские комплексы). Достаточных ресурсов для самостоятельной эксплуатации заводских комплексов у должника не имелось. Вместе с тем, продукция упомянутыми заводами изготавливалась в условиях непрерывного производственного цикла, остановка производства могла повлечь за собой повреждение имущества и, как следствие, причинение значительного ущерба должнику и его кредиторам.

Общество "Акварин" является залогодержателем части имущества должника, входящего в состав заводских комплексов.

Комитетом кредиторов должника 05.06.2017 принято решение, оформленное протоколом № 3, о передаче заводских комплексов в аренду обществу "Юг Стекло"

на условиях, содержащихся в представленном этим обществом проекте договора аренды.

Вступившим в законную силу определением Арбитражного суда Ставропольского края от 05.09.2017 упомянутое решение комитета кредиторов должника признано недействительным как нарушающее права и законные интересы должника и его кредиторов.

Суть настоящего спора сводится к тому, что конкурсный управляющий провел неконкурентный отбор реальных потенциальных арендаторов, что повлекло за собой нарушение интересов конкурсных кредиторов. Так поступило две заявки от обществ "Гелиос" и "ЮгСтекло" на одинаковых условиях. Конкурсный управляющий, с разрешения залогодержателя "Акварин", выбрал общество "ЮгСтекло" и заключил договор аренды на цену 2 500 000 рублей. После этого Костюнин А.В. и общество "Юг Стекло" заключили дополнительное соглашение от 20.11.2017 № 1, которым они дополнили договор аренды № 1/2017-3 положением о возможности заключения договора субаренды. Такой договор субаренды 25.11.2017 был заключен обществами "Юг Стекло" и "Гелиос". Плата по такому договору субаренды составляла 5 000 000 рублей.

Арбитражный управляющий обязан был привлечь наибольшее число потенциальных арендаторов и заключить договор с тем из них, кто сможет эксплуатировать заводские комплексы без ущерба для

оборудования, имеет необходимые лицензии и разрешения, а также трудовые и финансовые ресурсы. Однако, в ходе рассмотрения дела было обнаружено, что общество "ЮгСтекло" не обладало надлежащей квалификацией и не обладало необходимыми ресурсами для обеспечения сохранности и эксплуатации имущества должника, более того, было создано за месяц до принятия комитетом кредиторов должника решения о заключении с ним договора аренды.

Как разъяснено в подпункте 5 пункта 2, пункте 12 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица" недобросовестность действий арбитражного управляющего считается доказанной, в частности, когда он совершил сделку с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом ("фирмой-однодневкой" и т.п.). В подпункте 1 пункта 3, пункте 12 постановления № 62 обращено внимание на то, что неразумность действий управляющего предполагается в ситуации, когда он принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации.

Кроме того, Верховный суд указал, что конкурный управляющий не выполнил своих информационных обязательств и не опубликовал для потенциальных арендаторов сведения о намерении передать имущество должника в аренду.

Публикация такого сообщения на ЕФРСБ является недостаточной, поскольку не является специализированной площадкой.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков

[Определение ВС РФ от 05.03.2019 № 305-ЭС18-15540](#)

Арбитражный суд не связан правовой квалификацией заявленных требований, а должен рассматривать иск (в том числе заявление о привлечении к субсидиарной ответственности), определяя по своей инициативе какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении. Отказ в иске в связи с ошибочной квалификацией недопустим, поскольку не обеспечивает соблюдение баланса интересов сторон.

Объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о договорах механизмов восстановления нарушенного права не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за взысканием компенсации имущественных потерь в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права другого лица и возникновению у него убытков. Таким образом, факт наличия права требования к одному лицу не может освобождать от ответственности другое лицо (другие лица) за тот же вред.

Для целей возмещения убытков по смыслу ст. 1064 ГК РФ необходимо наличие убытков у потерпевшего лица, противоправности действий причинителя и причинно-следственной связи между данными фактами. При этом противоправное поведение (в частности, умышленный обман контрагента) лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, или иного представителя, повлекшее причинение вреда третьим лицам, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта.

Факт завершения конкурсного производства не лишает кредитора, не получившего удовлетворения своих требований в процедуре банкротства, возможности обратиться в суд с заявлением о взыскании с сотрудников и участников компании-должника, совершивших обман кредитора при заключении договора (предоставивших банку-кредитору недостоверную информацию о финансовом состоянии своей компании), убытков в порядке применения общих правил деликтного права. Тот факт, что сама сделка не была оспорена по правилам ст.179 ГК, не препятствует взысканию деликтным иском убытков, причиненных обманом. При этом, при разрешении требований банка суду надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, предоставленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Банк, ссылаясь на положения ст.15 ГК РФ, ст. 10, 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о привлечении

контролирующих должника лиц в солидарном порядке к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций в удовлетворении исковых требований отказано. Судебная коллегия полагает судебные акты подлежащими отмене.

Решением от 26.06.2013 единственного участника общества Ерменевой Ю.Г. одобрено заключение двух кредитных договоров с банком на общую сумму 550 000 000 рублей.

Банком и обществом 08.07.2013 заключен договор о предоставлении кредитной линии в размере 500 000 000 руб.

Истец в соответствии с дополнительными соглашениями от 16.07.2013 и от 29.08.2013 предоставил обществу соответственно 200 000 000 и 300 000 000 рублей.

В период с 11.10.2011 по 24.12.2013 обязанности генерального директора и главного бухгалтера общества исполняла Агаева Л.Н., а с 28.12.2013 на указанные должности назначена Ягупова М.С.

Агаевой Л.Н. и Ягуповой М.С. банку представлялись бухгалтерские балансы, из которых следовало, что у общества имеются значительные (по сумме превышающие сумму займа) оборотные активы в виде запасов, а также дебиторская задолженность общества "Белт" и общества "Ремень".

Решением арбитражного суда от 10.11.2015 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура конкурсного производства сроком на шесть месяцев. Конкурсным управляющим из переданной документации установлено, что у должника имеется задолженность перед обществом "Белт" и обществом "Ремень", у которых отсутствуют какие-либо долги перед обществом (требования общества "Белт" к должнику на сумму 579 995 860,92 руб. включены в реестр требований кредиторов; требования общества "Ремень" на сумму 10 005 859,7 руб. также включены в реестр требований кредиторов).

Общество частично осуществило возврат кредита в размере 17 620 000 руб., а также оплатило 55 309 056,15 руб. процентов.

Определением арбитражного от 24.07.2015 требования банка включены реестр требований кредиторов должника (третья очередь) в общей сумме 504 274 930,99 руб.

Определением арбитражного суда от 12.05.2016 конкурсное производство в отношении общества завершено; требования банка не удовлетворены.

В ЕГРЮЛ 20.07.2016 внесена запись о ликвидации общества.

Право на возмещение убытков возникает у кредитора как из нарушения договорного обязательства (ст.

393 ГК РФ), так и из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ).

В пункте 40 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 14.11.2018), указано на то, что право на возмещение убытков

возникает у кредитора как из нарушения договорного обязательства (ст. 393 ГК РФ), так и из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ); объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о договорах механизмов восстановления нарушенного права не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за взысканием компенсации имущественных потерь в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права другого лица и возникновению у него убытков.

Таким образом, факт наличия права требования к одному лицу не может освобождать от ответственности другое лицо (другие лица) за тот же вред.

Банком в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества было заявлено требование, вытекающее из договора кредита, которое не удовлетворено, что не лишает его права на обращение с требованием о возмещении убытков в порядке ст. 1064 ГК РФ к лицам, причинившим своими действиями такой вред.

В п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой ГК РФ" разъяснено, что, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора (абзац второй). По смыслу ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным

обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования (абзац третий).

Таким образом, арбитражный суд не связан правовой квалификацией истцом заявленных требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении.

Отказ в иске в связи с ошибочной квалификацией недопустим, поскольку не обеспечивает разрешение спора, определенность в отношениях сторон, соблюдение баланса их интересов, не способствует максимально эффективной защите прав и интересов лиц, участвующих в деле.

Для целей возмещения убытков по смыслу ст. 1064 ГК РФ необходимо наличие убытков у потерпевшего лица, противоправности действий причинителя и причинно-следственной связи между данными фактами. При этом противоправное поведение (в частности, умышленный обман контрагента) лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, или иного представителя, повлекшее причинение вреда третьим лицам, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта.

Кроме того, при разрешении требований банка суду надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, предоставленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Отказывая в удовлетворении требований, суды в качестве одного из оснований сослались на отсутствие доказательств оспаривания сделки в порядке, предусмотренном ст. 178, 179 ГК РФ.

Согласно разъяснениям, приведенным в абз. 6 п. 13 информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162, которым утвержден "Обзор практики применения арбитражными судами ст. 178 и 179 ГК РФ", в случае наличия у сделки пороков, перечисленных в ст. 179 ГК РФ, потерпевший вправе требовать возмещения причиненных ему убытков по правилам ст. 1064 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056](#)

Субсидиарная ответственность по обязательствам должника-банкрота является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица.

Из этого следует, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (статья 1064 ГК РФ). Не имеется каких-либо оснований для вывода о том, что обязанность компенсировать свое негативное поведение (возместить кредиторам убытки), возникающая в результате привлечения к субсидиарной ответственности, является неразрывно связанной с личностью наследодателя. Равным образом гражданское законодательство не содержит запрета на переход спорных обязательств в порядке наследования.

Таким образом, долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности, входит в наследственную массу. Иное толкование

допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов, что представляется несправедливым.

2. В случае смерти контролирующего должника лица иск о привлечении к субсидиарной ответственности подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе, и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества (пункт 1 статьи 1175 ГК РФ). При этом не имеет значения, вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество, которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность.

3. Применение к субсидиарной ответственности при банкротстве положений статьи 399 ГК РФ является ошибочным. Названной статьей урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, просило взыскать в конкурсную массу должника 273 492 211,98 рублей солидарно в субсидиарном порядке по долгам предприятия с бывшего руководителя должника Руденко С.М. в полном объеме; с наследников бывшего заместителя генерального директора должника Шефер М.А. – Шефер Н.М., Шефер П.М. и Шефер Т.М. в пределах наследственной массы; с Стюковой Виктории Владимировны в пределах 60 000 000 рублей; с общества "Машина" в полном объеме.

Судами трех инстанций требования удовлетворены в части привлечения бывшего руководителя должника Руденко С.М. к субсидиарной ответственности. В удовлетворении заявления о привлечении общества "Машина", Стюковой В.В., Шефер Н.Ю., Шефера П.М. и Шефера Т.М. отказано.

Основным видом деятельности должника являлось хранение нефтепродуктов.

В 2015 году должником утрачены нефтепродукты, полученные от поклажедателей, что привело к взысканию кредиторами убытков с должника. Так, требования общества к должнику о взыскании убытков из договора хранения нефтепродуктов от 01.03.2015 в общем размере 183 672 738, рублей были включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника определением от 23.11.2016 по настоящему делу на основании вступившего в законную силу решения от 31.05.2016 по делу № А73-2149/2016.

Как следует из объяснений бывшего руководителя должника Руденко С.М., а также показаний свидетелей, представленных в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции, нефтепродукты выбыли из-под контроля должника в результате незаконных действий заместителя генерального директора должника Шефера М.А., погибшего 16.11.2015 в результате дорожно-транспортного происшествия. Уголовное дело, возбужденное по признакам состава преступления, предусмотренного пунктом "б" части 4 статьи 158 УК РФ, в отношении Шефера М.А. прекращено постановлением руководителя следственного органа от 19.03.2017 по основанию – смерть подозреваемого.

Из обстоятельств дела следует, что именно утрата должником нефтепродуктов привела к его банкротству. По мнению заявителя, Шефер М.А. – контролирующее должника лицо, так как являлся: - заместителем директора должника и лицом, осуществлявшим фактическое руководство должником; - мужем Шефер Н.М. – родной сестры директора должника Руденко С.М.; - директором и участником аффилированных должнику лиц: обществ "Машина" , "ТИПОЛ+", "Лайф".

Из представленного наследственного дела следует, что принадлежащее Шеферу М.А. имущество унаследовали его супруга Шефер Н.М., а также дети Шефер П.М. и Шефер Т.М.

Принципиальным для разрешения требования к наследникам Шефера М.А. являлся вопрос о том, входит ли в наследственную массу долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности при банкротстве подконтрольного ему лица.

По общему правилу в состав наследства входит все имущество и долги наследодателя, за исключением случаев, когда имущественные права и обязанности неразрывно связаны с личностью наследодателя либо если их переход в порядке наследования не допускается федеральным законом (статьи 418 и 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" (далее – постановление № 9).

Субсидиарная ответственность по обязательствам должника (несостоятельного лица) является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица. В части, не противоречащей специальному регулированию законодательства о банкротстве, к данному виду ответственности подлежат применению положения глав 25 и 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве").

Из этого следует, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации). Вопреки выводам судов не имеется каких-либо оснований для вывода о том, что обязанность компенсировать свое негативное поведение (возместить кредиторам убытки), возникающая в результате привлечения к субсидиарной ответственности, является неразрывно связанной с личностью наследодателя. Равным образом гражданское законодательство не содержит запрета на переход спорных обязательств в порядке наследования.

Таким образом, судебная коллегия приходит к выводу о том, что долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности, входит в наследственную массу. Иное

толкование допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, предоставляя в то же время такому имуществу иммунитет от притязаний кредиторов, что представляется несправедливым.

2. Исходя из этого для реализации права кредитора на судебную защиту не имеет значения момент предъявления и рассмотрения иска о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности: до либо после его смерти. В последнем случае иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе (при банкротстве умершего гражданина – § 4 главы X Закона о банкротстве) и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества (пункт 1 статьи 1175 ГК РФ). При этом не имеет значения вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество, которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность.

То обстоятельство, что на момент открытия наследства могло быть неизвестно о наличии соответствующего долга наследодателя, также само по себе не препятствует удовлетворению требования, поскольку по смыслу разъяснений, изложенных в пункте 58 постановления № 9, под долгами наследодателя понимаются не только обязательства с наступившим сроком исполнения, но и все иные обязательства наследодателя, которые не прекращаются его смертью. Соответственно, риск взыскания долга, связанного с привлечением к субсидиарной ответственности, также возлагается на наследников.

Таким образом, вывод судов об отсутствии оснований для удовлетворения основанных на положениях статьи 61.11 (статья 10 в предыдущей редакции) Закона о банкротстве требований к наследникам Шефера М.А. являются преждевременными;

судами вопрос о наличии оснований для привлечения самого Шефера М.А. к субсидиарной ответственности не исследовался.

3. При этом судебная коллегия полагает необходимым также заметить, что применение к субсидиарной ответственности при банкротстве положений статьи 399 ГК РФ является ошибочным. Названной статьей урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

[Определение ВС РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326](#)

Сами по себе факты наличия семейных отношений между контролирующим должника лицом и его супругой, либо замещения гражданином должности бухгалтера или дачи им консультаций по вопросам бухгалтерского учета и налогообложения в отдельности не свидетельствуют о наличии оснований для возложения на супругу или консультанта-бухгалтера ответственности за соучастие в доведении до банкротства.

Однако если с учетом вышеуказанных обстоятельств будет также установлено, что такое лицо не могло не знать о том, что должнику причиняется вред действиями контролирующего лица (например, в силу контроля такого лица над контрагентом должника), такое лицо подлежит солидарному привлечению к субсидиарной ответственности как сопричинитель вреда на основании абзаца 1 статьи 1080 ГК РФ.

2. При рассмотрении вопроса о том, подлежат ли привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам должника дети контролирующего должника лица, суду надлежит проверить, стали ли такие дети реальными собственниками имущества, подаренного родителями, и преследовали ли они, получая имущество в дар, наряду с приобретением права собственности другую цель – освободить данное имущество от обращения взыскания со стороны кредиторов их родителей по деликтным обязательствам.

К несовершеннолетним детям контролирующих лиц неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи, с одной стороны, стремление родителей оградить детей от негативной информации, с другой стороны, повышенный уровень доверия детей к своим родителям.

Вместе с тем изложенное не исключает возможность использования родителями личности детей в качестве инструмента для сокрытия принадлежащего родителям имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов о возмещении вреда, причиненного родителями данным кредиторам.

Несмотря на то, что основания требований кредиторов к контролирующим лицам (создание необходимых причин банкротства) и приобретшим их имущество родственникам (создание невозможности полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц) не совпадают, требования кредиторов к ним преследуют единую цель – возместить в полном объеме убытки (статья 15 ГК РФ), поэтому обязательства контролирующих лиц и упомянутых родственников являются солидарными (статья 1080 Гражданского кодекса), что также позволяет исключить возникновение неосновательного обогащения на стороне пострадавших кредиторов.

В рамках дела о банкротстве общества "Альянс" ФНС России обратилась в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности Самыловских В.И., Кириенко Н.А., и их сыновей – Самыловских Д.В., родившегося 11.09.2002, и Самыловских Д.В., родившегося 25.08.1997.

Судами первой инстанции и округа заявление признано обоснованным в части, с Самыловских В.И. в конкурсную массу взысканы 311 662 635,87 рублей, в удовлетворении заявления в остальной части отказано. Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов дела, в

2012 – 2014 годах Самыловских В.И. являлся контролирующим общество "Альянс" (должника) лицом – он осуществлял полномочия единоличного исполнительного органа данного хозяйственного общества и был его мажоритарным участником, владеющим 100-процентной долей участия (за исключением периода с 22.04.2014 по 06.08.2014, когда мажоритарным участником являлся тесть Самыловских В.И. – Кириенко А.М.).

В указанный период времени должник (подрядчик) исполнял обязательства из государственных контрактов на выполнение работ.

Должником оформлялись договоры субподряда якобы для выполнения работ по данным государственным контрактам, по которым в качестве субподрядчиков привлекались общества с ограниченной ответственностью "ЕВС", "СтройВест", "СМУ-2" (далее – общества "ЕВС", "СтройВест", "СМУ-2").

В действительности работы субподрядчиками не выполнялись, реальные хозяйственные операции между ними и подрядчиком не совершались, первичные документы об их взаимоотношениях являлись недостоверными, эти документы составлены с единственной целью – получение обществом "Альянс" необоснованной налоговой выгоды в виде безосновательного уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль и в виде увеличения налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость.

Решением налогового органа от 23.12.2016 обществу "Альянс" доначислены налог на прибыль организаций в сумме 69 360 742 рубля, налог на добавленную стоимость в сумме 139 174 114 рублей, начислены пени в размере 31 566 552 рублей,

должник привлечен к ответственности, предусмотренной статьей 122 Налогового кодекса Российской Федерации, в виде штрафа в размере 69 799 919,2 рублей.

Производство по делу о банкротстве общества "Альянс" возбуждено определением от 15.06.2016 по настоящему делу. Решением от 22.02.2017 общество "Альянс" признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

Суды установили, что значительная часть сокрытых от налогообложения путем фиктивного документооборота денежных средств перечислена должником обществу с ограниченной ответственностью "Векша Плюс" (далее – общество "Векша Плюс") в отсутствие к тому разумных экономических причин, что и стало необходимой причиной банкротства общества "Альянс".

Исходя из этого суды привлекли Самыловских В.И. как лицо, создавшее и поддерживающее описанную модель ведения бизнеса, к субсидиарной ответственности по долгам общества "Альянс" за доведение этого общества до банкротства (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве) 1. Разрешая требование уполномоченного органа о привлечении к субсидиарной ответственности Кириенко Н.А., суды первой инстанции и округа не учли следующее.

При привлечении к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Согласно абзацу первому статьи 1080 Гражданского кодекса лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

В целях квалификации действий причинителей вреда как совместных могут быть учтены согласованность, скоординированность и направленность этих действий на реализацию общего для всех намерения, то есть может быть принято во внимание соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т.д. (пункт 9 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 49 "О

некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде", абзац первый пункта 22 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве").

В рассматриваемом случае судом апелляционной инстанции было установлено соучастие Кириенко Н.А. в совершении действий, приведших к банкротству общества "Альянс", в том числе действий, направленных на вывод денежных средств из числа активов должника в пользу общества "Векша Плюс".

Так, суд установил, что Кириенко Н.А. непосредственно участвовала в деятельности организаций, использованных должником для получения необоснованной налоговой выгоды: она осуществляла полномочия единоличного исполнительного органа общества "ЕВС" и была его руководителем, консультировала директора общества "СМУ-2" по вопросам налогообложения и бухгалтерского учета, работала в обществе "Строй Вест" в должности бухгалтера. Также Кириенко Н.А. являлась генеральным директором и единственным участником общества "Векша Плюс", на счета которого были перенаправлены скрытые должником от налогообложения денежные средства. Кроме того, Кириенко Н.А. состояла в зарегистрированном браке с Самыловских В.И., контролировавшем должника.

Сами по себе факты наличия семейных отношений между контролирующим должника лицом и его супругой, либо замещения гражданином должности бухгалтера или дачи им консультаций по вопросам бухгалтерского учета и налогообложения в отдельности не свидетельствуют о наличии оснований для возложения на супругу или консультанта-бухгалтера ответственности за соучастие в доведении до банкротства.

Однако имевшаяся в рассматриваемом деле совокупность этих фактов с учетом того, что Кириенко Н.А., контролировавшая общество "ЕМС", не могла не знать о том, что субподрядные работы фактически не выполнялись, по крайней мере, этим обществом, а также с учетом безосновательного получения другим хозяйственным обществом, подконтрольным той же Кириенко Н.А. (обществом "Векша Плюс"), от должника значительной части средств, которые должны были быть израсходованы в интересах должника, в том числе направлены на исполнение им обязанности по уплате налогов, указывает на то, что действия Самыловских В.И. и Кириенко Н.А. являлись согласованными, скоординированными, направленными на реализацию общего противоправного намерения супругов.

При таких обстоятельствах, Кириенко Н.А. на основании абзаца первой статьи 1080 Гражданского кодекса подлежала солидарному привлечению к субсидиарной ответственности как сопричинитель вреда.

Оснований для отмены постановления суда апелляционной инстанции этой в части у суда округа не имелось.

2. В части требований о взыскании денежных средств с Самыловских Даниила Вадимовича и Дмитрия Вадимовича судебная коллегия отмечает следующее.

В обоснование требований, предъявленных к этим ответчикам, ФНС России сослалась на то, что в декабре 2017 года Самыловских В.И. и Кириенко Н.А. безвозмездно передали принадлежащее им дорогостоящее имущество на основании договоров дарения своим детям – Самыловских Даниилу Вадимовичу и Дмитрию Вадимовичу.

Судебная коллегия соглашается с выводами судов об отсутствии в материалах дела надлежащих доказательств того, что Самыловских Даниил Вадимович и Дмитрий Вадимович, будучи несовершеннолетними в 2012 – 2014 годах, являлись контролирующими общество "Альянс" лицами и подлежат привлечению к ответственности за доведение этого общества до банкротства. К несовершеннолетним детям контролирующих лиц неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи, с одной стороны, стремление родителей оградить детей от негативной информации, с другой стороны, повышенный уровень доверия детей к своим родителям.

Вместе с тем изложенное не исключает возможность использования родителями личности детей в качестве инструмента для сокрытия принадлежащего родителям имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов о возмещении вреда, причиненного родителями данным кредиторам.

В частности, родители могут оформить переход права собственности на имущество к детям лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия, совершив тем самым мнимую сделку. Мнимая сделка ничтожна (пункт 1 статьи 170 Гражданского кодекса).

Процессуальный закон относит к прерогативе истца формулирование предмета и оснований иска. В рассматриваемом случае спор о признании договоров дарения мнимыми сделками и о применении

последствий их недействительности на разрешение суда первой инстанции уполномоченным органом не передавался.

Кроме того, даже если суд придет к выводу об отсутствии признаков мнимости у сделки, возможность применения мер ответственности не исключается на основании статьи 1064 Гражданского кодекса.

Фактически, ФНС России просила взыскать с Самыловских Даниила Вадимовича и Дмитрия Вадимовича денежные средства как с причинителей вреда.

Суды не учли, что вред кредиторам может быть причинен не только доведением должника до банкротства, но и умышленными действиями, направленными на создание невозможности получения кредиторами полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц, виновных в банкротстве должника, в том числе путем приобретения их имущества родственниками по действительным безвозмездным сделкам, не являющимся мнимыми, о вредоносной цели которых не мог не знать приобретатель. При этом не имеет правового значения, какое именно имущество контролирующих лиц освобождается от притязаний кредиторов на основании подобной сделки – приобретенное за счет незаконно

полученного дохода или иное, поскольку контролирующее лицо отвечает перед кредиторами всем своим имуществом, за исключением того, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (статья 24 ГК РФ).

В этом случае возмещение причиненного кредиторам вреда ограничено по размеру стоимостью имущества, хотя и сменившего собственника, но, по сути, оставленного в семье (статья 1082 Гражданского кодекса).

Несмотря на то, что основания требований кредиторов к контролирующим лицам (создание необходимых причин банкротства) и приобретшим их имущество родственникам (создание невозможности полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц) не совпадают, требования кредиторов к ним преследуют единую цель – возместить в полном объеме убытки (статья 15 ГК РФ), поэтому обязательства контролирующих лиц и упомянутых родственников являются солидарными (статья 1080 Гражданского кодекса), что также позволяет исключить возникновение неосновательного обогащения на стороне пострадавших кредиторов.

В период, когда, по мнению уполномоченного органа, заключались договоры дарения (декабрь 2017 года), Самыловских Дмитрий Вадимович, родившийся 25.08.1997, являлся совершеннолетним, Самыловских Даниил Вадимович, родившийся 11.09.2002, достиг пятнадцатилетнего возраста и его дееспособность определялась по правилам статьи 26 ГК РФ.

Суды не проверили, стали ли Самыловских Даниила Вадимович и Дмитрий Вадимович реальными собственниками имущества, подаренного родителями, и преследовали ли они, получая имущество в дар, наряду с приобретением права собственности другую цель – освободить данное имущество от обращения взыскания со стороны кредиторов их родителей по деликтным обязательствам.

[Определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079](#)

Положения главы III.2 Закона о банкротстве не применимы в случае, если руководитель должника утратил контроль над должником ранее вступления указанной главы в силу.

Учитывая тот факт, что предусмотренное статьей 10 Закона о банкротстве такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности как «признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц» по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона основания ответственности в виде

«невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих

лиц», значительный объем разъяснений норм материального права, изложенных в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых

вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», может быть применен и к статье 10 Закона о банкротстве и заявлений, рассматриваемых в соответствии с указанной статьей.

3. Презумпция вины руководителя должника при отсутствии документации должника не может быть применена в случае, когда передача документации арбитражному управляющему становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора. При изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему, что, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении руководителем в натуре обязанности, предусмотренной абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

4. Презумпция доведения должника до банкротства путем совершения невыгодной сделки должника может применяться только тогда, когда инициированная контролирующим лицом невыгодная сделка являлась существенно невыгодной, в том числе применительно к масштабам деятельности должника.

5. Сама по себе выдача должником поручительства за аффилированное лицо не может быть вменена контролирующему лицу в качестве основания для привлечения его к субсидиарной ответственности даже при условии, что размер обязательства, исполнение которого обеспечено поручительством, превышает размер активов должника. Это объясняется тем, что при кредитовании одного из участников группы лиц, как правило, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определение ВС РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611). В то же время ссылка на поручительство как причину банкротства не может использоваться контролирующим лицом как условие, освобождающее его от ответственности, если такое контролирующее лицо осуществляло действия, например, по выводу активов поручителя, что в свою очередь снизило эффективность обеспечения.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника Скляровой И.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника на сумму 293 978 200,06 руб.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Склярова И.В., несмотря на наличие вступивших в законную силу судебных актов, обязывающих ее передать документацию конкурсному управляющему, а также соответствующих запросов управляющего, документацию не передала. Так, в частности, ответчиком не переданы документы по дебиторской задолженности на сумму 48 580 000 руб.; документы, подтверждающие наличие запасов, отраженных в

бухгалтерском балансе, стоимостью 9 654 000 руб., а также документы на земельный участок, трансформаторную подстанцию и склад арочного типа.

Контроль над должником был утрачен Скляровой И.В. как директором в любом случае не позднее августа 2016 года, учитывая открытие в отношении должника конкурсного производства и передачи функций его руководителя к конкурсному управляющему (статьи 126 и 129 Закона о банкротстве). Таким образом, вменяемые ответчику действия по доведению должника до банкротства также не могли быть совершены после названного месяца.

В обозначенный период времени законодателем еще не была принята глава III.2 Закона о банкротстве, а отношения по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности регулировались, в первую очередь, положениями статьи 10 данного Закона (в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ).

Следовательно, ссылка судов на положения статей 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве являлась ошибочной, сделанной без учета того, что субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью ответственности гражданско-правовой, материально-правовые нормы о порядке привлечения к данной ответственности применяются на момент совершения вменяемых ответчиком действий (возникновения обстоятельств, являющихся основанием для их привлечения к ответственности (определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006).

2. Однако, учитывая тот факт, что предусмотренное статьей 10 Закона о банкротстве (в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ) такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности как «признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц» по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона основания ответственности в виде «невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц», а потому значительный объем разъяснений норм материального права, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53), может быть применен и к статье 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ.

При этом как ранее, так и в настоящее время процесс доказывания обозначенных выше оснований привлечения к субсидиарной ответственности был упрощен законодателем для истцов посредством введения соответствующих опровержимых презумпций, при подтверждении условий которых предполагается

наличие вины ответчика в доведении должника до банкротства, и на ответчика перекладывается бремя доказывания отсутствия оснований для удовлетворения иска.

3. При этом как ранее, так и в настоящее время действовала презумпция, согласно которой отсутствие (непередача руководителем арбитражному управляющему) финансовой и иной документации должника, существенно затрудняющее проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, указывает на вину руководителя.

Смысл этой презумпции состоит в том, что руководитель, уничтожая, искажая или производя иные манипуляции с названной документацией, скрывает данные о хозяйственной деятельности должника. Предполагается, что целью такого сокрытия, скорее всего, является лишение арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов возможности установить факты недобросовестного осуществления руководителем или иными контролирующими лицами своих обязанностей по отношению к должнику. К таковым, в частности, могут относиться сведения о заключении заведомо невыгодных сделок, о выводе активов и т.п., что само по себе позволяет применить иную презумпцию субсидиарной ответственности (подпункт 1 пункта 2 статьи

61.11 в нынешней редакции Закона о банкротстве, абзац третий пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ). Кроме того, отсутствие определенного вида документации затрудняет наполнение конкурсной массы, например, посредством взыскания дебиторской задолженности, возврата незаконно отчужденного имущества.

Именно поэтому предполагается, что непередача документации указывает на наличие причинно-следственной связи между действиями руководителя и невозможностью погашения требований кредиторов.

Однако, когда передача документации становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора, соответствующая презумпция применена быть не может. Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2019 № 306-ЭС19-2986, при изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему. Это, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении им в натуре обязанности, предусмотренной абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

Именно на наличие подобных объективных препятствий и ссылалась Складорова И.В. при рассмотрении настоящего обособленного спора. В частности, она обращала внимание, что в материалах дела имеется ее запрос в УЭБ и ПК ГУ МВД по

Московской области, а также ответ вышеуказанного органа, согласно которому полномочия ответчика как руководителя должника прекращены, в силу чего ему не может быть предоставлена информация о следственных действиях. Ответчик также обращал внимание, что в ходе изъятия документов следственными органами копии протокола об изъятии не выдавались.

Конкурсный управляющий как лицо, осуществляющее полномочия руководителя должника и иных органов управления (пункт 1 статьи 129 Закона о банкротстве), для решения задач, возложенных на него этим Законом, имел возможность обратиться в правоохранительные органы с требованием о выдаче копий изъятых документов, а при отказе – просить содействия в получении документации у суда, рассматривающего дело о банкротстве, применительно к правилам части 4 статьи 66 АПК РФ. Однако соответствующие действия управляющим предприняты не были.

Вместо этого он, зная о совершении в отношении должника следственных действий (обыск с изъятием документов), направил заявление о привлечении Скляровой И.В. к субсидиарной ответственности. Равным

образом Склярова И.В., зная о совершении правоохранительными органами следственных действий, в ответ на запросы управляющего о предоставлении документации не ссылаясь на ее изъятие, а заявила соответствующее возражение только в рамках настоящего обособленного спора. Судам надлежало исследовать причины такого поведения управляющего и ответчика, и оценить их действия на предмет разумности и добросовестности (статья 10 ГК РФ, пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25

«О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

4. Кроме того, в обоснование вывода о наличии оснований для удовлетворения иска суды сослались на то, что Скляровой И.В. были предприняты действия по сносу здания склада, приобретенного в 2011 году, а также заключена невыгодная сделка по аренде лифтов, в результате которой из активов должника выбыли денежные средства в размере 1 500 000 руб., то есть указали на иную презумпцию доведения до банкротства

– совершение существенно невыгодной для должника сделки (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 в нынешней редакции Закона о банкротстве, абзац третий пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ).

Вместе с тем, суды, во-первых, не дали оценку возражениям ответчика о целесообразности и разумности действий по разрушению склада, который на момент его сноса по сведениям ответчика являлся ветхим. Во-вторых, суды не учли, что

указанная презумпция совершения невыгодной сделки может применяться только тогда, когда инициированная контролирующим лицом невыгодная сделка являлась существенно невыгодной, в том числе применительно к масштабам деятельности должника. В частности, надлежало дать правовую оценку существенности произведенным ответчиком манипуляциям с конкурсной массой, а именно, сопоставить размер неудовлетворенных требований кредиторов с размером потерь от невыгодных сделок, например, от договора аренды лифтов.

5. Судебная коллегия также полагает необходимым обратить внимание и на следующее. Судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин несостоятельности должника. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков, исключив при этом иные (объективные, рыночные и т.д.) варианты ухудшения финансового положения должника.

В настоящем случае Склярова И.В., являясь бывшим руководителем должника, при рассмотрении спора ссылаясь на то, что реальной причиной банкротства послужил невозврат кредитов обществом с ограниченной ответственностью «Спортивный мир Атеми», за которое поручился должник.

Сама по себе выдача должником поручительства за аффилированное лицо не может быть вменена контролирующему лицу в качестве основания для привлечения его к субсидиарной ответственности даже при условии, что размер обязательства, исполнение которого обеспечено поручительством, превышает размер активов должника. Это объясняется тем, что при кредитовании одного из участников группы лиц, как правило, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611). В то же время ссылка на поручительство как причину банкротства не может использоваться контролирующим лицом как условие, освобождающее его от ответственности, если такое контролирующее лицо осуществляло действия, например, по выводу активов поручителя, что в свою очередь снизило эффективность обеспечения.

[Определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600 \(5-8\)](#)

Неравноценность сделки сама по себе не свидетельствует о том, что лица, ее заключившие, обязаны возместить убытки, тем более принимая во внимание, что стандарт доказывания по искам (статья 53.1 ГК РФ) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные

и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей). В таком случае судам надлежит устанавливать наличие убытков от спорной сделки на общих основаниях.

При рассмотрении заявления о возмещении убытков связанных с заключением недействительного договора аренды помещений должника по мотиву неравноценности встречного предоставления судам надлежит выяснить, являлась ли необходимой и возможной сдача в аренду спорного здания по рыночной ставке в условиях неопределенности относительно дальнейшей

юридической судьбы объекта недвижимости, представлялся ли разумным и в принципе возможным поиск арендатора, готового инвестировать денежные средства в эксплуатацию помещения должника.

В рамках дела о банкротстве должника Ворст В.Н., Деревенец В.А., Попов А.А. и ЗАО «Клиника» обратились с заявлением о взыскании с Мельниковой Ю.А., Ботвинникова М.В. и Климова А.С. 501 410 814 руб. убытков в солидарном порядке.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

В период рассмотрения дела о банкротстве между должником в лице конкурсного управляющего Мочалина Р.В. (арендодателем) и обществом с ограниченной ответственностью «УМХЦ» (арендатором) был заключен ряд договоров аренды помещений в здании медицинского центра общей площадью 8 755,40 кв.м.

Последний из договоров определением от 16.02.2018 по настоящему делу был признан недействительным в качестве подозрительной неравноценной сделки, поскольку предусматривал ежемесячную плату за помещения в размере 60 000 руб.

Полагая, что данные невыгодные сделки, предоставляющие арендатору возможность по заниженной цене пользоваться зданием медицинского центра, заключены по инициативе и под контролем ответчиков, истцы обратились в суд с настоящим заявлением о возмещении убытков.

Разрешая спор, суды установили, что в уставном капитале должника истцам Ворсту В.Н., Деревенцу В.А. и Попову А.А. принадлежат доли по 10 % каждому, Ботвинникову М.В. и Мельниковой Ю.А. – по 20 % каждому, самому обществу принадлежит 30 % в уставном капитале.

Суды также указали, что сторона ответчиков имеет не только корпоративный контроль, но и контроль в деле о банкротстве в качестве кредиторов. Так, ранее акционерное общество «Гранд-Строй» являлось мажоритарным залоговым кредитором, обладающим 79 % голосов на собрании. Его ликвидатором являлся Климов А.С. Это общество зарегистрировано по тому же адресу, как и общество с ограниченной ответственностью «Каприн», единственным участником и руководителем которого является Ботвинников М.В.

Мельникова Ю.А. на основании доверенности от 14.06.2013 являлась представителем общества

«Гранд-Строй», уполномоченным вести переговоры по вопросам уставной деятельности общества.

Впоследствии общество «Гранд-Строй» уступило свои требования к должнику цессионариям – Климову А.С. и Ботвинникову М.В., которые далее уступили эти права в пользу общества с ограниченной ответственностью «РИН», участником которого с долей участия в размере 50 % уставного капитала является Климов А.С.

Делая вывод, что совершение спорных невыгодных сделок было инициировано ответчиками, суды отметили, что заключение признанного недействительным договора аренды от 01.07.2017 было одобрено залоговым кредитором – АО «Гранд-Строй» в лице ликвидатора Климова А.С.

От имени ООО «УМХЦ» договор аренды был подписан Ботвинниковой А.М., являющейся дочерью Ботвинникова М.В. и участником ООО «УМХЦ» с долей 50 %, при том, что оставшаяся 50 % доля принадлежит Мельниковой Ю.А.

Таким образом, сославшись на положения статей 10, 15, 53, 1064 ГК РФ, суды заключили, что ответчики являются группой заинтересованных лиц, имеющих фактическую возможность определять действия должника и заставивших его передать арендатору здание медицинского центра в пользование по заниженной цене, чем фактически причинили должнику убытки, которые подлежат возмещению, в том числе за их счет. При таких условиях суды удовлетворили заявленные требования.

Между тем судами не учтено следующее.

Выводы судов по существу основаны на предположении, согласно которому признание недействительным договора аренды здания по мотиву неравноценности само по себе влечет вывод о наличии у должника убытков в период аренды. Поэтому судами в рамках настоящего обособленного спора исследовался лишь вопрос соучастия, а именно, с кем совместно действовал арбитражный управляющий, передавая имущество в пользование по невыгодной ставке, а точнее, кто из лиц, имевших возможность оказывать влияние на фигуру должника, получил выгоду от спорной сделки.

Вместе с тем, ссылаясь на определение от 16.02.2018 относительно размера рыночной ставки аренды здания медицинского центра, суды не учли, что по указанному вопросу в рамках настоящего дела о банкротстве имеются вступившие в законную силу судебные акты с противоположными выводами.

Однако суды, делая вывод о причинении убытков от спорной сделки, содержание других конкурирующих судебных актов проигнорировали. В данной ситуации неравноценность сделки сама по себе

не свидетельствовала о том, что лица, ее заключившие, обязаны возместить убытки, тем более принимая во внимание, что стандарт доказывания по искам (статья 53.1 ГК РФ) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей).

В связи с изложенным судам надлежало устанавливать наличие убытков от спорной сделки на общих основаниях. Действительно, невозможно предположить, что рыночная ставка аренды здания медицинского центра в г. Москве площадью 8 755,40 кв.м может составлять 60 000 руб. в месяц. Такой размер арендной платы даже по внешним признакам сильно отклоняется от рыночного и является подозрительным. Вряд ли независимый участник оборота когда-либо сможет найти подобное предложение от неаффилированного с ним арендодателя на соответствующем товарном рынке. Однако по своей природе аренда коммерческого имущества предполагает возможность пользования им и извлечения дохода. В то же время суды не дали правовой оценки доводам ответчиков о том, что в период действия спорного договора коммерческая эксплуатация здания не представлялась возможной; несмотря на то, что здание как объект недвижимости было введено в эксплуатацию, оно не могло быть использовано для оказания медицинских услуг и ведения предпринимательской деятельности (медицинское оборудование не было смонтировано, не была получена разрешительная документация). В случае подтверждения данных доводов судам необходимо было определить, опосредовал ли договор от 01.07.2017 настоящие арендные отношения либо в действительности аффилированными по отношению к должнику лицами была инициирована передача имущества в пользу иного аффилированного лица для обеспечения его сохранности и уменьшения бремени несения текущих расходов по содержанию здания (пункт 2 статьи 616 Гражданского кодекса Российской Федерации).

2. Кроме того, суды не учли, что по смыслу правовой позиции, изложенной в определении ВС РФ от 29.08.2016 № 307-ЭС14-8417, эксплуатация принадлежащих должнику объектов после открытия в отношении него конкурсного производства допускается лишь в той мере, в которой это необходимо для подготовки имущества к его отчуждению посредством торгов. В связи с этим суды не определили, являлась ли необходимой и возможной сдача в аренду спорного здания по рыночной ставке в условиях неопределенности относительно дальнейшей юридической судьбы объекта недвижимости, представлялся ли разумным и в принципе возможным поиск арендатора, готового инвестировать денежные средства в эксплуатацию

медицинского центра, если по итогам процедуры этот объект мог быть отчужден иному собственнику.

[Определение ВС РФ от 06.10.2019 № 307-ЭС17-11745 \(2\)](#)

Установление фактического контроля лица над должником не всегда обусловлено наличием (отсутствием) юридических признаков аффилированности. Напротив, конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, в раскрытии своего статуса контролирующего лица не заинтересован и старается завуалировать как таковую возможность оказания влияния на должника.

Статус контролирующего лица устанавливается в том числе через выявление согласованных действий между бенефициаром и подконтрольной ему организацией, которые невозможны при иной структурированности отношений.

При этом, защищаясь против предъявленного заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, контролирующему лицу недостаточно ограничиться только отрицанием обстоятельств, подтверждающих его аффилированность с должником, необходимо представить собственную версию инкриминируемых ему действий.

В рамках дела о банкротстве должника уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности Грабара В.В., Купоросова А.В., Тихонова Ю.А. и взыскании с указанных лиц в солидарном порядке 2 747 225 582,04 руб.

Судами двух инстанций Грабар В.В. и Купоросов А.В. привлечены к субсидиарной ответственности. Судом округа судебные акты отменены в части привлечения к субсидиарной ответственности Грабара В.В., в этой части в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия считает, что постановление суда округа подлежит отмене.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и следует из материалов обособленного спора, Грабар В.В. являлся президентом должника с 01.11.2000, участником АО «Холдинговая компания

«Ладога» (37%) (собственник торговых марок группы компаний), а с июля 2014 - управляющим КТ «Ладоком холдинг КГ» (участник ООО «Ран-Эстейт» (60,16%), в собственности которого находится имущественный комплекс группы компаний «Ладога»). В период с 1999 года до февраля 2010 года Грабар В.В. являлся генеральным директором общества с ограниченной ответственностью «Холдинговая компания «Ладога», с 2014 года - президентом открытого акционерного общества «Ладога Дистрибьюшен».

ОАО «Ладога Дистрибьюшен» осуществляет функции дистрибуции алкогольной продукции, произведенной и импортируемой группой компаний «Ладога».

Купоросов А.В. в период с марта 2010 года по февраль 2015 года являлся руководителем, а в последующем ликвидатором должника. Купоросов А.В. также является участником АО «Холдинговая компания «Ладога» (37%), до сентября 2015 года - участником (25%) КТ «Ладокком холдинг КГ».

В ходе выездных налоговых проверок установлено, что обществом при участии подконтрольных ему

«фирм-однодневок» в 2010-2011 годах осуществлены мероприятия, направленные на уменьшение налоговой нагрузки и получения должником необоснованной налоговой выгоды. В результате выявления искажения данных бухгалтерской отчетности обществу доначислены суммы налогов, сборов, начислены пени, штрафы.

Также установлены обстоятельства, свидетельствующие о выводе в период с 01.01.2012 по 31.12.2013 значительного объема денежных средств должника (свыше 1 млрд. руб.) в пользу иностранного юридического лица - компании «Максбурн Лимитед»: поступающие от хозяйственной деятельности обществу денежные средства перечислялись по цепочке в течение одного или двух банковских дней на расчетные счета доверенных лиц, а далее на счета организаций, имеющих договорные отношения с должником, либо на счета «фирм-однодневок».

Впоследствии при наличии задолженности по уплате обязательных платежей в бюджет Российской Федерации произведена реорганизация общества: имеющиеся активы переведены на вновь созданное 31.03.2014 юридическое лицо (общество с ограниченной ответственностью «Группа Ладога»), которое фактически начало работать в тех же помещениях и на оборудовании, ранее принадлежавшем должнику, с теми же работниками и контрагентами.

Как отметили суды, вышеуказанные действия не могли быть осуществлены без одобрения, участия и контроля занимающих ключевые позиции в руководстве должника Грабара В.В. и Купоросова А.В.

Отменяя судебные акты в части привлечения к субсидиарной ответственности Грабара В.В., суд округа исходил из того, что согласно должностной инструкции президент общества подотчетен генеральному директору и осуществляет лишь контроль над эффективным взаимодействием трудового персонала должника, его структурных подразделений, направленных на достижение наибольшей экономической и маркетинговой эффективности, а также над внедрением научно-технического прогресса по всем направлениям его деятельности.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Законодательство о несостоятельности в редакции как Федеральных законов от 28.04.2009 № 73-ФЗ и от 28.06.2013 №134-ФЗ, так и Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ предусматривали возможность привлечения контролирующего лица к

субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства (создание ситуации невозможности погашения требований кредиторов). Несмотря на последовательное внесение законодателем изменений в положения, регулирующие спорные отношения, правовая природа данного вида ответственности сохранилась.

Как ранее, так и в настоящее время к такой ответственности подлежало привлечению лицо, осуществляющее фактический контроль над должником (независимо от юридического оформления отношений) и использовавшее властные полномочия во вред кредиторам, то есть своими действиями приведшее его к банкротству.

Суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что признаки неплатежеспособности общества возникли в связи с привлечением должника к ответственности за налоговые правонарушения и взысканием с него в доход бюджета значительной суммы задолженности. Впоследствии в результате перевода всего имущественного комплекса, товарных знаков и персонала общества в ООО «Группа Ладога» должник окончательно утратил возможность осуществлять хозяйственную деятельность и рассчитываться с кредиторами.

Таким образом, суды установили, что несостоятельность должника связана не с объективными рыночными факторами, а исключительно с поведением самого должника, воля которого формируется контролирующими его лицами.

Данные обстоятельства не опровергнуты.

Делая вывод об отсутствии контроля над должником у Грабара В.В., суд округа сослался на положения должностной инструкции, принятой обществом.

Вместе с тем установление фактического контроля не всегда обусловлено наличием (отсутствием) юридических признаков аффилированности (пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Напротив, конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, в раскрытии своего статуса контролирующего лица не заинтересован и старается завуалировать как таковую возможность оказания влияния на должника.

При ином подходе бенефициары должника в связи с подконтрольностью им документооборота организации имели бы возможность в одностороннем порядке определять субъекта субсидиарной ответственности путем составления внутренних организационных документов (локальных актов) выгодным для них образом, что недопустимо.

Статус контролирующего лица устанавливается в том числе через выявление согласованных действий между бенефициаром и подконтрольной ему организацией, которые невозможны при иной структурированности отношений.

Обращаясь с настоящим заявлением в арбитражный суд, уполномоченный орган помимо прочего ссылался на следующие обстоятельства:

согласно карточкам банковских счетов Грабар В.В. вправе распоряжаться денежными средствами общества самостоятельно;

Грабар В.В. является управляющим КТ «Ладок холдинг КГ» и участником АО «Холдинговая компания «Ладога», которым принадлежат основные активы должника (объекты недвижимости и интеллектуальной собственности);

на встрече с представителями уполномоченного органа при разрешении вопроса о снятии ареста со счетов ООО «Группа Ладога», а также через СМИ Грабар В.В. позиционировал себя в качестве бенефициара группы компаний «Ладога».

Совокупность указанных обстоятельств позволила судам констатировать наличие у Грабара В.В. признаков контролирующего должника лица с возможностью формирования и реализацией финансовых и иных административно-хозяйственных решений.

Бремя опровержения представленных уполномоченным органом доводов возлагается на Грабара В.В. как процессуального оппонента. При этом, защищаясь против предъявленного иска, ответчику недостаточно ограничиться только отрицанием обстоятельств, на которых настаивает истец, необходимо представить собственную версию инкриминируемых ему событий. Однако Грабар В.В. имеющимся у него правом обоснованного возражения не воспользовался: не объяснил, как его предшествующее поведение согласуется с позицией в настоящем обособленном споре, по которой он не признает себя контролирующим должника лицом.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 305-ЭС19-9992](#)

Контролирующее должника лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, возникшим до даты, когда такое лицо обязано было исполнить обязанность, предусмотренную статьей 9 Закона о банкротстве и обратиться с заявлением о признании должника банкротом в случае, если не установлено намерения контролирующего лица недобросовестно скрыть от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица.

ООО «Строй Мех Сервис» после прекращения производства по делу о банкротстве должника обратилось на основании пункта 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве в суд с заявлением о привлечении Фетисова Ю.В., являющегося контролирующим должника лицом, к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций заявление общества признано обоснованным, в его пользу с Фетисова Ю.В. взысканы 6 461 273,58 руб.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе, объяснениях Фетисова Ю.В. и его представителя, явившихся в судебное заседание, судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, с момента создания должника и до возбуждения дела о его банкротстве Фетисов Ю.В. являлся единственным участником и руководителем должника.

В связи с ненадлежащим исполнением должником обязательств по договору подряда от 19.08.2013 решением арбитражного суда города Москвы от 26.01.2015 с контролируемой Фетисовым Ю.В. организации в пользу общества взысканы 6 461 273,58 руб. Указанное судебное решение вступило в законную силу 30.04.2015.

Поскольку должник не исполнил вступивший в законную силу судебный акт, общество 22.08.2017 обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом.

Определением суда первой инстанции от 22.09.2017 возбуждено производство по делу о банкротстве должника.

Впоследствии определением того же суда от 14.12.2017 производство по данному делу прекращено из-за отсутствия средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства (абзац восьмой пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве).

Размер ответственности Фетисова Ю.В. определен обществом в сумме, взысканной решением арбитражного суда от 26.01.2015 (6 461 273,58 руб.).

Удовлетворяя заявление общества на основании статьи 61.12 Закона о банкротстве, суд первой инстанции исходил из того, что Фетисов Ю.В. в силу статьи 9 этого Закона должен был инициировать процесс банкротства должника в течение месяца после вступления в законную силу судебного решения от 26.01.2015, то есть не позднее 01.06.2015, чего он не сделал.

Как полагает общество, правонарушение, с которым оно связывает необходимость привлечения Фетисова Ю.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам, вытекающим из договора подряда от 19.08.2013, заключается в неисполнении Фетисовым Ю.В. обязанности по обращению в суд с заявлением о признании банкротом подконтрольной ему организации.

Исходя из положений статьи 10 ГК РФ руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно по отношению к такой группе лиц как кредиторы. Это означает, что он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им, в том числе в получении необходимой информации.

Применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с

заявлением должника о его собственном банкротстве свидетельствует, по сути, о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие несостоятельным должником дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения. Хотя предпринимательская деятельность не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования.

Исходя из этого в пункте 2 статьи 10 Закона о банкротстве, действовавшем ранее, статье 61.12 Закона о банкротстве, действующей в настоящее время, законодатель презюмировал наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он должен был публично сообщить в силу Закона, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, явно неспособному передать встречное исполнение. Субсидиарная ответственность такого руководителя ограничивается объемом обязательств перед этими обманутыми кредиторами, то есть объемом обязательств, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве.

В рассматриваемом случае, суды установили, что Фетисов Ю.В. должен был инициировать процесс банкротства должника после 30.04.2015. На иной период возникновения обязанности по подаче в суд заявления о несостоятельности должника общество не ссылалось и соответствующие обстоятельства не доказывало.

При таких обстоятельствах у судов не имелось оснований для возложения на Фетисова Ю.В. субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве по обязательствам должника, вытекающим из договора подряда от 19.08.2013, возникшим до 30.04.2015.

Требование о привлечении Фетисова Ю.В. к субсидиарной ответственности по каким-либо другим обязательствам должника или по основанию, связанному с доведением должника до банкротства, общество на разрешение суда не передавало, такого рода обстоятельства не приводило и не обосновывало. С учетом изложенного требование общества, исходя из сформулированных им сами оснований и предмета заявления, не подлежало удовлетворению.

[Определение ВС РФ от 25.02.2019 № 308-ЭС17-1634 \(5\)](#)

При выходе сделок должника за рамки стандартной управленческой практики, судам надлежит предложить контролирующим должника лицам, привлекаемым к ответственности, раскрыть реализуемый ими план и цели передачи активов должника иным лицам, в том числе аффилированным.

В ситуации, когда независимый кредитор представил серьезные доказательства и привел убедительные аргументы о недобросовестном поведении контролирующих должника лиц внутри группы, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания добросовестности переходит на привлекаемых к ответственности лиц.

Пропуск управляющим, отстраненным от исполнения обязанностей, срока исковой давности на оспаривание сделок должника не является основанием для отказа в удовлетворении требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

При недоказанности заявителем оснований привлечения к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, в том числе установленную статьей 53.1 ГК РФ, суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков.

ФНС России обратилась в арбитражный суд с заявлением о привлечении контролировавших общество

«Металлглавснаб» руководителей к субсидиарной ответственности. Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия полагает судебные акты подлежащими отмене.

Определением от 08.02.2010 в отношении должника введена процедура наблюдения. Этим определением суд обязал руководителя должника в течение 15 дней предоставить временному управляющему документы, отражающие экономическую деятельность общества «Металлглавснаб» за три года, предшествующих дню введения процедуры наблюдения.

На принудительное исполнение требования об обязанности руководителя предоставить временному управляющему документы должника судом выдан исполнительный лист.

Решением от 27.09.2010 общество «Металлглавснаб» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

В части, касающейся совершения сделок по отчуждению имущества, суды сочли, что в результате реализации всех объектов недвижимости, за исключением одного, должник получил прибыль.

В обоснование вывода о том, что сделки по отчуждению недвижимости не стали причиной объективного банкротства общества «Металлглавснаб» суды сослались на заключение судебной экспертизы.

Между тем данное заключение эксперта согласно статье 71 АПК РФ не имело заранее установленной силы. Оно подлежало оценке по общим правилам главы 7 названного Кодекса.

Суды, по сути, уклонились от проверки возражений ФНС России о существенных методологических ошибках, допущенных экспертом, о выполнении им исследования на основании недостоверной исходной информации.

Разрешая вопрос о том, повлекли ли спорные сделки невозможность удовлетворения требований кредиторов, судебный эксперт ограничился анализом бухгалтерских балансов и отчетов о финансовых результатах деятельности должника, приняв содержащиеся в них сведения в качестве достоверных. При этом суды констатировали наличие в материалах дела письменной информации аудиторов, которые

отказались выразить мнение о достоверности бухгалтерской отчетности общества «Металлглавснаб» в связи критическим отсутствием первичных документов, на основании которых составлена эта отчетность.

Федеральная налоговая служба обращала внимание на то, что в преддверии банкротства и после возбуждения дела о несостоятельности должник произвел отчуждения всей принадлежащей ему недвижимости (реализовано более 100 объектов).

Такая тотальная реализация недвижимого имущества выходит за рамки стандартной управленческой практики, применяемой в обычной хозяйственной деятельности.

Учитывая это, судам следовало предложить бывшим руководителям должника раскрыть реализуемый ими план, цели столь масштабной кампании по передаче основных ликвидных активов другим лицам, в том числе аффилированным с должником, предполагаемый результат выполнения данного плана. Такие действия суды не совершили.

Вывод судов о том, что все сделки по отчуждению имущества были направлены на погашение долгов перед кредиторами, сделан без учета правовой природы отступного (статья 409 ГК РФ), которое направлено на прекращение обязательства взамен исполнения. Как уже отмечалось, уполномоченный орган указывал на отсутствие в ряде случаев какого-либо обязательства, которое могло бы быть прекращено отступным. В тексте обжалуемых судебных актах не приведен анализ всех сделок по предоставлению отступного.

Лица, не согласные с требованием ФНС России, представили отдельные копии платежных документов как в обоснование возражения о возникновении задолженности, погашенной отступным, так и в обоснование факта оплаты той недвижимости, которая отчуждалась по договорам купли-продажи. Суды не оценили доводы уполномоченного органа о пороках данных платежных поручений, не позволяющих, по мнению ФНС России, принять их в качестве доказательств возмездности сделок.

2. Как полагала ФНС России, помимо отчуждения недвижимости второй предпосылкой банкротства общества «Металлглавснаб» стало создание такой системы организации предпринимательской деятельности, которая была направлена на использование счетов должника в качестве транзитных для внутригруппового перераспределения денежных средств, не соотносящегося с реальными хозяйственными отношениями.

Вопреки выводам судов отказ кредитных организаций предоставить выписки по отдельным счетам общества «Металлглавснаб» в связи с истечением срока хранения не являлся препятствием для проверки приведенного уполномоченным органом довода в отношении тех семи расчетных счетов, по которым соответствующие сведения от банков были получены, в том числе по счету, годовой оборот по которому превысил 44 млрд. руб. В ситуации, когда ФНС России как независимый кредитор представила серьезные доказательства и привела убедительные аргументы по поводу того, что именно указанным ею образом выстраивались отношения внутри группы аффилированных лиц в отношении семи расчетных счетов, привлекаемые к ответственности лица должны доказать свою добросовестность, подтвердив, в частности, что упомянутое движение средств не было типичным для других счетов должника (статья 65 АПК РФ).

3. Само по себе то обстоятельство, что ранее при проведении налоговых проверок не были выявлены признаки недобросовестного поведения контролирующих лиц, не лишает кредитора возможности доказать соответствующие факты в рамках настоящего обособленного спора. Равным образом пропуск первым конкурсным управляющим, отстраненным от исполнения обязанностей, срока исковой давности на оспаривание сделок по отчуждению недвижимости не является основанием для отказа в удовлетворении требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Кроме того, независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд применительно к положениям статей 133 и 168 АПК РФ самостоятельно квалифицирует предъявленное требование. При недоказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного

поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, в том числе установленную статьей 53.1 ГК РФ (пунктом 3 статьи 53 Кодекса (в ранее действовавшей редакции)), суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков (абзац четвертый пункта 20 постановления № 53, абзац первый пункта 53 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

[Определение ВС РФ от 16.01.2020 № 305-ЭС19-16954](#)

При разрешении вопроса о принятии обеспечительных мер в виде ареста в отношении имущества лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, необходимо определить, какую

позицию данные лица занимали при рассмотрении обособленного спора о привлечении их к ответственности.

В подобном случае следует принять запрашиваемые обеспечительные меры, если привлеченные к субсидиарной ответственности лица не представили свидетельств того, что начали принимать меры к добровольному возмещению вреда, сотрудничать с заявителем/управляющим, например, на предмет раскрытия информации, позволяющей проследить судьбу имущества банкрота, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов, в также если не имеется оснований полагать, что направленность поведения ответчиков спустя некий промежуток времени изменилась.

В рассматриваемом случае не подлежит аресту имущество ответчика, если нанесенный им вред является незначительным по сравнению с масштабом деятельности банкрота и существенно меньше вреда, причиненного должнику иными ответчиками.

В рамках дела о банкротстве банка ГК АСВ как конкурсный управляющий обратилась в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства и иное имущество ряда физических лиц в пределах предъявленных к ним требований по обособленному спору о привлечении указанных лиц к субсидиарной ответственности – 589 104 000 руб.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления агентства отказано.

Как установлено судами, агентство обратилось в суд, рассматривающий дело о банкротстве банка, с заявлением о привлечении ряда физических лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам кредитной организации.

Определением от 27.12.2018 установлены основания для привлечения указанных физических лиц к субсидиарной ответственности.

После принятия судом определения от 27.12.2018 агентство подало заявление о принятии обеспечительных мер, в котором просило наложить арест на денежные средства и иное имущество привлеченных лиц в пределах предъявленных к ним требований.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, исполнение судебного акта следует рассматривать как элемент судебной защиты (постановления от 15.01.2002 № 1-П, от 14.05.2003 № 8-П, от 14.07.2005 № 8-П, от 12.07.2007 № 10-П, от 26.02.2010 № 4-П, от 14.05.2012 № 11-П, от 10.03.2016 № 7-П, от 23.07.2018 № 35-П и др.).

Согласно правовой позиции Европейского Суда по правам человека по смыслу статей 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон, и что исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть судебной защиты (постановление от 19.03.1997 по делу

«Хорнсби (Hornsby) против Греции» и др.).

Определение о привлечении к субсидиарной ответственности, по сути, является судебным актом, вынесенным в пользу кредиторов. Однако сам по себе факт принятия судом такого определения не приводит к фактическому восстановлению прав последних. Судебная защита прав кредиторов может быть признана эффективной лишь в случае обеспечения судом действительных гарантий возврата кредиторам денежных средств, на которые они справедливо рассчитывали. Ситуация, при которой в ходе судебного разбирательства недобросовестные контролирующие лица имеют возможность скрыть свое имущество, избежав обращения взыскания на него, а кредиторы лишены реального доступа к правовым средствам противодействия такому поведению ответчиков, является недопустимой.

В настоящее время одним из способов обеспечения защиты прав кредиторов в подобной ситуации, признаваемым правопорядком, является институт обеспечительных мер, своевременное и разумное применение которого устраняет препятствия к исполнению судебного определения в будущем, достигая тем самым цели правосудия.

В рассматриваемом случае, отказав агентству в принятии обеспечительных мер, суды, по сути, признали необходимым подтверждение с высокой степенью достоверности фактов совершения ответчиками действий, направленных на отчуждение принадлежащего им имущества, или приготовления к совершению такого рода действий.

Однако обеспечительные меры являются ускоренным предварительным средством защиты, поэтому для их применения не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования

требований и возражений стороны по существу спора (абзац второй пункта 10 постановления № 55). Для применения обеспечительных мер истцу достаточно подтвердить наличие разумных подозрений возникновения обстоятельств, указанных в части 2 статьи 90 Кодекса.

При этом законодатель, предусмотрев упрощенную процедуру разрешения вопроса о применении обеспечительных мер, установил механизм, обеспечивающий соблюдение прав и законных интересов ответчика. Так, в частности, по ходатайству ответчика обеспечительная мера может быть отменена судом (статья 95 Кодекса, пункт 22 постановления № 55).

Поскольку при разрешении заявления о принятии обеспечительных мер суд выясняет, какова вероятность затруднительности исполнения судебного акта, возникновения значительного ущерба на стороне заявителя, отказ судов в применении названных мер со ссылкой лишь на то, что доводы агентства носят предположительный характер, ошибочен.

В рассматриваемом случае заявление о принятии обеспечительных мер подано агентством после вынесения судом первой инстанции определения о наличии оснований для привлечения ряда лиц к субсидиарной ответственности. Суд установил, что физические лица совершали недобросовестные действия, направленные на вывод из банка денежных средств в значительном размере путем выдачи заведомо невозвратных кредитов в ущерб интересам клиентов кредитной организации.

Вопрос о принятии обеспечительных мер рассматривался судом первой инстанции с извещением заинтересованных лиц. Однако названные ответчики ни в суд первой инстанции, ни при дальнейшем рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер не представили свидетельств того, что начали принимать меры к добровольному возмещению вреда, сотрудничать с агентством, например, на предмет раскрытия информации, позволяющей проследить судьбу имущества банка, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов, и т.д. Оснований полагать, что направленность поведения упомянутых ответчиков в настоящее время изменилась, не имеется.

При таких обстоятельствах, существует высокая вероятность того, в дальнейшем упомянутые лица продолжат действовать недобросовестно и по этой причине после определения размера ответственности каждого из них без принятия испрашиваемых обеспечительных мер взыскание сумм возмещения вреда будет существенно затруднено, что причинит ущерб кредиторам банка.

С учетом изложенного, исходя из принципа разумности, в целях обеспечения баланса интересов лиц, вовлеченных в процесс банкротства банка, следует наложить арест на имущество привлеченных лиц.

2. Судебная коллегия не находит оснований для ареста имущества Бутенко М.Ю. ввиду того, что установленный судебными актами размер вреда, причиненного его действиями, является незначительным по сравнению с масштабом деятельности банка и существенно меньше вреда, причиненного другими ответчиками. Судебная коллегия считает, что в отношении Бутенко М.Ю. агентству следовало дополнительно обосновать вероятность возникновения обстоятельств, указанных в части 2 статьи 90 Кодекса.

[Определение ВС РФ от 22.06.2020 г. № 307-ЭС19-18723\(2, 3\)](#)

Члены совета директоров часто имеют возможность оказывать существенное влияние на деятельность должника. Доказательства обратного должны представить указанные лица.

Отчуждение третьему лицу реальной ко взысканию дебиторской задолженности должника в качестве оплаты вступления должника в состав участников такого третьего лица необходимо признать убыточной для должника сделкой, совершенной в отсутствие равноценного встречного предоставления в случае, если рыночная стоимость доли участия в уставном капитале третьего лица меньше уступленного права требования. При этом оценка доли должна проводиться по состоянию на момент совершения рассматриваемой сделки.

Совершение контролирующим лицом убыточной сделки, повлекшей нарушение имущественных прав кредиторов, предполагает наличие причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и невозможностью погашения требований кредиторов (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве (в настоящее время – подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве)).

Одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежит определить степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам.

Конкурсный кредитор обратился с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций в удовлетворении ходатайства и заявления отказано.

Советом директоров общества (впоследствии должника) в составе привлекаемых к ответственности лиц 20.07.2016 приняты решения об обращении в адрес компании с заявлением о принятии общества в состав участников компании с предполагаемым размером доли 57,0705% и одобрении крупной сделки по внесению в уставный капитал компании вклада в виде прав требования по обязательствам, вытекающим из договоров, заключенных с предприятием и обществом «ИТЬ». По акту приема-передачи от 20.07.2016 должник передал компании права требования на общую сумму 867 979 883,88 руб. к предприятию и обществу

«ИТЬ», стоимость переданных прав определена в размере 610 568 194 руб. В результате совершенной сделки должник получил долю в уставном капитале компании в размере 57,0717%.

При установлении того, повлекло ли поведение ответчиков банкротство должника, необходимо принимать во внимание следующее:

наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника (что, например, исключает из круга потенциальных ответчиков рядовых сотрудников, менеджмент среднего звена, миноритарных акционеров и т.д., при условии, что формальный статус этих лиц соответствует их роли и выполняемым функциям);

реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное – банкротное

состояние (однако не могут быть признаны в качестве оснований для субсидиарной ответственности действия по совершению, хоть и не выгодных, но несущественных по своим размерам и последствиям для должника сделки);

3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий (далее – критерии; пункты 3, 16, 21, 23 постановления № 53).

Применительно к критерию № 1 необходимо отметить, что ответчики в рамках настоящего обособленного спора являлись бывшими членами совета директоров, то есть в силу имевшегося у них статуса имели возможность оказывать существенное влияние на деятельность должника. Доказательств обратного не представлено.

Определению наличия критерия № 2 способствуют закрепленные в Законе о банкротстве презумпции существования причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и невозможностью погашения требований кредиторов. Одной из таких презумпций является совершение контролирующим лицом существенно убыточной сделки, повлекшей нарушение имущественных прав

кредиторов (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве (в настоящее время – подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Настаивая на привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, предприятие указывало, что они одобрили сделку по внесению вклада в уставный капитал компании, ссылаясь на наличие в этой сделке предусмотренных пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве признаков подозрительной (неравноценной) сделки. В частности, обращало внимание на имеющийся в материалах дела отчет об оценке, согласно которому рыночная стоимость доли в уставном капитале компании в размере 57,0717% составляет 367 000 000 руб.; в результате совершения данной сделки должник утратил возможность истребования реальной ко взысканию дебиторской задолженности и удовлетворения за ее счет требований кредиторов должника с учетом финансового состояния предприятия, размера и ликвидности его активов, не получив при этом взамен равноценного встречного предоставления. По мнению предприятия, действия ответчиков по совершению этой сделки явились причиной банкротства должника.

Указанные доводы предприятия соответствовали условиям вышеупомянутой презумпции и бремя их опровержения в силу статьи 65 АПК РФ должно было перейти на ответчиков, что не учтено судами при рассмотрении спора.

При этом, сославшись на представленный конкурсным управляющим отчет об оценке рыночной стоимости доли в уставном капитале компании, суды не приняли во внимание, что указанная в нем стоимость определена по состоянию на 30.08.2017, в то время как равноценность спорной сделки необходимо проверять на момент ее совершения (20.07.2016).

Относительно критерия № 3 судам необходимо было учесть следующее. Ответчики являлись членами совета директоров должника. Статус члена совета директоров для целей привлечения лица к субсидиарной ответственности предполагает наличие возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника. В то же время одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки (по смыслу абзаца третьего пункта 16 постановления № 53) и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежало также определить степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам, что судами не сделано.

[Определение ВС РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 \(2\)](#)

В случае совпадения лица, привлекаемого к ответственности, основания и предмета спора о привлечении к субсидиарной ответственности с аналогичными элементами состава в уголовном деле, из размера субсидиарной ответственности подлежит исключению сумма, взысканная с ответчика в рамках ранее рассмотренного уголовного дела.

В подобной ситуации исключена возможность применения норм о солидаритете, потому как совпадает как личность должника, так и состав возникновения обязательства, то есть имеется одно обязательство одного должника. При определении соотношения рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении к субсидиарной ответственности необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу.

Вступившим в законную силу определением признано наличие оснований для привлечения Дьячкова Ю.И. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Судами трех инстанций впоследствии установлен размер ответственности, с Дьячкова Ю.И. взыскано 76 358 898,64 руб.

Дьячков Ю.И. отмечал, что приговором от 29.04.2016 он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 199 УК РФ.

Затем с него в пользу ИФНС № 29 по г. Москве взыскан для последующего перечисления в бюджет материальный ущерб, причиненный в результате преступления, в размере 53 053 008,78 руб.

Данная сумма, а также начисленные на нее пени и санкции впоследствии включены в реестр требований кредиторов должника.

Дьячков Ю.И. полагал, что взыскание с него в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности 53 053 008,78 руб. будет являться повторным и потому неправомерным, то есть указывал на тождественность исков в указанном размере.

Правовым основанием для удовлетворения иска о возмещении причиненного преступлением ущерба являлись положения пункта 1 статьи 1064 ГК РФ, устанавливающие обязанность по возмещению вреда в полном объеме лицом, его причинившим. В частности, судом установлено, что Дьячковым Ю.И. как руководителем общества причинен вред казне посредством совершения умышленных действий, приведших к непоступлению сумм налогов в бюджет. Таким образом, судом был рассмотрен прямой иск кредитора общества к его руководителю о возмещении причиненного данному кредитору вреда противоправными действиями руководителя.

Требование о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает

предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства (определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3)). Такой иск фактически точно так же направлен на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом кредитору, из чего следует, что генеральным правовым основанием данного иска выступают в том числе положения статьи 1064 ГК РФ.

Особенность требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности заключается в том, что оно по сути опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства. Выделение названного иска ввиду его специального применения и распространенности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания.

Вместе с тем, в институте субсидиарной ответственности остается неизменной генеральная идея о том, что конечная цель предъявления соответствующего требования заключается в необходимости возместить вред, причиненный кредиторам. Данная характеристика подобного иска является сущностной, что сближает его со всеми иными исками, заявляемыми на основании положений статьи 1064 ГК РФ. Именно поэтому, в числе прочего, Пленум ВС РФ исходит из взаимозаменяемого и взаимодополняемого характера рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (пункт 20 постановления № 53). Разница заключается лишь в том, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства либо нет, от чего зависит подлежащая взысканию сумма, при том что размер ответственности сам по себе правовую природу требований никак не характеризует. В связи с этим при определении соотношения этих требований необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу (пункт 1 статьи 6, абзац первый пункта 1 статьи 394 ГК РФ).

Таким образом, как предмет, так и основание предъявленного в рамках настоящего обособленного спора требования и рассмотренного судом общей юрисдикции гражданского иска фактически совпадают.

При определении вопроса, совпадают ли стороны, необходимо исходить из того, что (как указано выше) требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является косвенным, заявляемым в интересах кредиторов основного должника, выступающих фактически материальными истцами. Таким образом, фигуры материальных истцов в части уполномоченного органа также совпадают.

Более того, Законом о банкротстве кредиторам после удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности предоставлено полномочие выбрать способ распоряжения требованием к контролируемому лицу в виде уступки кредитору части этого требования в размере требования кредитора (подпункт 3 пункта 2 статьи 61.17 Закона). Заявив прямой иск к руководителю должника о возмещении причиненного вреда вне рамок дела о банкротстве, уполномоченный орган фактически выбрал способ распоряжения частью принадлежащего ему требования. При этом наличие потенциальной возможности удовлетворить свое требование с помощью иного процессуального механизма само по себе признака тождественности второго иска не устраняет.

Из вышеизложенного следует, что суды при рассмотрении вопроса об определении размера ответственности ошибочно отклонили возражения Дьячкова В.И. о совпадении предъявленного к нему требования по предмету, основанию и сторонам с иском, ранее рассмотренным судом, в части 53 053 008,78 руб.

Доводы уполномоченного органа о солидарном характере обязательства по возмещению вреда, подтвержденного судом общей юрисдикции, и обязательства, установленного при рассмотрении спора о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, подлежат отклонению. В данном случае совпадает как личность должника, так и состав возникновения обязательства, то есть имеется одно обязательство одного должника, что исключает применение норм о солидаритете.

[Определение ВС РФ от 27.07.2020 № 305-ЭС19-13378 \(3\)](#)

При рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности надлежит учитывать, что неисполнение руководителем должника обязанности по обращению в суд заявлением о признании должника банкротом подразумевает факт обмана руководителем потенциальных кредиторов в виде сокрытия от них информации о наличии у должника признаков несостоятельности.

Не может быть привлечен к субсидиарной ответственности за неподачу указанного заявления последующий руководитель должника, вступивший в должность после подачи соответствующего заявления предыдущим руководителем и отказавшийся от него после подачи аналогичного заявления кредитором должника – потому как у него не возникло обязанности, предусмотренной ст. 9 Закона о банкротстве, и со стороны такого последующего руководителя отсутствует факт сокрытия от кредиторов реального наличия признаков банкротства.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его бывших руководителей.

Судами признано доказанным наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности Прилуцкого Г.И. – за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве.

21.08.2014 Прилуцкий Г.И. был назначен временно исполняющим обязанности генерального директора должника решением совета директоров. При этом 07.08.2014 (до назначения Прилуцкого Г.И.) должник подал заявление о собственном банкротстве, которое 18.09.2014 принято к производству.

В тот же суд 07.10.2014 поступило заявление центра (кредитора должника) о признании должника банкротом. Это заявление принято к производству определением от 18.11.2014.

В судебном заседании по первому делу о банкротстве, должник в лице руководителя Прилуцкого Г.И. представил письменное заявление об отказе от ранее поданного заявления о собственном банкротстве, в связи с чем производство по этому делу было прекращено.

Невыполнение руководителем требований статьи 9 Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о его собственном банкротстве свидетельствует, по сути, о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие

несостоятельным должником дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения. Хотя предпринимательская деятельность и не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими установленный законом режим осуществления хозяйственной деятельности.

Одним из правовых механизмов, обеспечивающих защиту кредиторов, не осведомленных по вине руководителя должника о возникшей существенной диспропорции между объемом обязательств должника и размером его активов, является возложение на руководителя субсидиарной ответственности по новым обязательствам при недостаточности конкурсной массы.

В связи с этим в пункте 2 статьи 10 Закона о банкротстве и в статье 61.12 Закона о банкротстве, законодатель презюмировал наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он

должен был публично сообщить в силу статьи 9 Закона о банкротстве, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, то есть явно неспособному передать встречное исполнение.

В настоящем деле суды установили, что 07.08.2014 (до назначения Прилуцкого Г.И. временно исполняющим обязанности генерального директора должника) должником было подано заявление о собственном банкротстве. При этом 07.10.2014 – за 2 дня до отзыва Прилуцким Г.И. упомянутого заявления, в суд уже поступило заявление центра о признании должника банкротом.

Сведения о поступлении заявления центра в суд были публично раскрыты путем размещения в общедоступной информационной системе «Картотека арбитражных дел», обеспечивающей автоматический централизованный сбор информации о движении судебных дел из арбитражных судов и представление этой информации в сети Интернет.

Таким образом, на стороне Прилуцкого Г.И. не возникла обязанность по подаче заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), поскольку указанная обязанность на момент его назначения на должность уже была исполнена предыдущим руководителем, а заявление центра о признании должника банкротом, поданное по второму (настоящему) делу о банкротстве должника, поступило в суд до прекращения первого дела о банкротстве.

Иными словами, в рассматриваемом случае отсутствовал сам факт обмана потенциальных кредиторов в виде сокрытия от них информации о наличии у должника признаков несостоятельности. При таких обстоятельствах у судов не имелось оснований для возложения на Прилуцкого Г.И. субсидиарной ответственности по обязательствам должника за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-5422 \(1, 2\)](#)

Конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего положения. Его отношения с подконтрольным ему должником не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения. Учитывая объективную сложность получения кредитором, действующим в его интересах конкурсным управляющим отсутствующих у них прямых доказательств неформальной подконтрольности, судам необходимо принимать во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных

доказательств. Бремя опровержения совокупности косвенных доказательств возлагается на контролирующее должника лицо.

В ситуации, когда масштаб деятельности должника незначителен и из единственной сделки, совершенной в предшествующий банкротству период, вытекают требования 99% требований, включенных в реестр, контролирующее должника лицо не могло не знать о местонахождении подлежащего передаче контрагенту-кредитору имущества должника, а также о факте передачи последним должнику денежных средств за имущество.

Конкурсный управляющий и конкурсный кредитор общества Гринченко Г.А. обратились в суд с заявлениями о привлечении Кряжевой О.Ю., Миронова М.А. и Шустерова В.Б. к субсидиарной ответственности по обязательствам общества в сумме 31 265 952,64 руб.

Судами апелляционной инстанции и округа отказано в части привлечения к субсидиарной ответственности Миронова М.А. и Шустерова В.Б.

Общество (продавец) и Гринченко Г.А. (покупатель) 22.03.2011 заключили договор купли-продажи деталей и элементов самолета, из которых покупатель намеревался создать самолет ЯК7УБ. Договор подряда Гринченко Г.А. (заказчик) заключил 01.03.2013 с подрядчиком – конструкторским бюро.

Впоследствии (11.06.2014) общество, единственным участником и генеральным директором которого являлась Кряжева О.Ю., обратилось к Гринченко Г.А. с требованием погасить задолженность по договору купли-продажи, сославшись на акт, согласно которому Гринченко Г.А. 22.03.2011 принял от общества все детали и элементы, необходимые для сборки воздушного судна.

Конструкторское бюро, одним из мажоритарных участников которого являлся Миронов М.А., а генеральным директором Шустеров В.Б., письмом от 03.03.2015 подтвердило получение от Гринченко Г.А. деталей и элементов самолета для выполнения подрядных работ.

В связи с тем, что Гринченко Г.А. претензию общества не удовлетворил, оно обратилось в районный суд с иском о взыскании задолженности по договору купли-продажи, а Гринченко Г.А. предъявил встречный иск о расторжении указанного договора и возмещении убытков. При рассмотрении спора суд общей юрисдикции установил, что Гринченко Г.А. не подписывал акт приема-передачи к договору купли-продажи, детали и элементы воздушного судна ему не передавались.

Суд расторг договор купли-продажи, обязал продавца возвратить покупателю полученные денежные средства в сумме 19 700 737,4 руб.

Гринченко Г.А. подал заявление о признании общества банкротом.

Решением от 10.09.2018 общество признано банкротом, открыта процедура конкурсного производства, в ходе которой конкурсный кредитор Гринченко Г.А. и

конкурсный управляющий обществом Иванова О.В. обратились в суд с заявлениями о привлечении Кряжевой О.Ю., Миронова М.А. и Шустерова В.Б. к субсидиарной ответственности.

В период с момента заключения Гринченко Г.А. первого договора – договора купли-продажи деталей и элементов самолета с обществом – и до момента возбуждения настоящего дела о банкротстве в Закона о банкротстве содержались нормы о субсидиарной ответственности контролирующую организацию - должника лиц, на случай когда их действия стали необходимой причиной банкротства.

Наличие у юридического лица номинального руководителя, формально входящего в состав его органов, но не осуществлявшего фактическое управление, не является основанием для освобождения от ответственности фактического руководителя, оказывающего влияние на должника в отсутствие соответствующих формальных полномочий (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ). В этом случае, по общему правилу, номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность солидарно: необходимой причиной банкротства выступают как бездействие номинального руководителя, уклонившегося от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями, обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом, так и действия фактического руководителя, оказавшего непосредственное влияние на имущественную сферу должника (абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

Суд первой инстанции установил, что Кряжева О.Ю. была номинальным руководителем и участником общества. Эти выводы суда первой инстанции не опровергнуты судом апелляционной инстанции. Из номинального характера взаимоотношений Кряжевой О.Ю. и общества следует, что у общества имелся иной, неформальный координирующий центр.

Рассматривая вопрос о том, являлся ли этим центром Миронов М.А., суды апелляционной инстанции и округа, по сути, сочли, что контроль Миронова М.А. должен быть подтвержден прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные обществу, относительно его деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего положения. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

Учитывая объективную сложность получения кредитором, действующим в его интересах конкурсным управляющим отсутствующих у них прямых доказательств

неформальной подконтрольности, суд первой инстанции правильно принял во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств.

Так, суд первой инстанции установил, что Миронов М.А. состоит в отношениях свойства с Кряжевой О.Ю. (женат на ее сестре). Кряжева О.Ю. в действительности работала администратором на базе отдыха в акционерном обществе «Комплект». Она номинально числилась единоличным исполнительным органом не только общества, но и ряда других организаций, участником которых являлся Миронов М.А. Общество эксплуатировало взлетно-посадочную площадку малой авиации, расположенную на земельном участке, принадлежащем Миронову М.А. В договорные отношения с обществом Гринченко Г.А. вступил по предложению Миронова М.А., последний принял от Гринченко Г.А. часть денежных средств в счет оплаты по сделке, направлял ему отчеты о ходе работ по созданию самолета.

Заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяли признать убедительными их аргументы о возникновении связанной группы лиц (общество – Кряжева О.Ю. – Миронов М.А.), подконтрольной Миронову М.А. В силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного перешло на Миронова М.А. Именно он должен был обосновать независимый характер своих отношений с обществом и Гринченко Г.А. Таких доказательств Миронов М.А. не предоставил.

Особенность рассматриваемого дела, как установил суд первой инстанции, заключается в том, что единственной сделкой, совершенной в предшествующий банкротству период и существенно повлиявшей на судьбу общества, являлся договор с Гринченко Г.А., неисполнение обязательств по которому привело к банкротству общества. Сумма требований Гринченко Г.А. составляет 99,9 процента от совокупного размера задолженности общества перед всеми кредиторами. Данные выводы суда первой инстанции не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа.

В свою очередь, неисполнение обязательств перед Гринченко Г.А. не было обусловлено какими-либо объективными обстоятельствами, в том числе внешними факторами, оно не может быть объяснено рискованной деятельностью.

Так, суд первой инстанции установил, что Гринченко Г.А. в счет оплаты по договору передал наличные денежные средства в сумме эквивалентной 19 700 737,4 руб., часть которых была получена лично Мироновым М.А. Однако данные средства не поступили ни на расчетный счет общества, ни в его кассу. Возражения Миронова М.А., изложенные в отзыве на кассационную жалобу, сводятся к тому, что суд общей юрисдикции взыскал указанную сумму с общества, а следовательно, именно оно ее и получило. Вместе с тем действия по принятию денежных средств, совершенные представителями, в том числе теми, полномочия которых вытекали из обстановки,

являются в силу пункта 1 статьи 182 ГК РФ действиями представляемого, что позволило осуществить взыскание с общества. Такое взыскание не предрешает вопрос о том, как принявшие исполнение представители распорядились полученным.

Доказательств расходования переданной Гринченко Г.А. суммы на нужды должника не имеется. Одновременно суд первой инстанции установил, что должнику на праве собственности принадлежали транспортные средства – бензовоз и самолет Як-30, обнаружить которые не смог ни конкурсный управляющий, ни судебный пристав - исполнитель.

Если бы денежные средства, полученные от Гринченко Г.А., поступили обществу и из его владения не были бы транспортные средства, общество смогло бы рассчитаться с кредиторами и не впасть в состояние объективного банкротства.

Учитывая незначительный масштаб деятельности общества, Миронов М.А. не мог не знать о том, где фактически находятся транспортные средства должника. Установленные судом первой инстанции факты получения им денег, направления Гринченко Г.А. по электронной почте писем, смет, планов-графиков, сводных ведомостей и отчетов, касающихся выполнения работ по сборке самолета, создающих у заказчика видимость исполнения договора, а также номинальный статус его свояченицы Кряжевой О.Ю. не позволяют прийти к выводу о том, что денежные средства Гринченко Г.А. были израсходованы вопреки решениям Миронова М.А.

С учетом изложенного, у судов апелляционной инстанции и округа не имелось оснований для освобождения Миронова М.А. от ответственности.

Как уже отмечалось, при привлечении к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Установлено соучастие Шустерова В.Б. в совершении действий, приведших к банкротству общества, в том числе действий, направленных на непоступление обществу денежных средств Гринченко Г.А. и уклонение от проведения расчетов с данным кредитором.

Так, суд установил, что Шустеров В.Б. был руководителем конструкторского бюро – организации, использованной Мироновым М.А. для создания видимости сборки самолета Гринченко Г.А. Шустеров В.Б., наряду с Мироновым М.А., принимал денежные средства от Гринченко Г.А. При рассмотрении спора в суде общей юрисдикции конструкторское бюро предоставило письмо, подписанное Шустеровым В.Б., в котором изложило явно не соответствующие действительности сведения о том, что бюро получило от Гринченко Г.А. детали и узлы самолета, проданные обществом.

Действия Миронова М.А. и Шустерова В.Б. являлись согласованными, скоординированными, направленными на реализацию общего незаконного

намерения. Следовательно, Шустеров В.Б. на основании абзаца первой статьи 1080 ГК РФ как сопричинитель вреда подлежал солидарному привлечению к субсидиарной ответственности.

Номинальным руководителем общества и его номинальным 100- процентным участником являлась Кряжева О.Ю. Все время пока она числилась контролирующим лицом Миронов М.А. имел возможность определять действия общества. Само по себе обстоятельство, что в 2014 году общество перестало вести хозяйственную деятельность, не свидетельствует о переходе контроля над ним к каким-то иным лицам.

[Определение ВС РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180](#)

Одним из условий удовлетворения требований кредиторов о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих ликвидированного должника, является установление того обстоятельства, что долги организации перед кредиторами возникли из-за неразумности и недобросовестности ответчиков. Само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности.

Подобного рода ответственность не может и презюмироваться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа. При разрешении такого рода споров истец должен доказать, что невозможность погашения долга перед ним возникла по вине ответчика в результате его неразумных либо недобросовестных действий.

При рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке, не подлежат применению нормы Закона о банкротстве, т.к. в отношении лица дело о банкротстве не возбуждалось.

Общество (заемщик) не исполнило надлежащим образом свои обязательства перед обществом «МКК ОТС Кредит» (компания, заимодавец) в рамках договора займа от 28.09.2016, заключенного для обеспечения заявки на участие в открытом аукционе, что установлено вступившим в законную силу решением от 23.03.2017.

Указанным судебным актом с общества в пользу компании взыскано 825 000 руб. долга и 603 466,26 руб. суммы процентов, неустойки, судебных расходов.

Во исполнение решения от 23.03.2017 компании выдан исполнительный лист, который взыскателем был направлен в банк. Задолженность должником не погашена.

На основании решения инспекции ФНС от 21.09.2018 общество было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо.

Учредителем и генеральным директором общества являлся гражданин Минаев Е.И.

Общество «ОТС-Кредит» (далее – истец), обратилось в суд с иском к Минаеву Е.И. о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам общества и взыскании с Минаева Е.И. 1 428 466,26 руб.

Для кредиторов юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», законодателем предусмотрена возможность

защитить свои права путем предъявления исковых требований к лицам, указанным в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 ГК РФ (лицам, уполномоченным выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица), о возложении на них субсидиарной ответственности по долгам ликвидированного должника. Соответствующие положения закреплены в пункте

3.1 статьи 3 Закона об обществах.

Согласно указанной норме одним из условий удовлетворения требований кредиторов является установление того обстоятельства, что долги общества с ограниченной ответственностью перед кредиторами возникли из-за неразумности и недобросовестности лиц, указанных в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 ГК РФ.

Само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Закона об обществах.

Кроме того, из принципов ограниченной ответственности и защиты делового решения (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»; далее – постановление Пленума № 53) следует, что подобного рода ответственность не может и презюмироваться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Закона о государственной регистрации. При разрешении такого рода споров истец должен доказать, что невозможность погашения долга перед ним возникла по вине ответчика в результате его неразумных либо недобросовестных действий.

Однако в рассматриваемом случае конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика как руководителя и учредителя должника и тем, что долг перед

кредитором не был погашен, всеми судами не устанавливались. Вопрос о наличии или отсутствии признаков неразумности или недобросовестности в действиях ответчика судами также не исследовался.

Так, в материалы дела представлены: протокол от 06.10.2016 № 7805/700 подведения итогов электронного аукциона на поставку 3Д принтера, согласно которому общество было признано победителем электронного аукциона, в связи с тем, что его заявка на участие признана соответствующей требованиям, установленным документацией, и им была предложена наиболее низкая цена контракта – 163 350 000 руб., а также сведения об участии общества в иных аукционах. Вместе с тем, судом первой инстанции не исследовались вопросы заключения с обществом (поставщик) контракта по результатам электронного аукциона и исполнения сторонами указанного контракта (поставка товара и его оплата покупателем); не проверялось участие общества в других аукционах, заключение и исполнение им иных контрактов.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, который установил вину ответчика в том, что им не было подано заявление о банкротстве должника, с указанием на утраченную возможность выявить имущество должника, необоснованно применил к спорным правоотношениям положения Закона о банкротстве.

В соответствии с положениями статьи 61.14 Закона о банкротстве, учитывая разъяснения, приведенные в пунктах 27-31 постановления Пленума № 53, наличие права на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61.11-61.13 Закона о банкротстве, связано с наличием в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, в том числе и после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве. Однако в отношении общества какой-либо процедуры банкротства не применялось, оно исключено из ЕГРЮЛ в административном порядке по правилам статьи

Закона о государственной регистрации.

[Определение ВС РФ от 03.09.2020 № 304-ЭС19-25557 \(3\)](#)

Кредиторы, заявляющие о необходимости привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, не могут предоставить прямые доказательства фактического контроля лица над должником, в связи с чем необходимо исследовать совокупность косвенных доказательств фактического контроля. Таковыми могут служить: показания контрагентов, не связанных с группой лиц, в которую входит должник, о том, что конкретное лицо общалось с контрагентом

от имени должника; свободное перемещение значительных денежных сумм от должника другому участнику группы, подконтрольного также конкретному лицу, в отсутствие реальных экономических отношений; использование привлекаемым к ответственности лицом денежных средств должника как своих собственных, систематическое игнорирование данным

бенефициаром сущности конструкции коммерческой организации, предполагающей имущественную обособленность названного субъекта, извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный кредитор – общество «Де Хес» – обратился в суд с заявлением о привлечении Головачева С.А. к субсидиарной ответственности.

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Головачев С.А. являлся единственным участником должника с момента его учреждения (04.04.2014) и до 11.12.2014. После этого единственным участником должника стало общество «Группа Синергия», мажоритарным акционером которого был Головачев С.А.

В процедуре конкурсного производства общество «Де Хес» обратилось в суд с заявлением о привлечении Головачева С.А. к субсидиарной ответственности.

В период с момента заключения первой сделки, положенной в обоснование требования о привлечении к субсидиарной ответственности, и до момента возбуждения настоящего дела о банкротстве сначала в пункте 4 статьи 10, а затем в пункте 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве содержались нормы о субсидиарной ответственности контролирующей организацию-должника лиц в случае, когда их действия стали необходимой причиной банкротства.

Суд первой инстанции установил, что Головачев С.А. контролировал должника сначала непосредственно, а затем через подконтрольное ему общество «Группа Синергия».

В целом ряде обособленных споров, рассмотренных в рамках настоящего дела, судами установлено, что Головачев С.А. являлся конечным бенефициаром холдинга, в который входили должник, общества

«Группа Синергия», «Агрофирма Омская», «Свинокомплекс Ударный» и другие организации.

Убыточный характер первой и второй групп сделок для должника установлен судом первой инстанции, подтвержден судебными актами по обособленным спорам об их оспаривании, вступившими в настоящее время в законную силу, и не опровергнут Головачевым С.А. в рамках настоящего спора.

Как верно указал суд первой инстанции, учитывая объективную сложность получения кредитором отсутствующих у него прямых доказательств дачи бенефициаром указаний относительно совершения тех или иных сделок, направленных на выведение из оборота должника денежных средств, должны приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, анализ поведения вовлеченных в спорные отношения субъектов.

В данном случае суд первой инстанции, не ограничиваясь рассмотрением вопроса об убыточности для должника самих сделок, проанализировал доказательства, подтверждающие с высокой степенью вероятности принятие решений об их совершении лично Головачевым С.А.:

объяснения Артемова А.А. – контрагента должника, не связанного с Головачевым С.А. и его холдингом, относительно того, что должник всегда ассоциировался у него с Головачевым С.А., последний лично давал пояснения о платежах должника в пользу Артемова А.А.;

свободное перемещение значительных сумм (первая группа сделок) от подконтрольного Головачеву С.А. должника в другие организации холдинга, также подконтрольные ему (в частности, в общества «Группа Синергия», «Агрофирма Омская», «Свинокомплекс Ударный»), в отсутствие между ними реальных экономических отношений, без встречного предоставления, имея ввиду обычную деловую практику, согласно которой существенные применительно к масштабам деятельности холдинга внутригрупповые перемещения активов не осуществляются без решения конечного бенефициара;

использование Головачевым С.А. по мере необходимости денежных средств должника (вторая группа сделок) как своих собственных, систематическое игнорирование данным бенефициаром сущности конструкции коммерческой организации, предполагающей имущественную обособленность названного субъекта, извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности (пункт 1 статьи 48, пункт 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Кредитор привел достаточно серьезные доводы и представил существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными его аргументы о контроле Головачева С.А. за процедурой совершения сделок, поэтому в силу статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации бремя доказывания обратного перешло на привлекаемое к ответственности лицо. Таких доказательств Головачев С.А. не представил.

[Определение ВС РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760](#)

Для определения обстоятельств фактического контроля над должником суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной

ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, то такое лицо подлежит признанию контролирующим должника. При этом суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством.

Неоднократное (системное) воспроизведение одних и тех же результатов хозяйственной деятельности у последовательно сменяющих друг друга производственных единиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы в виде накопления значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами с периодическим направлением этой единицы в процедуру банкротства для списания долгов и созданием новой, не обремененной долгами – указывает на цикличность бизнес процессов внутри группы с заведомым разделением предпринимательской деятельности на убыточные и прибыльные центры. Такую деятельность нельзя признать добросовестной, поскольку она причиняет вред независимым кредиторам и создает для корпоративной группы необоснованные преимущества, которые ни один участник соответствующего рынка, находящийся в схожих условиях, не имел бы.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий и уполномоченный орган обратились с заявлениями о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

Нижестоящими судами в удовлетворении заявленных требований отказано.

При разрешении спора суды установили, что ответчики Можайтов А.Р. и Герасимова М.Т. являются контролирующими должника лицами, поскольку Можайтов А.Р. с 27.04.2009 по 12.08.2014 (дата вступления в силу решения суда о его дисквалификации) исполнял обязанности генерального директора должника, а Герасимова М.Т. с 05.07.2012 являлась владельцем 8 акций должника, составляющих 80% его уставного капитала.

Обращаясь с исковыми требованиями, конкурсный управляющий и уполномоченный орган ссылались на совершение ответчиками с 2011 года по 2014 год действий, повлекших банкротство должника.

Поскольку субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью ответственности гражданско-правовой, материально-правовые нормы о порядке привлечения к данной ответственности применяются на момент совершения вменяемых ответчикам действий (возникновения обстоятельств,

являющихся основанием для их привлечения к ответственности (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006).

Следовательно, в данном случае подлежали применению положения Закона о банкротстве в редакции Федеральных законов от 28.04.2009 № 73-ФЗ, от 28.06.2013 № 134-ФЗ. В связи с этим суды верно указали, что предусмотренная подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве презумпция контроля над должником у лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в рассматриваемом случае не применима, подобная презумпция в предыдущих редакциях Закона отсутствовала.

Однако это не означает, что при доказывании в общем порядке (статья 65 АПК РФ) наличия контроля у лица, не имеющего формально-юридических полномочий давать должнику обязательные для исполнения указания, истец лишен возможности ссылаться на приведенные в упомянутой презумпции обстоятельства. Несмотря на то, что подобные факты применительно к рассматриваемому периоду не образуют презумпцию контроля, суд должен дать им правовую оценку в контексте всей совокупности обстоятельств, установленных по обособленному спору, тем более, что на данные обстоятельства ссылался участник судебного спора.

По смыслу пунктов 4, 16 постановления № 53 осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности. Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и (или)

юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, то такое лицо подлежит признанию контролирующим должника. При этом суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством.

Должник и компания входят в корпоративную группу, которая занимается производством и сбытом горнодобывающего и горнообогатительного оборудования.

Как отмечала ФНС, показатели чистого денежного потока межгрупповых отношений свидетельствуют о недостаточности разницы между доходной и расходной частями корпоративного взаимодействия, в том числе на затратную часть фонда оплаты труда.

Согласно позиции, изложенной в определении № 305-ЭС19-10079, судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин несостоятельности должника. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков. И напротив, отказ в иске указывает на то, что в основе несостоятельности лежат иные обстоятельства, связанные с объективными рыночными факторами, либо что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риску не принесла желаемых результатов.

В данном случае судам надлежало по существу исследовать приведенные уполномоченным органам доводы, поскольку они указывали на искусственный характер возникновения у должника имущественного кризиса. Если названные доводы уполномоченного органа соответствуют действительности, то это может означать следующее. Фактически в корпоративной группе Рудгормаш была реализована бизнес-модель, предполагающая получение должником выручки от осуществляемой им деятельности значительно ниже того, на что он вправе был бы рассчитывать в рамках рыночных отношений. Несмотря на то, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12), с точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, то есть когда поступления в имущественную массу должника становятся ниже его кредиторской нагрузки.

Неоднократное (системное) воспроизведение одних и тех же результатов хозяйственной деятельности у последовательно сменяющих друг друга производственных единиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы в виде накопления значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами (в данном случае – перед уполномоченным органом по обязательным платежам) с периодическим направлением этой единицы в процедуру банкротства для списания долгов и созданием новой, не обремененной долгами – указывает на цикличность бизнес процессов внутри группы с заведомым разделением предпринимательской деятельности на убыточные (ЗАО «РудГорМаш», должник) и прибыльные (компания) центры. По крайней мере, ответчики не ссылались на то, что имеется иное рациональное объяснение совокупности действий, систематически приводящих к одним и тем же последствиям. Такую деятельность нельзя признать

добросовестной, поскольку она причиняет вред независимым кредиторам и создает для корпоративной группы необоснованные преимущества, которые ни один участник соответствующего рынка, находящийся в схожих условиях, не имел бы. В данном случае преимущества выразились в отсутствии необходимости уплачивать обязательные платежи.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении не может быть проигнорирована сущность конструкции юридического лица, предполагающая имущественную обособленность этого субъекта, его самостоятельную ответственность (статьи 48, 56 Гражданского кодекса Российской Федерации), наличие у участников корпорации и иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой дискреции при принятии (согласовании) управленческих решений в сфере бизнеса. В то же время контролирующие и действующие с ними совместно лица не вправе злоупотреблять привилегиями, которые предоставляет возможность ведения бизнеса через юридическое лицо, намеренно причиняя вред независимым участникам оборота (статья 10 ГК РФ). Если доводы уполномоченного органа соответствовали действительности, необходимо признать, что описанная бизнес-модель группы Рудгормаш

выходит за пределы предпринимательского риска и подтверждает подобное злоупотребление корпоративной формой.

[Определение ВС РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837](#)

Решая вопрос о том, какие обязательства могут быть отнесены к периоду с момента истечения срока на подачу заявления о банкротстве до даты возбуждения дела, на судах лежит задача попредметно проанализировать положенные в основание требований к должнику сделки, принимая во внимание правовую природу соответствующих обязательств, в связи с чем определять, относится ли возникновение требования к спорному периоду либо нет, учитывая, что срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства: требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет.

При этом неплатежеспособность не может устанавливаться в рамках проведения экспертизы, так как с точки зрения законодательства о банкротстве, является юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и проч.

2. Не может рассматриваться как основание для привлечения к субсидиарной ответственности заключение контролирующим должника лицом договора с иным лицом, аффилированным к КДЛ в том случае, если требования, вытекающие из такой спорной сделки, ранее были включены в реестр требований кредиторов должника.

3. Требование о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле принадлежит независимым от должника кредиторам, является исключительно их средством защиты. Предъявление подобного иска аффилированными по отношению к должнику лицам, чьи требования включены в реестр, по существу может быть расценено как попытка последних компенсировать последствия своих неудачных действий по вхождению в капитал должника и инвестированию в его бизнес. В то же время механизм привлечения к субсидиарной ответственности не может быть использован для разрешения корпоративных споров.

В рамках дела о банкротстве общества кредиторы Кругляков А.И. и ЗАО НПК «Геотехнология» обратились с заявлениями о привлечении бывшего руководителя должника Кузина Н.С. и его участника Кузина С.А. к субсидиарной ответственности.

Заявления удовлетворены нижестоящими судами.

Кузин Н.С. являлся генеральным директором общества в период с 29.11.2011 по 10.12.2015 (дата открытия конкурсного производства). Кроме того, ему принадлежит 8,5 % в уставном капитале должника. Кузину С.А. принадлежит 51 % в уставном капитале общества.

Несвоевременное обращение с заявлением о банкротстве должника.

Как указали суды, с учетом возникновения признаков неплатежеспособности 24.07.2013 руководитель должника был обязан обратиться с заявлением о банкротстве не позднее 24.08.2013, что им сделано не было. В связи с этим суды сочли, что Кузины подлежат привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам, возникшим за период, начиная с последней из указанных дат до возбуждения дела о банкротстве (12.11.2015). При расчете соответствующей задолженности суды сослались на договоры, заключенные в период с 2008 года по 2014 год.

Вместе с тем из установленных судами обстоятельств дела следует, что основная часть обязательств возникла до 24.08.2013. Тем самым суды фактически квалифицировали срок возникновения обязательства в качестве срока его исполнения, ошибочно смешав названные понятия. Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 303-ЭС17-2748, срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства. Требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет. Таким

образом, решая вопрос о том, какие обязательства могут быть отнесены к периоду с момента истечения срока на подачу заявления о банкротстве до даты возбуждения дела, на судах лежит задача по предметно проанализировать положенные в основание требований к должнику сделки, принимая во внимание правовую природу соответствующих обязательств, и с учетом этого определять, относится ли возникновение требования к спорному периоду либо нет.

Необходимо также отметить, что ссылаясь на возникновение неплатежеспособности с 24.07.2013, суды опирались на результаты судебной экспертизы по соответствующему вопросу. Однако неплатежеспособность, с точки зрения законодательства о банкротстве, является юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и проч. По смыслу положений арбитражного процессуального законодательства перед экспертом может быть поставлен только вопрос факта (в данном случае оценка финансового состояния должника), в то время как установление признаков неплатежеспособности относится к вопросам права, в силу чего основанный исключительно на заключении судебной экспертизы вывод судов о неплатежеспособности должника, начиная с 24.07.2013, является также ошибочным.

II. Невозможность погашения требований кредиторов.

Признавая доказанным наличие оснований для привлечения Кузиных к ответственности за невозможность погашения требований кредиторов, суды сослались на три ключевых обстоятельства: во-первых, на факт выдачи должником поручительства за аффилированное с Кузиным С.А. лицо; во-вторых, на факт реализации самому обществу частей принадлежащих Кузиным долей по завышенной цене; и в-третьих, на искажение данных отчетности должника.

Однако в отношении первого обстоятельства суды не учли, что постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 01.08.2017 по настоящему делу требования, основанные на спорном договоре поручительства, включены в реестр. При этом судом округа в данном постановлении сделан вывод об отсутствии оснований полагать, что договор поручительства является недействительным, в частности мнимым (страница 9 постановления). Таким образом, с учетом положений статей 16 и 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации названный договор не мог быть противопоставлен Кузиным в рамках иска о привлечении их к субсидиарной ответственности, так как судами ранее не была усмотрена недобросовестность в поведении органов управления общества при заключении этого договора (применительно к абзацу пятому пункта 23 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53

«О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53).

В отношении сделок по продаже самому обществу частей долей в уставном капитале судами в нарушение положений статей 168, 170, 271 и 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не приведены мотивы, по которым суды отклонили возражения ответчиков (приводимые на всем протяжении рассмотрения обособленного спора). В частности, ответчики обращали внимание судов на то, что, во-первых, сделки по продаже долей самому должнику по аналогичной цене были заключены со всеми участниками общества, а не только с Кузиными; и во-вторых, фактическая оплата со стороны должника за указанные доли не осуществлялась: в обществе не велась касса, при этом исходя из данных по выписке с расчетного счета соответствующие перечисления денежных средств в адрес продавцов не осуществлялись. Однако суды в нарушение положений процессуального законодательства фактически проигнорировали названные доводы, не выяснив, действительно ли должнику и его кредиторам от упомянутых сделок был причинен вред.

В отношении искажения данных отчетности должника. Делая вывод, что записи в отчетности должника носили формальный характер и не отражали реальное положение дел, суды вопреки разъяснениям абзаца четвертого пункта 24 постановления № 53 не указали, как названный факт повлиял в негативную сторону на проведение процедур банкротства с учетом того, что сами суды признали состоявшейся передачу конкурсному управляющему всей документации о хозяйственной деятельности должника.

III. Корпоративный конфликт.

При рассмотрении спора Кузины ссылались на то, что в обществе имеет место корпоративный конфликт между группой Кузиных и группой Кругляковых, при этом более 90% требований кредиторов, включенных в реестр, принадлежит сторонам данного конфликта. По мнению Кузиных, предъявление иска о привлечении их к субсидиарной ответственности является средством давления в рамках имеющегося спора между участниками общества.

Позиция Кузиных об аффилированности Кругляковых была основан на совокупности следующих обстоятельств: участник общества (Кругляков Антон), а также лицо, являющееся одним из его основных кредиторов (Кругляков Алексей), имеют одни и те же фамилии и отчества (Кругляков и Игоревич); Кругляков Антон и Кругляков Алексей наряду с Кругляковым Игорем входили в совет директоров другого крупного кредитора должника – ЗАО НПК «Геотехнология»; от имени этого крупного кредитора договор займа с

должником подписывал участник должника (Кругляков Антон); неаффилированный, по свидетельству истцов, с ЗАО НПК «Геотехнология» Кругляков Антон, в то же самое время являлся директором по экономике и финансам в данной организации; Кругляков Алексей и ЗАО НПК «Геотехнология» стали предоставлять должнику займы только после вхождения Круглякова Антона в состав участников общества в 2011 году, соответственно, требования названных кредиторов не возникли бы, будь они не аффилированными лицами по отношению к должнику через его участника Круглякова Антона и проч.

Столь значительное количество совпадений не может быть объяснено обычной случайностью и стечением обстоятельств. Совокупность приведенных доводов и отсутствие иных рациональных объяснений позволяли прийти к выводу о том, что наиболее вероятный вариант развития событий заключается в наличии между названными лицами, как минимум, фактической аффилированности, что обуславливает как существование у них общих экономических интересов, так и занятие единой, согласованной и скоординированной процессуальной стратегии в рамках настоящего дела о банкротстве.

Если доводы об имеющемся в обществе корпоративном конфликте соответствуют действительности, то судам необходимо было исходить из следующего.

Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3), иск о привлечении к субсидиарной ответственности является групповым косвенным иском, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства.

Наряду с конкурсным оспариванием (которое так же осуществляется посредством предъявления косвенного иска) институт субсидиарной ответственности является правовым механизмом защиты нарушенных прав конкурсных кредиторов, возмещения причиненного им вреда.

В отношении конкурсного оспаривания судебной практикой выработано толкование, согласно которому при разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые (определения Судебной коллегии по экономическим спорам

Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155, от 26.08.2020 № 305-ЭС20- 5613).

Равным образом при разрешении требования о привлечении к субсидиарной ответственности интересы кредиторов противопоставляются лицам, управлявшим должником, контролировавшим его финансово-хозяйственную деятельность. Таким образом, требование о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле принадлежит независимым от должника кредиторам, является исключительно их средством защиты. (Именно поэтому в том числе абзац третий пункта 11 статьи

61.11 Закона о банкротстве в настоящее время устанавливает правило, согласно которому в размер субсидиарной ответственности не включаются требования, принадлежащие ответчику либо заинтересованным по отношению к нему лицам).

Если Кругляковы полагали, что Кузины как их партнеры по бизнесу действовали неразумно или недобросовестно по отношению к обществу, то они не были лишены возможности прибегнуть к средствам защиты, имеющимся в арсенале корпоративного (но не банкротного) законодательства, в частности, предъявление требований о взыскании убытков, исключении из общества, оспаривание сделок по корпоративным основаниям и проч.

Таким образом, вопрос о связанности Круглякова Алексея и ЗАО НПК «Геотехнология» с Кругляковым Антоном (участником должника) имел существенное значение для определения взаимного статуса участников процесса по отношению друг к другу и правильного разрешения спора, однако суды данные обстоятельства не выяснили.

[Определение ВС РФ от 10.12.2020 № 305-ЭС20-11412](#)

При рассмотрении заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности ошибочно отождествлять неплатежеспособность должника с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Данное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

По смыслу п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей в спорный период) и разъяснений, данных в п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве", при исследовании совокупности

обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной названной нормой, следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

Устанавливая момент, с которым Закон о банкротстве связывает обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь оценкой сведений, содержащихся в представленном в материалы дела реестре требований кредиторов должника. Согласно данным сведениям у должника имеются неисполненные обязательства по договору субподряда, подтвержденные вступившим в законную силу судебным актом. Учитывая обстоятельства данного дела, суды сочли, что признаки неплатежеспособности возникли у должника по истечении предусмотренного упомянутым договором гарантийного срока после подписания актов о приемке выполненных работ.

Согласно абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве для целей данного Закона под неплатежеспособностью понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств.

В рассматриваемом случае суды ошибочно отождествили неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Данное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве.

В то же время установление момента возникновения обязанности по обращению в суд с таким заявлением напрямую связано с определением размера

субсидиарной ответственности руководителя, которая по общему правилу ограничивается объемом обязательств перед кредиторами, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

В своих возражениях Трошанов Д.С. в том числе ссылаясь на то, что в спорный период общество осуществляло нормальную хозяйственную деятельность, о чем свидетельствует имеющаяся в материалах дела бухгалтерская отчетность. Признаки неплатежеспособности появились только в 2015 году в связи с отказом крупных заказчиков от исполнения договоров и оплаты оказанных услуг. В период 2012 - 2014 годов общество производило расчеты с поставщиками и подрядчиками в размере, многократно превышающем упомянутую задолженность перед обществом "СМР-Система", которая образовалась в результате наличия спора о качестве выполненных по договору субподряда работ, а не в связи с недостаточностью денежных средств.

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 309-ЭС20-10487](#)

Конкурные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица, в то время как вывод суда округа о выплате таких мораторных процентов до погашения зарегистрированных требований является ошибочным.

Оплата мораторных процентов производится после полного погашения требований кредиторов должника, включённых в реестр требований кредиторов и после погашения требований кредиторов, чьи требования учтены за реестром, в том числе после погашения в полном объёме требований в части суммы неустоек, пеней, штрафов и иных санкций.

Как верно отметили суды первой и апелляционной инстанций, субсидиарная ответственность по обязательствам должника является формой ответственности контролирующего должника лица за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица – неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства.

Размер субсидиарной ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица определен в п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве (п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве в предыдущей редакции) и равен совокупному размеру требований кредиторов, включённых в реестр требований кредиторов, а также

заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, в размер субсидиарной ответственности включается размер непогашенных требований кредиторов, что и является предполагаемым объемом вреда, который причинён контролирующим должника лицом.

В рассматриваемом случае вступившим в законную силу судебным актом размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица установлен без учета задолженности по мораторным либо иным процентам.

Следовательно, состав требований, подлежащих включению в размер этой ответственности, не может быть пересмотрен при рассмотрении настоящего обособленного спора, в связи с чем вопрос о включении в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица процентов, штрафов, пеней, начисленных на сумму основного долга за период после введения первой процедуры банкротства, необходимость (возможность) взыскания которых прямо не установлена в вышеуказанных нормах права, не является предметом настоящего рассмотрения.

После удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности ст.

61.17 Закона о банкротстве кредиторам предоставлено полномочие выбрать способ распоряжения требованием к контролирующему лицу.

Указанная норма закона, устанавливающая механизм распоряжения кредиторами правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности, имеет процессуальный характер и подлежит применению с момента вступления в силу независимо от применения редакции нормы Закона о банкротстве, устанавливающей материальные основания для привлечения к субсидиарной ответственности (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и абз. 3 п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Согласно п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве кредитор, в интересах которого лицо привлекается к субсидиарной ответственности, вправе направить арбитражному управляющему заявление о выборе одного из следующих способов распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности: взыскание задолженности по этому требованию в рамках процедуры, применяемой в деле о

банкротстве; продажа этого требования по правилам Закона о банкротстве; уступка кредитору части этого требования в размере требования кредитора.

В соответствии с п. 4 ст. 61.17 Закона о банкротстве, на основании отчета арбитражного управляющего, предусмотренного п. 3 ст. 61.17 Закона о банкротстве, арбитражный суд после истечения срока на подачу апелляционной жалобы или принятия судом апелляционной инстанции соответствующего

судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности производит замену взыскателя в части соответствующей суммы на кредиторов, выбравших способ, предусмотренный подп. 3 п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве, и выдает на имя каждого такого кредитора как взыскателя исполнительный лист с указанием размера и очередности погашения его требования в соответствии со ст. 134 Закона о банкротстве.

Применительно к рассматриваемой ситуации, при подходе, занятом судом округа и исходящем из сохранения общей очередности удовлетворения требований кредиторов должника за счёт ~~суд~~ поступивших от взыскания субсидиарной ответственности, объем причитающегося кредитору, заявившему требования после закрытия реестра, будет различаться в зависимости от способа (процедуры) взыскания. Так, такой кредитор, избравший способ распоряжения принадлежащим ему правом требования в виде уступки, предусмотренной подп. 3 п. 2 ст. 61.17 Закона о банкротстве, получит фактическое удовлетворение. И наоборот, тот же кредитор, доверивший получение исполнения по своему требованию конкурсному управляющему должником – профессиональному антикризисному менеджеру – может остаться без его удовлетворения, несмотря на то, что оно вошло в состав субсидиарной ответственности и признано судом законным и обоснованным.

По убеждению судебной коллегии, выбор кредитором того или иного способа распоряжения своим правом, что относится к реализации процессуальных полномочий, не должен влиять на размер его удовлетворения и не может являться основанием для удовлетворения требований одних кредиторов за счет других.

Таким образом, судебная коллегия соглашается с выводом суда апелляционной инстанции о том, что конкурные кредиторы имеют право на получение мораторных процентов, не взысканных в составе субсидиарной ответственности за счет контролирующего лица, если конкурсная масса должника позволяет осуществить такую выплату, то есть установлена достаточность имущества самого должника, а не привлеченного к ответственности контролирующего лица, в то время как вывод суда округа о выплате таких мораторных процентов до погашения зарегистрированных требований является ошибочным.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве

[Определение ВС РФ от 08.05.2019 № 305-ЭС18-25788 \(2\)](#)

При рассмотрении заявления о включении в реестр требования аффилированного кредитора, судам надлежит применить еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве. Такой кредитор должен исключить любые разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых.

Если требование кредитора основано на договоре о разработке какой-либо компьютерной программы/комплекса, необходимо учитывать, что копии договора, календарный план выполнения работ, техническое задание, акты сдачи-приемки выполненных работ, акты сверки и т.д. сами по себе без установления обстоятельств, подтверждающих разработку и внедрение компьютерного комплекса, могут быть недостаточны для вывода об обоснованности требований кредитора.

В рамках дела о банкротстве должника судами первой инстанции и округа требования общества «Корпоративный Университет Инжиниринга» в размере 27 397 360,90 руб. признаны обоснованными и включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Судебная коллегия считает, что указанные судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 10.06.2016 между должником (заказчиком) и кредитором (исполнителем) заключен договор от 10.06.2016, по условиям которого исполнитель обязался выполнить работы по разработке «Компьютерного тренажерного комплекса для обучения персонала», а заказчик обязался оплатить выполненные работы в размере 28 630 985,79 руб.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из доказанности наличия задолженности должника перед кредитором в заявленном размере. В частности, суд указал, что задолженность подтверждается копиями договоров, актами, приложениями, календарным планом и иными документами.

В кассационной жалобе, рассмотренной судом округа, общество «НПП ОЗНА-Инжиниринг» приводило доводы о том, что требования общества «Корпоративный Университет Инжиниринга» не отвечают свойству реальности. В обоснование своих доводов общество «НПП ОЗНА-Инжиниринг» указывало на ряд обстоятельств:

кредитор и должник являются аффилированными лицами, контролируруемыми одним лицом; в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о разработке кредитором компьютерного тренажерного комплекса (не были представлены доказательства передачи мануала по тренажеру, DVD диск с «билд» тренажера и документацией, предусмотренные заданием на выполнение работ, а также предусмотренные договором протокол проведения испытаний, на основании которого подписывается акт приемки-передачи); отсутствуют доказательства создания должником технологической установки по производству серы, на основании которой производилась разработка компьютерного тренажерного комплекса, имитирующего ее работу; кредитор не обладает необходимой компетенцией и ресурсами в области разработки компьютерных тренажерных комплексов.

В делах о банкротстве установлен повышенный стандарт доказывания при рассмотрении заявления кредитора о включении в реестр, то есть установление обязанности суда проводить более тщательную проверку обоснованности требований по сравнению с обычным общеисковым гражданским процессом. На практике это означает, что суды должны проверять не только формальное соблюдение внешних атрибутов документов, которыми кредиторы подтверждают обоснованность своих требований, но и оценивать разумные доводы и доказательства (в том числе косвенные как в отдельности, так и в совокупности), указывающие на пороки сделок, цепочек сделок (мнимость, притворность и т.п.) или иных источников формирования задолженности.

При этом следует учесть, что если кредитор и должник являются аффилированными лицами, то к требованию кредитора должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве. Такой кредитор должен исключить любые разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов, в том числе повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав.

Однако суд первой инстанции не применил нормы права с учетом изложенных выше подходов к их толкованию, и, соответственно, не устанавливал обстоятельства, имеющие существенное значение для данного спора. Копии договора и дополнительного соглашения к нему, календарный план выполнения работ,

техническое задание, акты сдачи-приемки выполненных работ, актами сверки и т.д. сами по себе без установления обстоятельств, подтверждающих разработку и внедрение компьютерного тренажерного комплекса, могут быть недостаточны для вывода об обоснованности требований кредитора.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС19-1539](#)

При рассмотрении заявления кредитора о включении требований в реестр требований кредиторов должника суду надлежит учитывать, что в случае, если кредитором представлены первичные документы в подтверждение заявленного требования, бремя доказывания необоснованности требования переходит на возражающих заинтересованных лиц.

Предложение суда кредитору представить дополнительные доказательства в подтверждение своего требования может поставить в преимущественное положение возражающих лиц и умалить права кредитора-заявителя.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования в размере 14 040 972 492 рубля.

Судом первой инстанции требование признано необоснованным, во включении его в реестр отказано. Судом апелляционной инстанции определение отменено, признаны подлежащими учёту в третьей очереди реестра требования компании в размере 13 968 513 915,23 рублей. Судом округа оставлено в силе определение суда первой инстанции.

В период с октября 2007 года по январь 2009 года между обществом «ГОРКИ-8» (первоначальный заёмщик) и открытым акционерным обществом «Система–Галс» (займодавец; сменило наименование на общество «Галс-Девелопмент») было заключено девять договоров процентного займа на общую сумму 13 151 603 347,18 рублей.

31.07.2009 общество «ГОРКИ-8» (ликвидировано 27.02.2010) с согласия займодавца перевело обязательства по возврату заёмных денежных средств на должника, а тот принял их и обязался вернуть займы в срок до 13.07.2015.

Кроме того, займодавец и должник заключили договор займа от 09.02.2010 и два договора купли-продажи ценных бумаг от 26.11.2009 и от 21.01.2010 с предоставлением рассрочки платежа до 13.07.2015.

08.07.2014 займодавец уступил компании право требования к должнику суммы 14 040 972 492 рублей (долг по всем вышеуказанным договорам займа и купли-продажи ценных бумаг) в качестве оплаты за приобретаемую долю в размере 9,97

процентов в уставном капитале компании. Рыночная стоимость такого вклада в уставной капитал подтверждена отчётом независимого оценщика. В тот же день, компания и должник заключили дополнительные соглашения ко всем договорам займа и купли-продажи ценных бумаг, договорившись о не начислении процентов на общую сумму займа.

02.06.2017 в отношении должника возбуждено настоящее дело о банкротстве, 31.08.2017 введена процедура наблюдения, а 22.10.2018 должник признан банкротом.

Отказывая в удовлетворении заявления компании о включении в реестр должника требования в размере 14 040 972 492 рубля, суд первой инстанции исходил из того, что мотивы заключения договоров займа сторонами не раскрыты, экономическая обоснованность предоставления заёмных денежных средств, в том числе их целевое расходование не доказаны, документов, свидетельствующих о совершении займодавцем с момента наступления срока возврата заёмных денежных средств разумных действий, обычнопредпринимаемых при неисполнении контрагентом своих обязательств, не представлено.

К настоящему времени сформировалась судебная практика по вопросу о доказывании обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, направленная на предотвращение возможности включения в реестр необоснованных требований и недопущения тем самым нарушений прав кредиторов (пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Для включения требования в реестр требований кредиторов должника кредитор должен представить доказательства, ясно и убедительно подтверждающие наличие и размер задолженности перед ним и опровергающие возражения заинтересованных лиц об отсутствии долга.

Вместе с тем, в силу пункта 3 статьи 8, пункта 3 статьи 9 АПК РФ суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон, должен оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

В ходе рассмотрения настоящего спора его участники (конкурсный управляющий должником, конкурсный кредитор должника – государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)») не отрицали довод компании о том, что общество «ГОРКИ-8», а затем и должник осуществляли строительство объектов недвижимости с привлечением заёмных денежных средств, в том числе у кредитных организаций и сторонних инвесторов.

Имеющиеся в материалах дела разрешения на ввод объектов в эксплуатацию в соответствии с пунктом 1 статьи 55 ГрК РФ удостоверяют окончание должником строительства в соответствии с ранее выданными разрешением и проектной документацией. Следовательно, вывод о ничтожности договора перевода долга с займодавца на должника, который фактически продолжил и завершил строительство объектов недвижимости, является преждевременным.

Судами установлено, что на момент предоставления займов займодавец - открытое акционерное общество «Система-Галс» не являлся участником первоначального заёмщика – общества «ГОРКИ-8», указанные лица не являлись аффилированными. Мнимость и притворность сделок, на основании которых компанией заявлено требование о включении в реестр, равно как и злоупотребление правом сторонами при их заключении судебными инстанциями не установлено.

Поскольку компания представила первичные документы в подтверждение заявленного требования, то на лиц, возражающих против включения долга в реестр, в соответствии с правилами статьи 65 АПК РФ перешло бремя доказывания обратного. Судам следовало предложить заинтересованным лицам – участникам дела о банкротстве должника представить доказательства, ставящие под сомнение реальность заёмных отношений, а главное – косвенно раскрывающие истинные цели образования и создания задолженности.

Однако в нарушение положений статей 71, 168, 170 АПК РФ указанные обстоятельства и доводы не получили правовой оценки. Суды первой инстанции и округа ошибочно согласились с доводами конкурсного кредитора и конкурсного управляющего должником о том, что компании, которая купила задолженность путем передачи доли в своём уставном капитале первоначальному кредитору (займодавцу), следовало предоставить доказательства расходования должником полученных денежных средств непосредственно для осуществления деятельности, связанной со строительством.

Суды не оценили возражения компании о том, что требования конкурсного кредитора должника – государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», включенные в реестр в размере 1,7 млрд. рублей, подтверждаются таким же набором документов (кредитные договоры, договоры уступки прав требования, выписки по счету).

[Определение ВС РФ от 15.08.2019 № 305-ЭС18-19688 \(2\)](#)

По смыслу статей 16, 71, 100 Закона о банкротстве с учетом разъяснений пункта 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» и сформировавшейся судебной практики кредитор, заявляющий о включении своего требования в реестр,

должен ясно и убедительно подтвердить реальность долга, то есть его наличие и размер. При этом он должен обосновать существование именно той задолженности, включить в реестр которую он просит суд.

Неправомерен отказ во включении в реестр суммы предоплаты (задолженности по предварительному договору) на основании того, что кредитор не мог иметь средств для внесения оплаты в полном объеме (оплаты по основному договору). Вывод судов об отсутствии у заявителя источника средств для оплаты договора в целом фактически свидетельствует о подмене предмета доказывания по спору.

В таком случае надлежит проверить реальность наличия предоплаты и ее невозврата, и в случае их доказанности включить такое требование кредитора в реестр.

В рамках дела о банкротстве Быковского Г.В. (должник) Борисенко А.В. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении своего требования в размере 8 042 000 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 12.10.2014 между Быковским Г.В. (продавцом) и Борисенко А.В. (покупателем) заключен предварительный договор, по условиям которого стороны договорились о подготовке и заключении в последующем договора купли-продажи жилого дома с земельным участком.

Согласно пункту 2.1 предварительного договора стоимость дома и земельных участков составляет 5 600 000 долларов США. При этом в пункте 2.2.1 договора стороны согласовали, что в течение 10 рабочих дней со дня подписания договора покупатель обязуется уплатить продавцу сумму в рублях, эквивалентную 100 000 долларов США по курсу ЦБ РФ на день оплаты.

Борисенко А.В. представил в материалы дела расписку от 12.10.2014, в которой указано на получение Быковским Г.В. от него денежных средств в сумме 4 021 000 руб., что эквивалентно 100 000 долларов США.

Впоследствии основной договор заключен не был.

Полагая, что основной договор не заключен по вине продавца, а внесенные в качестве предоплаты денежные средства являлись задатком, Борисенко А.В. в рамках дела о банкротстве Быковского Г.В. обратился с заявлением о включении в реестр денежного требования в двойном размере от переданной продавцу суммы.

Разрешая спор, суд первой инстанции сослался на проведенную по делу судебную экспертизу, по результатам которой эксперт сделал выводы, что дата, указанная в расписке от 12.10.2014, не соответствует дате изготовления данного

документа, в связи с чем расписка не может являться достаточным доказательством, подтверждающим передачу денежных средств.

Соглашаясь с выводом об отсутствии оснований для включения требований в реестр, суды апелляционной инстанции и округа исходили из того, что в соответствии со справками по форме 2-НДФЛ о доходах за 2012 - 2014 годы совокупная сумма дохода Борисенко А.В. в указанный период составила 21 796 475,83 руб. Из этого судами сделан вывод, что Борисенко А.В. не имел достаточных денежных средств на приобретение недвижимого имущества по цене 5 600 000 долларов США, что, в свою очередь, фактически свидетельствует об отсутствии реального характера отношений по купле-продаже между сторонами.

Между тем судами не учтено следующее.

По смыслу статей 16, 71, 100 Закона о банкротстве с учетом разъяснений пункта 26 постановления № 35 и сформировавшейся судебной практики кредитор, заявляющий о включении своего требования в реестр, должен ясно и убедительно подтвердить реальность долга, то есть его наличие и размер. При этом он должен обосновать существование именно той задолженности, включить в реестр которую он просит суд.

Сделав вывод об отсутствии у заявителя источника средств для оплаты договора купли-продажи в целом, суды фактически подменили предмет доказывания по спору, обязав кредитора доказывать наличие у него 5,6 млн. долларов США вместо 100 000 долларов США. Однако обстоятельства наличия или отсутствия у Борисенко А.В. средств для исполнения основного договора (который в итоге не был заключен сторонами) не имели правового значения для правильного разрешения спора. Подлежащим выяснению обстоятельством являлся факт передачи или непередачи должнику именно 100 000 долларов США. В связи с этим возложение на кредитора, внесшего предоплату, обязанности по доказыванию «будущих» фактов (где бы он взял необходимые суммы, если бы основной договор был заключен) являлось неправомерным.

В подтверждение реальности долга Борисенко А.В. помимо расписки ссылался также на ряд согласующихся между собой косвенных доказательств. Так, он указывал, что на следующий день после заключения предварительного договора от 12.10.2014 должником было направлено в адрес банка (мажоритарного кредитора по настоящему делу) электронное письмо с вложением скан-копии этого договора, что, в свою очередь, заведомо исключает проставление на документах даты, предшествовавшей дню их изготовления. Кроме того, спустя непродолжительный период времени после подписания предварительного договора супруга должника 07.11.2014 перечислила в пользу банка 100 000 долларов США в счет погашения

кредита, что подтверждает факт распоряжения должником полученными от Борисенко А.В. деньгами.

[Определение ВС РФ от 28.03.2019 г. № 305-ЭС18-17629 \(2\)](#)

Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о внутригрупповом характере отношений, бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником. Нежелание такого кредитора представить дополнительные доказательства должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого указывают его процессуальные оппоненты.

Общество "Пиррон" (конкурсный кредитор) обратилось в Верховный Суд РФ с жалобой на судебные акты о включении требований общества "Астория" в реестр требований кредиторов общества "Еврофинанс".

Общество "Астория" во исполнение обязательств по договору поручительства погасило за общество "Еврофинанс" (заемщик) задолженность перед банком. Впоследствии, сославшись на исполнение обязательства по кредитному договору, общество "Астория" предъявило к включению в реестр требований кредиторов должника выплаченные поручителем суммы, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Признавая требования общества "Астория" обоснованными, суды сослались на переход к нему в порядке суброгации (ст. 365, 384 и 387 ГК РФ) всех прав, принадлежавших банку.

Суть возражений общества "Пиррон" по требованию общества "Астория" сводилась к тому, что этот кредитор и должник контролируются один и тем же конечным бенефициаром – Самиевым И.Р.

Отклоняя доводы о наличии группы лиц, контролируемой Самиевым И.Р., суды указали на то, что кредитор и должник не участвуют в уставных капиталах друг друга, имеют разных руководителей, которые также не владеют долями в уставных капиталах обществ "Еврофинанс" и "Астория".

По смыслу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ и разъяснений, изложенных в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве", необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих конечных бенефициаров является наличие у него фактической возможности давать обязательные для исполнения указания или иным образом

определять действия подконтрольных организаций. Осуществление таким бенефициаром фактического контроля возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности.

В этой части, суды, по сути, сочли, что контроль одного и того же лица над обществами "Еврофинанс" и "Астория" должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику и кредитору, относительно их деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния. Его отношения с подконтрольными обществами не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

В такой ситуации судам следовало проанализировать поведение лиц, которые, по мнению подателя жалобы, входили в одну группу. О наличии их подконтрольности единому центру, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) с должником кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается.

Вместе с тем в рамках настоящего дела возражения по требованию общества "Астория" не ограничивались лишь утверждением о вхождении данного общества в одну группу лиц с должником. Общество "ПИРРОН" обращало внимание на свободное перемещение активов и транзитный характер движения денежных средств по счетам лиц, образующих группу, в том числе по счету должника. Так, полученное от банка финансирование было незамедлительно перераспределено – изъято из числа активов общества "Еврофинанс" посредством выдачи им займа внутри группы,

контролировавшейся Самиевым И.Р., затем при предъявлении банком требования произошло погашение задолженности входящим в группу поручителем с тем расчетом, чтобы возникло суброгационное требование аффилированного лица к обществу "Еврофинанс", при наличии возможности произвести обратное перераспределение ресурсов в пользу заемщика, из оборота которого сумма кредита была изъята изначально.

В обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно и разумно, не имеют объективных причин взыскивать долги друг с друга, они стремятся оптимизировать внутригрупповую задолженность. Поэтому, в ситуации, когда из оборота одного члена группы был изъят актив в пользу другого члена группы, предполагается, что в основе операции по последующему погашению долга первого перед независимым кредитором лежит договоренность между членами группы, определяющая условия взаиморасчетов.

Если обстоятельства, на которые указывало общество "Пиррон", соответствовали действительности, судам согласно положениям ст. 65 АПК РФ следовало возложить на общество "Астория" бремя опровержения – обоснования разумных причин того, что оно погашало задолженность общества "Еврофинанс" не в счет компенсации за изъятые из ее оборота кредитные ресурсы в пользу одного из членов группы, а как поручитель.

В ситуации, когда независимые кредиторы представили серьезные доказательства и привели убедительные аргументы по поводу того, что именно указанным ими образом выстраивались отношения внутри группы, контролируемой одним и тем же лицом, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального набора документов (текста договора и платежных поручений) в подтверждение реальности суброгационных отношений. Он должен с достаточной полнотой раскрыть все существенные обстоятельства, касающиеся не только заключения и исполнения самой кредитной сделки, но и оснований дальнейшего внутригруппового перенаправления денежных потоков. Нежелание аффилированного кредитора представить дополнительные доказательства, находящиеся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, в силу ст. 9, 65 АПК РФ должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты.

[Определение ВС РФ от 01.04.2019 № 304-ЭС17-1382 \(8\)](#)

В исключительных случаях кредитор может претендовать на включение задолженности в реестр требований кредиторов должника, даже несмотря на то, что требование заявлено с опозданием, то есть после закрытия реестра.

При этом субъективные договоренности сторон (например, цедента и цессионария-кредитора об отсрочке оплаты уступки) нельзя считать объективными обстоятельствами, дающими возможность заявить требования после закрытия реестра без несения негативных последствий.

2. Если конкурсный кредитор после закрытия реестра заявил о залоговом характере своих ранее включенных в реестр требований, неприменимо негативное последствие в виде понижения очередности таких требований, целесообразность учета за реестром залогового статуса данных требований отсутствует, в связи с чем такой кредитор в любом случае не сможет воспользоваться своим привилегированным статусом залогодержателя, а его заявление подлежит оставлению без удовлетворения.

Судами трех инстанций ранее включенное в реестр требование общества "Маркер" в размере 100 000 000 руб. признано обеспеченным залогом имущества должника.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Указанную задолженность, вытекающую из договоров кредитной линии от 03.09.2013 и от 05.05.2014, общество приобрело у АО "Банк Акцепт" по договору уступки прав требования (цессии) от 20.02.2016. Поскольку по кредитному долгу было выдано обеспечение (договоры залога от 05.05.2014 и ипотеки от 15.08.2014), общество "Маркер" как правопреемник банка обратилось с настоящим заявлением об установлении залогового статуса на уже включенное в реестр требование.

На уровне высшей судебной инстанции выработан ряд правовых позиций, согласно которым в исключительных случаях лицо может претендовать на включение задолженности в реестр требований кредиторов юридического лица, даже несмотря на то, что требование заявлено с опозданием, то есть после закрытия указанного реестра (абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве).

Подобного рода исключения применяются, как правило, в случаях, когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок объективно отсутствовала, в связи с чем и не была реализована кредитором: такой кредитор не должен нести негативные последствия (в виде понижения очередности) за несовершение тех действий, совершить которые он был не в состоянии.

В упомянутых исключениях высшей судебной инстанцией используется юридический прием, согласно которому требование кредитора (несмотря на хронологическое опоздание) считается как бы заявленным в срок, то есть де-факто, такой срок закрытия реестра восстанавливается ввиду наличия у кредитора уважительной причины опоздания, находящейся вне его воли.

В рассматриваемом споре суды исходили из того, что общество "Маркер" объективно не могло заявить о залоговом статусе своего требования в период, пока реестр был открыт; соответствующая возможность появилась только с даты перехода к обществу прав требования по договорам залога и была реализована кредитором в пределах двухмесячного срока с момента такого перехода.

Однако судебная коллегия не может согласиться с названным выводом. Из установленных судами обстоятельств следует, что первоначально как залоговое, так и денежное требования принадлежали одному лицу – АО "Банк Акцепт". Банк и общество "Маркер" согласовали отдельный переход указанных прав: сначала денежные требования, затем (после полной оплаты) – обеспечительные, что само по себе не противоречит положениям статьи 384 ГК РФ.

Однако структурирование отношений подобным образом, в том числе согласование сроков совершения уступок, находилось полностью в воле cedentа и цессионария и потому не может быть отнесено к неким объективным обстоятельствам. Тот факт, что стороны отсрочили переход залогового права к обществу "Маркер" на период после закрытия реестра, не может служить основанием для признания требования заявленным в срок, так как субъективные договоренности двух сторон не должны противопоставляться третьим лицам (иным кредиторам). Банк и общество "Маркер" имели реальную возможность привязать переход залоговых прав к цессионарию в пределах двухмесячного срока, предусмотренного абзацем третьим пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве.

Таким образом, основания для включения залогового требования в реестр отсутствовали.

Из пункта 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя" следует, что требование опоздавшего залогодержателя удовлетворяется преимущественно из суммы, вырученной от продажи предмета залога и оставшейся после погашения требований, включенных в реестр, то есть преимущественно перед иными зарегистрированными требованиями.

Однако в рассматриваемом случае основное (денежное) требование кредитора уже включено в третью очередь реестра, в связи с чем целесообразность учета за реестром залогового статуса данных требований отсутствует. Право на получение выплат в качестве залогодержателя может быть реализовано обществом "Маркер" только при условии удовлетворения всех реестровых требований, к которым относится и его денежное требование. Если все реестровые требования удовлетворены, то прекращается и акцессорное обязательство; если же реестровые требования не удовлетворены либо удовлетворены частично, то конкурсный управляющий не вправе приступать к расчетам с кредиторами, отнесенными за

реестр. Поэтому общество "Маркер" в любом случае не сможет воспользоваться своим привилегированным статусом залогодержателя, в связи с чем его заявление подлежит оставлению без удовлетворения.

[Определение ВС РФ от 15.04.2019 № 309-ЭС18-22030](#)

Действия кредитора, направленные на повышение вероятности возврата займа посредством получения титульного обеспечения от заемщика (впоследствии банкрота), свидетельствуют о разумности поведения кредитора, что подтверждает его независимый статус по отношению к должнику, наличие у них несовпадающих экономических интересов.

Сам по себе факт аффилированности должника и правопреемника кредитора, в том числе на момент возникновения заемных правоотношений, не свидетельствует о том, что цепочка сделок между должником, кредитором и его правопреемником координировалась из одного центра и являлась притворной.

В рамках дела о банкротстве должника (общества "Ресурс") общество "Лоджик Лэнд" обратилось с заявлением о включении своих требований в размере 465 681 218,43 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций требование признано обоснованным и подлежащим включению в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат оставлению без изменения в связи со следующим.

Между лизинговой компанией (займодавец) и должником (заемщиком) 01.04.2014 заключен договор целевого займа на сумму 4 761 314 000 руб.

Далее между должником (заказчиком) и обществом "Энекс" (генподрядчиком) заключен договор от 04.04.2014, предметом которого являлось выполнение работ по строительству ТЛК. Всего в адрес генподрядчика заказчик перечислил 4 472 654 515,25 руб. в счет оплаты выполненных работ.

После этого между лизинговой компанией и должником в один день 17.12.2015 заключен договор купли-продажи, а также договор финансовой аренды (лизинга). По условиям договора купли-продажи должник произвел отчуждение ТЛК в пользу лизинговой компании по цене 5 601 502 057,39 руб.

30.03.2016 лизинговая компания уведомила о зачете встречных требований из договора займа от 01.04.2014 и договора купли-продажи на общую сумму 5 246 736 457,39 руб. Впоследствии 01.10.2016 стороны подтвердили состоявшийся зачет, заключив соглашение о прекращении обязательств. В результате проведенного зачета общий размер обязательств общества "Ресурс" перед лизинговой компанией по состоянию на 01.10.2016 составил 354 765 600 руб.

По упомянутому выше договору лизинга от 17.12.2015 (заключенному в один день с договором купли-продажи) лизинговая компания (лизингодатель) передала должнику (лизингополучателю) ТЛК обратно, но уже в лизинг, с суммой ежемесячных платежей за первый год – 125 млн. руб. Общество "Лоджик Лэнд" выдало лизингодателю поручительство в обеспечение исполнения обязательств общества "Ресурс", вытекающих из названного договора лизинга.

01.10.2016 между должником и лизинговой компанией заключено соглашение о расторжении договора от 17.12.2015. Стороны определили, что на стороне должника лежит завершающая обязанность в размере 465 681 218,43 руб. В ходе налоговой проверки должник пояснял, что основной причиной расторжения договора лизинга являлось отсутствие у него заключенных договоров на оказание экспедиторских (транспортных) услуг, указанные контракты заключались на дочернюю компанию "Лоджик Лэнд", лизинговая компания решила предоставить ТЛК в аренду компании, имеющей прямые договоры на оказание экспедиторских услуг.

Также в день расторжения договора лизинга 01.10.2016 лизинговая компания уступила в пользу общества "Лоджик Лэнд" право требования оплаты упомянутой завершающей обязанности на сумму 465 681 218,43 руб.

Ссылаясь на указанные обстоятельства, общество "Лоджик Лэнд" обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением о включении требований в реестр.

Судами установлено, что спорный объект (ТЛК) возводился на денежные средства, предоставленные лизинговой компанией должнику в 2014 году. При этом стороны изначально предполагали (дополнительное соглашение от 14.04.2014 к договору займа от 04.04.2014), что после возведения ТЛК заем будет погашен посредством продажи данного объекта займодавцу и зачета требований по займу и купле-продаже между собой, что и было сделано впоследствии. Кроме того, стороны изначально предполагали (предварительный договор лизинга от 14.04.2014), что после перехода права собственности на ТЛК в пользу лизинговой компании последняя передаст недвижимость в лизинг обратно должнику, что также было реализовано.

Совокупность названных сделок с учетом обстоятельств, установленных судами, выступления лиц, участвующих в данном обособленном споре, судебная коллегия квалифицирует следующим образом. Заемные отношения в действительности таковыми и являлись. Лизинговая компания фактически кредитовала общество "Ресурс", предоставляя ему финансовую возможность создать ТЛК для последующей эксплуатации в целях извлечения прибыли. Продажа должником имущества с последующим одновременным принятием его в пользование по договору лизинга и необходимостью уплаты в течение определенного периода лизинговых платежей в целях обратного выкупа с экономической точки зрения являлась в данном случае

составной частью отношений по обеспечению кредита, полученного от покупателя, с временным предоставлением последнему титула собственника для повышения гарантии возврата финансирования и платы за него в виде процентов, что соответствует действующему законодательству (статья 421 ГК РФ, определение ВС РФ от 23.03.2017 по делу № 307-ЭС16-3765 (4, 5).

В то же время ни в момент предоставления финансирования, ни в последующие периоды лизинговая компания не обладала признаками формально-юридической аффилированности по отношению к обществу "Ресурс". Иное судами не установлено, соответствующих доводов ни конкурсным управляющим, ни обществом "Энекс" не приведено.

Не имеется и оснований полагать, что аффилированность носила фактический характер. Напротив, кредитор предоставил должнику реальное финансирование, а последующие действия, направленные на повышение вероятности возврата займа посредством получения титульного обеспечения от заемщика, свидетельствуют о разумности поведения кредитора, что подтверждает его независимый статус по отношению к должнику, наличие у них несовпадающих экономических интересов. Отсутствуют основания полагать, что любой независимый кредитор, предоставивший в качестве займа крупную сумму и находящийся в схожих обстоятельствах, действовал бы иным образом, поэтому поведение займодавца ошибочно расценено заявителем кассационной жалобы как подтверждающее его фактическую аффилированность к должнику.

При этом судами установлено, и никто из участников обособленного спора не отрицал, что первоначально должник и общество "Лоджик Лэнд" входили в одну группу лиц, так как в преддверии возбуждения настоящего дела о банкротстве участник должника являлись также и участниками общества "Лоджик Лэнд". Кроме того, ранее участником общества "Лоджик Лэнд" являлся должник (до октября 2016 года).

Однако сам по себе факт аффилированности обществ "Ресурс" и "Лоджик Лэнд", в том числе на момент возникновения как заемных, так и лизинговых отношений, не свидетельствует о том, что цепочка сделок между лизинговой компанией и данными обществами координировалась из одного центра и являлась притворной.

Коль скоро лизинговая компания выступала в качестве независимого от должника лица, с экономической точки зрения она не должна была заботиться о том, чтобы внутри второй группы лиц доходы и убытки распределялись справедливо и равномерно. Законный интерес лизинговой компании как лица, предоставившего финансирование, должен был заключаться в возврате денежных средств на рыночных условиях, в том числе на основе платности. Более того, судами установлено, что

общество "Лоджик Лэнд" предоставило лизинговой компании поручительство в целях обеспечения обществом "Ресурс" исполнения обязательств по спорному договору лизинга, то есть кредитор добился для себя возможности требовать возврата долга с лица, которое извлекало прибыль от эксплуатации спорного имущества, что также указывает на разумность его поведения.

[Определение ВС РФ от 22.04.2019 № 309-ЭС18-23448](#)

При разрешении вопроса о включении требований кредитора в реестр требований кредиторов должника судам надлежит учитывать, что трехлетний срок на предъявление исполнительного листа к исполнению в случае, если такой лист был выдан на принудительное исполнение мирового соглашения, начинается течь с начала просрочки погашения долга (или его соответствующей части) исходя из условия о сроке совершения данного платежа, определенного в мировом соглашении.

Судами первой и апелляционной инстанций требование общества "Ветеран-2" признано обоснованными подлежащим включению в реестр требований кредиторов в сумме 133 100 364,13 руб. (основной долг) и в сумме 304 317,62 руб. (финансовые санкции) с удовлетворением в третью очередь.

Судом кассационной инстанции в указанной части отказано во включении требований в реестр. Судебная коллегия полагает, что судебные акты судов трех инстанций подлежат отмене.

Вступившим в законную силу определением арбитражного суда от 26.04.2012 утверждено мировое соглашение, заключенное Сбербанком России и группой юридических лиц, в том числе обществом "Ветеран- 2" как одним из солидарных должников, в связи с неисполнением обязательств, вытекающих из ряда кредитных договоров. Впоследствии произведена процессуальная замена Сбербанка России на общество "СБК Уран".

Ввиду неисполнения солидарными должниками условий мирового соглашения, 15.05.2014 и 16.05.2014 получены исполнительные листы на принудительное взыскание задолженности.

Исполнительные производства, возбужденные 04.06.2014, окончены 22.07.2015 по причине отзыва взыскателем исполнительных листов. Затем (06.10.2017) общество "СБК Уран" в рамках дела о банкротстве общества "Ветеран-2" вновь предъявило ему требование, основанное на неисполнении мирового соглашения.

Признавая требование кредитора подлежащим включению в реестр в части основного долга в сумме 133 100 364,13 руб. и финансовых санкций в сумме 304 317,62 руб., суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что данная

задолженность подтверждена вступившим в законную силу судебным актом и должником не погашена.

Возражения временного управляющего об истечении трехлетнего срока, отведенного на инициирование процедуры принудительного исполнения определения суда об утверждении мирового соглашения, отклонены судами со ссылкой то, что данный трехлетний срок начал течь заново с 22.07.2015 (со дня прекращения исполнительных производств).

Как следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2016 № 7-П, если исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, суды обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

Следовательно, при рассмотрении в деле о банкротстве общества "Ветеран-2" вопроса о соблюдении предельного срока предъявления исполнительного листа к исполнению судам необходимо было сложить два периода: первый – со дня возникновения права на принудительное исполнение судебного акта и до дня, предшествующего дню возбуждения исполнительного производства; второй – со дня, следующего за днем окончания исполнительного производства по инициативе взыскателя, и до дня повторного обращения за принудительным исполнением посредством подачи в суд заявления в рамках дела о банкротстве, а затем выяснить, превысила ли их суммарная продолжительность три года.

Суд округа допустил ошибку, искажившую суть постановления № 7-П. Так, согласно методологии расчета, примененной окружным судом, чем дольше осуществляется первое исполнительное производство, тем меньше времени остается у взыскателя для повторного инициирования процедуры принудительного исполнения, что нельзя признать верным.

Мировое соглашение, заключенное Сбербанком России и солидарными должниками по названному делу, представляет собой сделку, к которой подлежат применению нормы гражданского законодательства о договорах (пункт 9 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 "О примирении сторон в арбитражном процессе" (далее – постановление № 50)). В рассматриваемом случае стороны этой сделки (Сбербанк (кредитор), заемщики и другие солидарные должники) в порядке статьи 421 ГК РФ согласовали, в частности, условия о новых сроках погашения долговых обязательств, установив соответствующий график платежей по каждому из кредитных договоров, включили в мировое соглашение

положения о праве Сбербанка обратиться за получением исполнительного листа на взыскание всей суммы задолженности единовременно (без учета графика платежей) при наступлении определенных соглашением обстоятельств – при нарушении графика платежей, неисполнении обязательств по выплате процентов, зафиксированных в одном из пунктов мирового соглашения, в случае введения в отношении любого из солидарных должников процедуры банкротства.

По общему правилу пункта 1 части 1 статьи 321 АПК РФ, исполнительный лист может быть предъявлен к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу, или со следующего дня после дня принятия судебного акта, подлежащего немедленному исполнению.

Вместе с тем, при заключении мирового соглашения стороны самостоятельно распоряжаются принадлежащими им материальными правами, они свободны в согласовании любых условий мирового соглашения, не противоречащих федеральному закону и не нарушающих права и законные интересы других лиц. При этом текст мирового соглашения, как правило, содержит согласованные сторонами сведения об условиях, о размере и о сроках исполнения обязательств (пункт 13 постановления № 50, часть 2 статьи 140 АПК РФ).

По смыслу приведенных норм в период до истечения срока, отведенного сторонами мирового соглашения на добровольное исполнение обязательств, зафиксированных в этом мировом соглашении, их принудительное исполнение недопустимо, что отличает мировое соглашение от судебного решения о взыскании денежных средств, которое, по общему правилу, подлежит принудительному исполнению со дня вступления в законную силу, если иное не вытекает из установленного судом порядка или срока исполнения решения, предоставленной судом отсрочки, рассрочки его исполнения (часть 2 статьи 140, статья 142, часть 2 статьи 168, часть 1 статьи 182, часть 1 статьи 324 АПК РФ).

Следовательно, при неисполнении мирового соглашения трехлетний срок предъявления к исполнению исполнительного листа, выданного на основании такого соглашения, содержащего график погашения задолженности, исчисляется отдельно по каждому платежу. Для каждого платежа он начинается с начала просрочки погашения соответствующей части долга исходя из условия о сроке совершения данного платежа, определенного в мировом соглашении. При наличии в мировом соглашении положений о праве кредитора досрочно (без учета графика погашения) принудительно истребовать всю сумму задолженности при наступлении определенных соглашением обстоятельств трехлетний срок на принудительное исполнение мирового соглашения в части платежей с ненаступившим сроком исполнения (применительно к графику погашения задолженности) начинается с того момента, когда кредитор реализовал право на досрочное истребование всей

суммы долга, в том числе посредством направления в арбитражный суд заявления о выдаче исполнительного листа, в котором он явно выразил волю на взыскание непросроченных платежей. В равной мере этот подход применим и в случаях, когда в отсутствие в тексте мирового соглашения условия о праве кредитора потребовать досрочной выплаты всей суммы долга, такое право закреплено в нормах гражданского права о договорах, подлежащих применению к тому или иному мировому соглашению (например, пункт 2 статьи 811 Гражданского кодекса Российской Федерации) (пункт 9 постановления № 50).

Суды не установили начало течения трехлетнего срока, отведенного арбитражным процессуальным законодательством на принудительное исполнение мирового соглашения исходя из его условий и применительно к тем или иным платежам, предъявленным к включению в реестр требований кредитов общества "Ветеран-2".

[Определение ВС РФ от 25.04.2019 № 305-ЭС17-10167 \(6\)](#)

При рассмотрении заявления гражданина-клиента о включении его требований в реестр требований кредиторов банка-должника необходимо учитывать, что на кредитора при внесении в банк вклада возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ).

Отсутствие у банка оригиналов документов, подтверждающих внесение гражданином вклада, не может опорочить поведение добросовестного кредитора-гражданина, потому как данные обстоятельства не связаны ни с его волей, ни с его действиями, а полностью зависят от поведения банка как контрагента по сделке. Иное возлагает на граждан-вкладчиков излишне строгий стандарт осмотрительности при заключении соответствующих договоров.

В подобной ситуации возражающему против включения требований гражданина управляющему надлежит опровергнуть доказательства кредитора, в том числе путем проведения экспертизы договоров и приходных кассовых ордеров.

В рамках дела о банкротстве Белоус Ю.В. (кредитор) обратился в арбитражный суд с возражениями на отказ конкурсного управляющего включить его требования в реестр. Суды отказали в удовлетворении заявленных требований.

Как следует из материалов дела требования кредитора были основаны на заключенных между ним и банком договорах валютных вкладов.

Суды пришли к выводу, что в действительности договоры банковского вклада между Белоусом Ю.В. и банком заключены не были.

Рассматривая аналогичный по существу вопрос о признании заключенным договора банковского вклада, Конституционный Суд РФ в постановлении от 27.10.2015 № 28-П указал на необходимость в каждом конкретном случае исследовать разумность и добросовестность в поведении гражданина, требующего от кредитной организации возврата денежных средств.

Выяснение соответствующего рода вопросов, как правило, сопряжено с установлением следующих обстоятельств: обстановка, при которой был подписан договор банковского вклада; наличие у подписавших лиц соответствующих полномочий; оформление внесения денежных средств во вклад; источники происхождения этих средств у вкладчика и т.д.

Позиция кредитора по существу сводилась к следующему. Он лично пришел в здание банка с денежными средствами, договоры банковского вклада были подписаны президентом банка в присутствии Белоуса Ю.В. Ранее между заявителем и должником неоднократно заключались аналогичные (в том числе по форме) соглашения, обязательства по которым банком исполнены. У Белоуса Ю.В. не имелось поводов сомневаться в том, что предложенные формы договоров соответствуют типовым. Какая-либо аффилированность между ним и руководством банка отсутствовала.

Кредитором в материалы дела были представлены оригиналы спорных договоров, а также оригиналы приходных кассовых ордеров, в которых содержится указание на прием средств от Белоуса Ю.В. по соответствующим договорам банковских вкладов.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ на гражданина-вкладчика возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ (п. 3.2 постановления № 28)).

Если приведенные кредитором доводы о том, как разворачивались события при подписании договоров и внесении денежных средств во вклад, соответствуют действительности, у судов не имелось оснований полагать, что Белоус Ю.В. действовал неразумно и не проявил должной осмотрительности. В данном случае у последнего не могло возникнуть сомнений относительно полномочий лица, представившегося руководителем кредитной организации и занимающего соответствующий кабинет в здании банка, на подписание договора банковского вклада. Равным образом для действующего разумно вкладчика в целях

подтверждения факта внесения вклада согласно буквальному толкованию текста п. 1 ст. 836 ГК РФ достаточно было получения документа, оформленного в соответствии с обычаями, применяемыми в банковской практике, к числу которых может относиться и приходный кассовый ордер (п. 3 постановления № 28).

При этом ссылка судов на то, что экземпляры спорных договоров в банке отсутствуют; номера депозитных счетов, которые открываются для зачисления денежных средств, в представленных заявителем договорах не указаны, а в автоматизированной банковской системе на имя Белоуса Ю.В. такие счета не заводились – сама по себе не может опорочить поведение кредитора, так как данные обстоятельства не связаны ни с его волей, ни с его действиями, а полностью зависят от поведения банка как контрагента по сделке.

Отсутствие у должника в лице конкурсного управляющего сведений о вкладах Белоуса Ю.В. является косвенным доказательством и не исключает возможность одновременно сделать сразу несколько противоречащих друг другу выводов:

соответствующие сведения были сокрыты от конкурсного управляющего предыдущим менеджментом банка, действовавшим недобросовестно при исполнении своей обязанности по передаче документации;

соответствующие договоры и иные доказательства не представлены в материалы дела конкурсным управляющим в целях получения дополнительного процессуального преимущества в споре при отстаивании своей позиции, выражающейся в нежелании возвращать вклад (включить вкладчика в реестр);

такие договоры в действительности никогда не заключались и т.д.

Для последнего из названных выводов необходимо было опорочить доказательства, представленные Белоусом Ю.В. в подтверждение факта заключения соглашений, в частности, посредством проведения экспертизы договоров банковского вклада и приходных кассовых ордеров на предмет их подлинности (ст. 82 АПК РФ), что судами сделано не было.

Равным образом не может быть признана и убедительной ссылка на несоответствие спорных соглашений типовой форме договора банковского вклада, утвержденной руководством банка и применявшейся при заключении аналогичных сделок с большинством вкладчиков. При рассмотрении спора Белоус Ю.В. пояснял, что форма заключаемых с ним договоров не изменялась начиная с 2002 года, аналогичная форма использовалась и в отношениях с иными вкладчиками. Однако судами названные возражения на доводы конкурсного управляющего проверены не были. При этом следует отметить, что по общему правилу на клиента банка не возлагается обязанность соотнесения предлагаемой ему формы проекта договора банковского вклада с типовой формой, информация о которой имеется на сайте банка либо во внутренней документации.

Судами также не дана оценка доводам заявителя о том, что из текста имеющихся в материалах дела ордеров сделать вывод о зачислении средств на счета иных лиц невозможно. В текстах ордеров указаны лишь многозначные номера депозитных счетов, на которые производится зачисление средств по приходному кассовому ордеру, без указания владельцев счетов. При этом, вменяя заявителю факт принадлежности этих счетов (согласно внутренней учетной системе банка) иным лицам, суды не указали, какие меры, действуя разумно и добросовестно, при заключении договора должен был предпринять Белоус Ю.В. в целях получения подтверждения о зачислении средств на его счет.

При этом кредитор отмечал, что в представленных им приходных кассовых ордерах содержится указание на прием средств от него лично со ссылкой на соответствующие договоры банковского вклада. Примененный судами подход (закрывающийся в необходимости позаботиться получением информации о том, завел ли банк именно в отношении конкретного клиента счета в своей внутренней системе и имеется ли в приходном кассовом ордере ссылка именно на эти счета, о том, соответствует ли соглашение типовым формам, применяемым банком, и т.д.) возлагает на граждан-вкладчиков излишне строгий стандарт осмотрительности при заключении соответствующих договоров, что не может быть признано отвечающим целям законодательного регулирования.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 308-ЭС18-21269](#)

Оформляя заемные отношения путем выдачи заемщиком векселя, стороны связывают реализацию права займодавца на возврат переданных должнику денежных средств с реализацией права из полученной им ценной бумаги. Такое оформление правоотношений по сути трансформирует задолженность по договору займа в вексельное обязательство. При этом для достижения соответствующих правовых последствий не требуется заключения отдельного соглашения оновации.

При предоставлении суду подлинных ценных бумаг удовлетворению подлежит вексельное требование.

Подобное требование кредитора не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника в случае, если кредитор ссылается на самостоятельность заемного и вексельного обязательств, не раскрывая при этом основания их выдачи, потому как удовлетворение требований к должнику из договора займа сохраняет возможность предъявления векселедержателем требования о погашении вексельного долга, что повлечет двойное взыскание ранее предоставленного финансирования.

Между обществом "Бинова" (заимодавцем) и должником (заемщиком) заключен договор займа, по условиям которого заимодавец передает заемщику 500

000 000 руб., а заемщик обязуется вернуть займодавцу сумму займа и уплатить проценты в срок до 01.12.2017.

В период с 20.11.2015 по 26.08.2016 общество "Бинова" во исполнение условий договора перечислило должнику 207 034 851 руб.

В тот же период должником обществу "Бинова" выданы векселя с оплатой по предъявлении, но не ранее 01.12.2017.

Ссылаясь на неисполнение должником обязательств по договору займа, общество "Бинова" обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Разрешая спор, суд первой инстанции установил следующее. Должником в пользу общества "Бинова" передано 36 векселей на сумму 208 962 659,19 руб., при этом 35 векселей общей номинальной стоимостью 207 034 851 руб. по сумме соответствуют размеру займа, перечисленного обществом "Бинова" должнику.

Отказывая в удовлетворении требования, суд первой инстанции указал на осуществление сторонами неденежной формы погашения займа путем предоставления векселей, что не противоречит условиям договора.

Апелляционный суд, ссылаясь на ст. 414, 807 ГК РФ, исходил из отсутствия доказательств заключения сторонами соглашения о новации заемного обязательства в вексельное. Суд отметил, что поскольку векселя должника в установленном законом порядке в гражданский оборот не введены, сама по себе их передача обществу "Бинова" прекращения обязательства должника по договору займа не влечет. Суд округа с выводами суда апелляционной инстанции согласился.

Возражая против настоящих требований, общество "Мега Пак+7" в том числе приводило доводы о том, что сумма займа соответствовала суммам выданных векселей, то есть фактически, как векселя, так и заемные обязательства опосредовали движение одних и тех же денежных средств, являясь составной частью сложной структуры правоотношения сторон.

Стороны, оформляя свои заемные отношения путем выдачи заемщиком векселя, связывают реализацию права займодавца на возврат переданных должнику денежных средств с реализацией права из полученной им ценной бумаги. Такое оформление правоотношений по сути трансформирует задолженность по договору займа в вексельное обязательство. При этом вопреки выводам судов апелляционной инстанции и округа для достижения соответствующих правовых последствий не требуется заключения отдельного соглашения о новации.

Таким образом, при предоставлении суду подлинных ценных бумаг удовлетворению подлежало вексельное требование (п. 6 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей").

Общество "Бинова" не оспаривает получение от должника векселей на сумму 144 172 659,19 руб., однако ссылается на самостоятельность заемного и вексельного обязательств, не раскрывая при этом основания их выдачи.

При таких условиях данный довод подлежит отклонению, поскольку в соответствии со сложившейся судебной практикой сущность отношений из сделки, лежащей в основании выдачи векселя, известна и векселедателю, и первому приобретателю как участникам этих отношений, такие отношения следует признать разновидностью отношений личных.

В отсутствие доказательств иных оснований выдачи векселей удовлетворение требования общества "Бинова" к должнику из договора займа сохраняет возможность предъявления векселедержателем требования о погашении вексельного долга, что повлечет двойное взыскание ранее предоставленного финансирования.

[Определение ВС РФ от 01.11.2019 № 307-ЭС19-10177 \(2, 3\)](#)

Само по себе подтверждение в судебном порядке существования требования к должнику у его участника не отменяет возможности корпоративности такого требования.

Сам по себе факт участия лица в уставном капитале должника не влечет понижение очередности требования такого лица, заявленного к должнику. Судам при рассмотрении требования участника о включении суммы задолженности в реестр необходимо проверить также и обстоятельства, сопровождавшие предоставление финансирования, в частности, выдавал ли участник заем в условиях кризиса либо нет, и на какие цели.

В рамках дела о банкротстве должника Григаревичус О.С. обратилась с заявлением о включении в реестр ее требования в сумме 941 075 руб.

Судами первой и апелляционной инстанций Григаревичус О.С. отказано во включении ее требования в реестр. Требование признано подлежащим удовлетворению в порядке пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве. Постановлением суда округа названные судебные акты отменены, заявленные требования удовлетворены.

Коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Судами установлено, что Григаревичус О.С. является участником должника с долей в размере 50 % уставного капитала.

Суды первой и апелляционной инстанций отметили, что участники юридического лица несут риск отрицательных последствий, связанных с его деятельностью. Как следствие, требования участников корпорации не подлежат включению в реестр требований ее кредиторов. Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, суд округа констатировал, что коль скоро требования участника подтверждены вступившими в законную силу судебными актами, данные требования подлежат включению в реестр.

Суд как орган, обладающий юрисдикционными полномочиями и осуществляющий правосудие, выполняет публично значимую функцию по защите нарушенных прав и законных интересов участников оборота (статья 11 ГК РФ, статьи 1, 2, 4 АПК РФ).

Принятие по итогам судебного разбирательства судебного акта и вступление его в законную силу позволяют стороне, нарушение прав которой было подтверждено, воспользоваться государственно-принудительными механизмами, учрежденными в целях обеспечения возможности получить исполнение.

В то же время подтверждение в судебном порядке существования долга ответчика перед истцом, хотя и предоставляет последнему право на принудительное исполнение, само по себе правовую природу (существо и основание возникновения) задолженности не меняет. Это означает, например, что неустойка, даже если она и взыскана судом, продолжает оставаться финансовой санкцией. Равным образом и взыскание дивидендов (если было принято решение об их распределении) не отменяет того факта, что полномочие на их получение вытекает из прав участия в корпорации.

Таким образом, суд округа, сославшись исключительно на факт вступления в законную силу судебных приказов о взыскании долга по займам как на безусловное основание для включения требования Григаревичус О.С. в третью очередь реестра, допустил ошибку. Само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего сумму долга, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения данного требования (пункт 10 статьи 16 Закона о банкротстве).

2. Как неоднократно подчеркивал Верховный Суд Российской Федерации, действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. Кроме того, тот факт, что участник должника является его займодавцем, сам по себе не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату суммы займа для целей банкротства.

Вместе с тем, Верховным Судом Российской Федерации сформирована судебная практика, согласно которой при определенных обстоятельствах участнику либо иному аффилированному по отношению к должнику лицу может быть отказано во включении его требования в реестр, в частности, когда финансирование предоставлялось в рамках реализации публично нераскрытого плана выхода фактически несостоятельного должника из кризиса при условии, что такой план не удалось реализовать (определения ВС РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС15-5734 (4, 5), от 21.02.2018 № 310-ЭС17-17994 (1, 2), от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031 и проч.).

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении спора исходили исключительно из того, что основанием понижения очередности удовлетворения требований Григаревичус О.С. является наличие у нее доли в размере 50 % уставного капитала должника на момент предоставления финансирования.

Однако сам по себе факт участия в уставном капитале должника не влечет понижение очередности, судам необходимо было проверить также и обстоятельства, сопровождавшие предоставление финансирования, в частности, выдавала ли она заем в условиях кризиса либо нет, и на какие цели.

Суды первой и апелляционной инстанций данные вопросы не исследовали, а потому не устанавливали обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора.

В судебном заседании, состоявшемся в Верховном Суде Российской Федерации, представители Григаревичус О.С. указывали на то, что Погорелова Н.А., обратившаяся с кассационной жалобой, также являлась участником должника, ее требование, вытекающее из заемных отношений, в настоящее время включено в реестр требований кредиторов, иные кредиторы у должника отсутствуют. Следовательно, суду при новом рассмотрении спора помимо вопроса о финансовом состоянии должника на момент получения от участника займов надлежит также проверить доводы Григаревичус О.С. о том, что ее требование идентично требованию Погореловой Н.А. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный принцип равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации), гарантирующий защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, недопустимость введения не имеющих объективного и разумного оправдания ограничений в правах лиц, принадлежащих к одной категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях). Таким образом, если доводы Григаревичус О.С. будут подтверждены, суду необходимо решить настоящий спор, в том числе принимая во внимание названный конституционный принцип равенства. При этом вопреки доводам конкурсного управляющего и представителя Погореловой Н.А.

последующий выход участника из общества также не меняет правовую природу требования из займа.

Определение ВС РФ от 02.09.2019 № 306-ЭС19-11667

Во избежание формирования несуществующей кредиторской задолженности при банкротстве эмитента, судебной проверке подлежит добросовестность векселедержателя, тем более, если по этому поводу заявлены возражения лиц, имеющих на это право в соответствии с пунктом 2 статьи 71 Закона о банкротстве. Указанным возражениям векселедержатель может противопоставить доводы и доказательства, подтверждающие, в частности, законность владения векселем; наличие обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, либо неосведомленность в момент приобретения векселя об отсутствии такого обязательства.

В случае, если векселем опосредованы заемные отношения, поставленные под сомнение лицами, участвующими в деле о банкротстве заемщика, суду надлежит проверить сведения об отражении движения заемных денежных средств на банковских счетах займодавца.

Как следует из судебных актов и материалов дела, публичное акционерное общество "Ак Барс" Банк платежным поручением от 20.04.2015 № 10868 перечислило обществу "Татагро" 466 367 000 руб.

Общество "Татагро" в тот же день выдало обществу "Ак Барс" Банк свой простой вексель 191 от 20.04.2015 номинальной стоимостью 466 367 000 руб.

20.03.2017 общество "Ак Барс" Банк продало вексель 191 обществу "Татагролизинг" за 500 000 000 руб.

25.04.2017 общество "Татагролизинг" продало вексель 191 обществу "Агросистема" за 536 188 518,02 руб., получив в качестве встречного предоставления товары и денежные средства. Расчет произведен не полностью, за обществом "Агросистема" осталась задолженность.

В тот же день общество "Агросистема" обменяло у общества "Татагро" вексель 191 на два новых номиналом 204 055 000 руб. и 332 133 518,02 руб. Последний – вексель 193.

01.10.2017 общество "Татагролизинг" приобрело у общества "Агросистема" вексель 193, рассчитавшись зачетом требований к последнему по задолженности в оплате векселя 191 по сделке от 25.04.2017 на сумму 332 133 518,02 руб. Остаток задолженности в пользу общества "Татагролизинг" составил 40 926 476,02 руб.

29.11.2017 возбуждено производство по делу о банкротстве общества "Татагро", введена процедура наблюдения.

Общество "Татагролизинг" заявило о включении в реестр требований кредиторов должника 332 133 518,02 руб. вексельного долга и 26 042 907,63 руб. процентов по векселю. Временный управляющий обществом "Татагро" потребовал признать недействительной сделку должника по выдаче векселя 193.

В связи с абстрактным и безусловным характером вексельного обязательства по общему правилу при предъявлении требования об оплате векселя не требуется подтверждения оснований обязательства. В то же время сознательные действия векселедержателя, направленные на причинение ущерба должнику (например, осведомленность в момент приобретения векселя о недействительности или об отсутствии обязательства, лежащего в основе выдачи векселя; получение векселя в результате обмана или кражи или осведомленность об этих обстоятельствах) освобождают лицо, обязанное по векселю, от платежа (пункт 17 Положения о векселе, пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 14 от 04.12.2000 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей").

Во избежание формирования несуществующей кредиторской задолженности при банкротстве эмитента, подлежит судебной проверке добросовестность векселедержателя, тем более, если по этому поводу заявлены возражения лиц, имеющих на это право в соответствии с пунктом 2 статьи 71 Закона о банкротстве. Указанным возражениям векселедержатель может противопоставить доводы и доказательства, подтверждающие, в частности, законность владения векселем; наличие обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, либо неосведомленность в момент приобретения векселя об отсутствии такого обязательства.

В данном обособленном споре из обстоятельств, установленных судами, следует, что, учитывая эквивалентный обмен своих же векселей самим эмитентом, основания, лежащие в основе выдачи векселя 193, были теми же, что лежали в основаниях выдачи векселя 191.

Согласно позиции общества "Татагролизинг", векселем 191 опосредованы заемные отношения между обществом "Ак Барс" Банк и обществом "Татагро", которые по существу сводились к обязательству последнего вернуть банку заем в размере 466 367 000 руб., полученный в апреле 2015 года.

В суде апелляционной инстанции наличие заемных обязательств было поставлено под сомнение. Заявитель апелляционной жалобы и поддерживающие его лица настаивали на том, что доказательств, представленных обществом "Татагролизинг", не достаточно для подтверждения факта передачи обществу "Татагро" займа, так как не представлены сведения об отражении движения денежных средств на банковских счетах общества "Ак Барс" Банк.

Однако, из апелляционного постановления не следует, что банковские счета, по которым осуществлялась, по мнению общества "Татагролизинг", проводка займа в 2015 году, получили судебную оценку. Общество "Татагролизинг" настаивало на том, что выписка по счетам имеет достоверную и исчерпывающую информацию о займе, предоставленном обществу "Татагро". Данная выписка представлялась в суд, была судом осмотрена, но не приобщена к материалам дела, не описана в протоколе, по ней не принято каких-либо процессуальных решений. Данный довод общества "Татагролизинг" не опровергнут прочими лицами, участвовавшими в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Сведения о банковской проводке по займу имеют существенное значение для разрешения спора, так как могут подтвердить или опровергнуть основания выдачи векселя. В нарушение требований статей 8, 9, 71, 271 (часть 2 пункт 12) Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации апелляционный суд не оценил доводы и доказательства, представленные стороной спора, а окружной суд не исправил ошибку апелляционного суда.

Вопреки выводам апелляционного и окружного судов, при установлении фактов действительности выдачи обществом "Татагро" векселя и наличия у эмитента реального обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, условия сделок обществ "Татагролизинг" и "Агросистема" по приобретению векселей даже при наличии в них пороков не имеют существенного значения для разрешения данного спора и никоим образом не освобождают общество "Татагро" от исполнения вексельного обязательства. По крайней мере, убедительных доводов о влиянии пороков указанных сделок на действительность вексельного обязательства лицами, участвующими в деле, не приводилось.

[Определение ВС РФ от 05.09.2019 № 305-ЭС16-11710 \(3\)](#)

Оставление без рассмотрения требования кредитора о включении его требований в реестр, заявленного в процедуре конкурсного производства, по мотиву наличия незавершенного общеискового производства по аналогичным требованиям кредитора, препятствует реализации права на судебную защиту, гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Учреждение обратилось в суд, рассматривающий дело о несостоятельности (банкротстве) общества (подрядчика), с заявлением о включении его денежного требования в сумму 5 193 364 328 руб., возникшего в связи с ненадлежащим исполнением обществом обязательств по шести договорам подряда, в реестр требований кредиторов подрядчика. В заявлении учреждение также просило признать его требования в сумме 349 994,72 руб. и 36 000 руб. текущими.

Судами трех инстанций заявление учреждения в части, касающейся включения денежного требования в реестр требований кредиторов, оставлено без рассмотрения, в части признания задолженности текущей – производство по заявлению прекращено.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов настоящего дела о банкротстве и судебных актов по делу № А40-32570/2014, разрешаемому в порядке искового производства, 05.03.2014 учреждение (заказчик) обратилось в арбитражный суд с иском к обществу (подрядчику) о взыскании 1 109 750 000 руб. в связи с ненадлежащим исполнением подрядчиком обязательств по шести договорам подряда на выполнение работ по капитальному ремонту зданий и сооружений и благоустройству территории детских оздоровительных лагерей (размер исковых требований впоследствии уточнялся учреждением) (дело № А40-32570/2014).

Вскоре после этого (10.06.2014) арбитражным судом возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) общества.

Решением арбитражного суда от 01.02.2018 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении общества открыта процедура конкурсного производства.

В связи с открытием в отношении общества процедуры конкурсного производства арбитражный суд оставил без рассмотрения иск учреждения к обществу, поданный в деле № А40-32570/2014.

Затем (02.04.2018) учреждение в деле о банкротстве общества предъявило ему денежное требование, основанное на ненадлежащем исполнении последним обязательств по тем же шести договорам подряда, что были указаны учреждением в иске.

Впоследствии постановлением суда апелляционной инстанции по делу № А40-32570/2014 отменено определение суда первой инстанции об оставлении без рассмотрения иска учреждения к обществу, данный иск направлен в арбитражный суд первой инстанции для рассмотрения по существу в общеисковом порядке.

Суды трех инстанций в споре об установлении требований учреждения к обществу в рамках банкротства последнего пришли к выводу, что наличие неприостановленного, непрекращенного искового производства является препятствием для рассмотрения по существу аналогичного требования кредитора, заявленного в деле о банкротстве.

Суд округа в деле № А40-32570/2014 оставил в силе определение суда первой инстанции об оставлении этого иска без рассмотрения.

Также судом округа были оставлены без изменения судебные акты по рассмотрению требований учреждения, принятые в деле о банкротстве общества.

Таким образом, судами как в рамках искового производства, так и в рамках дела о банкротстве были оставлены без рассмотрения денежные требования учреждения к обществу, основанные на ненадлежащем исполнении подрядчиком обязательств по одним и тем же договорам (нарушение сроков выполнения работ, недоброкачественность их результата, получение от заказчика платежей сверх причитающегося подрядчику и т.д.).

При этом в деле о банкротстве общества учреждение предъявило свое требование в ходе процедуры конкурсного производства в соответствии с абзацем 7 пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве после того, как его иск был оставлен без рассмотрения в общеисковом производстве.

Однако вопреки установленному законом порядку рассмотрения денежных требований к лицу, в отношении которого открыта процедура конкурсного производства, суд апелляционной инстанции, неверно применив нормы процессуального права, ошибочно счел, что возможно дальнейшее разрешение иска заказчика к подрядчику в общеисковом порядке, создав тем самым препятствия для рассмотрения по существу тождественного требования в рамках дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 12.09.2019 № 309-ЭС17-10562 \(2\)](#)

При исполнении одним из солидарных должников по договору поручительства требований кредитора, из реестра требований другого должника подлежат исключению требования такого кредитора в части исполненного (в размере регрессного требования) за вычетом доли самого исполнившего солидарного должника.

Правопреемником кредитора в реестре требований кредиторов указанного должника становится исполнивший солидарный должник.

В рамках дела о банкротстве Мешалкина В.Я. (далее также - должник) общество «РосИнКапитал» обратилось в суд с заявлением об исключении из реестра требований кредиторов должника требований в размере 53 456 083,10 руб.

Иванов О.Г. обратился с заявлением о замене общества «РосИнКапитал» по требованию в указанном размере на правопреемника - Иванова О.Г.

Заявления объединены в одно производство для совместного рассмотрения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявления общества «РосИнКапитал» и Иванова О.Г. удовлетворены частично: из реестра исключено требование общества «РосИнКапитал» в части 9 712 085,07 руб. основного долга и 3 651 935,58 руб. неустойки; в оставшейся части по требованию общества «РосИнКапитал» в реестре произведена замена кредитора на правопреемника - Иванова О.Г.

Постановлением суда округа от 20.02.2019 судебные акты судов первой и апелляционной инстанций изменены: из реестра исключено требование общества «РосИнКапитал» в части 19 424 170,15 руб. основного долга и 7 303 871,40 руб. неустойки. В оставшейся части по требованию общества «РосИнКапитал» в реестре произведена замена кредитора на правопреемника - Иванова О.Г.

Как установлено судами, определением арбитражного суда от 27.03.2017 в реестр включено требование общества «РосИнКапитал» в размере 38 848 340,30 руб. основного долга и 14 607 742,8 руб. неустойки, составляющих задолженность Мешалкина В.Я. как поручителя за общество «Титан» (лизингополучателя) по заключенным последним с обществом «Сбербанк Лизинг Норд» (лизингодателем) договорам от 17.06.2011 и от 29.07.2011 (далее – договоры лизинга).

Лизингодатель по соглашениям от 30.07.2015 и 05.08.2015 о замене сторон по договорам лизинга передал обществу «РосИнКапитал» право собственности на предметы лизинга, а также право требования задолженности в размере 53 456 083,10 руб.

В обеспечение исполнения обязательств по договорам лизинга заключены четыре договора поручительства с должником, Мезяевым С.Н., Казаковым А.Н. и Ивановым О.Г.

Впоследствии (13.02.2018) общество «РосИнКапитал» и должник подписали соглашение о расторжении договоров поручительства к договорам лизинга.

Иванов О.Г. признан банкротом (дело № А76-28565/2015), в рамках дела о его банкротстве определением от 14.07.2017 в третью очередь реестра включено требование общества «РосИнКапитал» по договорам лизинга в размере 53 456 083,10 руб., определением суда от 21.03.2018 требования общества «РосИнКапитал» признаны удовлетворенными в полном объеме.

Погашение Ивановым О.Г. задолженности по договорам лизинга за общество «Титан» послужило причиной для подачи настоящих заявлений в арбитражный суд.

Рассматривая заявления, суды первой и апелляционной инстанций, исходя из количества поручившихся за исполнение обязательств общества «Титан» по договорам лизинга, определили, что объем перешедшего к Иванову О.Г. права регрессного требования за вычетом его доли составляет $\frac{3}{4}$.

Действия по расторжению договора поручительства между обществом «РосИнКапитал» и Мешалкиным В.Я. расценены судами как злоупотребление правом, поскольку совершены в ситуации корпоративного конфликта между Мешалкиным В.Я. и Ивановым О.Г. с целью недопущения участия последнего как конкурсного кредитора в деле о банкротстве должника.

Изменяя судебные акты, суд округа указал, что поскольку общество «РосИнКапитал» предъявило требование о взыскании задолженности только к

обществу «Титан», Мешалкину В.Я. и Иванову О.Г., а поручительства Мезяева С.Н. и Казакова А.Н. прекращены за истечением предусмотренного в договорах срока, объем прав, перешедших к Иванову О.Г. как сопоручителю, составляет $\frac{1}{2}$.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Суд округа исходил из того, что общество «РосИнКапитал» не реализовало свои права как кредитора по обязательству из договоров лизинга в отношении Мезяева С.Н. и Казакова А.Н., в связи с чем их доли подлежат распределению на оставшихся поручителей.

Согласно статье 324 ГК РФ солидарный должник не может ссылаться в качестве возражения на требование кредитора на то обстоятельство, что кредитор отказался от иска к другому солидарному должнику или простил ему долг. Вне зависимости от этих действий кредитора должник, исполнивший солидарную обязанность, получает регрессное требование, в том числе и к должнику, в отношении которого кредитор отказался от иска или которому он простил долг (пункт 52 постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

В противном случае нарушались бы разумные правовые ожидания поручителя, который при выдаче совместного обеспечения рассчитывал на возможность предъявления регрессных требований к остальным поручителям в случае исполнения им обязательств перед кредитором.

Таким образом, непредъявление обществом «РосИнКапитал» требований к Мезяеву С.Н. и Казакову А.Н. не влияет на объем регресса Иванова О.Г. к сопоручителям. Вывод суда округа в этой части ошибочен.

В соответствии со сложившейся судебной практикой аффилированность лиц, предоставивших поручительство, предполагает его совместный характер (определение ВС РФ от 04.10.2018 № 305-ЭС18- 9321).

Сторонами не оспаривается, что предоставление поручителями обеспечения обусловлено их связанностью с обществом «Титан» как лизингополучателем по договорам лизинга.

Предоставившие совместное обеспечение лица являются солидарными должниками по отношению к кредитору. В случае исполнения одним из таких солидарных должников обязательства перед кредитором к нему в порядке суброгации переходит требование к основному должнику (абзац четвертый статьи 387 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом его отношения с другими выдавшими обеспечение членами группы регулируются положениями пункта 2 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации о регрессе: он вправе предъявить регрессные требования к каждому из лиц, выдавших обеспечение,

в сумме, соответствующей их доле в обеспечении обязательства, за вычетом доли, падающей на него самого.

Следовательно, Иванов О.Г., исполнив обязательство перед кредитором в полном объеме, по общему правилу, вправе рассчитывать на получение с Мешалкина В.Я. одной четвертой от суммы долга в порядке регресса.

Иное распределение долей между солидарными должниками может вытекать из их отношений (пункт 2 статьи 325 ГК РФ).

Так, судами установлено наличие корпоративного конфликта между Мешалкиным В.Я. и Ивановым О.Г.

Этим, в частности, можно объяснить расторжение договора поручительства между должником и обществом «РосИнКапитал» после того, как Иванов О.Г. оплатил задолженность. Такие действия расценены судами как злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ), направленное на причинение вреда Иванову О.Г. и недопущения последнего к участию в деле о банкротстве Мешалкина В.Я.

Кроме этого, вступившим в законную силу судебным актом установлено, что Мешалкин В.Я. являлся контролирующим общество «РосИнКапитал» лицом. Из этого следует, что бездействие упомянутого кредитора по реализации прав из договоров лизинга в отношении Месяева С.Н. и Казакова А.Н. фактически исходит от Мешалкина В.Я.

Подобное поведение, по сути, свидетельствует о том, что во внутренних отношениях сопоручителей (солидарных должников) Мешалкин В.Я. противопоставляет Иванову О.Г. не только свои интересы, но и интересы Месяева С.Н. с Казаковым А.Н., а потому при регрессе доли последних подлежат распределению на должника.

[Определение ВС РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031](#)

При рассмотрении вопроса о том, подлежат ли включению в реестр требований кредиторов должника требования участника должника, судам надлежит устанавливать правовую природу отношений между указанными лицами.

Доказательствами отсутствия корпоративности в заявленном участником должника требовании могут служить: несокрытие от кредиторов механизма привлечения средств на нужды должника, а также достижение с мажоритарными кредиторами договоренности по поводу несубординации требований аффилированных к должнику лиц.

В рамках дела о банкротстве должника Плешков С.В. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника

требований в размере 657 798 323,35 руб. и 27 200 000 руб. задолженности по договорам займа соответственно.

Судом первой инстанции в удовлетворении требований отказано, судом апелляционной инстанции принят новый судебный акт о включении в третью очередь реестра требований должника требования Плешкова С.В. как индивидуального предпринимателя в размере 576 606 918,64 руб. и как физического лица в размере 27 200 000 руб. В удовлетворении остальной части заявления отказано.

Суд округа оставил в силе определение суда первой инстанции.

Сдебная коллегия считает, что постановление суда округа подлежит отмене по следующим основаниям.

Между должником и Плешковым С.В. заключены: договор процентного займа от 29.07.2011, договор новации от 18.08.2015, в соответствии с которыми последний предоставил должнику денежные средства в сумме 804 000 000 руб. (невозвращенный остаток составляет 657 798 323,35 руб.); договор беспроцентного займа от 28.04.2014 на сумму 50 000 000 руб. (невозвращенный остаток составляет 27 200 000 руб.)

Должник входит в группу компаний «Анкор», мажоритарным участником которой является Плешков С.В.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции указал на создание между аффилированными лицами искусственного кругооборота денежных средств в результате льготного продолжительного кредитования в форме займов, а также на поведение потенциального кредитора по наращиванию подконтрольной кредиторской задолженности при наличии в этот же период значительной просрочки исполнения обязательств по кредитным договорам.

Суд округа поддержал выводы суда первой инстанции, указав на злоупотребление Плешковым С.В. своими правами, поскольку спорные правоотношения фактически направлены на увеличение уставного капитала в обход требований закона и являются корпоративными.

Между тем судом округа не учтено следующее.

При рассмотрении подобной категории дел в каждом конкретном случае надлежит исследовать правовую природу отношений между участником (аффилированным лицом) и должником, цели и источники предоставления денежных средств, экономическую целесообразность и необходимость их привлечения путем выдачи займа, дальнейшее движение полученных заемщиком средств и т.п.

Судами установлено, что должник и другие юридические лица (общества «Северная Генподрядная компания» и «Анкор Инвест»), созданы одновременно для

реализации проекта по строительству и дальнейшей эксплуатации торгового центра «Солнечный» (далее – ТЦ).

Для привлечения денежных средств на строительство ТЦ заключены кредитные договоры с банком, по условиям которых ГК Анкор должна согласовывать с банком любое заимствование денежных средств и гарантий, должник обязан обеспечить высокие показатели финансовой устойчивости и предоставлять подтверждающие целевое использование кредитных средств документы (исключительно на финансирование выполненных работ по объекту и на приобретение оборудования для объекта).

В кредитных договорах с банком содержалось в том числе условие о том, что требования участников ГК «Анкор» перед банком не субординируются.

Включение такого условия может рассматриваться как действия, направленные на заключение впоследствии соглашения между кредиторами о порядке удовлетворения их требований к должнику (статья 309.1 ГК РФ). Договорившись об этом, банк согласился с тем, что требования участников группы компаний должника могут быть ему противопоставлены без возражений по мотиву необходимости понижения их очередности. При этом не имеется каких-либо оснований полагать, что данное условие договора не применяется в процедуре банкротства. Напротив, экономические мотивы урегулирования отношений подобным образом обусловлены, в первую очередь, возможным банкротством заемщика в будущем.

Учитывая, что механизм привлечения средств для строительства ТЦ не скрывался от независимых кредиторов должника, и принимая во внимание достигнутые с мажоритарным кредитором договоренности по поводу несубординации требований аффилированных к должнику лиц, у судов первой инстанции и округа не имелось оснований для понижения очередности погашения задолженности перед Плешковым С.В.

Следует также отметить, что доказательства выдачи Плешковым С.В. займов с целью компенсации негативных результатов его воздействия на хозяйственную деятельность должника либо сокрытия кризисной ситуации от кредиторов, транзитного характера перечислений с целью создания искусственной задолженности, не представлены.

Кроме этого, по условиям кредитных договоров банк обладал всей полнотой информации о финансовом состоянии и корпоративной структуре должника и ГК «Анкор», привлеченных инвестициях, имел право прекратить финансирование либо потребовать досрочного возврата кредита в случае ухудшения экономических показателей. Обязательства должника по кредитным договорам обеспечивались поручительствами аффилированных лиц, а также залогом недвижимого имущества

(Торгово- развлекательного центра «Гудзон», торгового центра «Вертолет» и земельных участков под ними), иного имущества.

Из упомянутых и иных установленных по делу обстоятельств следует, что банк изначально имел намерение финансировать строительство объекта совместно с ГК «Анкор», являясь по сути соинвестором. Более того, в дальнейшем между банком и участниками должника велись переговоры о приобретении банком 51 % долей в уставном капитале должника в счет задолженности по кредитным договорам. Таким образом, фактически банк рассматривал участников должника как своих партнеров по строительству ТЦ. В такой ситуации оснований возражать при рассмотрении настоящего спора против требований участника должника управопреемника банка не имелось.

[Определение ВС РФ от 14.02.2019 № 305-ЭС18-17629](#)

Учитывая объективную сложность получения кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств неформальной аффилированности, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником.

При этом о подконтрольности должника и кредитора единому центру могут свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу.

В такой ситуации аффилированный кредитор не может ограничиться представлением формального набора доказательств. Нежелание аффилированного кредитора представить дополнительные доказательства, находящиеся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, в силу ст. 9 и 65 АПК РФ должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты.

В рамках дела о банкротстве общества «Еврофинанс» общество «Рубикон» обратилось в суд с заявлением о включении его требований в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций требования признаны обоснованными и подлежащими включению в третью очередь реестра требований кредиторов (судом округа изменен размер процентов, подлежащих включению в реестр).

Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат отмене.

Общество «Рубикон», предъявляя требования должнику, сослалось на наличие неисполненных обязательств по возврату займа, предоставленного обществу «Еврофинанс» по договору от 01.04.2016.

Суть возражений по требованию общества «Рубикон» сводилась к тому, что этот кредитор и должник контролируются один и тем же конечным бенефициаром – Самиевым И.Р. По мнению процессуальных оппонентов общества «Рубикон», именно Самиев И.Р. определял действия названного хозяйственного общества, должника и иных лиц, входящих в единую группу, которые использовали счет общества «Еврофинанс» в качестве транзитного, создавая для внешних участников оборота лишь видимость возникновения заемных отношений между обществами «Рубикон» и «Еврофинанс».

Отклоняя доводы о наличии группы лиц, контролируемой Самиевым И.Р., суды, с одной стороны, указали на то, что кредитор и должник не участвуют в уставных капиталах друг друга, имеют разных руководителей, которые также не владеют долями в уставных капиталах обществ «Еврофинанс» и «Рубикон», с другой стороны, пришли к выводу о вероятной косвенной аффилированности упомянутых хозяйственных обществ, не подкрепив этот вывод ссылками на какие-либо конкретные доказательства.

Суды, по сути, сочли, что контроль одного и того же лица над обществами «Еврофинанс» и «Рубикон» должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику и кредитору, относительно их деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния. Его отношения с подконтрольными обществами не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

В такой ситуации судам следовало проанализировать поведение лиц, которые, по мнению подателей жалоб, входили в одну группу. О наличии их подконтрольности

единому центру, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.

Учитывая объективную сложность получения кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств неформальной аффилированности, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником.

В нарушение положений статей 168, 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций не исследовали и не оценивали совокупность имеющихся в материалах дела косвенных доказательств, указывающих, как полагают общества «ПИРРОН» и «МИТО ОСТ», на зависимый характер деятельности обществ «Еврофинанс» и «Рубикон», в том числе, касающихся:

ведения переговоров по поводу заключения ряда сделок под контролем Самиева Р.И., выдачи обеспечения за Самиева Р.И.,

выплат одних лиц в счет погашения задолженности других,

суждения сотрудников незаинтересованных кредитных организаций, которые при кредитовании и оценке рисков рассматривали ряд лиц как группу,

формализованных связей между отдельными членами группы и т.д.

Равным образом не были оценены судами и возражения общества «Еврофинанс», отрицающего факт аффилированности с должником.

Более того, суды не учли, что общество «Еврофинанс» не осуществляло деятельность по предоставлению финансирования сторонним организациям в качестве основной. В такой ситуации любой разумный участник гражданского оборота перед выдачей займа на значительную сумму (в данном случае, превышающую 150 000 000 руб.) проведет переговоры, примет меры к выяснению финансового положения заемщика, изучит цели получения им денежных средств и источники их возврата, приложит усилия для заключения обеспечительных сделок. Без подобной проверки возникновение соответствующих обязательств возможно только при наличии доверительных отношений между заемщиком и займодавцем, в том числе вследствие их аффилированности. Суды не предложили обществу

«Рубикон» раскрыть обстоятельства, предшествующие вступлению в договорные отношения, мотивы, побудившие заключить сделку. Соответствующие обстоятельства судами не были установлены.

Таким образом, вопрос о наличии (отсутствии) группы лиц, контролируемой Самиевым И.Р., разрешен судами при неправильном применении положений процессуального законодательства о доказательствах.

По мнению обществ «ПИРРОН» и «МИТО ОСТ», вследствие подконтрольности кредитора и должника одному и тому же лицу стало возможным составление договора о выдаче займа и платежных документов о перечислении заемных средств, не отражающих реальное положение дел. Фактически конечный бенефициар использовал расчетный счет общества «Еврофинанс» в качестве транзитного. Общество «Рубикон», аффилированное с должником, под видом выдачи займа перечисляло на счет общества «Еврофинанс» средства, которые последним расходовались не в собственных коммерческих целях, а перенаправлялись в интересах конечного бенефициара на счета других лиц, входящих в ту же группу. При таком обороте активы должника, как полагали общества «ПИРРОН» и «МИТО ОСТ», не пополнились на сумму якобы привлеченного от общества «Рубикон» финансирования, произошел безосновательный рост долговых обязательств общества «Еврофинанс» перед аффилированным лицом без получения встречного предоставления.

В нарушение требований статей 71, 168 и 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций не исследовали выписку по расчетному счету должника, не проверили возражения общества «ПИРРОН» о том, что исходя из времени совершения операций по счету общества «Еврофинанс», сумм, поступивших на этот счет и списанных с него, периодов образования нулевого сальдо по данному счету, в состав платежей, перечисленных должником лицам, входящим в одну с ним группу, вошли средства, полученные ранее от общества «Рубикон», относящегося к той же группе.

Суд округа эти нарушения не устранил.

В ситуации, когда независимые кредиторы представили серьезные доказательства и привели убедительные аргументы по поводу того, что именно указанным ими образом выстраивались отношения внутри группы, контролируемой одним и тем же лицом, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального набора документов (текста договора и платежных поручений) в подтверждение реальности заемных отношений. Он должен с достаточной полнотой раскрыть все существенные обстоятельства, касающиеся не только заключения и исполнения самой заемной сделки, но и оснований дальнейшего внутригруппового перенаправления денежных потоков, подтвердить,

что движение средств соотносится с реальными хозяйственными отношениями, выдача займа и последующие операции обусловленные разумными экономическими или иными причинами. Нежелание аффилированного кредитора представить дополнительные доказательства, находящиеся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, в силу статьей 9 и 65 АПК РФ должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты, а действия, связанные с временным зачислением таким аффилированным лицом средств на счета должника, подлежат квалификации по правилам статьи 170 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 14.02.2019 № 305-ЭС18-18538](#)

Косвенными доказательствами ничтожности договора об оказании должнику юридических услуг могут служить: многократное завышение цены договора по сравнению со среднерыночными ценами, непредоставление заинтересованными лицами информации об оказании юридической помощи иным лицам, неизвестность исполнителя на рынке юр услуг, непредоставление исполнителем внутренней документации, невозможность проследить исполнителя по базам данных, фиксирующим участие в судебных делах, подписание акта об оказанных услугах после возбуждения дела о банкротстве, занятие консолидированной позиции заказчика-должника и кредитора- исполнителя услуг.

15.04.2017 общество "Лигал С.С." (исполнитель) и общество "Орбита" (заказчик) заключили договор, по условиям которого исполнитель обязался оказать услуги по представлению интересов заказчика по гражданскому делу в судах общей юрисдикции, а заказчик их оплатить в размере 3 750 000 руб. Во исполнение условий договора общество "Лигал С.С." подготовило заявление о пропуске срока исковой давности и участвовало в двух судебных заседаниях по исковым требованиям, заявленным к обществу "Орбита" и касающимся нарушения прав потребителя.

30.08.2017 в отношении общества "Орбита" арбитражным судом возбуждено дело о банкротстве. 30.09.2017 общество "Орбита" и общество "Лигал С.С." подписали акт, в котором подтвердили надлежащее выполнение последним услуг по договору. Заказчик обязался выплатить исполнителю 3 750 000 руб. в течение пяти рабочих дней с момента подписания данного акта.

Неисполнение заказчиком указанного обязательства явилось поводом для обращения общества "ЛигалС.С." в арбитражный суд с иском по настоящему делу.

27.10.2017 в отношении общества "Орбита" введено наблюдение.

Решением арбитражного суда от 23.11.2017 иск общества "Лигал С.С." удовлетворен. В рамках дела о банкротстве общества "Орбита" общество "Лигал С.С." направило в арбитражный суд заявление о включении в реестр требований 11 104

691,77 руб., часть из которых подтверждена решением от 23.11.2017 по настоящему делу, а оставшаяся часть – судебными решениями по двум аналогичным делам.

Конкурсный кредитор и временный управляющий общества «Орбита» на основании пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" обжаловал решение от 23.11.2017.

Судом апелляционной инстанции решение от 23.11.2017 изменено: взысканная с общества "Орбита" в пользу общества "Лигал С.С." сумма уменьшена до 179 000 руб. Апелляционный суд установил размер задолженности исходя из объема фактически оказанных услуг и их реальной цены, определенной по среднерыночной стоимости аналогичных услуг.

Окружной суд постановлением от 24.07.2018 отменил постановление апелляционного суда и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Требования общества "Лигал С.С." по взысканию задолженности основаны на условиях договора возмездного оказания юридических услуг и акте приемки этих услуг, а также на факте невыполнения заказчиком обязательств по оплате принятых услуг, и сводилась к тому, что заказчик принял услуги и обязался выплатить за них согласованную сторонами сумму.

Действительно, в силу пункта 2 статьи 1, пунктов 1 и 4 статьи 421, пункта 1 статьи 424 ГК РФ по общему правилу стороны свободны в определении условий договора, в том числе о его цене. Договор возмездного оказания юридических услуг исключением из этого правила не является, а примерная стоимость юридических услуг, установленная отдельными юридическими фирмами и адвокатскими образованиями, не подпадает под понятие регулируемых цен (тарифов, расценок, ставок и т.п.) в смысле пункта 1 статьи 424 ГК РФ.

В обычных условиях хозяйственного оборота при возникновении спора по поводу оплаты юридических услуг заказчик, принявший эти услуги без претензий по объему и качеству, не вправе впоследствии возражать по поводу завышения их стоимости по отношению к среднерыночным расценкам. Право исполнителя на получение платы защищено положениями статьи 309, пункта 1 статьи 310, пункта 1 статьи 779, пункта 1 статьи 781 ГК РФ, из которых следует, что оказанные юридические услуги должны быть оплачены заказчиком по согласованной с исполнителем цене.

В том случае, если оказание юридических услуг является частным делом, произвольное вмешательство кого-либо в данные правоотношения недопустимо (пункт 1 статьи 1 ГК РФ).

Такое положение дел характерно для споров двух лиц, интересы которых противопоставляются друг

другу.

Однако, в условиях несостоятельности заказчика, когда требование исполнителя юридических услуг противопоставляется интересам прочих кредиторов, не участвовавших в согласовании цены, последние, а также арбитражный управляющий на основании пункта 24 постановления № 35 в рамках обжалования судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, вправе оспаривать как сам факт оказания этих услуг, так и их стоимость, ссылаясь помимо прочего на явно завышенную цену услуг по сравнению со среднерыночной. При этом наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке (пункт 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

Такой подход позволяет противодействовать злоупотреблениям со стороны заказчика и исполнителя юридических услуг, использующих договорную конструкцию возмездного оказания услуг и право на свободное согласование цены договора в целях искусственного формирования задолженности, в том числе и для создания фигуры фиктивного доминирующего кредитора, контролирующего банкротство в своих интересах в ущерб независимым кредиторам. Эта цель не совместима с задачами института банкротства, противоправна и не подлежит судебной защите.

Ввиду того, что противоправная цель скрывается сторонами сделки, ее наличие устанавливается судом по совокупности косвенных признаков. Сам же факт установления неоправданно высокой цены услуг, что явно не характерно для обычных правоотношений, наряду с прочими обстоятельствами может указывать на злоупотребление правом.

Так, в частности, при рассмотрении данного дела апелляционный суд установил, что договор заключен в преддверии банкротства заказчика, а акт об оказании услуг подписан после возбуждения дела о его несостоятельности.

В материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, указывающие на оказание обществом "Лигал С.С." юридических услуг иным организациям, равно как и свидетельств юридического сопровождения им деятельности общества "Орбита" в предшествующие периоды.

Ни в договоре, ни в акте об оказании юридических услуг не обозначена стоимость каждого из выполняемых исполнителем действий.

В ходе судебного разбирательства общество "Лигал С.С." не представило свои внутренние документы, из которых можно было бы уяснить его обычные расценки на услуги по подготовке к судебному заседанию, составлению отзыва на исковое

заявление, стоимость представительства в одном судебном заседании каждой из судебных инстанций, в том числе почасовую, и т.п., что является обычной практикой на рынке правовых услуг.

Стоимость юридических услуг была многократно (в десятки раз) завышена по сравнению со среднерыночной, при этом каких-либо доказательств, обосновывающих столь высокое расхождение со среднерыночными показателями, представлено не было.

В судебном заседании представители обществ "Орбита" и "Лигал С.С." в противовес доводам заявителей о том, что последнее не известно на рынке юридических услуг; не имеет сайта в сети "Интернет", где можно было бы ознакомиться с оказываемыми услугами и их стоимостью; не прослеживается по базам данных, фиксирующим участие в судебных делах, также не привели разумных возражений в пользу эксклюзивно высокой стоимости спорных услуг.

Кроме того, в том же арбитражном суде в тот же период рассматривалось еще два подобных спора между теми же сторонами. Во всех спорах общество "Орбита" занимало консолидированную с истцом позицию, по существу признавая его требования. Стороны не ставили суд первой инстанции в известность о введении процедуры наблюдения, пытаясь избежать привлечение к участию в деле временного управляющего общества "Орбита" и скрыть свои договоренности от кредиторов.

Общий результат удовлетворенных требований по трем делам позволял обществу "Лигал С.С." занять в деле о банкротстве общества "Орбита" позицию доминирующего кредитора, что оно и попыталось сделать.

Совокупность данных обстоятельств позволила апелляционному суду прийти к обоснованному выводу о том, что посредством использования договорной конструкции возмездного оказания юридических услуг, стоимость которых многократно превышала среднерыночную без каких-либо на то оснований, общества "Лигал С.С." и "Орбита" преследовали единственную цель – искусственно создать задолженность для контроля над банкротством общества "Орбита". При таких обстоятельствах спорный договор ничтожен и квалифицируется по статьям 10 и 168 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 21.02.2019 № 308-ЭС18-16740](#)

К конкурирующему кредитору, оспаривающему судебный акт, на основании которого иной кредитор включается в реестр, не могут быть применены высокие требования по доказыванию - такой подход влечет за собой неравенство процессуальных возможностей, потому как конкурирующий кредитор вынужден представлять доказательства, доступ к которым у него отсутствует.

Заявление конкурирующим кредитором возражений, ставящих под сомнение наличие оснований для оставления в силе решения суда, обязывает вышестоящий суд потребовать от истца дополнительных доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним и опровергающих возражения кредитора, обжалующего судебный акт.

Общество «Галс» обратилось в арбитражный суд с иском к ОАО «Радуга» о взыскании 167 293 043,94руб. задолженности.

Решением суда первой инстанции от 19.09.2016 исковые требования удовлетворены, в том числе всвязи с признанием ответчиком иска.

Банк, являющийся кредитором ответчика, обратился в порядке, предусмотренном пунктом 24 постановления № 35, с апелляционной жалобой на данное решение.

Судом апелляционной инстанции и округа решение оставлено без изменения. Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

Учитывая, что ответчик находится в банкротстве и что решение по настоящему делу фактически предопределяет результат рассмотрения вопроса о включении требований истца в реестр требований кредиторов ответчика, суд апелляционной инстанции не мог сделать вывод об обоснованности иска, ограничившись минимальным набором доказательств, представленным обществом «Галс», необходимо было провести более тщательную проверку обоснованности требований. В таком случае основанием к удовлетворению иска являлось бы представление истцом доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним и опровергающих возражения кредитора, обжалующего судебный акт (пункт 26 постановления № 35, определения Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413, от 07.06.2018 № 305-ЭС16-20992(3), от 13.07.2018 № 308-ЭС18- 2197, от 29.10.2018 № 308-ЭС18-9470).

В рассматриваемом случае наличие долга подтверждалось договорами купли-продажи (поставки), аренды, цессии, займа, товарными накладными и т.д. Однако возражая против требования общества «Галс», банк отмечал, что в документах, оформлявших арендные отношения, имеются существенные противоречия; подсолнечник поставлялся в значительных объемах, однако подтверждения наличия у покупателя возможности осуществления самовывоза товара (как согласовано в договоре), не представлено; исходя из условий договоров цессии уступка фактически не состоялась, поскольку сторонами не были осуществлены все необходимые действия для вступления в силу условия о переходе права; в подтверждение выдачи займов были представлены платежные поручения об оплате пшеницы и письма, впоследствии скорректировавшие назначения платежей. Таким образом, банк ссылаясь на мнимый характер заключенных между сторонами договоров, то есть на

их совершение лишь для вида, без намерений создать соответствующие им правовые последствия (пункт 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Заявление подобных возражений, ставящих под сомнение наличие оснований для оставления решения суда первой инстанции без изменения, обязывало суд апелляционной инстанции потребовать от истца дополнительных пояснений в опровержение позиции банка. Вместо этого суд апелляционной инстанции указал, что возражение о мнимости опровергается наличием частичной оплаты по договорам, а также отсутствием в деле доказательств, бесспорно указывающих на мнимость сделок.

Однако предъявление к банку как конкурирующему кредитору высоких требований по доказыванию заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей, так как такой кредитор по существу оказывается вынужденным представлять доказательства, доступ к которым у него отсутствует в силу его невовлеченности в спорные правоотношения.

Наличие в материалах дела документов, формально подтверждающих существование отношений между сторонами, являлось недостаточным для опровержения аргумента банка о мнимости соответствующих сделок. Суду апелляционной инстанции следовало по существу проверить возражения банка о фиктивности договоров, положенных в основание требования, в том числе при необходимости путем исследования всей производственной цепочки и закупочных взаимоотношений с третьими лицами, а также экономической целесообразности заключения этих сделок.

Более того, банк отмечал, что истец с ответчиком аффилированы между собой, так как входят в одну группу компаний «Агра-Кубань».

Если стороны настоящего дела действительно являются аффилированными, именно истец должен исключить разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов, в том числе повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав.

[Определение ВС РФ от 10.01.2020 г. № 305-ЭС17-16841\(61\)](#)

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают

свое назначение как средство платежа. В связи с этим фактического поступления денежных средств со счета одного лица на счет другого лица не произошло.

В результате банковских проводок, осуществленных в отношении клиентов банка (впоследствии банкрот) без использования корреспондентского счета кредитной организации, действия по внесению записи о пополнении счета одного лица со счета другого лица, являются подтверждением того обстоятельства, что одно лицо уступило, а другое, как владелец счета приобрело требование к банку на указанную сумму.

В случае, если лицо, получившее право по уступке, реализовало свое право на получение денежных средств, заявив требование в деле о банкротстве, и в удовлетворении требований было отказано, вышеуказанная уступка не может считаться состоявшейся, в связи с чем необходимо проверить на обоснованность требование лица, уступившего требование.

В рамках дела о банкротстве банка компания обратилась в арбитражный суд с возражениями на отказ конкурсного управляющего должником включить ее требование в размере 1 479 000 руб. в реестр требований кредиторов.

Судами трех инстанций в удовлетворении возражений отказано.

Как установлено судами, с 08.02.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций и назначена временная администрация по управлению кредитной организацией. Решением от 07.04.2016 банк признан банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

До отзыва лицензии компания платежным поручением от 26.01.2016 перечислила Ширковец Е.Н. денежные средства в размере 1 479 000 руб. в качестве ежегодной премии генеральному директору компании.

При этом компания и Ширковец Е.Н. являлись клиентами банка по договорам банковского счета.

Впоследствии по результатам рассмотрения возражений Ширковец Е.Н. на отказ агентства от включения в реестр ее денежного требования в размере 1 485 296,45 руб. принято определение от 17.05.2017, которым производство по части требования в размере 1 400 000 руб. прекращено, в удовлетворении остальной части требования отказано.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения компании к конкурсному управляющему с настоящим заявлением.

Конкурсный управляющий отказал во включении требования в реестр со ссылкой на то, что действия по переводу денежных средств в счет оплаты труда направлены на преимущественное удовлетворение требований кредитора перед иными кредиторами банка. Восстановление остатка возможно по соответствующему заявлению получателя денежных средств – Ширковец Е.Н. После восстановления

остатка соответствующее требование может быть рассмотрено конкурсным управляющим.

Действительно, при отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа. В связи с этим фактического поступления денежных средств на счет Ширковец Е.Н. от компании в рассматриваемом случае не произошло.

Вместе с тем в результате банковских проводок, осуществленных в отношении клиентов банка без использования корреспондентского счета кредитной организации, произведена запись о пополнении счета Ширковец Е.Н. на 1 479 000 руб. По сути, данные действия являются подтверждением того обстоятельства, что компания уступила, а Ширковец Е.Н. как владелец счета приобрела требование к банку на указанную сумму.

Аналогичная правовая позиция изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03.06.2014 № 2953/14 и определении ВС РФ от 19.03.2018 № 306-ЭС17-17686.

В рамках настоящего дела Ширковец Е.Н. реализовала свое право на получение денежных средств в размере 1 479 000 руб. Однако принимая во внимание результаты рассмотрения арбитражным судом в рамках обособленного спора заявления Ширковец Е.Н., уступка данного требования не может считаться состоявшейся.

При таких обстоятельствах оснований для отказа в удовлетворении возражений компании и проверки обоснованности заявленного последней требования у судов не имелось.

Равным образом нельзя согласиться с поддержанной судами позицией конкурсного управляющего должником относительно необходимости совершения третьим лицом (Ширковец Е.Н.) определенных действий в целях установления соответствующего требования компании в реестре.

После отзыва лицензии и введения в отношении банка конкурсного производства осуществление последним банковской деятельности стало невозможным, в связи с чем настоящее требование компании, по сути, является требованием о возврате остатка денежных средств на счете (пункт 5 статьи 859 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 30.01.2020 № 305-ЭС18-14622\(4,5,6\)](#)

В рамках дела о банкротстве гражданина для квалификации как текущего или реестрового обязательства такого лица, контролировавшего компанию-банкрота и

привлеченного к субсидиарной ответственности по долгам последней, необходимо определить момент причинения вреда кредиторам компании.

В 2014 году общество "Дистрибуция" во исполнение ряда договоров получило от Альфа-Банка кредиты, однако их не погасило.

Каменский Д.А., являясь учредителем общества "Дистрибуция", а с июня 2015 года по январь 2017 года его генеральным директором, солидарно с другими лицами поручился за возвраты вышеуказанных кредитов.

В связи с наличием у Каменского Д.А. как солидарного должника по кредитным договорам неисполненных денежных обязательств по заявлению Кредитного банка 09.11.2015 возбуждено дело о банкротстве Каменского Д.А., 06.09.2016 он признан банкротом, введена процедура реализации имущества гражданина.

11.07.2016 по заявлению Альфа-Банка арбитражный суд возбудил дело о банкротстве общества "Дистрибуция", а 27.12.2016 признал его банкротом.

Установив факт неисполнения обязанностей по передаче конкурсному управляющему документации общества "Дистрибуция", арбитражный суд привлек Каменского Д.А. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника: с Каменского Д.А. в конкурсную массу общества "Дистрибуция" взыскано 330 372 472,10 руб.

Общество "Дистрибуция" уступило требование к Каменскому Д.А. Альфа-Банку.

Основываясь на указанных обстоятельствах, Альфа-Банк в деле о банкротстве Каменского Д.А. 28.12.2018 потребовал включить в реестр требований кредиторов должника задолженность в размере 316 929 251 руб. Впоследствии он же ходатайствовал о прекращении производства по данному требованию, поскольку, по его мнению, правонарушение Каменским Д.А. совершено после возбуждения дела о его банкротстве, поэтому задолженность подпадала под режим текущих платежей.

Суды прекратили производство по делу, поскольку по выводам судов заявленные требования касаются обязательств по текущим платежам и не подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве.

В соответствии с пунктами 1 и 2 ст. 5 Закона о банкротстве под текущими платежами понимаются денежные обязательства, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, то есть даты вынесения определения об этом. Требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов.

Ответственность, контролирующая должника лиц, предусмотренная статьями 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве, является гражданско-правовой и при привлечении контролирующей должника лиц к субсидиарной ответственности должны учитываться общие положения глав 25 и 29 ГК РФ об ответственности за

нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда в части, не противоречащей специальным нормам Закона о банкротстве.

По общему правилу, следующему из статьи 1064 ГК РФ, обязательство по возмещению вреда возникает с момента его причинения. Дата причинения вреда кредиторам, за который несет ответственность должник, признается датой возникновения обязательства по возмещению вреда для целей квалификации его в качестве текущего платежа.

Таким образом, для квалификации как текущего или реестрового обязательства лица, контролировавшего должника-банкрота и привлеченного к субсидиарной ответственности по долгам последнего, необходимо определить момент причинения вреда кредиторам должника-банкрота.

Суды, квалифицировав обязательства Каменского Д.М. как текущие, исходили из того, что конкурсное производство в отношении общества "Дистрибуция" открыто 27.12.2016, поэтому в соответствии с п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве Каменский Д.А. должен был передать документацию должника не позднее 09.01.2017. Не передав документы к этой дате, Каменский Д.А. совершил вмененное ему правонарушение, чем причинил кредиторам общества "Дистрибуция" убытки. В связи с тем, что в отношении Каменского Д.А. дело о банкротстве возбуждено 09.11.2015, а обязательство по возмещению убытков возникло 09.01.2017, требования банка подпадают под режим текущих платежей и не подлежат рассмотрению в деле о банкротстве.

Вывод судов о том, что вред причиняется в момент начала просрочки исполнения обязанности по передаче документов, судебная коллегия считает неправильным.

Каменский Д.А. привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам должника-банкрота по правилам Закона о банкротстве, который предусматривает два юридических состава для привлечения к данному виду ответственности:

невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве) и

неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

В связи с этим причинение субсидиарным ответчиком вреда кредиторам должника-банкрота происходит при наступлении объективных признаков составов правонарушений, обозначенных в статьях 61.11 или 61.12 Закона о банкротстве. Так, в частности, из п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве следует, что, вред причиняется при совершении контролирующим должника лицом деяний (действия или бездействия), вследствие которых стало невозможно полное погашение требований кредиторов контролируемого лица.

Обстоятельства, указанные в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, в том числе отсутствие документов бухгалтерского учета и (или) отчетности и прочих обязательных документов должника-банкрота, – это, по сути, лишь презумпция, облегчающая процесс доказывания состава правонарушения с целью выравнивания процессуальных возможностей сторон спора. При этом обстоятельства, составляющие презумпцию, не могут подменять обстоятельства самого правонарушения и момент наступления обстоятельств презумпции может не совпадать с моментом правонарушения.

Смысл этой презумпции в том, что если лицо, контролирующее должника-банкрота, привело его в состояние невозможности полного погашения требований кредиторов, то во избежание собственной ответственности оно заинтересовано в сокрытии следов содеянного. Установить обстоятельства содеянного и виновность контролирующего лица возможно по документам должника-банкрота. В связи с этим, если контролирующее лицо, обязанное хранить документы должника-банкрота, скрывает их и не представляет арбитражному управляющему, то подразумевается, что его деяния привели к невозможности полного погашения требований кредиторов.

Таким образом, вопреки выводам судов, правонарушение Каменского Д.А. как контролирующего должника лица выразилось не в том, что он не передал бухгалтерскую и иную документацию должника конкурсному управляющему, а в его противоправных деяниях, повлекших банкротство подконтрольного им лица и, как следствие, невозможность погашения требований кредиторов.

Исходя из этого, время совершения Каменским Д.А. правонарушения должно определяться не моментом, с которого у него возникла просрочка в передаче документов, а действиями по доведению им общества "Дистрибуция" до несостоятельности. Именно период совершения последних в соотношении с датой возбуждения дела о банкротстве Каменского Д.А. имеет определяющее значение для квалификации задолженности как реестровой или текущей, однако судами данный период не установлен.

[Определение ВС РФ от 30.01.2020 № 305-ЭС19-20516](#)

В случае наличия противоречий между вступившими в законную силу судебными актами по вопросу правовой квалификации договора, суды должны самостоятельно определить природу данного договора исходя из его содержания и фактических взаимоотношений сторон. Правовая квалификация, данная в рамках иного дела, не имеет преюдициального значения (в отличие от вопросов факта).

В рамках дела о банкротстве должника Штром О.В. обратилась с заявлением о включении в реестр требования в размере 15 736 440 руб.

В 1996 г. должник заключил с Правительством Москвы два инвестиционных договора, направленных на строительство жилых комплексов по адресам: г. Москва, бульвар Маршала Рокоссовского, вл. 5-8 и вл. 42.

28.12.2000 командитное товарищество «Социальная инициатива и компания» (далее – товарищество) заключило с должником договор о реализации инвестиционного проекта. По условиям данного договора товарищество получило право привлекать денежные средства от участников строительства.

16.07.2002 Штром О.В. заключила с товариществом договор № 1032. По условиям данного договора и дополнительного соглашения к нему Штром О.В. была обязана передать товариществу сумму, эквивалентную 46 800 долларов США, а товарищество впоследствии передать Штром О.В. квартиру площадью 70 кв.м. на 10-12 этаже и одно машино-место в строящемся доме.

Обязанность по передаче товариществу денежных средств участник строительства исполнил.

В 2006 году договор о реализации инвестиционного проекта № 342/Р-1100 был расторгнут в одностороннем порядке по инициативе должника. В отношении товарищества была открыта процедура банкротства.

Впоследствии был завершен строительством и жилой комплекс по адресу: бульвар Маршала Рокоссовского, вл. 5-8.

В 2016 году возбуждено производство по делу о банкротстве должника.

Полагая, что на должнике лежит обязанность передать Штром О.В. оплаченную квартиру и машиноместо, последняя обратилась в арбитражный суд с настоящим заявлением о включении денежных требований в реестр.

Разрешая спор, суд первой инстанции сослался на положения статей 201.1, 201.4, 201.5 и 201.9 Закона о банкротстве и исходил из того, что заключенный между должником и товариществом договор от 28.12.2000 № 342/Р-1100 является договором простого товарищества, на что указано в решении Арбитражного суда города Москвы от 22.03.2007 № А40-1835/2007. В связи с этим суд сделал вывод, что должник солидарно отвечает по обязательствам товарищества перед кредиторами последнего по договорам инвестиционных вкладов, предусматривающих передачу квартир в спорных жилых домах.

Учитывая изложенное, суд включил в реестр денежное требование Штром О.В., соответствующее нынешней рыночной стоимости имущества, которое должно было быть ей передано по условиям договора товариществом.

Между тем судами не учтено следующее.

Квалифицируя договор от 28.12.2000 № 342/Р-1100 в качестве договора простого товарищества, суды сослались исключительно на то обстоятельство, что

правовая природа названного договора уже установлена в решении Арбитражного суда города Москвы от 22.03.2007 № А40-1835/2007.

При этом суды не учли, что более чем на протяжении последних десяти лет как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции рассматривался ряд дел, связанных с правоотношениями по строительству спорных жилых домов, в рамках которых названный договор получал иную квалификацию.

Таким образом, в настоящее время имеет место противоречие между вступившими в законную силу судебными актами по вопросу квалификации договора от 28.12.2000 № 342/Р-1100. Поэтому суды, учтя названное обстоятельство, должны были самостоятельно определить природу данного договора исходя из его содержания и фактических взаимоотношений сторон, тем более что по смыслу статьи 69 АПК РФ данная в рамках иного дела правовая квалификация не имеет преюдициального значения (в отличие от вопросов факта).

Необходимо также учесть следующее.

Согласно п. 2 ст. 1047 ГК РФ если договор простого товарищества связан с осуществлением его участниками предпринимательской деятельности, товарищи отвечают солидарно по всем общим обязательствам независимо от оснований их возникновения.

Приняв в качестве основы вывод о наличии между сторонами договора от 28.12.2000 № 342/Р-1100 отношений простого товарищества, суды не указали причины, по которым они решили, что обязательство перед Штром О.В. явилось именно общим, а не личным обязательством КТ «Социальная инициатива и компания». Вопрос о том, являлось ли обязательство общим, не был исследован судами, в связи с чем любые выводы относительно наличия оснований для включения требований Штром О.В. в реестр являются преждевременными.

[Определение ВС РФ от 03.02.2020 № 305-ЭС19-18970](#)

По общему правилу, для включения в реестр требования отдельного кредитора достаточно наличия вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего обоснованность его правопритязания. При этом представление иных доказательств не требуется (пункт 10 статьи 16 Закона о банкротстве). В деле о банкротстве должника такой судебный акт по своей природе объективно противопоставляется интересам иных кредиторов, поскольку установление подтвержденной судебным актом задолженности в реестре уменьшает долю удовлетворения их требований. По этой причине в пункте 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" закреплён механизм защиты прав кредиторов должника, предоставляющий им возможность

принять участие в том процессе, где рассматривалось требование конкурирующего кредитора.

Такой механизм позволяет избежать ситуаций, когда отдельные лица инициируют судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения в реестр требований кредиторов. Подобные споры характеризуются представлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием должником иска и т.п.

Оспаривающие судебный акт кредиторы должны заявить такие доводы и (или) указать на такие прямые или косвенные доказательства, которые позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и имеющим с ним общий интерес кредитором. Бремя опровержения этих сомнений лежит на последнем, учитывая, что именно он состоит в правоотношениях с несостоятельным должником.

Решением от 23.10.2017 с общества "Кема" в пользу общества "ГлобалТрейд" взыскано 3 688 074,83 руб. задолженности по договору поставки.

Компания, ссылаясь на положения пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", обратилась с апелляционной жалобой на указанное решение.

Определением апелляционного суда апелляционная жалоба возвращена заявителю. Суд округа оставил определение апелляционного суда без изменения.

Как следует из материалов дела, компания является заявителем по делу о банкротстве должника-ответчика, в отношении которого введена процедура наблюдения, требования компании признаны обоснованными и включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Требования общества "ГлобалТрейд", предъявленные на основании решения по рассматриваемому делу, включены в реестр.

Компания обратилась с апелляционной жалобой на решение суда по настоящему делу.

Возвращая апелляционную жалобу, суд апелляционной инстанции, выводы которого поддержал суд округа, исходил из того, что заинтересованность компании в исходе настоящего дела не означает вынесения обжалуемого судебного акта непосредственно о ее правах и обязанностях.

По общему правилу, для включения в реестр требования отдельного кредитора достаточно наличия вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего обоснованность его правопритязания. При этом представление иных доказательств не требуется (пункт 10 статьи 16 Закона о банкротстве).

В деле о банкротстве должника такой судебный акт по своей природе объективно противопоставляется интересам иных кредиторов, поскольку установление подтвержденной судебным актом задолженности в реестре уменьшает долю удовлетворения их требований.

По этой причине в пункте 24 постановления № 35 закреплен механизм защиты прав кредиторов должника, предоставляющий им возможность принять участие в том процессе, где рассматривалось требование конкурирующего кредитора, изложить свои доводы при проверке судебного акта о взыскании задолженности, представить доказательства в обоснование своей позиции по спору.

Такой механизм позволяет избежать ситуаций, когда отдельные лица инициируют судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения в реестр требований кредиторов. Подобные споры характеризуются представлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием должником иска и т.п.

Оспаривающие судебный акт кредиторы должны заявить такие доводы и (или) указать на такие прямые или косвенные доказательства, которые позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и имеющим с ним общий интерес кредитором. Бремя опровержения этих сомнений лежит на последнем, учитывая, что именно он состоит в правоотношениях с несостоятельным должником.

Возвратив апелляционную жалобу, суд обоснованность и убедительность приведенных компанией доводов не проверил, что нарушает права и законные интересы последней. Такой подход, по сути, исключает возможность конкуренции нескольких кредиторов по делу о банкротстве между собой, лишает их права реально возражать против обоснованности заявленных требований.

[Определение ВС РФ от 17.03.2020 № 307-ЭС19-10177 \(4\)](#)

В случае, если требования кредиторов к должнику схожи в связи с совпадением по личности кредитора, аналогичны по основанию возникновения и размеру, суды не вправе устанавливать требования одного участника в реестре, в то же время относя за реестр требования другого. Подобная ситуация будет являться нарушением фундаментального для права и конституционно значимого принципа равенства (статья 19 Конституции Российской Федерации), предполагающего необходимость проявлять равное отношение к лицам, находящимся в схожем положении.

Относя требования одного кредитора-участника за реестр, тогда как схожие требования другого участника должника ранее были в реестр включены, суды предоставляют необоснованное преимущество одной из сторон конфликта, вносят в

отношения участников существенный дисбаланс, несмотря на то, что изначально проектирование структуры отношений было направлено на выстраивание паритета в вопросе как корпоративных прав, так и контролируемой задолженности.

В рамках дела о банкротстве должника Григаревичус О.С. обратилась с заявлением о включении в реестр ее требования в размере 8 660 919,97 руб.

Судами трех инстанций требования удовлетворены.

Григаревичус О.С. являлась участником должника с долей в размере 50 % уставного капитала; в период с 2014 по 2017 годы она предоставила обществу займы, долг по которым в настоящее время составляет 8 660 919,97 руб.

Квалифицируя требование заявителя, вытекающее из указанных займов, суды указали, что оно носит корпоративный характер и потому не может быть включено в реестр (противопоставлено требованиям независимых кредиторов). В связи с этим суды признали такое требование подлежащим удовлетворению наряду с ликвидационной квотой участников общества, то есть за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований всех других кредиторов.

По состоянию на 2014 год должником владели два участника – Григаревичус О.С. и Погорелова Н.А., имея в собственности по 50 % долей в уставном капитале каждая. Для целей развития бизнеса (приобретения объекта недвижимости) ими было принято решение о предоставлении должнику финансирования, после чего каждая из участниц в период с 2014 года по 2017 год выдала должнику денежные средства в размере более 8 млн. руб. в форме займов. Тем самым, фактически предполагалось, что Григаревичус О.С. и Погорелова Н.А. в равной степени будут как обладать корпоративными правами в отношении должника, так и контролировать его дебиторскую нагрузку.

В настоящее время участники должника находятся в стадии корпоративного конфликта. При этом требование Погореловой Н.А., вытекающее из названных займов, в размере 8 606 685 руб. включено в реестр требований кредиторов должника определением суда первой инстанции от 07.11.2018.

Обращаясь в суд с заявлением по настоящему обособленному спору, Григаревичус О.С. ставила перед судом вопрос о включении в реестр аналогичного требования, принадлежащего ей.

При этом необходимо отметить, что в реестре требований кредиторов должника отсутствуют иные кредиторы, помимо двух названных участников общества.

Все указанные обстоятельства в судебном заседании подтвердили как представители Погореловой Н.А. и Григаревичус О.С., так и конкурсный управляющий.

Отказывая в установлении требования Григаревичус О.С. и ссылаясь на корпоративный характер долга, суды проигнорировали тот факт, что аналогичное требование Погореловой Н.А. уже включено в реестр.

Фактически суды пренебрегли договоренностями сторон, к которым те пришли при вступлении в общее дело, что является недопустимым. Такое игнорирование названных договоренностей в крайнем случае допустимо и может быть продиктовано интересами третьих лиц. Однако, как указано выше, у должника отсутствуют иные (независимые) кредиторы.

Равным образом Погорелова Н.А. не может получить приоритет над Григаревичус О.С. ввиду подтверждения ее требований вступившим в законную силу судебным актом. Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.11.2019 № 307-ЭС19-10177 (2, 3), само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего сумму долга, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения данного требования. Таким образом, как отсутствие судебного акта не свидетельствует о необходимости понизить требование участника, так и его наличие не влечет автоматическое включение в реестр без проверки.

Следовательно, в данном конкретном случае, учитывая факт включения требований Погореловой Н.А. в реестр по иному обособленному спору, судам следовало принять аналогичное решение и в отношении требований Григаревичус О.С. При этом судебная коллегия обращает внимание на то обстоятельство, что в реестре отсутствуют требования иных неаффилированных к должнику лиц, а потому обстоятельства, сопровождавшие предоставление финансирования (при наличии имущественного кризиса или нет), не имели существенного значения для правильного разрешения спора.

[Определение ВС РФ от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398 \(2\)](#)

В случае совпадения в одном лице кредитора по кредитному обязательству и векселедержателя по заложенному векселю самого должника, если кредитное обязательство было реальным и было включено в реестр, есть основания для включения в реестр также и вексельного долга. При этом требования третьего лица-залогодателя, передавшего векселя в обеспечение исполнения кредитного соглашения, по отношению к кредитору-векселедержателю субординируются.

В целях включения в реестр требований по векселю и обеспечения указанной субординации в судебном акте необходимо предусмотреть следующий механизм: по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных

отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. После наполнения конкурсной массы при определении пропорции, на основе которой выручка будет распределяться между кредиторами, данное консолидированное требование учитывается целиком как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору. Затем поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) – на удовлетворение обеспечительного требования. Решая вопрос, кто должен быть учтен в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суд должен принять во внимание, в чью пользу был совершен залоговый индоссамент – такое лицо в силу пункта 19 Положения о векселе как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них.

В то же время по смыслу пункта 4 статьи 329 ГК РФ прекращение основного обязательства по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. Применительно к подобному обособленному спору это означает следующее: после того, как размер удовлетворенного обязательства в рамках единого консолидированного требования будет соответствовать размеру долга по кредиту, залоговое обязательство залогодателя перед векселедержателем прекратится. Следовательно, у фактического владельца векселей не останется оснований как быть кредитором по векселям в реестре, так и удерживать ценные бумаги. После погашения кредитного обязательства права кредитора по вексельному долгу должны перейти к залогодателю; такая замена конкурсного кредитора должна осуществляться арбитражным управляющим автоматически без необходимости вынесения дополнительного судебного акта.

В случае, если такой механизм не будет прописан в судебном акте, это будет фактически означать, что создается ситуация правовой неопределенности по вопросу о том, каким образом залогодатель имеет возможность реализовать свои кредиторские права.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр его требования в сумме 871 257 670,16 руб. Кроме того, с заявлением о включении в реестр требований в сумме 860 632 136,16 руб. обратилась компания.

Требования банка включены в реестр в заявленном размере, компании отказано в удовлетворении ее требований.

17.08.2012 между банком и должником заключен договор кредитной линии, по условиям которого банк предоставил должнику денежные средства в виде кредитной

линии с лимитом выдачи на сумму 1 621 млн. руб. Вытекающие из указанного кредита требования включены в реестр требований кредиторов.

При этом в целях обеспечения исполнения обязательств по кредиту компания передала банку в залог семь простых векселей самого должника по договору залога векселей от 20.02.2013. Суды установили, что векселя содержат залоговый индоссамент: "платите приказу "НОМОС-БАНК" (ОАО "НОМОС-БАНК" является правопродшественником банка-участника спора).

Полагая, что наличие подобного индоссамента дает право на взыскание долга с векселедателя, банк обратился с настоящим заявлением в арбитражный суд.

Суды отметили, что факт совпадения в одном лице кредитора по договору кредитной линии и векселедержателя не свидетельствует о необоснованности заявленного требования, поскольку вексельный долг основан на реальном требовании к должнику из заемных обязательств. При погашении требований банка по кредиту будет прекращаться и обеспечивающее обязательство, поскольку размер удовлетворенных требований по акцессорному долгу не может превышать сумму основного обязательства.

Отношения между банком, должником и компанией были построены по следующей модели. Банк выдавал кредит, в то же самое время принимая в залог от компании эмитированные самим же должником векселя на сопоставимую с размером кредита сумму. Такое обеспечение, с экономической точки зрения, не является классическим: с одной стороны, оно в отличие от обычного залога не обособляет ценность неденежного имущества должника для целей удовлетворения конкретного кредитора, с другой стороны, оно не повышает гарантии возврата долга за счет имущества стороннего (третьего) лица, не являющегося заемщиком.

В то же время передача векселей самого заемщика в залог повышает вероятность исполнения обязательства перед кредитором иным образом: подобное структурирование отношений предполагает, что долг перед компанией по векселю не будет уплачен ранее долга перед банком, в результате чего банк фактически начинает контролировать долговую нагрузку на должника со стороны иных кредиторов (векселеполучателей), предоставивших обеспечение. Соответственно, гарантия исполнения обязательства по кредиту увеличивается в связи с тем, что внутри отношений банка и выдавшего обеспечение кредитора (залогодателя) удовлетворение из относительно ограниченного имущества должника будет предоставлено сначала банку, а затем иным кредиторам. Следовательно, требование залогодателя фактически субординируется по отношению к требованию банка (применительно к правилам статьи 309.1 ГК РФ).

Тем не менее, суды установили, что требование по векселю является реальным и подлежащим включению в третью очередь. Исходя из этого перед судами стояла

задача принять решение, которое, с одной стороны, позволяло бы включить требование по векселю в третью очередь реестра (поскольку могут быть иные кредиторы, не участвующие в отношениях банка с залогодателем, перед которыми последний не обязывался получить удовлетворение в пониженной очереди), а с другой стороны, обеспечить субординацию вексельного долга перед кредитным обязательством.

Для этих целей необходим следующий механизм: по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. После реализации имущества должника (или наполнения конкурсной массы в результате иных действий, например, оспаривания сделок) при определении пропорции, на основе которой выручка будет распределяться между кредиторами, данное консолидированное требование учитывается целиком как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору. Затем поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) – на удовлетворение обеспечительного требования. Решая вопрос, кто должен быть учтен в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суды в рассматриваемой ситуации правильно приняли во внимание, что в пользу банка был совершен залоговый индоссамент, в связи с чем он в силу пункта 19 Положения о векселе как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них.

В то же время по смыслу пункта 4 статьи 329 ГК РФ прекращение основного обязательства по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. Применительно к настоящему обособленному спору это означает следующее: после того, как размер удовлетворенного обязательства в рамках единого консолидированного требования будет соответствовать размеру долга по кредиту, залоговое обязательство компании перед банком прекратится. Следовательно, у банка не останется оснований как быть кредитором по векселям в реестре, так и удерживать ценные бумаги. После погашения кредитного обязательства права кредитора по вексельному долгу должны перейти к компании; такая замена конкурсного кредитора должна осуществляться арбитражным управляющим автоматически без необходимости вынесения дополнительного судебного акта.

Суды же, не предусмотрев в судебных актах механизм такого перехода и отказав компании во включении ее требований в реестр, создали ситуацию правовой

неопределенности по вопросу о том, каким образом компания имеет возможность реализовать свои кредиторские права.

[Определение ВС РФ от 25.05.2020 № 306-ЭС19-28454](#)

При разрешении спора о включении требований в реестр требований кредиторов нового должника, получившего данный статус в связи с привативным переводом долга, необходимо учитывать, что судебная практика исходит из презумпции возмездности гражданско-правовых договоров и действительности соответствующей сделки по переводу долга в отсутствие в ней условий о получении новым должником каких-либо имущественных выгод, в том числе оплаты за принятие долга на себя. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируются иные, не связанные с денежными, основания возмездности подобной сделки. В частности, такая возмездность, как правило, вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, в связи с чем, в подобной ситуации не применяются правила пункта 3 статьи 424 ГК РФ об определении цены в денежном выражении.

Возложение на кредитора риска признания перевода долга недействительным по причине невозмездности перевода долга подрывает его разумные ожидания и дестабилизирует оборот в целом.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требования. В удовлетворении требований банка отказано.

В 2013 году между банком и обществом "Доминатус" (первоначальный должник) заключено пять кредитных договоров.

27.05.2014 между банком и обществами "Доминатус" и "Союзшахтоосушение" по указанным сделкам заключено соглашение о переводе долга, согласно которому общество "Союзшахтоосушение" в полном объеме приняло на себя обязательства первоначального должника по возврату выданных кредитов. В качестве встречного предоставления за принятие долга общество "Доминатус" обязалось в срок до 28.05.2014 уступить обществу "Союзшахтоосушение" право требования на получение денежных средств за выполненные работы по договору подряда от 20.01.2014 с третьим лицом – обществом с ограниченной ответственностью "Интеллект Строй".

Общество "Доминатус" прекратило свою деятельность 11.05.2016, а общество "Интеллект Строй" – 21.03.2018.

Соглашение о переводе долга может быть предметом оспаривания по специальным основаниям и в сроки, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, что также не препятствует суду квалифицировать сделку, при

совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

Судебная практика исходит из того, что, разрешая вопрос о получении новым должником встречного предоставления при привативном переводе долга (когда первоначальный должник, как в рассматриваемой ситуации, выбывает из обязательства), необходимо исходить из презумпции возмездности гражданско-правовых договоров (пункт 3 статьи 423 ГК РФ) и действительности соответствующей сделки в отсутствие в ней условий о получении новым должником каких-либо имущественных выгод, в том числе оплаты за принятие долга на себя. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируются иные, не связанные с денежными, основания возмездности подобной сделки. В частности, такая возмездность, как правило, вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, в связи с чем, в подобной ситуации не применяются правила пункта 3 статьи 424 ГК РФ об определении цены в денежном выражении (пункт 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018).

Об аффилированности первоначального и нового должников (директором обоих обществ являлось одно и то же лицо) банк последовательно указывал на протяжении всего судебного разбирательства. По его мнению, сделка преследовала цель реструктуризации задолженности внутри группы лиц. Банк ссылаясь на то, что, не будучи связанным с членами этой группы, он не знал и не мог знать о характере отношений нового и первоначального должника (их возмездности/безвозмездности).

Возложение на кредитора риска признания перевода долга недействительным по данному основанию подрывает его разумные ожидания и дестабилизирует оборот в целом.

Буквальное содержание условий соглашения о переводе долга не предполагало его безвозмездности. Экономический смысл сделки заключался в принятии новым должником на себя обязательств первоначального должника в обмен на дебиторскую задолженность, а также получение от банка ещё ~~ю~~ выданных первоначальному должнику в рамках кредитной линии траншей.

В подтверждение обоснованности требования заявитель неоднократно обращал внимание судов на то, что в день подписания соглашения о переводе долга новый должник оплатил банку проценты по всем переданным ему кредитным договорам, то есть непосредственно приступил к исполнению соглашения о переводе долга. После этого в период с декабря 2014 года по май 2015 года банк производил выдачу новому должнику (обществу "Союзшахтоосушение") денежных средств в

рамках одного из переданных по соглашению о переводе долга кредитных договоров.

[Определение ВС РФ от 03.06.2020 г. № 306-ЭС20-224 \(1, 4, 6\)¹](#)

В случае рассмотрения заявления аффилированного по отношению к должнику лица о включении суммы задолженности в реестр требований в соответствии разъяснениями, содержащимися в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом ВС РФ 29.01.2020, судам необходимо установить: является ли кредитор контролирующим лицом; если кредитор аффилирован с должником, но не имеет при этом контроля над должником, предоставил ли он финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент предоставления финансирования.

Общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов центра (должника) 932 000 000 рублей невозвращенной суммы займа, процентов за пользование заемными средствами, неустойки. Общество также просило признать часть его требования обеспеченной залогом движимого имущества центра.

Судами трех инстанций требование удовлетворено в полном объеме.

20.02.2017 и 26.04.2017 обществом (займодавцем) и центром (заемщиком) подписаны рамочные соглашения о порядке и условиях привлечения центром для пополнения его оборотных средств денежных средств общества. Согласно рамочным соглашениям при заключении отдельных договоров займа стороны согласовывают сумму займа, сроки его предоставления и возврата, процентную ставку. Суммы займов не были возвращены центром.

В обеспечение исполнения заемных обязательств центр передал обществу в залог движимое имущество (договор залога от 21.08.2017). Суды установили, что общество (кредитор) и центр (должник) являются аффилированными лицами.

Включая задолженность перед обществом в реестр требований кредиторов и относя ее к третьей очереди удовлетворения, суды исходили из экономической целесообразности выдачи займов центру.

Однако установленная судами целесообразность финансирования центра аффилированным обществом не предопределяет то, каким образом должен быть разрешен вопрос об очередности погашения требований о возврате данного финансирования: наравне с требованиями независимых кредиторов или нет.

В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с

ним лиц (далее – обзор судебной практики), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Согласно пункту 1 статьи 9 Закона о банкротстве при наличии любого из обстоятельств, указанных в этом пункте, считается, что должник находится в трудном экономическом положении (далее – имущественный кризис) и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – компенсационное финансирование), в частности, с использованием конструкции договора займа, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (пункт 1 статьи 2 ГК РФ). Таким образом, при банкротстве требование о возврате компенсационного финансирования не может быть противопоставлено их требованиям – оно подлежит удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о

¹ Смотри также [Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 306-ЭС20-224 \(2, 3, 5\)](#) по тому же делу

банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ (в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты) (пункт 3.1 обзора судебной практики).

Наряду с выдачей займов формами финансирования должника являются, в частности, неостребование контролирующим лицом займа в разумный срок после истечения срока, на который он предоставлялся, отказ от реализации права на досрочное истребование займа, предусмотренного договором или законом (например, пункт 2 статьи 811, статья 813 ГК РФ), или подписание дополнительного соглашения о продлении срока возврата займа. Если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства (пункт 3.2 обзора судебной практики).

Неустранимые контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункт

3.4 обзора судебной практики).

В том же положении, что и контролирующее лицо, находится кредитор, не обладающий контролем над должником, аффилированный с последним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица. При этом в ситуации, когда аффилированные должник и кредитор имеют одного конечного бенефициара, предполагается, что, финансирование предоставлено по указанию контролирующего лица, пока не доказано иное (пункт 4 обзора судебной практики).

Таким образом, в соответствии с содержащимися в обзоре судебной практики разъяснениями, в том числе с учетом приведенных подходов о распределении бремени доказывания, судам следовало дополнительно установить: являлось ли общество - кредитор контролирующим центр лицом; если общество было аффилированным с центром лицом, не имеющим контроля над должником, предоставило ли оно финансирование под влиянием контролирующего центр лица; каково было имущественное положение центра в момент предоставления финансирования.

Неправильно определив предмет доказывания по спору, суды не установили указанные обстоятельства, имеющие существенное значение для его правильного разрешения.

[Определение ВС РФ от 08.06.2020 г. № 306-ЭС20-1077](#)

При разрешении вопроса о том, была ли погашена задолженность в результате банковской проводки от одного хозяйствующего субъекта (должника) другому (кредитору), обслуживаемых одной кредитной организацией вследствие совершения внутренних операций по счетам этих субъектов обслуживающим банком в преддверии его банкротства необходимо учитывать, что при отсутствии денежных средств на корреспондентском счете обслуживающего банка он не в состоянии реально исполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности. В такой ситуации безналичные деньги, являющиеся, по сути, записями по счетам клиентов, которые ведет обслуживающий банк, утрачивают свое назначение как средство платежа.

При разрешении вопроса о включении в реестр требования кредитора, вытекающего из спорных платежей, суду надлежит установить, с какого момента денежные средства на счетах клиентов банка утратили свойства безналичных денег и не могли рассматриваться как средство платежа, исходя из этого дать правовую

квалификацию спорным операциям с расчетного счета должника на корреспондентский счет кредитора, после чего принять решение по требованию.

Если в результате банковских проводок, осуществленных в отношении двух клиентов банка- банкрота без использования его корреспондентского счета, произведена запись о пополнении корреспондентского счета кредитора, такие действия (при их акцепте кредитором) могут являться подтверждением того, что должник уступил, а кредитор – владелец корреспондентского счета – приобрел требование к банку на зачисленную сумму. Учитывая, что в деле о банкротстве банка имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, нельзя утверждать, что кредитор получит полное удовлетворение требований по фактически осуществленной уступке. Поэтому в ситуации акцепта кредитором действий по уступке, необходимо было определить реальную рыночную стоимость требования кредитора к банку, возникшего в результате спорных проводок, исходя из этого разрешить заявление кредитора о включении в реестр требований кредиторов должника, имея в виду вытекающую из пункта 3 статьи 423 ГК РФ обязанность кредитора по оплате должнику уступленного требования к банку.

ПАО «Тимер Банк» обратилось в суд с заявлением о включении суммы задолженности в реестр требований кредиторов общества.

Судами трех инстанций требование кредитора частично включено в реестр.

Общество (заемщик) получило кредиты в Татфондбанке на основании восьми кредитных договоров.

Впоследствии Татфондбанк (цедент) уступил требования к обществу, вытекающие из упомянутых кредитных договоров, Тимер банку (цессионарию) по договору уступки требования от 24.10.2016.

Отказывая во включении в реестр задолженности по ряду кредитных договоров, суды сочли, что данная задолженность погашена обществом платежными поручениями от 07.12.2016 и от 12.12.2016.

В ходе рассмотрения спора Тимер банк обращал внимание на то, что у него имелся открытый в Татфондбанке корреспондентский счет: Татфондбанк как банк-корреспондент отражал по счету «ЛОРО» суммы переводов денежных средств, зачисленные на корреспондентский счет Тимер банка (банк-корреспондента). Общество тоже имело расчетный счет в Татфондбанке. После уступки требования и общество, и Тимер банк продолжали использовать названные счета. Операции по списанию денежных средств в погашение задолженности по кредитным договорам, проведенные по упомянутым счетам 12.12.2016, оформлены посредством технических записей, совершенных внутри системы учета Татфондбанка, без использования корреспондентского счета последнего. Они привели к уменьшению остатка на

расчетном счете общества (плательщика), обслуживаемом Татфондбанком, и одновременно к пополнению счета «ЛОРО» Тимер банка (получателя), учет операций по которому также вел Татфондбанк.

Вопрос о том, была ли ими погашена задолженность общества перед Тимер банком по кредитным договорам, представляет собой спор двух хозяйствующих субъектов, обслуживаемых одной кредитной организацией, возникший вследствие совершения внутренних операций по счетам этих субъектов обслуживающим банком в преддверии его банкротства.

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете обслуживающего банка он не в состоянии реально исполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности. В такой ситуации безналичные деньги, являющиеся, по сути, записями по счетам клиентов, которые ведет обслуживающий банк, утрачивают свое назначение как средство платежа. Данный вывод согласуется с правовой позицией, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.07.2001 № 138-О, согласно которой исполнение банком распоряжения клиента, выданного на основании договора банковского счета, о перечислении средств со счета данного клиента может осуществляться лишь при наличии на корреспондентском счете обслуживающего банка необходимых денежных средств.

Тимер банк приводил доводы о том, что уже с 08.12.2016 Татфондбанк был не в состоянии реально исполнять поручения клиентов, у него начала формироваться картотека неудовлетворенных требований в связи с недостаточностью денежных средств на корреспондентских счетах кредитной организации.

Если приведенные Тимер банком обстоятельства соответствовали действительности, технические внутрибанковские записи, проведенные 12.12.2016, не могли быть квалифицированы судами как действия общества по исполнению кредитных обязательств перед Тимер банком. В то же время, в результате банковских проводок, осуществленных в отношении двух клиентов Татфондбанка без использования его корреспондентского счета, произведена запись о пополнении корреспондентского счета Тимер банка. По сути, данные действия (при их акцепте Тимер банком) могли являться подтверждением того, что общество уступило, а Тимер банк – владелец корреспондентского счета – приобрел требование к Татфондбанку на зачисленную сумму. Учитывая, что в деле о банкротстве Татфондбанка имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, нельзя утверждать, что Тимер банк получит полное удовлетворение требований по фактически осуществленной уступке. Поэтому судам, в ситуации акцепта Тимер банком действий по уступке, необходимо было определить реальную рыночную стоимость требования Тимер банка к Татфондбанку, возникшего в

результате спорных операций, исходя из этого разрешить заявление Тимер банка, имея в виду вытекающую из пункта 3 статьи 423 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность Титмер банка по оплате обществу уступленного требования к Татфондбанку.

[Определение ВС РФ от 16.07.2020 № 307-ЭС19-20020](#)

В случае банкротства векселедателя личные возражения от его имени (статьи 17 и 77 Положения о векселе, пункт 15 совместного постановления пленумов ВС РФ, ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей») могут быть заявлены не только самим вексельным должником как обязанным по векселю лицом, но и его кредиторами, а также иными вовлеченными в процесс банкротства заинтересованными лицами. При заявлении векселедержателем о включении в реестр суммы задолженности на лицах, заявивших возражения, лежит бремя доказывания двух обстоятельств: отсутствия или недействительности обязательства, на основании которого векселя выданы должником, и недобросовестности кредитора в момент приобретения этих векселей.

Продавцом по сделке купли-продажи векселя как товара может быть лицо, которому принадлежат права из векселя. Векселедатель сам не имеет прав из векселя и, следовательно, не может выступать в качестве продавца. При этом приобретение добросовестным лицом векселя, введенного ранее в гражданский оборот в отсутствие обязательства, не является правонарушением и не освобождает обязанное лицо от погашения вексельной задолженности.

В рамках дела о банкротстве общества «Грама» Латышев Михаил Михайлович обратился в суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов.

Суды установили, что должник (векселедатель) принял на себя ряд вексельных обязательства в перед рядом юридических лиц. Затем по договорам купли-продажи векселей Латышев М.М. приобрел данные векселя у обществ (первых векселедержателей). Векселя индоссированы в пользу Латышева М.М.

В соответствии со статьями 17 и 77 Положения о векселе обязанное по простому векселю лицо может противопоставить векселедержателю возражения, основанные на его личных отношениях с предшествующими векселедержателями, если векселедержатель, приобретая вексель, действовал сознательно в ущерб должнику.

В абзаце пятом пункта 15 совместного постановления пленумов ВС РФ, ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» для целей применения статьи 17 Положения, по

сути, дано толкование понятия «сознательные действия в ущерб должнику». Таковыми являются, в частности, действия, совершенные в ситуации, когда держатель в момент приобретения векселя знал или должен был знать об отсутствии обязательства, лежащего в основе выдачи (передачи) векселя, либо участвовал в обмане в отношении этого векселя, либо знал или должен был знать об указанном обстоятельстве.

В случае банкротства векселедателя личные возражения от его имени могут быть заявлены не только самим вексельным должником как обязанным по векселю лицом, но и его кредиторами, а также иными вовлеченными в процесс банкротства заинтересованными лицами.

Таким образом, применительно к настоящему делу в силу статьи 65 АПК РФ на лицах, заявивших возражения, лежало бремя доказывания двух обстоятельств: отсутствия или недействительности обязательства, на основании которого векселя выданы обществом «Грама», и недобросовестности Латышева М.М. в момент приобретения этих векселей.

Согласно представленным в материалы документам векселя были выпущены обществом «Грама» в гражданский оборот на основании договоров, поименованных договорами купли-продажи векселей, заключенных обществом «Грама» и первыми векселедержателями.

Продавцом по сделке купли-продажи векселя как товара может быть лицо, которому принадлежат права из векселя. Векселедатель сам не имеет прав из векселя и, следовательно, не может выступать в качестве продавца (постановление Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 № 5620/11 по делу № А12-6350/2010 Арбитражного суда Волгоградской области).

Таким образом, вручение обществом «Грама» собственных простых векселей первым держателям не является куплей-продажей ценных бумаг. С учетом изложенного суд апелляционной инстанции пришел к верному выводу о невозникновении между обществом «Грама» и первыми векселедержателями отношений по купле-продаже векселей как товара.

В рассматриваемом случае имели место сделки по выдаче обществом «Грама» собственных векселей первым держателям, которые сопровождались оформлением двусторонних соглашений, ошибочно названных договорами купли-продажи. Совершение обществом «Грама» сделок по выдаче векселей и, как следствие, принятие им обязательств по уплате вексельной суммы в силу статьи 815 ГК РФ могло быть направлено на удостоверение заемных обязательств между обществом «Грама» (заемщиком) и первыми держателями (займодавцами) – на подтверждение обязанности первого вернуть полученные от вторых денежные суммы.

Однако договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей (пункт 1 статьи 807 ГК РФ).

В обоснование реальности отношений по обязательству, лежащему в основе выдачи векселей, в материалы дела представлены письма первых векселедержателей об изменении назначений платежей. Все платежные поручения первых векселедержателей содержат ссылки на перечисление ими денежных средств в счет оплаты препаратов, ни по одному из договоров купли-продажи векселей они не оформляли расчетные документы, отсылающие к сделкам по выдаче векселей.

Приобретение добросовестным лицом векселя, введенного ранее в гражданский оборот в отсутствие обязательства, не является правонарушением и не освобождает обязанное лицо от погашения вексельной задолженности.

Однако в рассматриваемом случае, все первые векселедержатели отвечали признакам недействующих хозяйственных лиц: либо еще до приобретения либо сразу после приобретения Латышевым М.М. векселей.

Установленные судом апелляционной инстанции обстоятельства свидетельствуют о том, что Латышеву М.М. удалось отыскать руководителей фактически недействующих обществ, согласовать с ними проставление в свою пользу индоссаментов на векселях номинальной стоимостью около 600 млн. рублей и заключение договоров о продаже этих векселей с условием об отсрочке платежа на полгода, получить данные векселя без каких-либо реальных гарантий оплаты. С полугодовой рассрочкой и в отсутствие надлежащих гарантий оплаты он получил векселя и от трех других первых держателей. Такая ситуация могла возникнуть лишь при наличии доверительных отношений между лицами, передающими и получающими ценные бумаги. Подобного рода доверительные отношения обуславливают возможность передачи ценных бумаг гражданину, явно не намеренному оплачивать полученное.

Латышев М.М. не раскрыл какие-либо особые обстоятельства, которые бы свидетельствовали о том, что действия, очевидно выходящие за рамки принятого стандарта поведения независимых участников коммерческого оборота, были совершены в отсутствие связанности Латышева М.М. с первыми векселедержателями.

Наличие же отношений связанности с первыми держателями ценных бумаг предполагает осведомленность Латышева М.М. о порочности оснований выдачи векселей в момент их приобретения.

Поведение Латышева М.М., получившего векселя без реального встречного предоставления и не имеющего сохранивших правоспособность кредиторов - индоссантов, которые могли бы предъявить ему требование об оплате в будущем, свидетельствовало о создании лишь видимости добросовестного возмездного приобретения ценных бумаг и представляет собой использование презумпций

Положения о векселе о существовании и действительности прав держателя векселя, а также конструкции абстрактных вексельных обязательств не в соответствии с их предназначением.

[Определение ВС РФ от 28.07.2020 № 305-ЭС17-16841\(66\)](#)

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа. Банковские проводки, совершенные в этот период в отношении клиентов банка без использования корреспондентского счета кредитной организации, в результате которых произведены записи о пополнении счетов, по сути, означают, что получатели средств - владельцы счетов приобрели требования к банку на соответствующие суммы.

При этом в случае, если получатели реализовали свои права и предъявили суммы задолженности ко включению в реестр банка, однако судом им было отказано, уступка требования в пользу владельцев счетов не может считаться состоявшейся – в таком случае заявить о включении задолженности в реестр может цедент, со счета которого деньги переводились. Такое требование фактически является требованием о возврате остатка денежных средств на счете.

В такой ситуации от владельцев счетов не может требоваться исполнения каких-либо действий для установления требований цедента в реестре.

21.01.2016 компания со своего счета, открытого в банке, перевела на счета ряда физических лиц, также открытые в этом банке, 1 218 000 руб., 1 305 000 руб., 1 392 143,40 руб. и 1 392 000 руб.

24.02.2016 суд возбудил дело о банкротстве банка, а 07.04.2016 признал его банкротом и открыл конкурсное производство.

В рамках дела о банкротстве банка указанные физические лица обращались с заявлениями о включении их требований в названных размерах в реестр требований кредиторов должника. Производства по заявлениям прекращены.

Компания обратилась к конкурсному управляющему должника с заявлением о включении её требований в размере 1 218 000 руб., 1 305 000 руб., 1 392 143,40 руб. и 1 392 000 руб. в реестр.

Конкурсный управляющий отказал компании, указав, что остаток денежных средств на счете компании может быть восстановлен на основании соответствующих заявлений получателей денежных средств.

Компания обжаловала отказ конкурсного управляющего в рамках дела о банкротстве должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении возражений на отказ конкурсного управляющего отказано.

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа. В связи с этим фактического поступления денежных средств на физических лиц от компании в рассматриваемом случае не произошло.

Вместе с тем в результате банковских проводок, осуществленных в отношении клиентов банка без использования корреспондентского счета кредитной организации, произведены записи о пополнении счетов физических лиц. По сути, эти действия означают, что компания уступила, а граждане как владельцы счетов приобрели требования к банку на соответствующие суммы.

В настоящем деле граждане реализовали свое право на получение денежных средств, однако принимая во внимание результаты рассмотрения арбитражным судом в рамках обособленных споров заявлений этих граждан, уступка данного требования не может считаться состоявшейся.

При таких обстоятельствах оснований для отказа в удовлетворении возражений компании и проверки обоснованности заявленного последней требования у судов не имелось.

Равным образом нельзя согласиться с поддержанной судами позицией конкурсного управляющего должника относительно необходимости совершения третьими лицами (получателями средств) определенных действий в целях установления соответствующего требования компании в реестре. После отзыва лицензии и введения в отношении банка конкурсного производства осуществление последним банковской деятельности стало невозможным, в связи с чем настоящее требование компании, по сути, является требованием о возврате остатка денежных средств на счете (пункт 5 статьи 859 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 30.07.2020 № 310-ЭС18-12776 \(2\)](#)

Об отсутствии реального характера заемных отношений, в том числе существовавших между должником и его руководителем, могут свидетельствовать доводы конкурирующих лиц о наличии денежных потоков между должником и связанными с ним лицами, очевидная неразумность поведения руководителя, сомнительность его версии развития событий, отсутствие у директора дохода, позволяющего предоставить займы, участие должника и другой организации, возглавляемых одним и тем же руководителем-займодавцем, в незаконной схеме,

сопряженной с созданием фиктивного документооборота, получение директора денежных средств от одного из участников данной схемы.

Если такие обстоятельства будут установлены, то вероятность того, что денежные средства являлись средствами группы организаций, в которую входил должник, находящимися в теневом обороте, возвращаемыми на расчетные счета последнего по мере необходимости совершения им тех или иных расходных операций, выше, чем вероятность существования между должником и его руководителем заемных отношений, регулируемых положениями параграфа первого главы 42 ГК РФ, а значит, факт выдачи займов не может считаться доказанным.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о включении его требований в сумму 253 001 000 рублей в реестр.

Апелляционный суд, рассмотрев обособленный спор по правилам рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции, признал требования общества обоснованными в сумме 239 595 500 рублей.

В обоснование своих требований о включении задолженности в реестр общество сослалось на 33 договора беспроцентного займа, заключенных Фондуракиным А.И. (займодавцем) и должником (заемщиком).

В период выдачи займов Фондуракин А.И. являлся руководителем должника.

В качестве доказательств исполнения обязательств займодавцем общество представило копии платежных поручений, приходных кассовых ордеров и квитанций к ним, а также выписки по банковским счетам. Большую часть денежных средств Фондуракин А.И. внес наличными в кредитные организации и сразу после этого перечислил их на счет должника в качестве беспроцентных займов, остальные средства он внес наличными в кассу должника.

Как указывает общество, Фондуракин А.И. в 2011 – 2014 годах предоставлял денежные средства по договорам займа на регулярной основе (как правило, не реже одного раза в месяц, иногда несколько раз в месяц, на суммы от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей). Должник израсходовал заемные средства и не исполнил обязательство по их возврату. Фондуракин А.И. и должник составили акт сверки взаимных расчетов, согласно которому по состоянию на 31.12.2014 задолженность заемщика составила 254 804 500 рублей.

Впоследствии Фондуракин А.И. (цедент) и общество (цессионарий) 15.08.2016 заключили договор уступки требований (в редакции дополнительного соглашения от 17.08.2016), в соответствии с которым цедент уступил цессионарию за 100 000 рублей требования к должнику в сумме 254 804 500 рублей.

Письмом от 04.10.2016 общество уведомило должника о приобретении требований у Фондуракина А.И. Фактические обстоятельства спора указывали на то, что презумпция разумности поведения

Фондуракина А.И. была опровергнута. Его поведение не соответствовало типичной модели поведения обычного гражданина – участника гражданского оборота, находящегося в схожих обстоятельствах, оно противоречило интересам самого Фондуракина А.И. и логически не вытекало из ситуации, в которой он находился. Выдвинутая Фондуракиным А.И. версия развития событий является неправдоподобной.

Из полученных по запросу суда справок налогового органа о доходах Фондуракина А.И. за 2011 – 2014 годы следует, что его месячный доход составлял порядка 20 тыс. рублей. Такой доход не мог стать источником финансирования должника. Осознавая это, Фондуракин А.И. представил в материалы дела копию письменных пояснений Ятченко А.В., подтвердившего передачу 100 млн. рублей займа Фондуракину А.И. Фондуракин А.И. ссылаясь на то, что полученное от Ятченко А.В. перенаправилось им должнику в рамках исполнения договоров займа, требования по которым позднее были уступлены обществу.

Данные Фондуракиным А.И. пояснения относительно того, что он, получая ежемесячную заработную плату в 20 тыс. рублей, ради предприятия, на котором работал, занял 100 млн. рублей у другого гражданина, приняв личные долговые обязательства, несопоставимые с его доходами, и затем на протяжении нескольких лет передавал денежные средства (более чем 200 млн. рублей) займа этому предприятию в расчете на эфемерные бонусы, которые за все эти годы так ни разу и не получил, настолько нелогичны, экономически абсурдны, что не могли не вызвать обоснованные сомнения в их правдивости, и поэтому должны были быть оценены судами критически.

Банк, оспаривая реальный характер заемных отношений, приводил не только доводы о наличии денежных потоков между должником и связанными с ним лицами. Кроме этого обстоятельства банк указывал на целый ряд фактов: очевидную неразумность поведения Фондуракина А.И., сомнительность его версии развития событий; отсутствие у Фондуракина А.И. дохода, позволяющего предоставить займы; участие должника и другой организации, возглавляемых Фондуракиным А.И., в незаконной схеме, сопряженной с созданием фиктивного документооборота; получение Фондуракиным А.И. денежных средств от одного из участников данной схемы.

Если указанные банком обстоятельства соответствовали действительности, то вероятность того, что денежные средства, преданные Фондуракиным А.И., являлись средствами группы организаций, в которую входил должник, находящимися в теневом обороте, возвращаемыми на расчетные счета последнего по мере необходимости совершения им тех или иных расходных операций, выше, чем вероятность существования между должником и Фондуракиным А.И. заемных

отношений, регулируемых положениями параграфа первого главы 42 ГК РФ, а значит, факт выдачи займов не мог считаться доказанным. В таком случае в силу статьи 65 АПК РФ именно общество как правопреемник Фондуракина А.И. должно было устранить разумные сомнения, то есть более убедительно обосновать наличие долга из договоров займа, не ограничиваясь представлением лишь текстов договоров и расчетных документов, подтвердив, помимо прочего, источник доходов, за счет которых Фондуракиным А.И. предоставлялись займы.

[Определение ВС РФ от 06.08.2020 № 307-ЭС18-16859 \(3\)](#)

Возникновение права на предъявление кредитором восстановленного требования к должнику обусловлено возвратом в конкурсную массу должника имущества, полученного кредитором по недействительной сделке. Для удовлетворения восстановленного требования, во-первых, оно должно быть заявлено в течение двух месяцев со дня вступления в законную силу судебного акта о признании недействительной сделки и о применении последствий ее недействительности; во-вторых, в пределах этого же двухмесячного срока кредитор по восстановленному требованию должен осуществить возврат в конкурсную массу должника имущества, полученного по этой сделке. При этом право кредитора на предъявление такого требования не может возникнуть ранее возврата последним имущества в конкурсную массу должника.

Ответственность в виде понижения очередности удовлетворения восстановленного требования для контрагента по сделке не наступает в случае, если такой контрагент добросовестно предпринял действия по возврату имущества в конкурсную массу, однако имущество не возвратил в связи с бездействием по этому поводу арбитражного управляющего.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требования в размере 76 025 573,61 руб. как обеспеченного залогом имущества должника.

Суд округа признал требование кредитора обоснованным и подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр.

Должником и банком заключены договоры поручительства и ипотеки в обеспечение исполнения обязательств общества «Бронеавтомобили» по кредитному договору с банком.

13.07.2015 судом утверждено мировое соглашение, по условиям которого сторонами признается наличие задолженности общества «Бронеавтомобили» в сумме 82 550 230,43 руб., обязательство в размере 76 025 573,61 руб. (сумма кредита и начисленных процентов) прекращено предоставлением должником отступного в виде

залогового недвижимого имущества, а финансовые санкции в размере 6 524 656,82 руб. прощены.

На основании акта от 14.07.2015 должник (залогодатель) передал банку объекты недвижимости, за последним зарегистрировано право собственности на имущество.

Позднее сделка по передаче должником банку недвижимого имущества (об отступном), являвшегося предметом ипотеки, признана недействительной. В порядке применения последствий недействительности сделки на банк возложена обязанность возвратить должнику полученное имущество.

Возникновение права на предъявление кредитором восстановленного требования к должнику обусловлено возвратом в конкурсную массу должника имущества, полученного кредитором по недействительной сделке. Такое право может быть реализовано в установленный пунктом 1 статьи 142 Закона о банкротстве срок, исчисляемый с даты вступления в законную силу судебного акта, которым сделка признана недействительной (пункт 1 статьи 61.2, пункт 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве; абзацы 1, 2, 4 пункта 27 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Закона о банкротстве»).

Из приведенных норм права и разъяснений следует, что для удовлетворения восстановленного требования, во-первых, оно должно быть заявлено в течение двух месяцев со дня вступления в законную силу судебного акта о признании недействительной сделки и о применении последствий ее недействительности; во-вторых, в пределах этого же двухмесячного срока кредитор по восстановленному требованию должен осуществить возврат в конкурсную массу должника имущества, полученного по этой сделке. При этом право кредитора на предъявление такого требования не может возникнуть ранее возврата последним имущества в конкурсную массу должника.

Добросовестность банка, как необходимое условие для включения его восстановленного требования в реестр с удовлетворением в составе требований третьей очереди, подтверждена судом округа.

Последствия признания недействительной сделки по передаче предмета залога в качестве отступного, согласно пункту 1 статьи 61.6 Закона о банкротстве, заключаются в возложении на залогодержателя обязанности по возврату его в конкурсную массу и восстановлению задолженности перед ним; также восстанавливается право залога по смыслу подпункта 1 пункта 1 статьи 352 ГК РФ (абзац 5 пункта 29.3 постановления № 63).

Применительно к рассматриваемому спору это означает, что возникшее из договора ипотеки обременение в виде залога на имущество, переданное должником

банку в качестве отступного, после признания сделки об отступном недействительной подлежало восстановлению в силу закона.

В такой ситуации правоотношения сторон спорной сделки образуют сложный юридический состав, включающий в себя обязанность банка по возврату имущества в конкурсную массу должника и одновременную равносильную обязанность последнего в лице арбитражного управляющего принять это имущество с восстановлением обременения в виде залога. В противном случае (возврата имущества без сохранения обременения) банк фактически утрачивает возможность получить максимальное удовлетворение своих требований за счет залогового имущества, что противоречит природе обеспечительных обязательств.

Вопрос, касающийся исполнения судебного акта в части применения последствий недействительности спорной сделки, являлся предметом длительных переговоров сторон, что отобразилось в письме банка, которое последний направил должнику с просьбой принять имущество и обратиться в регистрирующий орган с заявлением о регистрации перехода права собственности на имущество с установлением обременения права в виде залога в пользу банка.

В свою очередь, должник в лице конкурсного управляющего, ссылаясь на невозможность восстановления за банком статуса залогодержателя, требуемых от него действий по принятию имущества и обращению в регистрирующий орган с соответствующим заявлением не предпринял.

Доказательств обратного не представлено.

При таких обстоятельствах ответственность в виде понижения очередности удовлетворения восстановленного требования для банка не наступает (пункт 3 статьи 405 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 10.08.2020 № 306-ЭС20-1077 \(2\)](#)

При рассмотрении заявления о включении в реестр требований кредиторов требования аффилированного с должником лица дополнительно к факту реальности договорных отношений судам надлежит установить: имело ли место финансирование должника со стороны такого кредитора; предоставил ли кредитор, аффилированный с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

Наряду с выдачей займов, являющейся самой распространенной формой финансирования, финансирование может осуществляться посредством авансирования должника (предварительной оплаты приобретаемого у него товара) – предоставления ему средств в счет оплаты товара до его передачи, то есть путем проведения расчетов по договору купли-продажи с отступлением от диспозитивных правил пункта 1 статьи 486 ГК РФ. По смыслу разъяснений, данных в пункте 3.2 обзора судебной практики от

29.01.2020 г., если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства.

Общество "Роял Тайм" (далее - общество) обратилось в суд с заявлением о включении его требований в сумму 563 663 011,72 руб. в реестр общества «Роял Тайм Групп» (далее – должник).

Требования общества включены в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Обществом и должником заключены два договора займа от 06.06.2014 и от 26.11.2018, в соответствии с которыми общество предоставило должнику денежные средства на срок до 31.12.2017 и до 26.12.2018 соответственно.

По состоянию на 25.02.2019 общая сумма задолженности составила: 526 482 478,84 руб.

Кроме того, должник (продавец) и общество (покупатель) заключили договор купли-продажи недвижимости (нежилых помещений) от 01.03.2018. Цена договора составила 26 045 000 рублей.

Общество несколькими платежами внесло 100-процентную предварительную оплату по договору купли-продажи.

В связи с невозможностью регистрации перехода права собственности на имущество по причине наличия обременения (залоговых обязательств должника), 06.12.2018 должник и общество заключили соглашение о расторжении договора купли-продажи, по которому должник обязался возвратить обществу полученные по сделке 26 045 000 руб. в течение 5 дней.

Должник обязательство по возврату денежных средств не исполнил.

Судами установлена аффилированность сторон названных сделок: должник являлся мажоритарным участником общества с долей в уставном капитале в размере 98,5 процента.

Установленные судами реальность заемных отношений и отношений по купле-продаже, целесообразность финансирования должника аффилированным обществом не определяют то, каким образом должен быть разрешен вопрос об очередности погашения требований о возврате данного финансирования: наравне с требованиями независимых кредиторов или нет.

В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (далее – обзор судебной практики), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для

понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – компенсационное финансирование), в частности, с использованием конструкции договора займа и других договорных конструкций, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (пункт 1 статьи 2 ГК РФ).

В том же положении, что и контролирующее лицо, находится кредитор, не обладающий контролем над должником, аффилированный с последним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица (пункт 4 обзора судебной практики).

Таким образом, дополнительно к факту реальности договорных отношений судам надлежало установить: имело ли место финансирование должника со стороны общества, в том числе по договору купли-продажи; предоставило ли общество – кредитор, аффилированное с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

Выдача займов является наиболее распространенной формой финансирования. Наряду с этим финансирование может осуществляться посредством авансирования должника (предварительной оплаты приобретаемого у него товара) – предоставления ему средств в счет оплаты товара до его передачи, то есть путем проведения расчетов по договору купли-продажи с отступлением от диспозитивных правил пункта 1 статьи 486 ГК РФ). По смыслу разъяснений, данных в пункте 3.2 обзора судебной практики, если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства.

В ходе рассмотрения настоящего спора аффилированное по отношению к должнику общество (покупатель) не отрицало, что земельный участок, на котором располагались отчуждаемые объекты, находился в залоге. Несмотря на это полная оплата по договору купли-продажи произведена до появления объективной возможности регистрации перехода права собственности на нежилые помещения к покупателю. Впоследствии договор купли-продажи расторгнут по причине неполучения согласия залогодержателя на совершение сделки. В сложившейся

ситуации следовало признать, что должник (продавец) использовал аванс в своей хозяйственной деятельности, а выдача ему предварительной оплаты являлась формой его финансирования.

В силу статьи 65 АПК РФ именно общество должно было подтвердить, что, предоставляя финансирование, оно действовало самостоятельно, в отсутствие соглашения с ее конечным бенефициаром, поведение кредитора и названной компании не являлось скоординированным.

В период с июня 2014 года по август 2017 года, в марте 2018 года, ноябре – декабре того же года по договорам займа и договору купли-продажи денежные средства предоставлялись обществом на регулярной основе (несколько сотен перечислений), по меньшей мере, два - три раза в месяц, а в отдельные периоды – ежедневно, суммы траншей значительно различались (от одной тысячи до десятков миллионов рублей). Также суды установили, что полученное финансирование направлялось должником на погашение задолженности по кредитным договорам, выплату заработной платы, прочие операционные расходы.

Установленные судами обстоятельства, касающиеся того, каким образом финансирование выделялось обществом и как оно расходовалось должником – систематическое перечисление денежных средств на протяжении длительного периода времени для проведения расчетов с кредиторами по текущим обязательствам, вероятнее всего свидетельствовали об отсутствии у должника возможности производить эти расчеты за счет собственных денежных средств, то есть о его объективной неплатежеспособности в этот период времени (обстоятельства, указанного в абзаце шестом пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве), которая скрывалась от третьих путем использования ресурсов связанной организации, реализующей публично нераскрытый план финансовой поддержки должника в условиях его неплатежеспособности, разработанный кипрской компанией (ее конечным бенефициаром).

[Определение ВС РФ от 14.08.2020 № 308-ЭС19-9133\(15\)](#)

При рассмотрении спора о включении в реестр требований кредиторов требований аффилированного лица судам необходимо исследовать следующие обстоятельства: раскрыты ли заявителем обстоятельства, предшествующие заключению спорных сделок и разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделки при наличии сведений о неудовлетворительном финансовом состоянии должника; раскрыт ли источник финансирования должника, опровергнут ли документально транзитный характер сделок; обосновал ли заявитель необходимость предоставления должнику нового финансирования при наличии у

него задолженности по предыдущему финансированию и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата денежных средств иными лицами, входящими в одну группу компаний; не направлены ли действия аффилированных лиц на создание ситуации контролируемого банкротства.

Общество «АЭНП» в рамках дела о банкротстве должника обратилось с заявлением о включении в реестр 1 849 659 456,88 руб. задолженности по договорам займа, 174 632 956,94 руб. процентов за пользование кредитом, 336 495 115,18 руб. неустойки.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Между компанией Спаркель Сити Инвест ЛТД (займодавец) и должником (заемщик) был заключен ряд договоров займа.

В дальнейшем на основании договоров уступки права требования к должнику перешли сначала к компании Смарт Резолют ЛТД, а впоследствии, после введения в отношении должника процедуры наблюдения, к обществу «АЭНП».

Для предотвращения включения в реестр необоснованных требований к должнику и нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника – банкрота, предъявляются повышенные требования.

При этом необходимо иметь в виду, что целью проверки обоснованности требований является недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При рассмотрении обоснованности требований кредитора подлежат проверке доказательства возникновения задолженности в соответствии с материально-правовыми нормами, которые регулируют обязательства, не исполненные должником.

В предмет доказывания по спорам об установлении обоснованности и размера требований кредиторов входит оценка сделки на предмет ее заключенности и действительности, обстоятельств возникновения долга, о реальности возникших между сторонами заемных отношений, установления факта наличия (отсутствия) общих хозяйственных связей между кредитором и должником, экономической целесообразности заключения сделки, оценка поведения сторон с точки зрения наличия или отсутствия злоупотребления правом при заключении сделки.

При оценке допустимости включения основанных на договорах займа требований участников следует детально исследовать природу соответствующих

отношений, сложившихся между должником и займодавцем, а также поведение потенциального кредитора в период, предшествующий банкротству.

Кредитор, заявивший требования к должнику, как и лица, возражающие против этих требований, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений (статья 65 АПК РФ).

В условиях банкротства должника, а, значит, очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, судебным спором об установлении требования конкурсного кредитора затрагивается материальный интерес прочих кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. В сохранении имущества банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что повышает вероятность различных злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших реально правоотношений.

При рассмотрении настоящего обособленного спора суды первой и апелляционной инстанций установили, что конечный бенефициар займодавца (компания Спаркель Сити Инвест ЛТД) и конечный бенефициар заемщика (общества «Архэнергосбыт») были связаны формальными признаками родства (зарегистрированный брак детей) и на дату заключения договоров займа были формально аффилированы.

Если стороны рассматриваемого дела являются аффилированными лицами, то к требованию истца должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве, поскольку общность экономических интересов, в том числе, повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав. При этом наличие в действиях стороны злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во взыскании долга (статья 10 ГК РФ, пункт 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», далее – постановление № 63).

В пункте 4 постановления № 63 разъяснено, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

В рассматриваемом обособленном споре, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделкам, суды правомерно пришли к выводу о том, что сделки, положенные в основу заявленного требования, являются недействительными на основании статей 10, 168 ГК РФ как направленные на получение противоправным путем контроля над банкротством фактически аффилированным кредитором (займодавцем), что свидетельствует о злоупотреблении правом сторонами сделки в целях причинения имущественного вреда кредиторам.

Суды при этом исходили из установленных обстоятельств того, что в период подписания договоров займа заемщик (должник) обладал признаками неплатежеспособности, приведенными в абзаце тридцать четвертом статьи 2 Закона о банкротстве, а также в производстве арбитражного суда находилось дело о банкротстве должника; отсутствовала разумная экономическая целесообразность подписания договоров займа и заключения договоров цессии.

Суды также указали на то, что заявителем не раскрыты обстоятельства, предшествующие заключению спорных сделок и разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделки займа и цессии при наличии сведений о неудовлетворительном финансовом состоянии должника; не раскрыт источник, за счет которого производилась выдача займов, документально не опровергнут транзитный характер сделок; заявитель не обосновал необходимость предоставления должнику нового финансирования при наличии у него задолженности по ранее выданным займам и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата займов иными лицами, входящими в одну группу компаний.

В рамках рассматриваемого обособленного спора суды оценили поведение займодавца, заемщика и общества «АЭНП» как недобросовестное, указав на наличие признаков злоупотребления правом, поскольку стороны не преследовали достижения разумных хозяйственных целей, их действия были направлены на создание ситуации контролируемого банкротства.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 309-ЭС20-2354 \(1, 2\)](#)

При наличии двух конкурирующих судебных актов, один из которых формально подтверждает наличие задолженности должника перед кредитором, а другим установлен факт отсутствия задолженности, суду в деле о банкротстве, в котором заявлено такое спорное требование, надлежит выяснить, какие именно обстоятельства исследовались при вынесении спорных судебных актов, имеется ли между данными судебными актами подлинная конкуренция, требующая повторного установления всех существенных обстоятельств.

В случае, если в судебном акте, которым формально наличие задолженности подтверждено, тем не менее не опровергаются выводы другого суда о том, что должник и кредитор входят в группу аффилированных лиц и основное обязательство, из которого вытекает обеспечительное обязательство между должником и кредитором, признано несуществующим, надлежит учитывать таковые доводы суда, не опровергнутые судом, установившим наличие задолженности.

При таких условиях между судебными актами отсутствует подлинная конкуренция: выводы по первому делу не могли противопоставляться и опровергать выводы, к которым пришел суд в другом деле.

Общество «Каменный пояс» обратилось с заявлением о включении требования в сумму 81 612 022,49 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Между Бровцевым С.В. (покупателем), а также Шардиным А.А. и Шардиной А.П. (продавцами) заключены 18 договоров купли-продажи долей в обществах, входящих в группу «Витус», на общую сумму 100000 001 руб.

Общество «Строй-Контраст» выдало поручительство в целях обеспечения исполнения Бровцевым С.В. обязательств по оплате долей.

Впоследствии общество «Строй-Контраст» как поручитель погасило задолженность Бровцева С.В. перед Шардинами, в связи с чем соответствующее право требования оплаты за доли перешло к обществу в порядке суброгации.

09.07.2012 общество «Строй-Контраст» и Бровцев С.В. новировали обязательство по оплате долей в заемное с уплатой процентов в размере 25% годовых. 31.12.2012 общество «Строй-Контраст» уступило обществу «Каменный пояс» право требования по названному договору займа.

25.01.2013 общество «Профит» в целях обеспечения исполнения Бровцевым С.В. своих обязательств по возврату займа передало обществу «Каменный пояс» в залог ценные бумаги.

В тот же день аналогичное обеспечение в виде залога ценных бумаг предоставил должник. Кроме того, должник выдал за Бровцева С.В. поручительство.

Впоследствии в отношении общества «Профит» было возбуждено дело о банкротстве, в рамках которого обществу «Каменный пояс» отказано во включении в реестр требований кредиторов на основании указанного выше договора залога (определение от 11.07.2017). В рамках названного обособленного спора суд пришел к выводу, что участники цепочки сделок являлись аффилированными лицами, а подобная структура отношений была необходима для создания внутригрупповой контролируемой задолженности на случай банкротства кого-либо из членов группы.

После этого апелляционным определением краевого суда от 25.04.2018 были удовлетворены иски общества «Каменный пояс». В частности, в его

пользу с Бровцева С.В., должника, обществ «Капитал-Инвест» и «Бриг-Девелопмент» взысканы денежные средства в сумме 89 258 122,49 руб.

Таким образом, перед судом по настоящему делу стояла задача разрешить спор в условиях наличия конкурирующих между собой судебных актов по вопросу существования долга перед кредитором – обществом «Каменный пояс».

Согласно частям 2 и 3 статьи 69 АПК РФ преюдициальное значение имеют обстоятельства, относящиеся к лицам, участвующим в деле, и установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда и суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу.

При наличии противоречивых выводов об обстоятельствах дела, изложенных во вступивших в законную силу судебных актах арбитражного суда и суда общей юрисдикции, при разрешении спора суд не может ограничиться формальной ссылкой на результат рассмотрения спора по одному из данных дел и на положения статьи 69 АПК РФ (определение ВС РФ от 17.11.2016 № 305-ЭС14-7445). В такой ситуации суд должен самостоятельно повторно установить фактические обстоятельства дела и на основе этого разрешить спор.

В то же время при рассмотрении иска суд должен учесть обстоятельства ранее рассмотренных дел. Если суд придет к иным выводам, нежели содержащиеся в судебных актах по ранее рассмотренным делам, он должен указать соответствующие мотивы (применительно к разъяснениям пункта 4 постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Поэтому в спорной ситуации для начала было необходимо проанализировать те выводы, к которым пришли арбитражный суд и суд общей юрисдикции по ранее рассмотренным делам, а затем уже решить, имеется ли между данными судебными актами подлинная конкуренция, требующая повторного установления всех существенных обстоятельств.

Так, в рамках первого дела арбитражные суды (первой инстанции и округа) пришли к следующим выводам.

Суды в рамках первого дела указали, что движение денежных средств заинтересованными лицами не раскрыто, несмотря на приводимые незаинтересованными кредиторами возражения о том, что в данном случае могло иметь место внутригрупповое движение денежных средств.

Суды пришли к выводам, что в данном случае имели место согласованные действия взаимосвязанных лиц, которые не отвечают принципам разумности и экономической целесообразности, направлены на создание подконтрольной

кредиторской задолженности. Опровержение указанных обстоятельств в силу существующего стандарта и распределения бремени доказывания возложено именно на аффилированного кредитора, заявившего требования о включении в реестр. Между тем общество «Каменный пояс» разумные экономические мотивы выбора указанной конструкции правоотношений, способа движения денежных средств при расчетах, в том числе направление их на приобретение векселей у самого же общества «Каменный пояс», а также конечный бенефициар указанной цепочки сделок не раскрыты. Исходя из этого суды отметили, что через совокупность договоров с лицами внутри группы при обеспечении формального документооборота и отражении финансовых операций в бухгалтерском учете была создана подконтрольная фиктивная кредиторская задолженность, используемая для последующего уменьшения объема требований независимых кредиторов.

Таким образом, в рамках первого дела арбитражные суды фактически исходили из отсутствия основного обязательства Бровцева С.В. перед обществом «Каменный пояс» и, как следствие, не усмотрели оснований для включения требования по обязательству дополнительному.

После того, как общество «Каменный пояс» получило отказ в установлении своего требования в реестре общества «Профит», оно обратилось в суд общей юрисдикции к иным должникам по обязательству с иском о взыскании денежных средств.

В рамках второго дела краевой суд, обладая информацией о результатах рассмотрения первого дела, отклонил мотивы, по которым арбитражный суд пришел к соответствующим выводам. Как отметил суд общей юрисдикции, предметом иска являлось не признание сделок недействительными (ничтожными), а взыскание задолженности по договору займа. Согласно позиции краевого суда, проявляя собственную инициативу, арбитражный суд не учел, что ответчики имели возможность самостоятельно защитить свои права и законные интересы путем предъявления иска о признании сделок недействительными (ничтожными) и применении последствий недействительности ничтожной сделки, однако таких требований не заявляли.

В связи с этим суд общей юрисдикции пришел к выводам об отсутствии оснований для отказа во взыскании в пользу общества «Каменный пояс» денежных средств. Суд принял во внимание и позицию ответчиков, не возражавших против удовлетворения иска. Как отметил суд, само по себе установление арбитражным судом отсутствия экономической выгоды и целесообразности, отсутствия реальной деловой цели заключения договоров не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Вместе с тем, судебная коллегия отмечает, что в рамках второго дела суд общей

юрисдикции не опроверг выводы арбитражного суда о транзитном характере движения денежных средств внутри группы лиц, о заключении обеспечительных сделок для наращивания внутригрупповой кредиторской задолженности, подконтрольной бенефициарам группы, об отсутствии дополнительных (обеспечительных) обязательств ввиду несуществования обязательства основного. Суд общей юрисдикции ограничился лишь формальным набором доказательств и констатацией фактов заключения договоров и совершения платежных операций, то есть в условиях, когда обязательства сторон были столь сложно сконструированы, не установил всю совокупность отношений сторон.

В отличие от краевого суда арбитражный суд в рамках первого дела полно и всесторонне определил отношения сторон, вникнув в суть совершенных сделок. При таких условиях между судебными актами отсутствовала подлинная конкуренция: выводы по второму делу, рассмотренному судом общей юрисдикции, не могли противопоставляться и опровергать выводы, к которым пришел арбитражный суд в первом деле.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС20-8593](#)

В соответствии с п. 6.2 Обзора от 29.01.2020 подлежит понижению в очередности требование контролирующего должника лица, если такой аффилированный кредитор приобрел у независимого кредитора требование к должнику на фоне имущественного кризиса последнего, создав тем самым условия для отсрочки погашения долга, то есть фактически профинансировал должника. Данное правило обусловлено тем, что, когда должник находится в состоянии имущественного кризиса, приобретение требования у независимого кредитора позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности

В отличие от обозначенной ситуации после введения процедуры по делу о банкротстве невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение, так как такая процедура является публичной, открытой и гласной. Об осведомленности независимых кредиторов о наличии процедуры банкротства свидетельствует и сам факт включения их требований в реестр. В связи с этим выкуп задолженности у таких кредиторов по договору цессии контролирующим должника лицом не может

рассматриваться как направленный на предоставление должнику компенсационного финансирования, такое требование не подлежит понижению в очередности.

Косов С.В. обратился с заявлением о процессуальной замене кредитора третьей очереди - ПАО «Ростелеком» с требованием в размере 2 048 291,95 руб. на его правопреемника - Косова С.В.

Судом округа требование Косова С.В. в размере 2 048 291,95 руб. признано обоснованным, но подлежащим удовлетворению в очереди, предшествующей распределению ликвидационной квоты).

Определением от 02.08.2018 в третью очередь реестра требований кредиторов должника включены требования ПАО «Ростелеком» в размере 2 048 291,95 руб.

Впоследствии между ПАО «Ростелеком» и Косовым С.В. был заключен договор уступки права требования от 21.05.2019, согласно которому ПАО «Ростелеком» уступило вышеуказанное право требования к должнику, цена передаваемых прав составила 204 829,20 руб.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым заинтересованность (аффилированность) лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов либо основанием для понижения очередности удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными.

Вместе с тем, из указанного правила имеется ряд исключений, которые проанализированы в Обзоре, обобщившим правовые подходы, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Так, в пункте 6.2 Обзора раскрыта ситуация, когда очередность удовлетворения требования кредитора, являющегося контролирующим должника лицом, понижается (требование подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты), если этот кредитор приобрел у независимого кредитора требование к должнику на фоне имущественного кризиса последнего, создав тем самым условия для отсрочки погашения долга, то есть фактически профинансировал должника.

Однако в рамках настоящего спора приобретение требования к должнику по договору цессии осуществлено аффилированным лицом после признания должника банкротом.

Данное обстоятельство не позволяет рассматривать такое приобретение как способ компенсационного финансирования должника в том смысле, который заложен в пункте 6.2 Обзора.

Когда должник находится в состоянии имущественного кризиса, приобретение требования у независимого кредитора позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности (пункт 3.1 Обзора).

В ситуации, когда скрытый от кредиторов план выхода из кризиса не удалось реализовать, естественным следствием принятия подобного риска является запрет на противопоставление требования о возврате компенсационного финансирования независимым кредиторам, из чего вытекает необходимость понижения очередности удовлетворения требования аффилированного лица.

В отличие от обозначенной ситуации после введения процедуры по делу о банкротстве невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение, так как такая процедура является публичной, открытой и гласной. Об осведомленности независимых кредиторов о наличии процедуры банкротства свидетельствует и сам факт включения их требований в реестр. В связи с этим выкуп задолженности у таких кредиторов не может рассматриваться как направленный на предоставление должнику компенсационного финансирования.

Таким образом, пункт 6.2 Обзора не подлежит применению в ситуации, когда аффилированное лицо приобретает требование у независимого кредитора в процедурах банкротства.

Обратный подход приведет к негативным последствиям в виде отказа контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от приобретения прав требования к должнику у независимых кредиторов, лишая последних возможности хотя бы частично удовлетворить свои требования таким путем.

При этом следует учесть, что само по себе нахождение в реестре требований кредиторов аффилированного с должником лица не влечет для независимых кредиторов негативных последствий и не является противозаконным.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-6599](#)

В рамках дела о банкротстве арбитражный управляющий не имеет самостоятельного интереса в оспаривании требований отдельных кредиторов. Его возражения, исходя из возложенных на управляющего Законом о банкротстве обязанностей, должны быть направлены на защиту прав и охраняемых законом интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника.

В случае, если арбитражный управляющий не привел достаточных свидетельств того, что сделками был нарушен баланс интересов кредиторов должника, требования, вытекающие из таких сделок, подлежат признанию обоснованными и включению в реестр. О ненарушенности прав конкурсных кредиторов спорными сделками может свидетельствовать отсутствие в реестре требований, которые возникли бы ранее спорных сделок; публично раскрытый залог, которым обеспечивались спорные сделки.

АСВ обратилось в суд с заявлением о включении требования банка в реестр требований кредиторов общества "Омега" и о признании этого требования обеспеченным залогом имущества должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении требований отказано.

Банк (цедент) и общество «Омега» (цессионарий) 27.02.2015 заключили договор об уступке требований (с дополнительными соглашениями). В соответствии с этим договором банк уступил должнику требования к обществу «Доктор Лизинг» (далее – заемщик) о погашении задолженности по восьми кредитным договорам и трем договорам об открытии кредитной линии, заключенным в период с 11.04.2011 по 17.02.2014, а также передал права залогодержателя по договорам залога, обеспечивающим исполнение заемщиком кредитных обязательств перед банком.

Согласованная в договоре цена уступленных требований равна их номинальной стоимости на момент заключения договора – 161 793 433,95 руб.

В дальнейшем общество «Доктор Лизинг» было реорганизовано в форме присоединения к обществу «Регионресурс».

С целью обеспечения исполнения обязательства цессионария по выплате цены полученных им требований банк (залогодержатель) и общество «Омега» (залогодатель) заключили две обеспечительные сделки – договоры об ипотеке от 27.08.2015 и от 22.12.2016, по которым общество «Омега» передало принадлежащие ему нежилые помещения (девять объектов, расположенных в городе Саратове) в ипотеку банку.

Должник уплатил банку цену договора об уступке требований частично. Долг составил 113 000 000 рублей. Определением от 23.01.2019 возбуждено дело о банкротстве общества «Омега».

В рамках дела о банкротстве арбитражный управляющий не имеет самостоятельного интереса в оспаривании требований отдельных кредиторов. Его возражения, исходя из возложенных на управляющего Законом о банкротстве обязанностей, должны быть направлены на защиту прав и охраняемых законом интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника. В рамках настоящего обособленного спора управляющий сослался на наличие у него именно такой цели.

Так, возражая по заявлению банка в лице агентства о включении задолженности в реестр, арбитражный управляющий заявил о ничтожности договоров уступки требований и ипотеки на основании статьи 10, пункта 2 статьи 168 ГК РФ по мотиву совершения договоров с целью причинения вреда лицам, не являющимся сторонами сделок, – кредиторам общества «Омега».

Арбитражный управляющий не привел достаточных свидетельств того, что сделками был нарушен баланс интересов названного сообщества кредиторов общества «Омега» и банка, последний получил то, на что справедливо рассчитывали первые.

В частности, банк обращал внимание на отсутствие в реестре требований кредиторов общества «Омега» требований по обязательствам, возникшим к моменту заключения договоров об уступке требований и об ипотеке (2015 – 2016 годы): банк полагал, что в реестр включены лишь требования по обязательствам, возникшим не ранее декабря 2017 года.

Исходя из принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ), в отсутствие каких-либо кредиторов, чьи требования остались непогашенными, банк и общество «Омега» обладали широким усмотрением при выстраивании отношений друг с другом. После же того как информации о залоге в соответствии с требованиями статьи 8.1 ГК РФ была размещена в открытом Едином государственном реестре недвижимости, контрагенты общества «Омега», о необходимости защиты которых заявил управляющий, вступая с должником в договорные отношения, имели возможность узнать об обременении имущества в пользу банка и исходя из этого самостоятельно принять решение о совершении сделки или об отказе от ее заключения. У таких кредиторов в силу статьи 334 ГК РФ не было разумных ожиданий относительно того, что их требования будут погашены за счет заложенного имущества преимущественно перед требованиями банка или наравне с ними. Несмотря на наличие публично раскрытого залога они вступили в договорные отношения, предоставили обществу «Омега» исполнение и впоследствии не могли переложить последствия своих управленческих решений на банк, который не действовал в отношении названных кредиторов противоправно.

В нарушение положений статей 71, 168 и 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суды первой и апелляционной инстанций доводы банка не проверили, тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора.

Более того, суды не учли, что банк, также как и общество «Омега», находится в процедуре конкурсного производства. Вследствие принятого судами решения о лишении договоров уступки требований и ипотеки юридической силы, правовая защищенность добросовестных кредиторов банка стала ниже, чем защищенность

неосмотрительных кредиторов общества «Омега», что не согласуется с положениями пунктов 1 и 2 статьи 1 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 31.08.2020 № 309-ЭС20-6158](#)

Установленная достоверность, реальность договорных отношений и наличие задолженности между кредитором и аффилированным с ним должником в случае банкротства последнего не всегда влечёт погашение данного долга наравне с требованиями независимых кредиторов.

Факты оказания кредитором услуг должнику, несмотря на непрекращающееся нарушение со стороны последнего условий об их оплате, а также не взыскание имеющейся задолженности, могут свидетельствовать о предоставлении кредитором аффилированному лицу (должнику) компенсационного финансирования, которое не подлежит противопоставлению требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

В случае доказанного факта аффилированности должника и кредитора, на последнем лежало бремя доказывания того, что в рассматриваемых отношениях должник и кредитор действовали самостоятельно, независимо друг от друга, в отсутствие соглашения между ними, а их поведение не являлось скоординированным, продиктованным интересами конечных бенефициаров данных организаций. В отсутствие таких доказательств согласованность действий должника и кредитора предполагается – не устранённые кредитором разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов.

Общество обратилось в суд с заявлением о включении задолженности в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций признаны обоснованными и подлежащими включению в состав третьей очереди реестра требования общества в размере 8 481 224,84 руб.

31.03.2014 должник (принципал) и общество (агент) заключили агентский договор, по которому агент обязуется от своего имени по поручению принципала либо от имени принципала и за его счет оказывать услуги, совершать юридические и фактические действия в целях обеспечения поставки энергоресурсов принципалу (теплоэнергия, электроэнергия, водоснабжение), приема и сброса сточных вод, по осуществлению комплекса работ и услуг, обеспечивающих нормальную эксплуатацию и технически исправное состояние торгово-офисного здания.

Определением от 17.01.2019 в отношении должника возбуждено настоящее дело о несостоятельности (банкротстве), 22.02.2019 введена процедура наблюдения, а

12.08.2019 должник признан банкротом, открыта процедура конкурсного производства.

В связи с неоплатой должником договорной задолженности за содержание общего имущества и агентского вознаграждения общество обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Установив факт аффилированности общества и должника (директором должника и участником с долей 50 % является Белокрылецкая И.И., вторым участником должника с 50 % долей участия являлся Белокрылецкий А.В. – супруг Белокрылецкой И.И., а директором и единственным участником кредитора является её сын – Белокрылецкий И.А.), суды указали, что само по себе подобное обстоятельство не может служить признаком злоупотребления правом, иметь своим последствием отказ во включении требований в реестр или понижения очередности их удовлетворения при недоказанности мнимости сложившихся между сторонами правоотношений.

Вопреки выводам судов, установленная достоверность, реальность договорных отношений и наличие задолженности между обществом и аффилированным с ним должником в случае банкротства последнего не всегда влечёт погашение данного долга наравне с требованиями независимых кредиторов.

Судебная практика исходит из того, что факты оказания обществом услуг должнику, несмотря на непрекращающееся нарушение со стороны последнего условий об их оплате, а также не взыскание имеющейся задолженности, могут свидетельствовать о предоставлении обществом аффилированному лицу (должнику) компенсационного финансирования, которое не подлежит противопоставлению требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (пункты 3.1. - 3.3. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (далее – Обзор), утверждённого Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

С учётом того, что должник и общество контролируются семьёй Белокрылецких (мать, отец, сын) в силу статьи 65 АПК РФ на предъявившем требовании обществе лежало бремя доказывания того, что в рассматриваемых отношениях должник и общество действовали самостоятельно, независимо друг от друга, в отсутствие соглашения между ними, а их поведение не являлось скоординированным, продиктованным интересами семьи Белокрылецких.

В отсутствие таких доказательств согласованность действий должника и общества предполагается.

В таком случае, в соответствии с содержащимися в Обзоре разъяснениями для понижения очередности удовлетворения требований общества судам следовало установить наличие у должника в момент предоставления обществом финансирования (заключения агентского договора и в период образования задолженности) признаков имущественного кризиса, а также оценить отказ общества от истребования задолженности как возможный вариант последующего финансирования должника.

Исходя из заложенной в Обзоре презумпции, не устранённые обществом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункт 3.4. Обзора).

[Определение ВС РФ от 11.09.2020 № 308-ЭС19-9133 \(4\)](#)¹

При рассмотрении спора о включении в реестр требований кредиторов требований аффилированного лица судам необходимо исследовать следующие обстоятельства: раскрыты ли заявителем обстоятельства, предшествующие заключению спорных сделок и разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделки при наличии сведений о неудовлетворительном финансовом состоянии должника; опровергнут ли документально транзитный характер сделок; обосновал ли заявитель необходимость предоставления должнику нового финансирования при наличии у него задолженности по предыдущему финансированию и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата денежных средств иными лицами, входящими в одну группу компаний; не направлены ли действия аффилированных лиц на создание ситуации контролируемого банкротства.

Если аффилированным лицом не выполнен стандарт доказывания, то сделка, из которой вытекает требование такого лица, может быть признана ничтожной на основании статей 10 и 168 ГК РФ как направленная на получение противоправным путем контроля над банкротством.

Это в частности относится и к ситуации, когда долг вытекает из кредитного договора, если кредитный договор заключен с банком, входящим в одну группу с должником, в период неплатежеспособности должника; разумная экономическая целесообразность подписания этого договора отсутствовала; заявителем не обоснована необходимость предоставления нового финансирования должнику при наличии у него задолженности по ранее выданным займам и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата займов иными лицами. Последующая уступка требования, вытекающего из такого договора, в пользу лица, чья аффилированность с должником не установлена,

не меняет вывод о ничтожности договора кредита и недопустимости включения такого требования в реестр требований кредитора.

Общество «АЭНП» в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 544 016 550 руб. основного долга, 14 867 301 руб. 61 коп. процентов за пользование кредитом, 78 057 581 руб. 14 коп. пеней за неисполнение обязательств по кредитному договору.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

25.08.2017 между банком и обществом «Архэнергосбыт» (заемщик) заключен кредитный договор.

Ввиду нарушения заемщиком обязательств по кредитному договору банк обратил взыскание на предмет залога (векселя) по цене и на условиях, предусмотренных договором залога векселей, заключенным

¹ смотри также [Определение ВС РФ от 11.09.2020 № 308-ЭС19-9133 \(13\)](#) по тому же делу

в обеспечение исполнения заемщиком обязательств по названному кредитному договору между банком (залогодержатель) и компанией (залогодатель).

Компания, исполнившая обязательства должника, 28.04.2018 на основании договора уступки прав (требований) переуступила обществу «АЭНП» право (требование) задолженности по кредитному договору.

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника – банкрота, предъявляются повышенные требования.

При этом необходимо иметь в виду, что целью проверки обоснованности требований является недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При рассмотрении обоснованности требования кредитора подлежат проверке доказательства возникновения задолженности в соответствии с материально-правовыми нормами, которые регулируют обязательства, не исполненные должником.

Кредитор, заявивший требования к должнику, как и лица, возражающие против этих требований, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений (статья 65 АПК РФ).

В условиях банкротства должника, а, значит, очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, судебным спором об установлении требования конкурсного кредитора затрагивается материальный

интерес прочих кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. В сохранении имущества банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что повышает вероятность различных злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших реально правоотношений.

Абзацем первым пункта 1 статьи 10 ГК РФ установлена недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребление правом).

При рассмотрении настоящего обособленного спора суды установили, что банк, компания и должник являются аффилированными между собой лицами по признаку вхождения в одну группу лиц; конечный бенефициар компании и конечный бенефициар должника были связаны формальными признаками родства (зарегистрированный брак детей).

Если стороны рассматриваемого дела являются аффилированными лицами, то к требованию истца должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве, поскольку общность экономических интересов, в том числе, повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав. При этом наличие в действиях стороны злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во взыскании долга (статья 10 ГК РФ, абзац четвертый пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», далее – постановление № 63).

В пункте 4 постановления № 63 указано, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

В рассматриваемом обособленном споре суды, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделкам, правомерно пришли к выводу о том, что сделки, положенные в основу

заявленного требования, являются недействительными на основании статей 10, 168 ГК РФ, как направленные на получение противоправным путем контроля над банкротством кредитором, что свидетельствует о злоупотреблении правом сторонами сделки в целях причинения имущественного вреда кредиторам должника.

Судами при этом учтено, что кредитный договор заключен должником в период собственной неплатежеспособности; разумная экономическая целесообразность подписания этого договора отсутствовала; заявителем не обоснована необходимость предоставления нового финансирования должнику при наличии у него задолженности по ранее выданным займам и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата займов иными лицами.

[Определение ВС РФ от 28.09.2020 № 305-ЭС20-6652](#)

При недействительности цессии первоначальный кредитор (цедент) вправе выбирать между самостоятельным предъявлением требования, несмотря на судебный процесс, начатый против должника цессионарием по недействительной уступке, и вступлением в этот процесс в качестве правопреемника такого цессионария. Первый вариант может быть обусловлен совершением цессионарием процессуальных действий (например, отказ от иска), противоречащих интересам цедента, а второй позволяет избежать кредитору пропуск срока исковой давности по требованию.

При разрешении спора о включении в реестр требований цедента необходимо установить, не прекратилось ли ранее уступленное обязательство.

В рамках дела о банкротстве Борисова В.В. банк обратился с заявлением о включении задолженности в размере 120 145 198 руб. 43 коп. в реестр требований кредиторов должника.

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении требований банка отказано.

Между банком и обществом «Люксория» заключен договор об открытии кредитной линии в российских рублях от 28.05.2015. В обеспечение исполнения обязательств общества «Люксория» банком и должником заключен договор поручительства от 28.05.2015.

Права и обязанности по кредитному договору от 28.05.2015, а также по обеспечительной сделке (договору поручительства) уступлены банком в пользу общества «Борис-Агро» по договору цессии от 11.05.2016.

Позднее между банком и обществом «Люксория» заключен договор об открытии кредитной линии в российских рублях от 06.04.2016. В обеспечение исполнения обязательств общества «Люксория» банком и должником заключены

договоры поручительства от 06.04.2016 и залога недвижимого имущества от 06.04.2016.

Права и обязанности по кредитному договору от 06.04.2016, включая обеспечительные сделки, уступлены банком в пользу общества «ЭкспрессПроект» по договору цессии от 05.05.2016.

Вступившими в законную силу судебными актами по делу о банкротстве банка договоры цессии признаны недействительными, применены последствия недействительности сделок в виде восстановления прав банка как кредитора по кредитным договорам, договорам поручительства и ипотеки с Борисовым В.В.

В связи с неисполнением обязательств по кредитным договорам банк обратился в арбитражный суд с настоящим требованием.

Поскольку права требования по обеспечительным сделкам возвращены банку, при разрешении настоящего спора необходимо было установить, не прекратились ли поручительство и залог на момент, когда банк предъявил свои требования к должнику.

Поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю (пункт 6 статьи 367 ГК РФ).

Таким образом, суды апелляционной инстанции и округа правомерно признали ошибочным

По смыслу разъяснений, изложенных в абзаце 2 пункта 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», при недействительности цессии первоначальный кредитор (цедент) вправе выбирать между самостоятельным предъявлением требования, несмотря на судебный процесс, начатый против должника цессионарием по недействительной уступке, и вступлением в этот процесс в качестве правопреемника такого цессионария. Первый вариант может быть обусловлен совершением цессионарием процессуальных действий (например, отказ от иска), противоречащих интересам цедента, а второй позволяет избежать кредитору пропуск срока исковой давности по требованию.

В данном случае, воспользовавшись правом выбора, банк вступил в инициированный цессионариями процесс взыскания задолженности с должника, что само по себе не влечет изменения объема ответственности по спорным обязательствам и не влияет на права последнего, учитывая его нахождение в просрочке.

Иной подход ведет к освобождению должника от исполнения обязательств перед банком в отсутствие законных оснований.

[Определение ВС РФ от 08.10.2020 № 305-ЭС16-13099 \(79\)](#)

При продаже должником третьему лицу реституционного требования к ответчику, возникшего в связи с признанием сделки недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, последний объективно не имеет возможности возвратить полученное в конкурсную массу, он должен предоставить исполнение цессионарию (статьи 382, 385 ГК РФ). В таком случае пополнение конкурсной массы осуществляется посредством получения цены договора купли-продажи названного требования, а не возврата ответчиком имущества (его стоимости) должнику. С момента перехода требования к цессионарию контрагент должника по недействительной сделке лишился возможности вернуть полученное по недействительной сделке в конкурсную массу по обстоятельствам, зависящим от конкурсного управляющего должника, а значит, вправе предъявить восстановленное требование ко включению в реестр.

Учреждение обратилось в суд с заявлением о включении его требования в сумме 1 888 864 рубля 7 копеек в реестр требований кредиторов общества.

Судами трех инстанций требование учреждения признано необоснованным, во включении задолженности в реестр отказано.

Решением от 30.09.2014 с общества в пользу учреждения взысканы 1 888 864 рубля 7 копеек, составляющие основной долг и проценты за пользование чужими денежными средствами.

Определением от 13.01.2015 по настоящему делу принято к производству заявление о признании общества несостоятельным (банкротом).

В рамках исполнительного производства, возбужденного 19.01.2015, общество платежным поручением от 19.03.2015 погасило задолженность в сумме 1 888 864 рубля 7 копеек.

Впоследствии указанный платеж признан недействительным как операция, повлекшая за собой предпочтительное удовлетворение требования учреждения. Применены последствия недействительности данной операции в виде обязанности учреждения возвратить в конкурсную массу общества 1 888 864 рубля 7 копеек и восстановления задолженности общества перед учреждением в той же сумме.

Затем (12.04.2019) учреждение обратилось в суд с заявлением о включении в реестр восстановленного требования к обществу.

В силу пунктов 1 – 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве, если по сделке, признанной недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона, кредитор – ответчик по обособленному спору (далее – ответчик) получил от должника

имущество, то он может предъявить восстановленное требование к должнику только после возврата в конкурсную массу полученного имущества или его стоимости.

Указанные положения Закона о банкротстве направлены на создание условий для справедливого (исходя из правил об очередности и пропорциональности) удовлетворения требований всех кредиторов должника путем фактического наполнения конкурсной массы – реального приведения ее в то состояние, которое существовало до совершения с ответчиком подозрительной сделки или сделки, влекущей оказание ему предпочтения.

Однако в рассматриваемом случае учреждение обращало внимание на то, что общество (цедент) и индивидуальный предприниматель Полухин О.В. (цессионарий) 15.01.2019 заключили договор об уступке реституционного требования к учреждению; общество 28.01.2019 уведомило учреждение о состоявшейся уступке и о необходимости погашения задолженности другому лицу – предпринимателю Полухину О.В.

При продаже должником третьему лицу реституционного требования к ответчику, возникшего в связи с признанием сделки недействительной на основании статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, последний объективно не имеет возможности возвратить полученное в конкурсную массу, он должен предоставить исполнение цессионарию (статьи 382, 385 Гражданского кодекса Российской Федерации). В таком случае пополнение конкурсной массы осуществляется посредством получения цены договора купли-продажи названного требования, а не возврата ответчиком имущества (его стоимости) должнику.

При этом вопросы о целесообразности отказа от предъявления исполнительного листа к принудительному исполнению за счет ответчика – в данном случае учреждения, находящегося в ведении Министерства обороны Российской Федерации, уступки соответствующего ликвидного требования, подтвержденного судебным решением, третьему лицу с дисконтом, находились в сфере контроля конкурсного управляющего обществом. На ответчика, не являющегося участником отношений, касающихся заключения договора уступки требования и его исполнения цессионарием, не могут быть отнесены негативные последствия невыплаты цены договора цессии цессионарием или недополучения конкурсной массой разности между номинальной стоимостью реституционного требования и ценой его продажи.

Само общество распорядилось требованием к учреждению, выбрав в качестве способа увеличения своей конкурсной массы отчуждение названного требования. С момента перехода требования к цессионарию учреждение лишилось возможности вернуть полученное по недействительной сделке в конкурсную массу по обстоятельствам, зависящим от конкурсного управляющего обществом, а значит, оно вправе предъявить восстановленное требование к включению в реестр.

Не проверив факт уступки обществом требования к учреждению, суды сделали преждевременный вывод о необоснованности восстановленного требования учреждения.

[Определение ВС РФ от 08.10.2020 № 308-ЭС20-8307](#)

О наличии фактической аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, в частности, заключение между собой сделок и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка, следовательно, аффилированность сторон заемных отношений возможно подтвердить через факт нестандартности спорных сделок с точки зрения заведенной в гражданском обороте практики поведения. При этом недопустимо исследование только конкретных фактов, а необходим всесторонний анализ дела с учетом всей совокупности обстоятельств.

Общество обратилось с заявлением о включении в реестр требований должника задолженности в размере 532 779 798,32 руб. и в размере 54 366 323,06 руб.

Судами трех инстанций заявленные требования удовлетворены.

Между обществом (займодавцем) и кондитерской фабрикой (заемщиком) было заключено девять договоров займа.

Поскольку должник свои обязательства по возврату заемных средств не исполнил, общество обратилось с заявлением о включении сумм задолженности в реестр.

Возражения банка против требований общества по существу сводились к фиктивности (статья 170 ГК РФ) спорных займов ввиду того, что денежные средства проходили через счет общества и должника транзитом, не опосредуя реальные хозяйственные отношения, а создавая лишь видимость этого в целях искусственного формирования задолженности.

Такая версия может выглядеть убедительной, только если предположить, что действия как кредитора (общества), так и заемщика (кондитерской фабрики) координировались из единого центра принятия управленческих решений, иными словами, если общество и должник были аффилированы по признаку вхождения в одну группу лиц, объединенную общими экономическими интересами.

Банк не оспаривал, что между должником и обществом отсутствовали формально-юридические признаки аффилированности. В то же время доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допустимо не только через подтверждение юридической связанности, но и фактической, наличие которой имеет место тогда, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения

предпринимательской деятельности (определение ВС РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475). Именно на существование фактической аффилированности ссылался банк в обоснование своих возражений против требования кредитора.

Согласно позиции, изложенной в определении ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), о наличии фактической аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, в частности, заключение между собой сделок и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

Следовательно, для определения аффилированности сторон заемных отношений необходимо было подтвердить, что спорные сделки являлись нестандартными с точки зрения заведенной в гражданском обороте практики поведения.

Банк отмечал, что общество в качестве займа предоставляло денежные средства, полученные от обществ «Аргамак», «Омнитрейд», «Буденновский», «Красноармейский элеватор», «Грэйн Трейд», «Зимзлебпродукт», «Азоврыба». После этого денежные средства в качестве займов предоставлялись кондитерской фабрике, которая далее перечисляла эти средства обществам «Омнитрейд», «Росткомплект» и др. Тем самым, банк полагал, что заемные денежные средства возвращались тем лицам, которые их и предоставили займодавцу, что свидетельствует о закольцованном характере движения денег.

Однако, заслушав в заседании выступления представителей общества и банка, судебная коллегия полагает, что названные доводы подателя кассационной жалобы не нашли своего подтверждения и не опровергают выводы судов, установивших реальный характер заемных отношений.

Необходимо отметить, что банк лишь выборочно ссылается на те операции, которые могут подтвердить его правовую позицию, игнорируя остальные факты. В то же время судебные акты должны приниматься по результатам всестороннего анализа дела, принимая во внимание всю совокупность фактических обстоятельств.

Так, как пояснял в отзыве временный управляющий, значительная часть заемных денежных средств (около 196 млн. руб.) направлена на погашение долга по кредиту перед АО «Альфа-Банк». Иные средства направлялись на выплату кредита заявителю кассационной жалобы (банку), выплату заработной платы работникам фабрики, на исполнение обязательств по уплате обязательных платежей, на расчеты с контрагентами за поставленную продукцию и проч., то есть фактически заемные средства использовались на нужды кондитерской фабрики, для поддержания ее обычной хозяйственной деятельности.

Таким образом, имеющиеся доводы с учетом опровергающих их выводов судов, а также позиций общества и временного управляющего должником не

порождают убедительные сомнения в реальности займов и не позволяют с уверенностью констатировать, что соответствующие операции носили мнимый, нестандартный характер. Напротив, при установленных судами обстоятельств наиболее вероятное положение дел выглядит таким образом, что со стороны как общества, так и должника имело место обычное предпринимательское взаимодействие, не выходящее за пределы разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, а финансирование предоставлялось реально на условиях, доступных обычным (независимым) участникам рынка, и использовалось на собственные нужды заемщика.

[Определение ВС РФ от 12.10.2020 № 305-ЭС19-17086 \(2\)](#)

При установлении в реестре требования кредитора, аффилированного по отношению к должнику, об исполнении обязательств по договору займа, выданному путем безналичного перечисления денежных средств на расчетный счет должника, лицо, возражающее по данному требованию, должно представить, по меньшей мере, косвенные доказательства, ставящие под сомнение факт существования долга (например, косвенные свидетельства использования счета должника в качестве транзитного). При возникновении указанных сомнений бремя их опровержения лежит на аффилированном с должником кредиторе.

Требование о включении суммы задолженности в реестр подлежит подаче в суд в пределах общего срока исковой давности (п. 1 ст. 196 ГК РФ).

Общество обратилось в суд с заявлением о включении его требования в сумме 14 756 563 рубля 12 копеек в реестр требований кредиторов должника.

Суд округа признал требование общества признан обоснованным и подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве, но приоритетно по отношению к ликвидационной квоте.

Судебная коллегия находит правильными вывод суда округа о том, что при разрешении требования кредитора, аффилированного по отношению к должнику, об исполнении обязательств по договору займа, выданному путем безналичного перечисления денежных средств на расчетный счет должника, лицо, возражающее по данному требованию, должно представить, по меньшей мере, косвенные доказательства, ставящие под сомнение факт существования долга (например, косвенные свидетельства использования счета должника в качестве транзитного), в том числе с использованием механизма, закрепленного в части 4 статьи 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). При возникновении указанных сомнений бремя их опровержения лежит на аффилированном с

должником кредиторе (пункт 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

До вынесения судом первой инстанции определения по существу обособленного спора предприятие (конкурсный кредитор) представило отзыв на требование общества, в котором, помимо прочего, заявило о пропуске срока исковой давности. Предприятие полагало, что согласованный в договоре срок возврата займа и уплаты процентов – 16.05.2016, заявление о включении задолженности в реестр подано 09.09.2019, то есть с пропуском трехлетнего срока исковой давности, предусмотренного пунктом 1 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно пункту 2 статьи 199 ГК РФ истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Суд первой инстанции в нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ не рассмотрел заявление предприятия о пропуске срока исковой давности.

[Определение ВС РФ от 19.10.2020 № № 307-ЭС20-6662 \(4\)](#)

В случае, если требование, заявляемое ко включению в реестр, вытекает из длящихся отношений и в представленном кредитором акте сверки расчетов отражено, что операции осуществлялись в 2013 – 2018 годах, для правильного разрешения спора судам следует проверить первичные документы по договору за весь период его исполнения, соотнести их со встречным предоставлением со стороны должника посредством анализа выписок по счетам за все время, пока производилась оплата.

В ситуации аффилированности кредитора и должника, при установлении факта наличия задолженности по договору судам надлежит дополнительно установить: имело ли место финансирование должника со стороны общества по договору купли-продажи; предоставило ли общество - кредитор, аффилированное с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

Общество обратилось в суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов должника (далее – реестр).

Судами первой инстанции и округа требование включено в реестр.

Суд апелляционной инстанции установил, что согласно разделу 9 (сведения из книги продаж) налоговых деклараций по налогу на добавленную стоимость в 2016 и 2017 годах общество поставило должнику товар на общую сумму 225 834 537 рублей

56 копеек. В течение 2016 – 2019 годов на счета общества от должника поступили денежные средства в совокупном размере 436 070 255 рублей 81 копейка, из которых 358 202 558 рубля 10 копеек в счет оплаты товара по договору поставки от 03.12.2012 № 01/12. Из этого судом апелляционной инстанции сделан вывод о том, что задолженность, которая могла возникнуть из спорного договора, оплачена в размере, превышающем объем поставленного товара.

По смыслу пункта 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» акт сверки, подписанный кредитором и должником, не является достаточным доказательством обоснованности требования, оно должно подтверждаться первичными документами.

Поскольку в рассматриваемом случае общество ссылалось на длящийся характер отношений и в представленном им акте сверки расчетов отражено, что операции по реализации осуществлялись обществом в 2013 – 2018 годах, для правильного разрешения спора судам, прежде всего, следовало проверить первичные документы по поставке за весь период исполнения договора, соотнести их со встречным предоставлением со стороны должника посредством анализа выписок по счетам за все время, пока производилась оплата.

Однако первичные документы по поставке товара за весь период взаимоотношений общества и должника по договору от 03.12.2012 суды не исследовали и не оценивали. При таких обстоятельствах, выводы судов о наличии (об отсутствии) задолженности являются преждевременными.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции констатировал вхождение общества и должника в одну группу лиц, наличие между ними отношений контроля и подчиненности.

Согласно пункту 1 статьи 9 Закона о банкротстве при наличии любого из обстоятельств, указанных в этом пункте, считается, что должник находится в трудном экономическом положении и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования, в частности, с использованием конструкции договора займа и других договорных конструкций, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (пункт 1 статьи 2 ГК РФ). Поэтому при банкротстве требование о возврате

компенсационного финансирования не может быть противопоставлено требованиям независимых кредиторов – оно подлежит удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ (в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты) (пункт 3.1 обзора судебной практики).

При этом не устраненные контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункт обзора судебной практики от 29.01.2020 г.).

Разновидностью финансирования по смыслу пункта 1 статьи 317.1 ГК РФ является предоставление контролирующим лицом, осуществившим неденежное исполнение, отсрочки, рассрочки платежа подконтрольному должнику по договору купли-продажи по отношению к общим правилам о сроке платежа (обоплате товара непосредственно до или после его передачи продавцом (пункт 1 статьи 486 ГК РФ) (пункт 3.3 обзора судебной практики).

В том же положении, что и контролирующее лицо, находится аффилированный с должником кредитор, не обладающий контролем над ним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего лица (пункт 4 обзора судебной практики).

Таким образом, в ситуации аффилированности общества и должника, при установлении факта наличия задолженности по договору поставки судам надлежало дополнительно установить: имело ли место финансирование должника со стороны общества по договору купли-продажи; предоставило ли общество - кредитор, аффилированное с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

[Определение ВС РФ от 19.10.2020 № 305-ЭС20-4610 \(2\)](#)

1. При наличии правового интереса, связанного с требованием о выплате действительной стоимости доли, соответствующее лицо, вышедшее из общества, вправе участвовать в деле применительно к статусу лица, указанного в абзаце четвертом пункта 1 статьи 35 и пункте 3 статьи 126 Закона о банкротстве (представитель участника должника).

2. Зачастую при наличии конфликта с вышедшим участником менеджмент корпорации, а также оставшиеся участники могут предпринимать попытки по невыплате действительной стоимости доли посредством инициирования банкротства

корпорации в целях очищения ее от имеющихся долгов и перевода активов на иное лицо. Таким образом, при наличии соответствующих доводов суду следует оценить требование о включении кредитора в реестр на предмет мнимости, а также на предмет связанности такого кредитора с оставшимися участниками.

О мнимости договора аренды/перенайма может свидетельствовать существенно завышенная цена за единицу площади объекта, наличие в сделке условия об отсрочке платежа, отказа от обеспечения, что нестандартно для сделок между независимыми участниками гражданского оборота, а также тот факт, что должника ранее никогда не занимался деятельностью, для которых арендовал объект.

В рамках дела о банкротстве должника общество «Ботовское» обратилось с заявлением о включении в реестр его требований в размере 244 262 800 руб.

Судами трех инстанций заявленные требования удовлетворены.

Общество «КС-Траст» обратилось в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой, в которой просит обжалуемые судебные акты отменить.

Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в судебном заседании обществом «Ботовское» заявлено ходатайство о прекращении производства по кассационной жалобе ввиду того, что общество «КС-Траст» не является участником дела о банкротстве, а имеет лишь требование о выплате действительной стоимости доли в связи с выходом из общества.

По общему правилу собственники капитала должника (участники, учредители и акционеры) принимают участие в деле о банкротстве через своего представителя на основании абзаца четвертого пункта 1 статьи 35 Закона о банкротстве.

Целью ограничения непосредственного участия участников должника в деле о его несостоятельности и возможности осуществления ими каких-либо действий лишь через представителя является предотвращение несогласованного участия большого количества лиц, обладающих относительно небольшими долями (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.02.2014 № 8457/13).

Открытие конкурсного производства наделяет представителей учредителей (участников) должника правами лиц, участвующих в деле (пункт 3 статьи 126 Закона о банкротстве), что позволяет им осуществлять предусмотренные законом процессуальные возможности.

Предполагается, что, выбирая представителя, участники реализуют общий интерес, заключающийся, в первую очередь, в сохранении конкурсной массы, недопущении в реестр мнимых требований с тем, чтобы впоследствии иметь возможность получить ликвидационную квоту в случае достаточности имущества (пункт 8 статьи 63 ГК РФ, статья 148 Закона о банкротстве).

Вместе с тем, участвующие в судебном заседании лица подтвердили, что в обществе имеется корпоративный конфликт: общество «КС-Траст» как вышедший из общества мажоритарный участник, имеющий право на получение действительной стоимости доли, является стороной этого конфликта.

Наличие корпоративного конфликта существенно затрудняет выбор представителя для участия в процедурах банкротства должника (определение ВС РФ от 14.06.2016 по делу № 304-ЭС15-20105) по той причине, что интересы его сторон являются разнонаправленными. Общество «КС-Траст» отмечало, что настоящее дело о банкротстве инициировано исключительно в целях того, чтобы не выплачивать действительную стоимость доли, на это направлено и включение фиктивных, по мнению общества «КС-Траст», требований в реестр.

При наличии правового интереса, связанного с требованием о выплате действительной стоимости доли, соответствующее лицо вправе участвовать в деле применительно к статусу лица, указанного в абзаце четвертом пункта 1 статьи 35 и пункте 3 статьи 126 Закона о банкротстве.

Таким образом, общество «КС-Траст» имело право на обжалование судебных актов, в связи с чем ходатайство общества «Ботовское» о прекращении производства по кассационной жалобе не подлежало удовлетворению.

02.07.2018 между обществом «Ботовское» и должником заключен договор передачи прав и обязанностей (перенайма) по договору аренды от 24.01.2012 земельных участков, находящихся в государственной собственности, согласно которому общество как прежний арендатор передало должнику в перенаем земельные участки.

При рассмотрении спора общество «КС-Траст» ссылалось на то, что цена, которую обязан уплатить должник по договору перенайма, является завышенной. Так, стоимость получения права аренды 1 га участков составила 201 тыс. руб., в то же время если бы должник приобретал участки в названном районе в собственность, то цена 1 га находилась бы в диапазоне от 30 до 50 тыс. руб. По мнению заявителя, это свидетельствовало о мнимости договора перенайма (пункт 1 статьи 170 ГК РФ), заключение которого было направлено исключительно на наращивание кредиторской задолженности в целях увеличения реестровых требований. В свою очередь, это было необходимо для того, чтобы в дальнейшем не платить бывшему участнику, у которого имеется право на получение действительной стоимости доли. Дополнительным обоснованием мнимости, как отмечал заявитель, являлось условие об отсрочке платежа и отказ от обеспечения (что не стандартно для сделок между независимыми участниками гражданского оборота), а также то, что должник никогда ранее не занимался сельскохозяйственной деятельностью.

Учитывая наличие в обществе корпоративного конфликта, названные аргументы требовали проверки. Действительно, зачастую при наличии конфликта с вышедшим участником менеджмент корпорации, а также оставшиеся участники могут предпринимать попытки по невыплате действительной стоимости доли посредством инициирования банкротства корпорации в целях очищения ее от имеющихся долгов и перевода активов на иное лицо. Таким образом, при наличии соответствующих доводов суду следует оценить требование о включении кредитора в реестр на предмет мнимости, а также на предмет связанности такого кредитора с оставшимися участниками.

Возражая против названного аргумента, представители общества «Ботовское» (кредитора) и конкурсного управляющего указали в судебном заседании, что у должника имелся экономический план по использованию названных участков, он намеревался изменить их целевое назначение в целях строительства коттеджного поселка, а также ссылались на факт реализации права аренды с торгов в рамках настоящего дела о банкротстве приблизительно за 120 млн. руб.

Опровергая эти доводы в судебном заседании, представитель общества «КС-Траст» обращал внимание на то, что личность покупателя является сомнительной и что покупатель связан с противоположной стороной конфликта. В случае аффилированности кредиторов с покупателем это дает возможность искусственно завязать стоимость имущества на торгах, поскольку впоследствии денежные средства будут распределены между такими аффилированными кредиторами (то есть деньги останутся у группы лиц).

По смыслу позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.06.2016 № 305-ЭС15-10323, представление сторонами противоречивой информации относительно стоимости имущества, должно породить у суда разумные сомнения в достоверности соответствующих сведений. И для устранения таких сомнений суду следует предложить сторонам провести судебную экспертизу по вопросу стоимости прав аренды, разрешение которого для настоящего обособленного спора фактически является ключевым.

[Определение ВС РФ от 19.10.2020 № 307-ЭС19-1671 \(2, 3, 4\)](#)

При включении в реестр требования, относительно которого конкурирующие кредиторы указывают, что оно заявлено аффилированным лицом, в целях определения необходимости понижения требования в очередности необходимо установить, был ли утрачен заявителем фактический контроль над должником либо передача доли участия была осуществлена лишь для придания видимости утраты организацией такого контроля. Если контроль был на самом деле утрачен, то судам

необходимо установить момент наступления финансового кризиса у должника: возник ли он до или после утраты контроля. При этом следует учесть, что сама по себе просрочка очередной выплаты в пользу кредитной организации не свидетельствует о том, что кризис наступил именно в этот момент; для определения наличия кризиса учитывается, в том числе осознание аффилированным кредитором угрозы наступления неплатежеспособности, предвидение такого кризиса.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась с заявлением о включении в реестр ее требований в размере 86 823 249,25 руб.

Заявленные требования удовлетворены судами трех инстанций.

При рассмотрении спора судами установлено, что требование компании основано на договоре займа и договоре поставки.

24.06.2013 между должником (покупателем) и компанией (поставщиком) заключен контракт на поставку пресс-форм для литья под давлением. Цена контракта составила 582 183 евро, из которых должником оплачено только 58 218,30 евро.

20.09.2011 между компанией и должником заключено конститутивное соглашение, согласно которому должник признал перед компанией долг, возникший в результате поставки в 2006-2008 гг., осуществленной компанией в пользу третьего лица.

Названное обязательство позднее новировано сторонами в договор займа.

В судебной практике выработан подход, согласно которому очередность удовлетворения требования кредитора не может быть понижена лишь на том основании, что он относится к числу аффилированных с должником лиц, в том числе его контролирующих.

Вместе с тем, при определенных обстоятельствах требование такого лица подлежит удовлетворению после требований других кредиторов, если оно основано на договоре, финансирование по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса. Основания для квалификации положения должника как находящегося в имущественном кризисе сформулированы в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 (далее – Обзор).

Так, в частности, при наличии любого из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве, считается, что должник находится в трудном экономическом положении (имущественном кризисе) и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве. Соккрытие названной информации и попытка преодолеть кризис посредством внутреннего публично нераскрываемого компенсационного финансирования ведет к тому, что контролирующее лицо берет соответствующий риск преодоления кризиса на себя и не вправе перекладывать

его на других кредиторов, что обеспечивается понижением очередности удовлетворения такого требования. При этом под компенсационным финансированием понимается, в том числе непринятие мер к истребованию задолженности по наступлении срока исполнения обязательства (пункты 3.1 и 3.2. Обзора).

Обращаясь в Верховный Суд Российской Федерации с кассационными жалобами, конкурсный управляющий и кредиторы должника указывали, что после наступления срока исполнения обязательств как по поставке, так и по займу задолженность длительное время не востребовалась компанией. Подобное поведение значительно отличается от того, что можно было бы ожидать от любого независимого кредитора, который должен был бы незамедлительно принять меры по защите своих прав.

По мнению заявителей, такое поведение свидетельствовало о предоставлении должнику компенсационного финансирования, что указывает на необходимость субординации долга перед компанией.

При этом заявители опровергали выводы судов об отсутствии аффилированности между кредитором и должником на момент рассмотрения обособленного спора, ссылаясь на то, что доля в уставном капитале должника была отчуждена до банкротства лишь для видимости: директором как продавца доли (компании), так и покупателя (VPS GmbH) является Сергунин Владимир Вениаминович, при этом Сергунин Павел Владимирович (сын) является директором самого должника. Таким образом, контроль над должником со стороны группы лиц, представляющих продавца, утрачен не был.

Если приведенные доводы соответствуют действительности, то у судов имелись основания для понижения очередности спорных требований, поскольку со стороны ситуация выглядит таким образом, что компания не предпринимала мер по истребованию задолженности вплоть до банкротства должника, позволяя последнему продолжать осуществлять предпринимательскую деятельность, не раскрывая перед независимыми кредиторами наличие финансового кризиса.

Вместе с тем, суды в нарушение положений статей 71, 168 и 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации наличие оснований для понижения очередности требований кредиторов не устанавливали, а соответствующие доводы подателей кассационных жалоб не проверяли.

Равным образом принцип состязательности предполагает, что по спорному вопросу должны быть заслушаны и аргументы другой стороны спора – компании (часть 2 статьи 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Заявляя возражения относительно кассационных жалоб, компания отмечала, что предоставленная должнику рассрочка исполнения обязательств не может быть

квалифицирована как компенсационное финансирование, так как на момент возникновения имущественного кризиса компания не имела отношения ни к должнику, ни к Сергунину В.В.

Так, компания отмечает, что ее участниками изначально являлись Лоренц, Риффель и Сергунин В.В. (с 33,33% долей у каждого). Все три лица были управляющими, ни один из которых не мог действовать единолично (только совместно вдвоем согласно части 2 статьи 35 Закона ФРГ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В 2014 году данное совместное предприятие распалось ввиду передачи российского направления деятельности Сергунину В.В. с сохранением за немецкими партнерами бизнеса по производству промышленного оборудования. В связи с этим 17.04.2014 компания в результате купли-продажи передала 100% долю в уставном капитале должника компании VPS GmbH, контролируемой только Сергуниным В.В., но не немецкими партнерами. При этом сохранившаяся у Сергунина В. В. позиция одного из трех управляющих компании не давала Сергунину В.В. возможности определять ее решения.

В связи с этим, компания отмечает, что у нее сохранился интерес в возврате должником предоставленного финансирования, как и у любого иного участника гражданского оборота; задолженность была реструктурирована на рыночных условиях (рассрочка оплаты с ежемесячным погашением с процентами за пользование деньгами, поэтапный возврат займа), что соответствовало также поведению всех других кредиторов.

Более того, с июня 2016 года компания находится в процессе банкротства в Германии, с этого момента она перешла под контроль независимого управляющего Бинера Бэра и кредиторов.

Также компания отмечала, что финансовый кризис должника начался в мае 2016 года в связи с допущенной им просрочкой возврата ПАО «Сбербанк России» очередных кредитных траншей, в результате чего банк досрочно потребовал возврата всех выданных кредитов.

Таким образом, судам надлежало проверить, действительно ли компанией в 2014 году был утрачен контроль над должником либо, напротив, передача доли семье Сергуниных была осуществлена лишь для придания видимости утраты компанией такого контроля, а также, позволяло ли нахождение Сергунина В.В. в органах управления компании получать последней информацию о внутренних делах должника и фактически продолжать контролировать его деятельность.

Если контроль был на самом деле утрачен, то судам необходимо установить момент наступления финансового кризиса у должника: возник ли он до или после утраты контроля. При этом следует учесть, что сама по себе просрочка очередной выплаты в пользу кредитной организации не свидетельствует о том, что кризис

наступил именно в этот момент; для определения наличия кризиса учитывается, в том числе осознание аффилированным кредитором угрозы наступления неплатежеспособности, предвидение такого кризиса (пункт 3.4 Обзора).

Поскольку суды не установили обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора с учетом всех доводов участвующих в деле лиц, в настоящее время отсутствует возможность сделать выводы относительно наличия оснований для понижения очередности требования компании.

[Определение ВС РФ от 19.11.2020 № 307-ЭС20-2151 \(4-8\)](#)

Предоставление обществом-эмитентом поручительства по договорам об отчуждении его акций не противоречит формальным требованиям законодательства. Вместе с тем при оценке экономической целесообразности такого поручительства необходимо исходить из предположения, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

Если получение от заключения договора поручительства какой-либо выгоды поручителем не прослеживается, необходимо признать, что оно непосредственно связано с закреплением прав участия и направлено исключительно на реализацию интересов нового акционера и не несет для эмитента как таковых благоприятных экономических последствий.

При этом к требованиям названных участников не подлежат применению положения Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020. Соответствующие разъяснения относятся к требованиям контролирующих либо аффилированных с должником лиц, возникшим в рамках гражданско-правовых обязательств; на требования, вытекающие из прав участия, разъяснения Обзора не распространяются, они не могут быть включены в реестр и подлежат удовлетворению по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ, то есть при распределении ликвидационной квоты.

В рамках дела о банкротстве должника Сити Инвест Банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов завода: - 429 495 408 руб. основного долга; - 24 145 878,83 руб. процентов за пользование суммой займа, начисленных с 01.12.2018 по 20.05.2019; - 999 536 138,51 руб. пеней,

начисленных с 12.12.2017 по 20.05.2019; - 3 271 299,45 руб. пеней, начисленных на сумму неуплаченных в срок процентов за пользование суммой

займа за период с 01.01.2019 по 20.05.2019; - 1 116 426 362,78 руб. неустойки по договору поручительства за период с 21.12.2017 по 20.05.2019.

Судом округа требования Банка частично включены в третью очередь реестра, в остальной части дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Компания Мидлайн на основании договора купли-продажи от 20.11.2012 продала обществу «Центротранстехмонтаж» 207 акций должника (завода) за 7 518 159,81 долларов США.

Далее общество «Центротранстехмонтаж» через шесть дней продало указанные 207 акций завода обществу «Дженерал Инвест» за 7 518 159,81 долларов США на основании договора купли-продажи от 26.11.2012.

В целях осуществления расчетов по второй из названных сделок ОАО «Гранд Инвест Банк» предоставило обществу «Дженерал Инвест» финансирование в размере цены акций на основании кредитного договора от 26.11.2012.

Впоследствии 19.12.2013 между обществами «Геликон» (займодавцем) и «Дженерал Инвест» (заемщиком) заключен договор на сумму 7 170 000 долларов США. Валютой займа являлся доллар США, процентная ставка 12% годовых. Заем предоставлялся для погашения обязательств заемщика по кредитному договору перед Гранд Инвест Банком.

Между обществом «Геликон» и должником 19.12.2016 заключен договор поручительства, которым обеспечивалось исполнение обществом «Дженерал Инвест» обязательств по договору займа.

11.11.2016 общество «Геликон» (цедент) уступило права требования, вытекающие из займа и обеспечительных сделок, обществу «Эллиан» (цессионарию), стороны связали момент перехода прав с оплатой цессионарием стоимости уступки. Оплата осуществлена 27.12.2017.

В этот же день (27.12.2017) общество «Эллиан» уступило права по займу и обеспечительным сделкам в пользу Сити Инвест Банка.

Неисполнение заемщиком (обществом «Дженерал Инвест») обязательств по возврату суммы займа послужило основанием для обращения Сити Инвест Банка с требованием о включении в реестр поручителя (должника) в рамках настоящего дела о банкротстве.

В момент выдачи займа компания Мидлайн являлась материнской компанией займодавца (общества «Геликон»). Так 100 % долей в уставном капитале общества «Геликон» принадлежит обществу с ограниченной ответственностью «АДЭКС». С 29.01.2013 компания Мидлайн владеет 81 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС», оставшиеся 19 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС» в момент заключения договора займа были оформлены на Камзину Л.С. Кроме того, Камзина Л.С. является матерью Камзина С.А. – члена совета директоров и крупнейшего

акционера Сити Инвест Банка. Из этого суды заключили, что бывший собственник акций (компания Мидлайн) через свою дочернюю компанию (общество «Геликон») предоставил заемщику денежные средства, полученные за счет выручки от продажи акций завода, для выкупа этих акций с отсрочкой платежа. Следовательно, займодавец предоставил заем в пределах суммы, ранее полученной материнской компанией займодавца от заемщика (привлеченных им у ОАО «Гранд Инвест Банк»), то есть фактически заем был предоставлен не за счет средств компаний займодавца, а за счет выручки от продажи акций заемщику.

Квалификация сделок, опосредовавших движение акций.

Исходя из установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств компания Мидлайн продала спорные акции обществу «Центротранстехмонтаж», которое на следующий же день продало эти акции обществу «Дженерал Инвест». Последнее рассчиталось за акции при помощи внешнего финансирования, привлеченного у Гранд Инвест Банка. Впоследствии общество «Геликон» предоставило приобретателю акций (обществу «Дженерал Инвест») заем на погашение кредита, взятого у Гранд Инвест Банка.

100 % долей в уставном капитале общества «Геликон» принадлежали обществу «АДЭКС». При этом на момент предоставления обществом «Геликон» спорного займа (19.12.2013) компания Мидлайн владела 81 % долей в уставном капитале общества «АДЭКС» (начиная с 29.01.2013). По условиям заемного соглашения финансирование носило целевой характер и предоставлялось для погашения обязательств заемщика по кредитному договору перед Гранд Инвест Банком.

Следовательно, на момент выдачи займа общество «Геликон» (займодавец) являлось внучатой структурой компании Мидлайн (первоначального продавца акций завода). Суды установили, что заем был предоставлен в пределах суммы, полученной компанией Мидлайн в результате продажи акций.

Учитывая установленные судами обстоятельства, судебная коллегия приходит к следующему выводу: предоставляя заемное финансирование после вхождения в одну группу с компанией Мидлайн, общество «Геликон» должно было осознавать, что денежные средства будут использованы для завершения расчетных операций в рамках сложноструктурированных отношений по передаче обществу «Дженерал Инвест» акций завода, так как заем носил целевой характер и подлежал направлению Гранд Инвест Банку на погашение кредита, выданного в целях оплаты этих акций их предыдущему собственнику (компания Мидлайн).

Спорный заем, предоставленный лицом, приобретшим корпоративную связь с продавцом, должен быть квалифицирован как входящий в структуру отношений по приобретению акций обществом «Дженерал Инвест». При этом дальнейшая

перемена кредитора в обязательстве на Сити Инвест Банк не изменила правовую природу перешедшего к нему требования.

II. Квалификация требования из поручительства.

Таким образом, спорное поручительство было предоставлено заводом в 2016 году в целях обеспечения исполнения обязательства по сделке, непосредственно связанной с оплатой его акций. С экономической точки зрения выдача поручительства осуществлялась в рамках реструктуризации просроченной задолженности: вошедшее в одну с продавцом группу лицо предоставляло дополнительную отсрочку исполнения обязательства по займу, в то время как покупатель (заемщик) и подконтрольный ему эмитент, выдавая дополнительное обеспечение, повышали для кредитора гарантии возврата долга.

При этом в рамках спорного обеспечительного обязательства завод фактически поручился за исполнение сделки, связанной с покупкой его собственных акций.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.11.2010 № 10254/10 (далее – постановление № 10254/10), сама по себе выдача обществом-эмитентом поручительства по договорам об отчуждении его акций не противоречит формальным требованиям законодательства, не содержащего соответствующих запретов.

Вместе с тем при оценке деловой цели и экономической целесообразности выдачи поручительства необходимо исходить из предположения, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652, от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021). Этим объясняется допустимость противопоставления долга перед кредитором из поручительства требованиям иных кредиторов должника, осуществивших реальное предоставление в пользу имущественной массы банкрота.

Однако в рассматриваемом случае подобная выгода от кредитования лицом, аффилированным с продавцом акций, отсутствовала. Заключив спорную обеспечительную сделку, завод поручился за исполнение своим акционером обязательства, связанного с приобретением собственных акций поручителя. Такое основное обязательство опосредует изменение состава акционеров в обществе, то есть заключено в целях перераспределения прав участия в капитале завода. Поэтому исполнение этого обязательства не сопровождало получение заводом как поручителем какой-либо выгоды, а напротив, будучи непосредственно связанным с закреплением прав участия, было направлено исключительно на реализацию

интересов нового акционера и не несло для завода как таковых благоприятных экономических последствий.

По смыслу положений законодательства о банкротстве (абзац восьмой статьи 2 Закона) такие требования, которые напрямую связаны с правами участия в должнике, не могут конкурировать с требованиями перед иными кредиторами и не подлежат включению в реестр. В обратном случае нарушался бы баланс интересов вовлеченных в процесс банкротства конкурсных кредиторов и участников корпоративных отношений (постановление № 10254/10).

При этом к требованиям названных участников не подлежат применению и разъяснения, изложенные в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020. Соответствующие разъяснения относятся к требованиям контролирующих либо аффилированных с должником лиц, возникшим в рамках гражданско-правовых обязательств; на требования, вытекающие из прав участия, разъяснения Обзора не распространяются, они не могут быть включены в реестр и подлежат удовлетворению по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ, то есть при распределении ликвидационной квоты.

[Определение ВС РФ от 01.12.2020 № 302-ЭС19-16365\(3\)](#)

Само по себе открытие конкурсного производства и следующее за этим изменение адреса должника не может влечь изменения условий договоров либо иных сделок об адресе направления юридически значимого сообщения, иначе это свидетельствовало бы о возможности изменения условий договора (или иной сделки) в одностороннем порядке в отсутствие воли кредитора по обязательству. Публичное объявление об изменении адреса банка дает кредитору право направить сообщение по новому адресу, но не лишает его возможности направить сообщение и по тому адресу, который непосредственно указан в банковской гарантии.

Требование об уплате по гарантии отличается от требования о включении в реестр (что не исключает по воле кредитора объединения их в одном документе). Требование об уплате по гарантии может быть предъявлено как по адресу, указанному в гарантии, так и по новому местонахождению исполнительного органа банкрота – конкурсного управляющего. При этом требование о включении в реестр подлежит направлению в соответствии с положениями законодательства о банкротстве. Так, по смыслу подпункта 6 пункта 2 статьи 189.74, подпункта 4 пункта 1 статьи 189.76 4 и пункта 1 статьи

189.85 Закона о банкротстве требования к кредитной организации о включении в реестр предъявляются кредитором по адресу, опубликованному в официальном издании.

Необходимо различать требование бенефициара об уплате по независимой гарантии и требование о включении в реестр требований кредиторов гаранта при его банкротстве. Отказывая в установлении задолженности перед заводом в реестре, суды исходили из того, что пороками обладает первое из названных требований - об уплате по гарантии.

Так, судами установлено, что исходя из положений спорной банковской гарантии требование по ней подлежало предъявлению по адресу банка в г. Чите. В то же время на момент заявления требования постоянно действующий исполнительный орган должника (конкурсный управляющий) находился в Москве, о чем была сделана публикация в газете "Коммерсантъ".

При рассмотрении настоящего спора перед судами встал вопрос о том, влияет ли изменение местонахождения постоянно действующего исполнительного органа кредитной организации в связи с открытием в отношении нее конкурсного производства на обязанность направления кредиторами юридически значимых сообщений по адресам, указанным при заключении договоров и иных сделок (п. 2 и 3 ст. 54, ст. ГК РФ).

Разрешая спор, суды фактически исходили из того, что кредитор должен отслеживать актуальный адрес банка независимо от условий, предусмотренных соответствующей сделкой.

Однако с таким подходом нельзя согласиться. Само по себе открытие конкурсного производства и последовавшее за этим изменение адреса должника не может влечь изменения условий договоров либо иных сделок об адресе направления юридически значимого сообщения, иначе это свидетельствовало бы о возможности изменения условий договора (или иной сделки) в одностороннем порядке в отсутствие воли кредитора по обязательству.

Публичное объявление об изменении адреса банка давало кредитору право направить сообщение по новому адресу, но не лишало его возможности направить сообщение и по тому адресу, который непосредственно указан в гарантии. Таким образом, завод имел право предъявить требование по гарантии в г. Читу.

Согласно условиям банковской гарантии банк освобождался от всех своих обязательств, если требования завода (бенефициара) не были получены гарантом до 31.05.2019 включительно. Из этого следует, что завод должен был обеспечить доставку требования об уплате по гарантии не позже указанной даты.

Как установлено судами, требование поступило в место вручения 22.05.2019, банком сообщение получено не было. Однако поскольку оно не было получено по

обстоятельствам, зависящим от гаранта, то в силу абз. 2 п. 1 ст. 165.1 ГК РФ такое сообщение считается доставленным.

Следовательно, требование об уплате по гарантии было представлено до истечения срока действия гарантии, в связи с чем оно должно было быть рассмотрено по существу.

Как отмечено выше, требование об уплате по гарантии отличается от требования о включении в реестр (что не исключает по воле кредитора объединения их в одном документе). Требование об уплате по гарантии может быть предъявлено как по адресу, указанному в гарантии, так и по новому местонахождению исполнительного органа банкрота - конкурсного управляющего. При этом требование о включении в реестр подлежит направлению в соответствии с положениями законодательства о банкротстве. Так, по смыслу подп. 6 п. 2 ст. 189.74, подп. 4 п. 1 ст. 189.76 и п. 1 ст. 189.85 Закона о банкротстве требования к кредитной организации о включении в реестр предъявляются кредитором по адресу, опубликованному в официальном издании.

Следовательно, завод первоначально заявил требование об уплате по гарантии (в г. Читу) в пределах срока ее действия, а уже затем обратился к конкурсному управляющему с заявлением о включении в реестр. Таким образом, требование завода должно было быть рассмотрено конкурсным управляющим на предмет его обоснованности, чего им сделано не было. Равным образом суды, сочтя правомерным отказ по мотиву пропуска срока по гарантии, названную ошибку управляющего не исправили и не рассмотрели требование завода по существу.

[Определение ВС РФ от 17.12.2020 № 301-ЭС20-11581](#)

Для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, участником строительства необходимо соблюдение следующих условий: наличие связывающего с застройщиком - должником договорного обязательства о передаче квартиры в будущем (прав на нее) и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома 3 (подпункт 3 пункта 1, пункт 6 статьи 201.1, статья 201.7 Закона о банкротстве). При рассмотрении вопроса об обоснованности данного требования суду достаточно проверить наличие формальных оснований на момент обращения кредитора с соответствующим заявлением, включая установление размера предоставленного им по сделке исполнения. Вопрос о возможности фактического исполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения (статья 201.11 Закона о банкротстве) на этой стадии разрешению не подлежит. При этом правопритязание нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует

включению их требований о передаче жилого помещения в реестр требований кредиторов в случае, если таковые обоснованы и подтверждены надлежащими доказательствами.

Материально-правовой интерес лица при заключении договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома заключается в приобретении по окончании строительства предусмотренного договором жилого помещения. После возбуждения в отношении застройщика процедуры банкротства защиту такого интереса в том числе обеспечивают положения [параграфа 7 главы IX](#) Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве).

Статус участника строительства многоквартирного дома в случае несостоятельности застройщика гарантирует последнему приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам, а также возможность участия в принятии решений, в том числе в отношении объекта незавершенного строительства, создания жилищно-строительного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива ([статьи 201.9, 201.10](#) Закона о банкротстве).

Для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, участником строительства необходимо соблюдение следующих условий: наличие связывающего с застройщиком - должником договорного обязательства о передаче квартиры в будущем (прав на нее) и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома ([подпункт 3 пункта 1, пункт 6 статьи 201.1, статья 201.7](#) Закона о банкротстве в редакции, применимой к спорным правоотношениям).

По смыслу приведенных норм права, при рассмотрении вопроса об обоснованности данного требования суду достаточно проверить наличие формальных оснований на момент обращения кредитора с соответствующим заявлением, включая установление размера предоставленного им по сделке исполнения. Вопрос о возможности фактического исполнения застройщиком обязательства по передаче жилого помещения ([статья 201.11](#) Закона о банкротстве) на этой стадии разрешению не подлежит. При этом правопритязание нескольких лиц в отношении одного и того же объекта недвижимости само по себе не препятствует включению их требований о передаче жилого помещения в реестр требований кредиторов в случае, если таковые обоснованы и подтверждены надлежащими доказательствами.

Обращаясь с настоящим требованием в арбитражный суд, Кондратьев Р.И. представил заключенный с должником договор участия в долевом строительстве, а

также документы, подтверждающие оплату по договору (договор уступки и квитанцию к приходному кассовому ордеру).

Не давая оценки представленным доказательствам, суды сослались лишь на установленные судебным актом суда общей юрисдикции обстоятельства совершения Казаковым А.Б. мошеннических действий в отношении Кондратьева Р.И. и взыскание в пользу последнего убытков, причиненных преступлением. Суды также указали на приобретение прав на спорные жилые помещения за иными лицами. Из упомянутого судебного акта следует, что права на жилые помещения, являющиеся предметом заключенного между должником и Кондратьевым Р.И. договора, в результате незаконных действий директора должника Казакова А.Б. переданы иным лицам. После цепочки уступок конечными приобретателями являются Игнатьев В.Н. (однокомнатная квартира) и Морозова Н.Н. (трехкомнатная квартира). Уступка прав требований зарегистрирована в установленном порядке.

Однако присуждение к взысканию с Казакова А.В. в пользу Кондратьева Р.И. убытков, причиненных преступлением, не освобождает должника от исполнения принятых на себя по договору гражданско-правовых обязательств, учитывая, что доказательств полного возмещения ущерба не представлено. Равным образом отсутствие регистрации договора долевого строительства не лишает добросовестного участника строительства, оплатившего жилое помещение, права требования к застройщику.

Как пояснил в судебном заседании представитель Кондратьева Р.И., до настоящего времени спорный многоквартирный дом в эксплуатацию не введен, расчеты с кредиторами третьей очереди не производились.

Уклонившись от проверки обоснованности заявленного Кондратьевым Р.И. требования, суды тем самым лишили последнего статуса участника строительства без должных к тому оснований.

[Определение ВС РФ от 21.12.2020 № 306-ЭС20-12066\(1,2\)](#)

Размер регрессного требования исполнившего сопоручителя к другому в любом случае не может превышать сумму фактически понесенных им расходов на исполнение обязательства; из указанной суммы также вычитается доля в обязательстве, падающая на исполнившего сопоручителя.

Если группа лиц, аффилированных с должником, приобрела права требования кредитора на торгах, происходит совпадение кредитора и одного из солидарных должников (сопоручителя), что применительно к положениям [статьи 413](#) ГК РФ освобождает второго совместного поручителя от обязательств по отношению к кредитору, не затрагивая отношения сопоручителей между собой.

Таким образом, покупатель и его аффилированная с должником группа вправе в порядке регресса требовать с должника как сопоручителя приходящуюся на него долю в обязательстве, исчисляемую исходя из суммы фактически понесенных на выкуп (погашение) требования кредиторов расходов. Иной подход - о реализации поручителем выравнивающего требования, рассчитанного исходя из полного размера требования кредитора, будет противоречить внутренним отношениям между совместными поручителями, в том числе существующим в их рамках охранительным обязанностям действовать добросовестно по отношению друг к другу, защищая имущественную сферу своего контрагента ([пункт 3 статьи 307 ГК РФ](#)).

Как установлено судами, спорное право требования было приобретено Абрамовым А.В., Кузнецовой О.Ф. и Максимкиным А.Н. на основании ряда последовательно заключенных сделок уступки права требования (цессии). Так, Абрамов А.В. в отсутствие у него финансовой возможности для приобретения требования, а также очевидного имущественного интереса (переуступка осуществлена в короткий промежуток времени) произвел оплату данного требования за счет денежных средств, полученных от Кузнецова А.В. Последующий приобретатель - Кузнецова О.Ф. - является матерью Кузнецова А.В. (солидарного должника). В свою очередь, Максимкина Г.В. (мать Максимкина А.Н.) и Кузнецова О.Ф. являются пользователями смежных земельных участков (соседями). При таких обстоятельствах суды пришли к правомерному выводу, что в данном случае имели место согласованные действия взаимосвязанных лиц, направленные на выкуп спорного требования, которое после продажи на торгах в деле о банкротстве банка оказалось принадлежащим действующей в интересах Кузнецова А.В. группе. В интересах того же лица происходило дальнейшее движение требования (смена правообладателей) внутри этой группы.

Кузнецов А.В. и Шевченко Ю.Н. являлись участниками заемщика (общества), что обуславливает экономические мотивы в предоставлении ими обеспечения по кредиту в виде поручительства.

По общему правилу аффилированность лиц, предоставивших поручительство, презюмирует его совместный характер. Поскольку Кузнецов А.В. и Шевченко Ю.Н. входили в капитал одного и того же лица (заемщика), следует исходить из того, что их поручительства совместные. Доказательств наличия между поручителями соглашения об ином суде не представлено.

Следовательно, если бы обязательства исполнялись согласно первоначальным договоренностям, то статус кредитора в правоотношении мог перейти к Кузнецову А.Н. как совместному поручителю в случае погашения им задолженности перед банком. В такой ситуации у него возникло бы право предъявления регрессных требований к Шевченко Ю.Н. в части исполненной суммы, которая соответствует

доле последнего в обеспечении обязательства, за вычетом доли, падающей на самого Кузнецова А.Н. ([пункта 2 статьи 325](#) Гражданского кодекса Российской Федерации, [пункт 27](#) постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 № 42 "О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством").

Помимо иных функций, механизм регресса призван выравнивать положение солидарных должников после удовлетворения требования кредитора, исключая обогащение одного за счет другого. Иными словами, размер регрессного требования исполнившего сопоручителя к другому в любом случае не может превышать сумму фактически понесенных им расходов на исполнение обязательства; из указанной суммы также вычитается доля в обязательстве, падающая на исполнившего сопоручителя.

В рассматриваемом случае группа Кузнецова А.В. приобрела права требования кредитора на торгах. Вследствие этого произошло совпадение кредитора и одного из солидарных должников (сопоручителя), что применительно к положениям [статьи 413](#) Гражданского кодекса Российской Федерации освобождает второго совместного поручителя от обязательств по отношению к кредитору, не затрагивая отношения сопоручителей между собой.

Таким образом, Кузнецов А.В. (и его группа) вправе в порядке регресса требовать с Шевченко Ю.Н. как сопоручителя приходящуюся на него долю в обязательстве, исчисляемую исходя из суммы фактически понесенных на выкуп (погашение) требования кредиторов расходов. Иной подход - о реализации поручителем выравнивающего требования, рассчитанного исходя из полного размера требования кредитора, будет противоречить внутренним отношениям между совместными поручителями, в том числе существующим в их рамках охранительным обязанностям действовать добросовестно по отношению друг к другу, защищая имущественную сферу своего контрагента ([пункт 3 статьи 307](#) Гражданского кодекса Российской Федерации).

Отказав во включении в реестр требования в полном объеме со ссылкой на злоупотребление Кузнецовым А.В. правом, суды лишили последнего возможности компенсировать понесенные расходы, в том числе связанные с выкупом этого требования, что также нельзя признать правомерным.

[Определение ВС РФ от 28.12.2020 № 305-ЭС20-15712](#)

Требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс.

1. В соответствии с п. 1 ст. 379 ГК РФ исполнение имущественной массы гаранта, уплатившего по банковской гарантии, осуществляется с использованием механизма регресса, а не перемены лица в уже существующем обязательстве.

При регрессе, в отличие от суброгации (п. 1 ст. 382 ГК РФ), возникает новое обязательство.

По общему правилу денежные обязательства, возникшие после дня принятия к производству заявления о признании должника банкротом, относятся к числу текущих. Требования кредиторов по таким обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов и удовлетворяются в приоритетном порядке (п. 1 и 2 ст. 5, п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае по формальным признакам регрессное требование банка к принципалу (и как следствие, к обществу, поручившемуся за принципала) возникло после уплаты денежной суммы бенефициару, то есть после возбуждения дела о банкротстве общества.

Вместе с тем, в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» дано ограничительное толкование положений п. 1 и 2 ст. 5 Закона о банкротстве в части регрессных обязательств по банковской гарантии: если банковской гарантией обеспечено исполнение обязательства, возникшего до дня возбуждения дела о банкротстве должника- принципала, и гарант уплатил бенефициару сумму, на которую выдана гарантия, после этого дня, требование гаранта к должнику- принципалу о возмещении указанной суммы не относится к текущим платежам и подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Такое толкование может привести к появлению ситуации, при которой само реестровое регрессное (новое) требование, основанием которого является платеж кредитору, возникнет после истечения предусмотренного абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве двухмесячного срока на его предъявление к включению в реестр требований кредиторов принципала (поручителя принципала), что и имело место в рассматриваемом случае.

В подобной ситуации сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что положения абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве в силу аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) подлежат применению к добросовестному гаранту с учетом правил п. 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве: требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс (определение ВС РФ от 24.09.2014 № 307-ЭС14-100).

2. Судебная коллегия считает, что в рассматриваемом случае вопрос о добросовестности банка был разрешен судами неправильно.

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на это обязательство (бенефициар получает право на привлечение банка к гражданско-правовой ответственности за несовершение платежа по гарантии в отведенный срок (п. 2 ст. 377 ГК РФ)) и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Суды не учли, что гарантия призвана повысить уровень защиты бенефициара, создать для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром.

Принципал и его поручитель (кредиторы принципала, поручителя) не могут поставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара еще и потому, что причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

В части отношений «гарант – бенефициар» банк обращал внимание на то, что за нарушение срока платежа по гарантиям он уже привлечен к гражданской ответственности: решением Арбитражного суда г. Москвы от 31.10.2018 по делу № А40-45189/2018 с него в пользу бенефициара помимо денежных сумм, подлежащих выплате по гарантиям, дополнительно взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. Свою ответственность в виде суммы процентов банк не пытается переложить на принципала (его поручителя – общество).

Недобросовестность банка в обязательственной связи «гарант – принципал (его поручитель)» не была установлена судами.

При таких обстоятельствах, вывод судов о понижении очередности удовлетворения требования банка является преждевременным.

Прочие вопросы

[Определение ВС РФ от 20.05.2019 № 309-ЭС19-987](#)

Списание налоговой задолженности как безнадежной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания. Подобный характер задолженности не исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

В рамках дела о его банкротстве Спиридонов Ю.В. обратился в арбитражный суд с заявлением об исключении из реестра требований кредиторов должника требования уполномоченного органа и прекращении производства по указанному делу о банкротстве.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Разрешая спор, суды пришли к выводу, что задолженность, положенная в основу заявления о признании должника банкротом и ранее включенная в реестр требований кредиторов, является безнадежной к взысканию, что исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» признается безнадежной к взысканию и подлежит списанию задолженность физических лиц (по транспортному налогу, налогу на имущество физических лиц, земельному налогу) и индивидуальных предпринимателей (по всем налогам, за исключением налога на добычу полезных ископаемых, акцизов и налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через границу Российской Федерации), пеням и штрафам, образовавшаяся на 01.01.2015.

Данная статья сформулирована как устанавливающая специальные основания для списания безнадежной задолженности перед бюджетом и не содержит указания на невозможность ее применения в зависимости от того, нарушение каких именно положений законодательства о налогах и сборах при исчислении налогов привело к возникновению недоимки, какова форма вины в совершении налогового правонарушения.

В то же время по смыслу статьи 59 НК РФ институт признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию не тождественен прекращению

обязанности по уплате налогов и предполагает, что списание задолженности производится в связи с существованием юридических или фактических препятствий к реальному исполнению обязанности по уплате налогов (пени, штрафов).

В данном случае в качестве признака безнадёжности задолженности к взысканию законодателем рассматривается сам по себе факт ее непогашения в течение трех лет (2015 - 2017 гг.), имея в виду, что неограниченное во времени нахождение налогоплательщиков под риском применения мер принудительного взыскания является обременительным для граждан (индивидуальных предпринимателей) и дальнейшее сохранение такой ситуации признано государством нецелесообразным. При этом предполагается, что причины, по которым меры принудительного взыскания налоговой задолженности не привели к ее погашению, обусловлены возникшими у граждан (индивидуальных предпринимателей) обстоятельствами, не позволяющими в течение длительного периода полностью исполнить обязанность по уплате налогов (Определение ВС РФ от 22.11.2018 № 306-КГ18-10607).

Соответственно, исходя из системного толкования положений Закона № 436-ФЗ во взаимосвязи со сложившейся правоприменительной практикой Верховного Суда Российской Федерации, следует признать, что списание налоговой задолженности как безнадёжной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания, в том числе в преддверии оформления результатов налоговой проверки.

Однако, распространив действие статьи 12 Закона № 436-ФЗ на рассматриваемую ситуацию, суды первой и апелляционной инстанций оставили без правовой оценки доводы уполномоченного органа о совершении Спиридоном Ю.В. действий, направленных на уменьшение своей имущественной массы, за счет которой должны были уплачиваться суммы налогов, ставшие предметом доначисления по результатам налоговой проверки, в том числе, доводы о совершении хозяйственных операций, не связанных с осуществлением реальной предпринимательской деятельности, но приведших к выводу денежных средств из Российской Федерации в иностранные юрисдикции.

[Определение ВС РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601](#)

Не может быть утверждено в деле о банкротстве мировое соглашение, устанавливающее более долгий срок погашения обязательных платежей, нежели предельный срок, установленный законодательством о налогах и сборах (один год).

В реестр требований кредиторов общества "Русские системы" должника включены требования двух конкурсных кредиторов: налоговой службы и Сухолитко В.А.

18.04.2018 собрание кредиторов должника приняло большинством голосов решение о заключении мирового соглашения (налоговая служба голосовала против), а управляющий заявил в арбитражный суд ходатайство об его утверждении.

По условиям мирового соглашения общество "Русские системы" обязалось добровольно исполнить свои обязательства перед кредиторами по уплате имеющейся задолженности в размере, указанном в реестре требований кредиторов должника на день заключения мирового соглашения, в течение трех лет после подписания мирового соглашения в соответствии с графиком начисления и погашения задолженности. В отношении уплаты штрафов, пеней установлен срок погашения – не позднее 31.03.2022.

Определением от 22.06.2018 (оставлено в силе судом округа) мировое соглашение утверждено, в связи с чем производство по делу о банкротстве прекращено.

Суд первой инстанции исходил из того, что мировое соглашение подписано полномочными лицами конкурсных кредиторов, не противоречит закону и не нарушает права других лиц. Суд отклонил доводы налоговой службы о нарушении срока уплаты налогов и невозможности рассрочки уплаты на срок, установленный в мировом соглашении, сославшись на специальный характер норм законодательства о банкротстве по отношению к законодательству о налогах и сборах, в связи с чем при заключении мирового соглашения в деле о банкротстве кредиторы имеют право включить положения о сроках и порядке погашения задолженности по обязательным платежам вне зависимости от сроков отсрочки или рассрочки, предусмотренных налоговым законодательством.

ВС РФ указал, что требования налоговой службы по обязательным платежам в значительной части касались задолженности общества "Русские системы" по налогу на прибыль, зачисляемому в бюджет субъекта Российской Федерации, что не оспаривалось участвующими в деле лицами. Следовательно, в силу пункта 1 статьи 64 НК РФ отсрочка по уплате этого налога не могла превышать одного года, в то время как по условиям мирового соглашения обществу "Русские системы" предоставлен большой период.

Утвердив мировое соглашение, условия которого явно противоречили законодательству о налогах и сборах, суды нарушили пункт 2 статьи 160 Закона о банкротстве и часть 6 статьи 141 АПК РФ.

[Определение ВС РФ от 28.05.2019 № 304-ЭС19-1129](#)

Списание налоговой задолженности как безнадежной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания, а также к задолженности, которая пусть и сформировалась до 01.01.2015 г., однако о которой налоговому органу стало известно (и стало возможно ее взыскание) после указанной даты. Подобный характер задолженности не исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

ФНС обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании ИП Бекира А.Э. банкротом. Суды трех инстанций прекратили производство по делу.

Основная часть денежных требований уполномоченного органа к предпринимателю основана на решении № 10, принятом налоговым органом 25.05.2015 по результатам выездной налоговой проверки по вопросам правильности исчисления и полноты уплаты Бекиром А.Э. налогов за 2012 – 2013 годы.

Вступившим в законную силу решением от 25.03.2016 отказано в удовлетворении заявления Бекира А.Э. о признании недействительным решения № 10.

Признавая денежные требования уполномоченного органа, подтвержденные решением № 10, необоснованными, суды сочли, что задолженность, отраженная в этом решении, в силу части 2 статьи 12 Федерального закона от 28.12.2017 № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон

№ 436-ФЗ) как безнадежная к взысканию подлежала списанию налоговым органом с лицевого счета предпринимателя без участия налогоплательщика, что, в свою очередь, исключает возможность ее погашения в процедурах банкротства за счет имущества должника.

Суды пришли к выводу о том, что для целей применения части 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ не имеет правового значения момент, с которого налоговому органу стало известно о наличии долга перед бюджетом. Списанию подлежит любой долг, образовавшийся за налоговые либо отчетные периоды, истекшие до 01.01.2015.

Установив, что оставшаяся сумма основного долга перед бюджетом, предъявленная уполномоченным органом к включению в реестр требований кредиторов Бекира А.Э., составляет менее 500 000 руб., другие заявления о банкротстве предпринимателя отсутствуют, суды прекратили производство по делу о его банкротстве.

В Законе № 436-ФЗ не содержатся правила, согласно которым возможность применения пунктов 1 и 2 статьи 12 указанного Закона зависела бы от того, нарушение каких именно положений законодательства о налогах и сборах привело к возникновению задолженности, или от формы вины должника, совершившего налоговое правонарушение.

В то же время в приведенных нормах для определения вида введенного ими нового основания списания долга перед бюджетом использован термин «задолженность безнадежная к взысканию». С учетом этого пункты 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ не могли быть применены судами в отрыве от положений статьи 59 НК РФ, регулирующей институт признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию. По смыслу статьи 59 НК РФ списание безнадежной задолженности производится в связи с возникновением юридических или фактических препятствий реального исполнения обязанности по уплате налогов (пеней, штрафов).

По сути, в пунктах 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ федеральный законодатель таким препятствием (признаком безнадежности) назвал факт непогашения задолженности, по меньшей мере, в течение трех лет (2015 – 2017 годы), основываясь на предположении о том, что причины, по которым меры принудительного взыскания не привели к положительному для бюджета результату, обусловлены сложившимися у граждан (индивидуальных предпринимателей) жизненными обстоятельствами, не позволившими в течение столь продолжительного периода исполнить обязанность по уплате налогов, признав неограниченное по времени нахождение налогоплательщиков под риском применения мер принудительного истребования долга обременительным для граждан (индивидуальных предпринимателей), а дальнейшее сохранение такой ситуации – нецелесообразным.

Таким образом, исходя из системного толкования положений пунктов 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ во взаимосвязи со статьей 59 НК РФ следует признать, что списание налоговой задолженности как безнадежной по основаниям, предусмотренным названными пунктами статьи 12 Закона № 436-ФЗ, допустимо в ситуации, когда на протяжении 2015 – 2017 годов налоговый орган имел объективную возможность принимать предусмотренные законом меры к получению долга путем обращения взыскания на имущество налогоплательщика, то есть при наличии совокупности следующих обстоятельств:

задолженность была известна налоговому органу на 01.01.2015 и подлежала взысканию в период с 01.01.2015 до дня вступления в силу статьи 12 Закона № 436-ФЗ;

налогоплательщик не совершал недобросовестные действия во вред ФНС России (кредитору по обязательным платежам), направленные на сокрытие своего имущества, вывод активов с целью недопущения обращения взыскания по требованиям налогового органа (в том числе, до начала налоговой проверки,

осознавая неправомерность своего поведения при исчислении сумм налогов и предвидя возможное доначисление).

Иной подход способствовал бы поощрению со стороны государства таких налогоплательщиков, имевших задолженность перед бюджетом, являющуюся в действительности реальной к взысканию, которые своими умышленными действиями искусственно создали ситуацию, не позволившую произвести ее погашение, что не соотносится с целями законодательного регулирования и не отвечает правовой природе института списания безнадежной к взысканию задолженности (статья 59 НК РФ).

Из установленных судами обстоятельств дела следует, что спорная задолженность Бекира А.Э. перед бюджетом по налогам, пеням и штрафам доначислена 25.05.2015 решением № 10, то есть ее взыскание стало возможно после 01.01.2015. Такая задолженность не могла быть признана безнадежной, поскольку она не соответствовала формальным критериям, необходимым для применения положений статьи 12 Закона № 436-ФЗ.

[Определением ВС РФ от 22.07.2019 № 306-ЭС19-2986](#)

При обращении в суд с заявлением об обязанности бывшего руководителя передать документацию должника конкурсный управляющий должен сформулировать предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемых документов.

Неполнота сведений, содержащихся в протоколе выемки документации должника правоохранительными органами, не подлежит истолкованию как свидетельство неисполнения бывшим руководителем обязанности по передаче документации.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества «Новая нефтехимия» конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об обязанности бывшего руководителя общества Тумакаева А.Ф.

передать управляющему бухгалтерскую и иную документацию должника, а также материальные и иные ценности. Перечень истребуемых документов уточнен управляющим в порядке ст. 49 АПК РФ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанции, требования арбитражного управляющего удовлетворены.

Между тем судами не учтено следующее.

Разрешая спор и признавая заявление обоснованным в части, суды отклонили возражения Тумакаева А.Ф. об отсутствии у него других документов ввиду их изъятия правоохранительными органами со ссылкой на то, что из протокола выемки от

13.03.2017 невозможно установить точный перечень изъятых документов (составившим протокол должностным лицом изъятая документация была недостаточно описана для целей ее идентификации).

Суды сочли, что Законом о банкротстве на руководителя возложена безусловная обязанность по передаче документов и имущества должника, а конкурсный управляющий объективно не мог оценить полноту имеющихся в его распоряжении документов на день подачи заявления в суд и в период его рассмотрения.

Суд округа признал ошибочными доводы Тумакаева А.Ф. о неисполнимости судебного акта суда первой инстанции, указав, что вопрос о наличии либо отсутствии у бывшего руководителя конкретных документов и ценностей подлежит разрешению на стадии исполнительного производства.

На заявление арбитражного управляющего об обязанности передать документацию распространяются общие требования процессуального законодательства, предъявляемые к форме и содержанию иска. Так, при обращении в суд с соответствующим заявлением конкурсный управляющий должен сформулировать предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемых документов. При этом степень должной конкретизации требования арбитражного управляющего об обязанности передать документы оценивается судом с учетом обстоятельств рассматриваемого дела и необходимости обеспечения реальной возможности осуществления управляющим возложенных на него полномочий. Например, обращенное к бывшему руководителю требование о предоставлении договоров за определенный период не обязательно предполагает указание точных дат составления договоров и их номеров, которые управляющий может не знать.

Вывод суда округа о конкретизации перечня документов, подлежащих передаче, на стадии исполнительного производства ошибочен.

Судебный пристав-исполнитель ответственен лишь за принудительное исполнение судебного решения. Получив для исполнения исполнительный лист об обязанности одного лица передать документы другому лицу, он должен истребовать ту документацию, которая была присуждена (ч. 2 ст. 318 АПК РФ, ст. 2, ч. 1 ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Подход, занятый окружным судом, по сути, влечет за собой установление существа неисполненного бывшим руководителем обязательства судебным приставом-исполнителем, а не судом, что нарушает принципы правовой определенности и исполнимости судебного акта.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий уточнил свое требование, конкретизировав перечень и виды истребуемой им документации.

Однако в дальнейшем суд уклонился от разрешения уточненного требования, не рассмотрел вопрос о том, сохранность и передачу каких из указанных управляющим в уточненном заявлении документов, образующихся в процессе деятельности должника, обязан был обеспечить его руководитель.

Судебная коллегия также отмечает, что при изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему. Это, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении им в натуре обязанности, предусмотренной абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве.

Неполнота сведений, содержащихся в протоколе выемки, не подлежала истолкованию судами как свидетельство неисполнения бывшим руководителем упомянутой обязанности. Вопрос о том, в какой части обязанность по передаче документации не была исполнена Тумакаевым А.Ф., не мог быть разрешен без установления конкретного перечня изъятых документов.

Конкурсный управляющий не лишен возможности обратиться в правоохранительные органы с ходатайством о выдаче копий изъятых документов, а при невозможности их самостоятельного получения – за содействием в получении документации к суду, рассматривающему дело о банкротстве, применительно к правилам ч. 4 ст. 66 АПК РФ. Совершение управляющим такого рода действий позволяет исключить из

перечня требуемых им документов те, доступ к которым невозможен по обстоятельствам, независящим от бывшего руководителя.

В части истребования у руководителя материальных и иных ценностей, принадлежащих должнику, конкурсный управляющий указал на то, что заявление предъявлено им в порядке ст. 126 Закона о банкротстве.

Вместе с тем в отношении исполнения обязанности по передаче конкурсному управляющему имущества должника специальное средство защиты, предусмотренное п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве, может быть использовано арбитражным управляющим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется (отказывается) от участия в приемке-передаче имущества, владение которыми должник не утратил.

Если же имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится во владении последнего, подлежат применению общие способы защиты – виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ), иск о признании недействительной сделки, на основании которой имущество перешло от должника к руководителю, и о применении последствий ее недействительности (ст. 168 ГК РФ) и т.д. В случае когда из-за противоправных действий руководителя имущество выбыло из собственности

возглавляемой им организации и поступило третьим лицам, защита конкурсной массы должна осуществляться путем предъявления иска о возмещении убытков (ст. 53.1 ГК РФ) или о привлечении к субсидиарной ответственности (глава III.2 Закона о банкротстве).

Удовлетворяя требование управляющего об обязанности Тумакаева А.Ф. передать ему материальные и иные ценности, суды не определили, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела, не установили фактические обстоятельства, касающиеся лица, владеющего этими ценностями, и передачи должником прав на них владельцу (если таковая состоялась), оснований этой передачи. При этом ни в заявлении управляющего, ни в обжалуемых судебных актах в нарушение положений п. 4 ч. 2 ст. 125, ч. 2 ст. 171 АПК РФ не указано наименование имущества, подлежащего передаче.

[Определение ВС РФ от 13.08.2019 № 305-ЭС19-4541](#)

Отказ конкурсного управляющего от исполнения должником государственного контракта не относится к основаниям для включения сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренным частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе.

Между учреждением (заказчик) и обществом (победитель электронного аукциона, подрядчик) заключен государственный контракт на строительство и реконструкцию автомобильной дороги.

Решением арбитражного суда от 14.03.2017 общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении должника открыто конкурсное производство.

В связи с признанием несостоятельным (банкротом) общество прекратило исполнять обязательства по государственному контракту.

Неисполнение обязательств по контракту послужило основанием для принятия заказчиком 04.12.2017 решения об одностороннем отказе от исполнения контракта и направления в антимонопольный орган обращения о включении сведений в отношении общества в реестр недобросовестных поставщиков.

Решением ФАС России от 24.01.2018 сведения, представленные в отношении общества, включены в реестр недобросовестных поставщиков.

Считая решение незаконным, общество обратилось в арбитражный суд.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявленного требования отказано.

Согласно части 2 статьи 104 Закона о контрактной системе в реестр недобросовестных поставщиков включается информация об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае

одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

В соответствии с частью 6 статьи 104 Закона о контрактной системе в случае расторжения контракта по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта заказчик в течение трех рабочих дней с даты расторжения контракта направляет в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, информацию, предусмотренную частью 3

настоящей статьи, а также копию решения суда о расторжении контракта или в письменной форме обоснование причин одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта.

В течение десяти рабочих дней с даты поступления документов и информации, указанных в частях 4 -

6 настоящей статьи, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, осуществляет проверку содержащихся в указанных документах и информации фактов. В случае подтверждения достоверности этих фактов федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, включает информацию, предусмотренную частью 3 настоящей статьи, в реестр недобросовестных поставщиков в течение трех рабочих дней с даты подтверждения этих фактов (часть 7 статьи 104 Закона о контрактной системе).

В силу пункта 11 Постановления Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)» в реестр недобросовестных поставщиков включаются только проверенные сведения. Необходимым условием является наличие в представленных материалах фактов, подтверждающих недобросовестность поставщика (подрядчика, исполнителя).

При рассмотрении дела в судебных инстанциях заявитель приводил доводы о том, что частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе предусмотрена возможность включения в реестр недобросовестных поставщиков только сведений о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

В рассматриваемом случае данные положения Закона, по мнению заявителя, не применимы, поскольку первоначально отказ от исполнения государственного контракта осуществлен конкурсным управляющим общества на основании решения кредиторов о прекращении хозяйственной деятельности должника и в соответствии с

пунктом 2 статьи 102, пунктом 3 статьи 129 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве).

При этом требование заказчика о признании недействительным отказа общества от исполнения государственного контракта решением арбитражного суда от 23.04.2018, вступившим в законную силу, оставлено без удовлетворения.

Основанием для такого вывода суда в рамках данного дела послужило признание общества несостоятельным (банкротом) и наличие в связи с этим у конкурсного управляющего права на отказ от исполнения государственного контракта, предусмотренного пунктами 1 и 2 статьи 102, пунктом 3 статьи 129 Закона о банкротстве. Вместе с тем порядок отказа конкурсного управляющего от исполнения сделки признан судом соблюденным.

При таких обстоятельствах, заявитель полагает, что у антимонопольного органа не имелось правовых оснований для вывода о соблюдении заказчиком порядка одностороннего отказа от исполнения уже расторгнутого контракта и включения в реестр недобросовестных поставщиков сведений об обществе, в действиях которого отсутствует недобросовестность.

По мнению Судебной коллегии, обстоятельства, на которые общество ссылалось в обоснование заявленного требования, надлежащим образом судами не были проверены и какой-либо оценки при рассмотрении дела в судах трех инстанций не получили.

Вместе с тем, в силу пункта 3 статьи 129 Закона о банкротстве конкурсный управляющий вправе заявить отказ от исполнения договоров и иных сделок в порядке, установленном статьей 102 настоящего Федерального закона.

В соответствии со статьей 102 Закона о банкротстве внешний управляющий в течение трех месяцев с даты введения внешнего управления вправе отказаться от исполнения договоров и иных сделок должника. Отказ от исполнения договоров и иных сделок должника может быть заявлен только в отношении сделок, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение должником таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

В случаях, предусмотренных пунктом 2 статьи 102 Закона о банкротстве, договор считается расторгнутым с даты получения всеми сторонами по такому договору заявления внешнего управляющего об отказе от исполнения договора.

При этом отказ конкурсного управляющего от исполнения контракта не относится к основаниям для включения сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренным частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе.

[Определение ВС РФ от 19.08.2019 № 301-ЭС17-18814](#)

При рассмотрении иска участника к обществу, впоследствии признанному банкротом, о взыскании действительной стоимости доли судам надлежит исследовать стоимость доли в том числе на основании анализа финансового состояния общества, разницы между активами и пассивами в структуре баланса общества, потому как при сокращении названной разности, составляющей чистые активы общества, предполагается, что стоимость доли должна пропорционально уменьшаться.

Преждевременно основывать судебный акт на таком экспертном заключении, в котором экспертом при определении рыночной стоимости доли фактически в основу своих выводов была положена балансовая стоимость принадлежащего обществу имущества без рассмотрения запасов пообъектно, потому как данные обстоятельства являются основанием для назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Тютнев А.М. обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 96 693 000 руб. действительной стоимости доли в уставном капитале общества.

Судами трех инстанций заявленные истцом требования удовлетворены полностью.

Тютнев А.М. являлся участником общества «Промтех-НН» с долей в размере 25 % уставного капитала.

Истец 30.06.2016 направил в адрес ответчика извещение о намерении продать принадлежащую ему долю в уставном капитале общества третьему лицу.

От другого участника общества «Промышленные технологии и поставки» в адрес истца 29.07.2016 поступило письмо с отказом в предоставлении согласия на продажу доли третьему лицу.

Поскольку Устав общества предусматривал необходимость получения участником общества от других участников согласия на отчуждение доли третьему лицу, после направления указанного выше письма общество стало обязанным выплатить Тютневу А.М. действительную стоимость его доли в уставном капитале (абзацы первый и третий пункта 2 статьи 23 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Неосуществление названной выплаты послужило основанием для обращения Тютнева А.М. в суд с настоящим иском.

При рассмотрении спора с целью определения действительной стоимости спорной доли в размере 25

% по состоянию на 31.03.2016 и 31.10.2016 (с учетом рыночной стоимости имущества) по ходатайству сторон суд назначил судебную экспертизу. В заключении от 26.01.2018 эксперт установил действительную стоимость доли по состоянию на 31.03.2016 в размере 126 046 000 руб., по состоянию на 31.10.2016 – 96 693

000 руб.

Названное экспертное заключение было положено судом первой инстанции в основу вынесенного решения об удовлетворении иска в полном объеме.

Между тем судами не учтено следующее.

Финансовое положение общества является тем объективным и ключевым фактором, который, в первую очередь, влияет на стоимость долей участников такого общества в уставном капитале. Чем больше в структуре баланса (исходя из его рыночных показателей) разница между имуществом (активами) общества и его обязательствами перед третьими лицами (пассивами), тем выше стоимость доли участника. И напротив, при сокращении названной разности, составляющей чистые активы общества, предполагается, что стоимость доли должна пропорционально уменьшаться.

Принимая обжалуемые судебные акты, суды фактически проигнорировали то обстоятельство, что спустя не столь продолжительный период времени после выхода Тютнева А.М. из общества в отношении последнего была инициирована процедура несостоятельности.

Должник 02.04.2018 был признан банкротом (решение от 09.04.2018). При этом как следует из Картотеки арбитражных дел, в рамках дела о банкротстве признаны обоснованными требования, которые возникли и должны были быть погашены до появления у общества обязанности выплатить действительную стоимость доли истцу. В настоящий момент конкурсное производство завершено (определение от 03.06.2019).

Таким образом, последовавшие за выходом Тютнева А.М. из общества события убедительным образом ставят под сомнение финансовое благополучие должника, наличие у него чистых активов и

существование положительной структуры баланса (с точки зрения рыночных цен). Подобные сомнения могли быть опровергнуты, например, указанием на то, что в промежуток времени после выхода участника из общества и до возбуждения дела о банкротстве в деятельности должника произошли какие-либо экстраординарные обстоятельства, спровоцировавшие существенное ухудшение его платежеспособности.

На наличие косвенных оснований сомневаться в выводах эксперта указывал ответчик. В частности, он обращал внимание судов на то, что эксперт, определяя рыночную стоимость доли, фактически в основу своих выводов положил балансовую стоимость принадлежащего обществу имущества, не осматривая запасы пообъектно. Кроме того, эксперт в нарушение позиции Президиума ВС РФ, изложенной в постановлении от 09.11.2016 № 338-ПЭК16, не применил понижающие коэффициенты

(так называемые скидки) на неконтрольный характер доли истца и недостаточную ликвидность.

Приведенные доводы в совокупности с вышеперечисленными противоречиями указывают на необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы (статья 87 АПК РФ), о чем заявлял ответчик в суде первой инстанции (однако определением от 02.04.2018 в назначении повторной экспертизы отказано). Поэтому выводы судов о том, что действительная стоимость доли Тютнева А.М. составляла 96 693 000 руб., сделаны преждевременно.

[Определение ВС РФ от 22.08.2019 № 305-ЭС16-20931\(19\)](#)

Определение содержания (условий) мирового соглашения всецело зависит от воли должника и кредиторов, в то время как суд, осуществляя контрольную функцию, проводит лишь проверку соответствия его условий требованиям закона и соблюдения прав лиц, интересы которых затрагиваются данным соглашением.

Приняв решение о заключении нового мирового соглашения в деле о банкротстве должника на иных условиях, собрание кредиторов тем самым выразило волю на изменение его содержания, одновременно отказавшись от ранее достигнутых договоренностей в прежнем соглашении.

При таких обстоятельствах подлежат отмене судебные акты, вынесенные по итогам рассмотрения законности ранее утвержденного собранием кредиторов мирового соглашения.

В рамках настоящего дела о банкротстве определением арбитражного суда от 10.09.2018 утверждено мировое соглашение от 23.03.2018, производство по делу о банкротстве прекращено.

Постановлением арбитражного суда округа от 27.11.2018 определение от 10.09.2018 отменено, в утверждении мирового соглашения отказано, дело направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Как установлено судами и следует из материалов дела, на состоявшемся 21.03.2018 собрании кредиторов должника большинством голосов (61,5 %) принято решение о заключении мирового соглашения.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в утверждении мирового соглашения, суд округа исходил из экономической нецелесообразности и неисполнимости условий соглашения ввиду длительных сроков погашения задолженности перед кредиторами должника (отсрочка выплаты долга на 3 года и дальнейшая рассрочка на 8 лет). При этом доводы о возможности восстановления платежеспособности за этот период времени признаны судом неподтвержденными и носящими предположительный характер.

Не соглашаясь с выводами окружного суда, в настоящей жалобе должник просит оставить в силе судебный акт, утвердивший заключенное с кредиторами мировое соглашение от 23.03.2018.

Между тем, как пояснили в судебном заседании представители должника и кредиторов, после отмены судом округа определения об утверждении спорного мирового соглашения и возобновления производства по делу о банкротстве компании состоялось очередное собрание кредиторов по аналогичному вопросу, в результате которого принято решение о заключении мирового соглашения на иных (более выгодных для кредиторов) условиях. Вопрос об утверждении данного соглашения находится на рассмотрении суда.

Рассмотрение вопроса о заключении мирового соглашения в деле о банкротстве отнесено к исключительной компетенции собрания кредиторов и осуществляется путем принятия коллегиального решения (абзац десятый пункта 2 статьи 12 Закона о банкротстве). Порядок и условия принятия таких решений определены положениями пункта 2 статьи 15, пункта 2 статьи 150 упомянутого Закона.

При этом действующее законодательство допускает изменение (дополнение) кредиторами ранее достигнутых ими договоренностей по соглашению, если последние придут к выводу о том, что другие условия

наиболее полно учитывают их законные интересы и обеспечивают максимальное удовлетворение требований.

Таким образом, определение содержания (условий) мирового соглашения всецело зависит от воли должника и кредиторов, в то время как суд, осуществляя контрольную функцию, проводит лишь проверку соответствия его условий требованиям закона и соблюдения прав лиц, интересы которых затрагиваются данным соглашением.

Приняв решение о заключении нового мирового соглашения в деле о банкротстве должника на иных условиях, собрание кредиторов тем самым выразило волю на изменение его содержания, одновременно отказавшись от ранее достигнутых договоренностей в прежнем соглашении.

В такой ситуации разрешение судом вопроса об утверждении спорного мирового соглашения нарушает исключительную компетенцию собрания кредиторов должника и противоречит природе данного института права.

[Определение ВС РФ от 27.08.2019 № 305-ЭС19-4324](#)

Для принятия решения по иску о взыскании задолженности по договору репо, заявленному банком-покупателем (впоследствии банкротом) необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, связанных с наличием оснований для приостановления ответчиком (продавцом) встречного исполнения, для прекращения

обязательств по договору репо, обоснованности требований продавца об исполнении обязательств по оплате ценных бумаг в полном объеме по второй части договора репо и о привлечении продавца к ответственности за неисполнение денежного обязательства.

Банк обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 228 283 219,94 руб. долга и 23 017 023,48 руб. процентов, ссылаясь на неисполнение ответчиком второй части договора РЕПО от 25.11.2015.

При новом рассмотрении дела судами трех инстанций заявленные истцом требования удовлетворены в полном объеме.

Как усматривается из материалов дела и установлено судами, 25.11.2015 стороны заключили договор репо, по условиям которого банк (покупатель) принимает без прекращения признания, а общество (продавец), передает без прекращения признания с условием обратного выкупа ипотечные сертификаты участия в количестве 161 750 штук.

Общая сумма первой части репо составляла 219 980 000 руб. (пункт 1.2 договора).

В соответствии с пунктом 1.3 договора продавец обязуется выкупить ценные бумаги в полном объеме. Согласно пункту 1.4 договора репо общая сумма второй части репо составляет 228 283 219,94 руб.

Продавец обязуется осуществить перевод ценных бумаг со счета депо продавца на счет депо покупателя в не позднее 03.12.2015. В день заключения договора покупатель оплачивает продавцу общую сумму первой части репо, указанную в пункте 1.2 договора.

Пунктом 2.3 договора предусмотрено, что денежные средства в размере общей суммы второй части репо должны быть переведены продавцом на счет покупателя 25.02.2016.

Покупатель обязуется не позднее 26.02.2016 предоставить все необходимые документы для перевода ценных бумаг со своего счета депо на счет депо продавца в депозитарии АО «ОСД».

Досрочное проведение второй части репо возможно только по дополнительному соглашению сторон, которым определяются условия такой сделки (пункт 2.5 договора репо).

Первая часть репо сторонами исполнена.

Приказом Банка России от 14.12.2015 у банка была отозвана лицензия на осуществление банковской деятельности; решением арбитражного суда от 24.02.2016 банк признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыто конкурсное производство.

В связи с отзывом у банка лицензии общество 16.02.2016 обратилось к истцу с письмом, в котором просило подтвердить готовность к исполнению второй части репо и представить документы, подтверждающие полномочия предполагаемых подписантов со стороны Временной администрации по управлению кредитной организацией. Указанное обращение ответчиком оставлено без ответа.

В ходе проведенной инвентаризации выявлено имущество, не учтенное на балансовых счетах банка, вместе с тем зачисленное на его лицевые счета у реестродержателя по совершенным сделкам репо.

Согласно выписке № 160901/00152/1 ипотечные сертификаты в количестве 161 750 штук учтены на счете депо банка.

Согласно пункту 1 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг договором репо признается договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю) ценные бумаги, а покупатель обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (первая часть договора репо), а также обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца, а продавец обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора репо).

В соответствии с пунктом 3 статьи 420 ГК РФ к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307 – 419 ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами главы 27 ГК РФ и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в ГК РФ.

К договору репо применяются соответственно общие положения ГК РФ о купле-продаже, если это не противоречит правилам настоящей статьи и существу договора репо. При этом продавец по договору репо и покупатель по договору репо признаются продавцами ценных бумаг, которые они должны передать во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо, и покупателями ценных бумаг, которые они должны принять и оплатить во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо (пункт 21 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг).

Договор купли-продажи является двусторонним, встречным sinalлагматическим договором, поскольку исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом своих обязательств по передаче товара покупателю (пункт 1 статьи 328 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 328 ГК РФ в случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит

встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Положения пункта 2 статьи 328 ГК РФ применимы независимо от того, на ком лежит обязанность по исполнению первым. В случае если лицо, обязанное первым совершить предоставление, обнаруживает признаки, указанные в пункте 2 статьи 328 ГК РФ, она также вправе воспользоваться соответствующими мерами защиты.

Пунктами 16, 16.1 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг предусмотрены условия, при наличии которых прекращаются обязательства по договору репо в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по второй части договора репо одной из сторон или обеими сторонами по договору репо, либо в случае, если стоимость ценных бумаг, переданных по договору репо, становится больше(меньше) значения, установленного договором репо, или равной ему.

Ввиду того, что для принятия решения по существу спора необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, связанных с наличием 6 оснований для приостановления ответчиком встречного исполнения, для прекращения обязательств по договору, обоснованности требований продавца об исполнении обязательств по оплате ценных бумаг в полном объеме по второй части и о привлечении общества к ответственности за неисполнение денежного обязательства, судебные акты отменяются в полном объеме и дело направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

[Определение ВС РФ от 20.03.2019 № 304-ЭС18-20504](#)

Частичное удовлетворение требования бенефициара по банковской гарантии за счет имущества банка в процедуре банкротства, даже с нарушением сроков, предусмотренных ст. 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение.

При разрешении спора о взыскании просроченного вознаграждения по договору о предоставлении банковской гарантии, установив, что с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам надлежит дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны принципала.

Банк в лице конкурсного управляющего – ГК АСВ обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с общества "Коралл" просроченного вознаграждения по договору о предоставлении банковской гарантии, штрафных санкций за просрочку выплаты вознаграждения, а также судебных расходов.

Суды удовлетворили требования банка частично.

Как установлено судами банком (гарантом) и обществом (принципалом) подписан договор, в соответствии с которым гарант обязуется предоставить по просьбе принципала банковскую гарантию в пользу Управления делами Правительства Тюменской области (бенефициар) для обеспечения исполнения принципалом обязательств перед бенефициаром по контракту на выполнение строительно-монтажных работ, а принципал обязуется заплатить гаранту вознаграждение за предоставление гарантии на условиях договора.

Впоследствии у банка была отозвана лицензия на осуществление банковских операций с 08.02.2016. Частично удовлетворяя иски, суды руководствовались положениями ст. 368, 369, 375,

417 ГК РФ и ФЗ "О банках и банковской деятельности" и исходили из того, что вознаграждение подлежит выплате за период до даты отзыва у банка лицензии, поскольку с момента отзыва лицензии банк утрачивает возможность выплаты гарантийного обязательства непосредственно при предъявлении к нему требования о платеже; в этом случае исполнение требования общества о выплате по банковской гарантии возможно только в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, в связи с чем банковская гарантия, по сути, утрачивает свой статус обеспечительного платежа, выплачиваемого по первому требованию бенефициара; с даты отзыва у банка лицензии обязательства по выданной банком банковской гарантии прекратились и, следовательно, с указанной даты в соответствии с условиями договора прекратились обязательства по выплате вознаграждения.

Между тем судами не учтено следующее.

Отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным не признаются основанием прекращения обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии (пп. 3 п. 1 ст. 378 ГК РФ), получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве. С учетом этого ссылка судов на прекращение обязательства невозможностью исполнения ошибочна.

Частичное удовлетворение требования бенефициара за счет имущества банка в процедуре банкротства и с нарушением сроков, предусмотренных ст. 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение. Вместе с тем качество обеспечения исполнения обязательства принципала перестало отвечать требованиям, установленным параграфом 6 главы 23 ГК РФ для гарантии.

В рамках договора о предоставлении банковской гарантии интерес принципала (подрядчика по контракту на выполнение строительно-монтажных работ) выражается в получении возможности заключить контракт и сохранить договорные отношения с заказчиком. Необходимым условием достижения этой цели является предоставление заказчику обеспечения в виде банковской гарантии, которая в случае нарушения

подрядчиком обязательств по контракту минимизирует риски заказчика путем удовлетворения банком требований бенефициара в упрощенном порядке и в установленные законодательством фиксированные сроки.

Установив, что, с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам следовало дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны общества.

Ограничившись взысканием суммы вознаграждения за период до отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций, суд первой инстанции принял решение, не соответствующее требованиям законности и обоснованности. Суду следовало, исходя из возражений ответчика и доводов банка, предложить им представить доказательства в подтверждение (опровержение) такой эквивалентности; при необходимости привлечь специалистов либо назначить по делу судебную экспертизу для определения экономической эффективности выданной банком гарантии на протяжении всего периода ее действия и соответствующего денежного эквивалента за ее предоставление.

[Определение ВС РФ от 18.04.2019 № 305-ЭС18-19708](#)

Законом о банкротстве и Законом о банках отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным не признаются основаниями прекращения

обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии, получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве.

2. При рассмотрении иска о взыскании с принципала суммы вознаграждения по гарантии, срок уплаты которой пришелся на период после отзыва у гаранта лицензии на осуществление банковских операций, суду, при установленной в течение определенного времени полноценной обеспечительной функции такой гарантии, надлежит предложить сторонам представить доказательства в подтверждение (опровержение) эквивалентности исполнения, представленного банком, и встречного исполнения со стороны принципала.

Банк (гарант) в лице ГК АСВ обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с общества (принципал) 13 774 419,78 руб. задолженности по уплате вознаграждения по соглашению о предоставлении банковской гарантии от 06.10.2015.

Судами трех инстанций в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

06.10.2015 между банком и обществом заключено соглашение о предоставлении банковской гарантии (далее – соглашение), в соответствии с которым банк по просьбе принципала обязался выдать гарантию в пределах 285 000 000 руб. в пользу ООО "Платинум Арена" (бенефициара) в случае неисполнения обществом обязательств по договору подряда от 17.07.2015, заключенному с бенефициаром.

В целях обеспечения надлежащего исполнения обществом обязательств по соглашению между банком и Орловым А.В. (поручителем) заключен договор поручительства от 06.10.2015.

Приказом Банка России от 19.09.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, решением от 25.10.2016 банк признан банкротом.

Ненадлежащее исполнение обществом и поручителем договорных обязательств послужило основанием для обращения банка в арбитражный суд с настоящим иском о взыскании с принципала задолженности по уплате вознаграждения по соглашению о предоставлении банковской гарантии.

Судами установлено, что до отзыва у банка лицензии ответчик выплачивал истцу вознаграждение в размерах и в сроки, установленные соглашением; заявленное требование представляет собой сумму периодических платежей за предоставление банковской гарантии, срок выплаты которых наступил после отзыва у банка лицензии.

Соглашение о предоставлении банковской гарантии регулирует отношения между банком и принципалом по предоставлению банковской услуги – выдаче банковской гарантии (статья 5 Закона о банках), оказываемой на возмездной основе. К правоотношениям сторон по такому соглашению, в том числе по вопросам прекращения (расторжения) соглашения, применяются общие нормы ГК РФ об обязательствах с учетом положений параграфа 6 главы 23 ГК РФ о независимой гарантии.

Отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным Законом о банкротстве и Законом о банках не признаются основанием прекращения обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии (подпункт 3 пункта 1 статьи 378 ГК РФ), получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве. С учетом этого ссылка судов на прекращение обязательства невозможностью исполнения ошибочна.

Частичное удовлетворение требования бенефициара за счет имущества банка в процедуре банкротства и с нарушением сроков, предусмотренных статьей 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение. Вместе с тем качество обеспечения исполнения обязательства принципала перестало отвечать требованиям, установленным параграфом 6 главы 23 ГК РФ для гарантии.

В соответствии со статьей 328 ГК РФ встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств (пункт 1). В случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков. Если предусмотренное договором исполнение обязательства произведено не в полном объеме, сторона, на

которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения в части, соответствующей непредоставленному исполнению.

В рамках соглашения о предоставлении банковской гарантии интерес принципала (подрядчика по договору подряда) выражается в получении возможности заключить договор и сохранить договорные отношения с заказчиком. Необходимым условием достижения этой цели является предоставление заказчику обеспечения в виде банковской гарантии, которая в случае нарушения подрядчиком обязательств по договору минимизирует риски заказчика путем удовлетворения банком требований бенефициара в упрощенном порядке и в установленные законодательством фиксированные сроки.

В качестве встречного предоставления принципал уплачивает банку вознаграждение (комиссию, премию) за выдачу гарантии, размер которого определяется банком с учетом ряда факторов: размера и срока гарантийного обязательства, независимости гарантии от обеспечиваемого обязательства, наличия регрессного требования к принципалу по осуществлению выплаты, платежеспособности и добросовестности принципала и др.

Установив, что, с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам следовало дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны общества.

Отказывая в удовлетворении иска о взыскании суммы вознаграждения, срок уплаты которой пришелся на период после отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций, суд первой инстанции принял решение, не соответствующее требованиям законности и обоснованности. Суду следовало, исходя из возражений ответчика и доводов банка, предложить им представить

доказательства в подтверждение (опровержение) такой эквивалентности; при необходимости привлечь специалистов либо назначить по делу судебную экспертизу для определения экономической эффективности выданной банком гарантии на протяжении всего периода ее действия и соответствующего денежного эквивалента за ее предоставление.

[Определение ВС РФ от 01.11.2019 № 308-ЭС19-8844](#)

В случае прекращения дела о банкротстве индивидуального предпринимателя заключением мирового соглашения на такое лицо не может распространяться пятилетнее ограничение на регистрацию в качестве ИП, предусмотренное пунктом 2 статьи 216 Закона о банкротстве.

В таком случае, исходя из системного толкования статей 56, 57 и 159 Закона о банкротстве, подлежат применению положения статьи 159 Закона, согласно которой в случае, если мировое соглашение утверждено арбитражным судом в ходе конкурсного производства, с даты утверждения такого соглашения решение арбитражного суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства не подлежит дальнейшему исполнению.

2. Действующее законодательство не предусматривает возможность восстановления статуса индивидуального предпринимателя за прошедший период при заключении мирового соглашения в деле о банкротстве такого лица.

Лицо, которым статус индивидуального предпринимателя был утрачен в связи с признанием его банкротом, однако дело о банкротстве было прекращено заключением мирового соглашения, вправе обратиться в регистрирующий орган с заявлением о регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя.

Орлов А.В. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным бездействия налогового (регистрирующего) органа по невнесению в ЕГРИП записи в отношении ИП Орлова А.В.; обязанности регистрирующего органа внести соответствующую запись в ЕГРИП – о восстановлении статуса ИП с 26.06.2017.

Судами трех инстанций в удовлетворении требований отказано.

Определением от 05.08.2015 требования о признании индивидуального предпринимателя Орлова А.В. банкротом признаны обоснованными, в отношении него введена процедура наблюдения.

Решением от 09.03.2016 ИП Орлов А.В. признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина.

На основании поступившего в регистрирующий орган вышеуказанного решения от 09.03.2016 в ЕГРИП внесены сведения о прекращении деятельности Орлова А.В. в качестве индивидуального предпринимателя.

Определением от 26.06.2017 по делу о банкротстве Орлова А.В. утверждено мировое соглашение, производство по делу о банкротстве прекращено.

Орлов А.В., ссылаясь на то, что после получения определения от 26.06.2017 регистрирующим органом не осуществлено действий по признанию недействительной ранее внесенной записи о признании его банкротом и прекращении деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, обратился в УФНС с соответствующей жалобой.

Управление письмом от 08.02.2018 отказало в ее удовлетворении по мотиву сохранения у Орлова А.В. пятилетнего ограничения на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя.

Коллегия полагает, что судебные акты судов трех инстанций по настоящему делу подлежат отмене с принятием нового судебного акта об удовлетворении требований в части по следующим основаниям.

После внесения в ЕГРИП указанной записи статус Орлова А.В. как индивидуального предпринимателя прекратился по основаниям пункта 3 статьи 22.3 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей".

Определением от 26.06.2017 по делу о банкротстве Орлова А.В. утверждено мировое соглашение от 19.05.2017, заключенное между Орловым А.В. и представителем собрания кредиторов Масловым И.В., производство по делу о банкротстве прекращено. В определении указано на применение последствий прекращения производства по делу, установленных статьей 56 Закона о банкротстве (№ 127-ФЗ).

В соответствии со статьей 56 Закона № 127-ФЗ принятие арбитражным судом решения об отказе в признании должника банкротом является основанием для прекращения действия всех ограничений, предусмотренных названным Законом и являющихся последствиями принятия заявления о признании должника банкротом и (или) введения наблюдения.

Согласно пункту 2 статьи 57 Закона № 127-ФЗ в случаях, предусмотренных пунктом 1 данной статьи, применяются последствия прекращения производства по делу о банкротстве, установленные статьей 56 указанного Закона, если иное не установлено законом № 127-ФЗ.

В соответствии с пунктом 1 статьи 213.1 Закона № 127-ФЗ отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные главой X "Банкротство граждан" Закона № 127-ФЗ, регулируются главами I- III.1, VII, VIII, параграфом 7 главы IX и параграфом 2 главы XI данного Закона.

Примененная судами к спорным правоотношениям статья 216 Закона № 127-ФЗ предусматривает лишь последствия признания индивидуального

предпринимателя банкротом, но не регулирует последствия заключения мирового соглашения и прекращения в связи с этим производства по делу о банкротстве.

К иным последствиям прекращения производства по делу о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения непосредственно можно отнести последствия, установленные статьей 159 Закона № 127-ФЗ, согласно которой в случае, если мировое соглашение утверждено арбитражным судом в ходе конкурсного производства, с даты утверждения такого соглашения решение арбитражного суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства не подлежит дальнейшему исполнению.

Из системного толкования статей 56, 57 и 159 Закона № 127-ФЗ следует, что положения этих норм применяются к отношениям, связанным с заключением мирового соглашения в рамках процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей, и исключают возможность применения статьи 216 Закона № 127-ФЗ.

Заключение мирового соглашения указывает на предоставление должнику возможности восстановить собственную платежеспособность, вернуть доверие кредиторов, поэтому выход из процедуры несостоятельности, сопряженный с восстановлением платежеспособности, не должен влечь таких последствий как пятилетнее ограничение на ведение предпринимательской деятельности.

В силу изложенного Судебная коллегия считает не соответствующим приведенным нормам права вывод Регистрирующего органа и судов о сохранении у Орлова А.В. после прекращения дела о несостоятельности (банкротстве) в связи с утверждением мирового соглашения пятилетнего ограничения на приобретение статуса индивидуального предпринимателя, установленного пунктом 2 статьи 216 Закона № 127-ФЗ, в связи с чем требование Орлова А.В. о признании незаконным бездействия регистрирующего органа, неправомерно сославшегося на указанную норму, подлежит удовлетворению.

2. Отказывая в удовлетворении требований об обязанности регистрирующего органа внести в ЕГРИП запись о восстановлении статуса индивидуального предпринимателя Орлова А.В. с 26.06.2017 на основании определения от 26.06.2017, Судебная коллегия исходит из следующего.

На основании решения от 09.03.2016 о признании Орлова А.В. несостоятельным (банкротом) и введении в отношении него процедуры реализации имущества гражданина регистрирующим органом в ЕГРИП внесены сведения о прекращении его деятельности в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с пунктом 3 статьи 22.3 Закона № 129-ФЗ.

Пунктом 1 статьи 213.31 Федерального Закона № 127-ФЗ предусмотрено, что заключение мирового соглашения является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве гражданина.

При этом действующее законодательство не предусматривает возможность восстановления статуса индивидуального предпринимателя за прошедший период при заключении мирового соглашения, регистрация заявителя в качестве индивидуального предпринимателя должна осуществляться в порядке, установленном Законом № 129-ФЗ.

В связи с тем, что процедура регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с положениями Закона № 129-ФЗ носит заявительный характер, а соответствующего заявления с приложением необходимого комплекта документов в Регистрирующий орган Орловым А.В. не подавалось, у регистрирующего органа не имелось правовых оснований для совершения регистрационных действий по внесению записи в ЕГРИП о регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя с момента утверждения судом мирового соглашения и прекращения производства по делу о банкротстве, то есть с 26.06.2017, и отмене ранее внесенной записи о признании заявителя банкротом и прекращении его деятельности в качестве индивидуального предпринимателя.

Нормами действующего законодательства не предусмотрена возможность для внесения уполномоченным органом ретроспективной регистрационной записи (за прошедший период), поскольку такая запись будет нарушать принцип достоверности сведений публичного реестра, а также его хронологичность.

[Определение ВС РФ от 23.12.2019 № 301-ЭС18-10926 \(4\)](#)

Возврат арендованной вещи по причине прекращения договора не может квалифицироваться как действие, направленное на приоритетное удовлетворение требования арендодателя, поскольку такой возврат имущества не влияет на уже сформировавшуюся задолженность по арендной плате и не направлен на прекращение денежного обязательства по уплате долга по правилам главы 26 ГК РФ.

В процедурах банкротства сталкиваются разнонаправленные интересы. С одной стороны, интересы публичного собственника сданного в аренду имущества, наделенного правомочиями по распоряжению этим имуществом, особенностей земельных отношений и отношений по участию в долевом строительстве), с другой стороны, интересы заинтересованных в максимальном пополнении конкурсной массы должника и его кредиторов, к числу которых могут относиться граждане-участники строительства, имеющие к арендатору земельного участка требования о передаче жилых помещений.

Определяя баланс между этими разнонаправленными интересами, суд может признать публичного арендодателя лицом, злоупотребившим правом, и по этой причине отказать в удовлетворении иска о расторжении договора. Однако конкурсный управляющий должником, его кредиторы, заявляя о злоупотреблении правом, должны раскрыть, в чем именно это злоупотребление заключается, а суд – соответствующие доводы проверить и установить конкретные обстоятельства, указывающие на злоупотребление.

Управление обратилось в суд с заявлением о расторжении двадцати двух договоров аренды земельных участков, заключенных с обществом "Ивановская домостроительная компания", и об обязанности его возвратить земельные участки.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления управления отказано.

Управлением и должником 09.01.2014 и 08.08.2014 заключены 22 договора аренды земельных участков.

Во исполнение этих договоров, имеющих типовые условия, арендодатель передал должнику в аренду на срок до 18.02.2020 земельные участки для строительства многоквартирных домов, стоянок, объектов административного назначения и розничной торговли, учреждений дошкольного и общего образования.

Определением от 30.07.2015 возбуждено дело о банкротстве арендатора. Определением от 10.03.2016 в отношении арендатора введена процедура наблюдения, применены правила о банкротстве застройщика. Решением от 17.07.2017 арендатор признан несостоятельным (банкротом).

Управление, сославшись на то, что строительство на земельных участках никогда не велось, арендная плата должником ни разу не вносилась с 30.07.2015, судебные решения о взыскании текущей задолженности по арендной плате не исполняются, обратилось в суд заявлением о расторжении договоров и об обязанности должника возвратить земельные участки.

Пункт 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации допускает возможность досрочного расторжения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенного на срок более чем пять лет, по требованию арендодателя на основании решения суда при существенном нарушении арендатором условий договора.

Суды не привели каких-либо специальных норм или договорных условий, применимых к рассматриваемым отношениям, которыми бы устанавливался запрет на расторжение заключенных в 2014 году договоров аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, на которых отсутствуют объекты, в том числе незавершенные строительством. В Законе о банкротстве не содержатся положения о том, что открытие в отношении должника-арендатора процедуры конкурсного производства автоматически лишает арендодателя права на досрочное

расторжение договора при наличии к тому оснований, установленных иными законами.

Вопреки выводам судов, возврат арендованной вещи по причине прекращения договора не может квалифицироваться как действие, направленное на приоритетное удовлетворение требования арендодателя, поскольку такой возврат имущества не влияет на уже сформировавшуюся задолженность по арендной плате и не направлен на прекращение денежного обязательства по уплате долга по правилам главы 26 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Сохранение договорных отношений в ситуации систематического невнесения платежей арендатором, так и не приступившим к строительству, не только нарушает права публичного собственника, не получающего того, на что он справедливо рассчитывал при заключении договора аренды (в том числе, в рамках осуществления публичных полномочий – развитие социальной инфраструктуры, расширение рынка жилья и т.п.), но и влечет за собой наращивание задолженности по текущим арендным платежам, чем может ухудшаться положение кредиторов арендатора.

Судебная коллегия не может согласиться с выводом судов о том, что о злоупотреблении правом со стороны арендодателя, интересы которого ущемляются длительным неисполнением контрагентом договорных обязательств, свидетельствует сам факт предъявления им требования о расторжении сделок.

В силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

2. Действительно, в процедурах банкротства сталкиваются разнонаправленные интересы. С одной стороны, интересы публичного собственника сданного в аренду имущества, наделенного правомочиями по распоряжению этим имуществом (с учетом прав и обязанностей сторон договора аренды (статьи 209, 606, 619 Гражданского кодекса), особенностей земельных отношений и отношений по участию в долевом строительстве), с другой стороны, интересы заинтересованных в максимальном пополнении конкурсной массы должника и его кредиторов, к числу которых могут относиться граждане-участники строительства, имеющие к арендатору земельного участка требования о передаче жилых помещений.

Определяя баланс между этими разнонаправленными интересами, суд может признать публичного арендодателя лицом, злоупотребившим правом, и по этой причине отказать в удовлетворении иска о расторжении договора. Однако конкурсный управляющий должником, его кредиторы, заявляя о злоупотреблении правом, должны раскрыть, в чем именно это злоупотребление заключается, а суд – соответствующие доводы проверить и установить конкретные обстоятельства, указывающие на злоупотребление.

В рассматриваемом случае суды на такие обстоятельства не сослались. Управление, наоборот, обращало внимание на то, что его поведение является добросовестным – для строительства на участках, предоставленных по анализируемым договорам, денежные средства населения не привлекались, строительство на этих участках не велось, а кредиторы – юридические лица, вложившие свои средства в строительство, не предпринимали никаких мер к погашению текущей задолженности по арендной плате, в том числе за свой счет, если полагали, что последующая реализация права аренды на торгах покроет издержки на выплату текущего долга по арендной плате, и хотя бы частично реестровые требования.

[Определение ВС РФ от 19.03.2020 № 302-ЭС19-17986](#)

Законом о банкротстве не установлено правовых норм, регулирующих защиту преимущественного права приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации.

В то же время, специальным способом защиты аналогичного преимущественного права покупателем или иного имущества является иск о переводе на себя прав и обязанностей стороны по сделке, что установлено иными законами: пункт 3 статьи 250 ГК РФ, пункт 4 статьи 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах", пункт 18 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью". Правовая позиция, подтверждающая возможность применения аналогичного иска к пункту 3 статьи 179 Закона о банкротстве (преимущественное право приобретения имущества должника-сельскохозяйственной организации), изложена в постановлении Президиума ВАС РФ от 09.07.2009 № 1989/09 по делу № А14- 1423/2008 и актуальна для разрешения подобных споров в деле о банкротстве.

Общество "Нечаевское" является сельскохозяйственной организацией. Решением от 18.12.2014 данное общество признано банкротом, введена процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утвержден Шерстнев А.Л.

В ходе конкурсного производства Шерстнев А.Л. выставил на торги, проводимые посредством публичного предложения с открытой формой подачи предложений о цене по продаже имущества, имущество должника, находившееся в урочище Нечаевка Усольского района Иркутской области: два земельных участка из категории земель сельскохозяйственного назначения, нежилое одноэтажное здание свинофермы, а также имущество должника, находившееся в заимке Нечаевской поселка Белореченский Усольского района Иркутской области: одноэтажное кирпично-панельное здание овощехранилища, нежилое одноэтажное кирпичное здание столовой.

Торги признаны состоявшимися и 24.08.2018 конкурсный управляющий заключил с Будяковым А.В. (участником торгов) договор купли-продажи в отношении указанного имущества должника.

Киреев А.Н. 04.06.2018 обратился в арбитражный суд с иском и потребовал перевести на себя права покупателя по договору купли-продажи от 24.08.2017. Обращение Киреева А.Н. в суд связано с тем, что конкурсный управляющий вопреки требованиям статьи 179 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – Закон о банкротстве) не предложил ему воспользоваться преимущественным правом покупки спорного имущества.

Предметом рассмотрения по данному делу является вопрос о надлежащем способе защиты преимущественного права приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, реализованного на торгах, лицом, заявляющим о наличии у него такого права на основании статьи 179 Закона о банкротстве.

Как правило, осуществление сельскохозяйственной деятельности предполагает использование земельного участка. В целях защиты прав владельцев соседних земельных участков, заинтересованных в укрупнении своих владений, Закон о банкротстве предоставил этим владельцам преимущественное право приобретения имущества должника.

Так в статье 179 Закона о банкротстве установлено преимущественное право приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, требования к лицам, обладающим таким правом, и порядок реализации данного права.

Смысл преимущественного права приобретения как правило заключается в том, что какое-то имущество продается третьему лицу (потенциальному покупателю), и только в этом случае обладатель преимущественного права может им воспользоваться на тех же условиях, что и потенциальный покупатель.

Согласно пункту 2 данной статьи прежде всего преимущественным правом приобретения имущества должника обладают лица, занимающиеся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и владеющие земельными участками, непосредственно прилегающими к земельному участку должника. Данные лица могут реализовать свое преимущественное право при продаже имущества в порядке, установленном абзацем четвертым пункта 1 статьи 179 Закона о банкротстве, в том числе и при продаже посредством публичного предложения.

Для обеспечения реализации этого права арбитражный управляющий помимо опубликования информации о продаже имущества должника в печатном органе по месту нахождения должника с указанием начальной цены продажи имущества должника, выставляемого на торги, должен также направить уведомление о продаже

имущества должника лицам, отвечающим признакам покупателя, имеющего преимущественное право приобретения имущества.

Из пункта 3 данной статьи следует, что цена продаваемого имущества должника определяется на торгах. По этой цене арбитражный управляющий должен продать это имущество лицу, имеющему право преимущественного приобретения. Если никто из указанных лиц не заявил о своем желании приобрести имущество в течение месяца, то имущество реализуется в общем порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, то есть передается победителю торгов.

Таким образом, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью владельцы смежного с участком должника земельного участка, который выставлен на продажу (смежные землепользователи), должны быть персонально извещены арбитражным управляющим о проводимых торгах. После проведения публичных торгов арбитражный управляющий обязан предложить смежным землепользователям выкупить имущество должника по цене, сформированной на этих торгах. При этом даже не будучи участниками торгов смежные землепользователи вправе воспользоваться их результатом для реализации своего преимущественного права приобретения имущества должника.

Вопрос о конкуренции смежных землепользователей разрешается в пользу того, чье заявление поступило арбитражному управляющему первым (пункт 3 статьи 179 Закона о банкротстве).

В соответствии со статьей 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется способами, предусмотренными этим кодексом и законами. Правовых норм, регулирующих защиту преимущественного права приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, Законом о банкротстве не установлено. В то же время, специальный способ защиты аналогичного преимущественного права покупки того или иного имущества - иск о переводе на себя прав и обязанностей стороны по сделке, установлен иными законами: пункт 3 статьи 250 ГК РФ, пункт 4 статьи 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах", пункт 18 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью". Правовая позиция, подтверждающая возможность применения аналогичного иска к пункту 3 статьи 179 Закона о банкротстве, изложена в постановлении Президиума ВАС РФ от 09.07.2009 № 1989/09 по делу № А14-1423/2008 и актуальна для разрешения настоящего спора.

Вопреки выводам судов, Киреев А.Н. избрал надлежащий способ защиты, что согласуется с правовой позицией, изложенной в определении № 440-О. Оспаривание результатов торгов и признание их недействительными не может привести к восстановлению нарушенного преимущественного права приобретения имущества должника. Недействительность торгов повлечет недействительность установленной

на них рыночной цены и недействительность договора купли-продажи, чем фактически будет заблокирована возможность реализации преимущественного права приобретения. В то же время перевод прав и обязанностей покупателя не посягает на действительность (законность) торговой процедуры и дает возможность Кирееву А.Н., признающему результаты торгов законными, воспользоваться их результатом.

[Определение ВС РФ от 17.06.2020 г. № 305-ЭС19-27017](#)

Требование о выделении доли лица и признании за ним права собственности на конкретно обозначенную им площадь незавершенного строительством объекта не может быть предъявлено к первоначальному инвестору в рамках дела о банкротстве последнего (как к лицу, более не являющемуся стороной инвестиционного контракта), а должно быть предъявлено к конечному инвестору.

Москомземом (арендодателем) обществу «Веснянка» (арендатору) по договору аренды от 27.05.1998 предоставлен земельный участок, договор возобновлен на неопределенный срок.

Письмом-уведомлением от 11.07.2000 Москомзем уведомил общество «Веснянка» о прекращении с 23.10.2000 обязательств по договору аренды, предложив в срок до 23.10.2000 освободить земельный участок.

Обществом «Альянс-Сити» (инвестор) и Правительством Москвы 01.07.2003 заключен инвестиционный контракт на реализацию инвестиционного проекта нового строительства многоэтажного гаража-стоянки с торговым комплексом на строительной площадке.

Пунктом 2.3 контракта предусмотрено, что на момент его заключения объект не свободен от текущих имущественных обязательств и подлежит освобождению от собственника общества «Веснянка».

Из торговых площадей (п. 3.1), подлежащих разделу, исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу «Веснянка» (пункт 3.2 контракта).

Дополнительным соглашением от 12.09.2005 произведена полная уступка инвестором прав и обязанностей по контракту новому инвестору – обществу «Стройтехинвест».

30.09.2014 общество «Стройтехинвест» признано банкротом, открыто конкурсное производство. 30.01.2014 контракту присвоен статус «прекращен», с указанного момента инвестор прекратил

выполнение своих обязательств по контракту, акт о результатах реализации инвестиционного контракта сторонами не подписан.

Общество «Стройтехинвест» обратилось в суд с иском к Правительству Москвы о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства по инвестиционному контракту со степенью готовности объекта 70%.

17.12.2018 произведена процессуальная замена истца на общество «Стройсибирь».

Общество «Веснянка» обратилось в суд с самостоятельными требованиями к истцу и ответчику о признании доли в объекте незавершенного строительства со степенью готовности объекта 70%.

Судами трех инстанций иск и встречный иск удовлетворены в полном объеме, в удовлетворении требований общества «Веснянка» отказано.

Как указывало общество «Веснянка», пунктами 3.1 и 3.2 инвестиционного контракта стороны прямо предусмотрели, что в качестве компенсации за уничтожение объекта недвижимости, принадлежащего заявителю, в связи со строительством нового здания последний получит недвижимое имущество общей площадью 289,2 кв. м в многоэтажном гаражестоянке с торговым комплексом из торговых площадей данного объекта.

По мнению общества «Веснянка», указанные положения инвестиционного контракта одновременно наделяют его правом требования предоставления соответствующих площадей в собственность и обязывают стороны инвестиционного контракта осуществить указанное предоставление.

Если правила, содержащиеся в части 1 статьи 431 ГК РФ, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон (часть вторая).

При таких обстоятельствах судам надлежало с учетом приведенных выше положений о толковании условий договора разрешить вопрос о квалификации контракта в соответствующей части в качестве договора в пользу третьего лица и, соответственно, оценить его условия о праве требования общества «Веснянка» на предоставление соответствующих площадей в собственность и обязанности сторон контракта осуществить указанное предоставление.

Однако, фактически, выделяя доли в объекте незавершенного строительства и признавая право собственности истца и ответчика на них, суды окончательно распределили между сторонами более недействующей сделки полученные в результате площади в объекте, созданном в процессе ее исполнения, без учета положений пункта 3.2 контракта о том, что при окончательном разделе возведенных площадей из числа распределяемых площадей исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу

«Веснянка» (289,2 кв. м).

Таким образом, определяя доли истца и ответчика в отношении всех площадей объекта, без наличия необходимости предоставления указанной в контракте части получаемых в результате строительства площадей обществу «Веснянка», суды, по сути, в противоречие положений статьи 430 ГК РФ, признали правособственности общества «Стройсибирь» и Правительства Москвы на площади, возможность передачи которых в собственность указанных лиц не предусмотрена названным контрактом.

Как отмечало общество «Веснянка», положения контракта не наделяют его стороны правами в отношении части объекта эквивалентной площади, ранее принадлежавшего заявителю жалобы на праве собственности. Иных соглашений, определяющих правовой режим указанных площадей, ни обществом

«Веснянка», ни сторонами названного контракта не заключалось.

Право собственности на площади, подлежащие передаче обществу «Веснянка», было распределено между участниками спора, а в удовлетворении соответствующего требования названного общества судом было отказано.

Суды посчитали, что поскольку предметом настоящего спора являются требования о признании за инвестором и администрацией лишь доли в праве без выдела доли в натуре, то данные требования не могут затронуть интересы общества «Веснянка».

Полагая заявленное обществом «Веснянка» требование о признании права собственности при установленных по делу обстоятельствах ненадлежащим, суды не учли, что истец по первоначальному иску и истец по встречному иску воспользовались тем же способом защиты своих прав при обращении в суд. С учетом разъяснений, данных в пункте 3 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд обязан самостоятельно определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела с тем, чтобы обеспечить восстановление нарушенного права, за защитой которого обратился истец.

При таких обстоятельствах судам следовало дать оценку доводам общества «Веснянка» и определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежали применению при разрешении дела.

Вместе с тем суды сочли, что надлежащим способом защиты прав общества «Веснянка» является предъявление заявленных им требований в деле о банкротстве общества «Стройтехинвест» как неденежных требований имущественного характера, возникших до возбуждения дела о банкротстве.

Однако, как указывало общество «Веснянка», все права и обязанности инвестора по контракту уступлены обществом «Стройтехинвест» в пользу общества «Стройсибирь» по договору уступки прав (цессии), в соответствии с которым к обществу «Стройсибирь» перешли все права и обязанности инвестора, в том числе в отношении общества «Веснянка». Договор уступки прав не содержит каких-либо изъятий, связанных с порядком удовлетворения прав требования общества «Веснянка».

При таких обстоятельствах, указанные выводы судов нельзя признать обоснованными, поскольку они сделаны без учета того, что общество «Стройтехинвест» больше не является стороной инвестиционного контракта, общество «Стройсибирь» не находится в процедуре банкротства, в связи с чем предъявление тождественных требований к первоначальному инвестору в рамках дела о банкротстве не представляется возможным.

[Определение ВС РФ от 01.10.2020 № 305-ЭС17-3119 \(5, 6\)](#)

Не может быть удовлетворена жалоба реестрового кредитора на судебный акт об удовлетворении намерения третьего лица погасить требования кредиторов должника, потому как права кредитора не нарушены таким судебным актом.

2. Буквальное содержание статей 113 и 125 Закона о банкротстве не предполагает в целях удовлетворения заявления о намерении погасить требование кредитора должника необходимости погашать требования кредиторов по текущим платежам. В случае неисполнения должником своих обязательств перед данными кредиторами после прекращения дела они вправе инициировать новый банкротный процесс.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась с заявлением о намерении погасить требования кредиторов должника.

Определением суда первой инстанции удовлетворено заявление компании о намерении погасить требования кредиторов должника. Постановлением суда апелляционной инстанции названное определение отменено, в удовлетворении заявления компании о намерении погасить требования кредиторов отказано.

При рассмотрении заявления о намерении суд первой инстанции исходил из того, что положения статей 113 и 125 Закона о банкротстве предусматривают для третьего лица наличие возможности удовлетворить требования кредиторов, включенных в реестр, в целях прекращения производства по делу о банкротстве должника.

Суд апелляционной инстанции отметил, что должник имеет обязательства перед кредиторами на общую сумму 542 974 646, 27 руб., в том числе текущие требования, при этом конкурсная масса сформирована, имущества должника

достаточно для погашения реестровых (включая мораторные проценты), текущих и зарегистрированных требований. При таких условиях суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении заявления о намерениях.

По смыслу статьи 4 АПК РФ обращение лица в арбитражный суд предполагает, что у него есть законный интерес в защите своих нарушенных или оспариваемых прав. Названные положения относятся не только к инициированию судебного процесса, но и к обжалованию судебных актов. Это означает, что не может быть удовлетворена жалоба лица, у которого отсутствует законный интерес в обжаловании судебного акта и права которого этим судебным актом не нарушены.

С апелляционной жалобой на определение от 02.12.2019 обращалось общество «Ключ Инвест», которое является реестровым кредитором должника, то есть оно должно было получить удовлетворение своих требований по результатам реализации компанией своих намерений по погашению имеющейся задолженности.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на способствование достижению названной цели (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945).

Таким образом, в случае внесения компанией денежных средств на счет должника законный интерес общества «Ключ Инвест», заключающийся в погашении долга, был бы удовлетворен. Поскольку названное общество не ставило под сомнение возможность компании исполнить определение от 02.12.2019, следует признать, что возражения общества «Ключ Инвест», не основанные на его желании получить удовлетворение своих требований, не подлежали защите со стороны суда апелляционной инстанции.

При этом вопреки доводам общества буквальное содержание статей 113 и 125 Закона о банкротстве не предполагает в целях удовлетворения заявления о намерении необходимости погашать требования кредиторов по текущим платежам. В случае неисполнения должником своих обязательств перед данными кредиторами после прекращения дела, они вправе инициировать новый банкротный процесс.

[Определение ВС РФ от 08.10.2020 № 305-ЭС20-1476 \(2\)](#)

Иск о понуждении к исполнению обязанности, предусмотренной пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве, допустим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется от участия в передаче конкурсному управляющему имущества, владение которым должник не утратил, создает препятствия в доступе к такому

имуществу, удерживая ключи от кассы, сейфа, склада должника и т.п. В ситуации, когда имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится в его владении, подлежат применению общие способы защиты – иск о признании недействительной сделки, на основании которой должник передал имущество руководителю, и о применении последствий ее недействительности в виде возврата этого имущества (статья 168 Гражданского

кодекса Российской Федерации), виндикационный иск (статья 301 Гражданского кодекса Российской Федерации) и т.д.

Конкурсный управляющий банка в лице ГК АСВ обратился в суд с заявлением об истребовании у бывшего руководителя организации Соловьева К.В. имущества, отсутствующего у должника фактически, но при этом числящегося на его балансе.

Судами первой инстанции и округа заявление удовлетворено.

В соответствии с протоколом заседания совета директоров от 19.05.2015 на Соловьева К.В. возложено исполнение обязанностей председателя правления организации (ее единоличного исполнительного органа). Эти полномочия Соловьев К.В. исполнял вплоть до отзыва у должника лицензии на осуществление банковских операций.

Временной администрацией по управлению организацией в ходе инвентаризации выявлена недостача части имущества, в том числе числящегося на балансовом счете «основные средства».

Агентство при приемке имущества организации подтвердило недостачу (акт инвентаризации от 19.07.2018). Впоследствии оно обратилось в суд с заявлением об истребовании у бывшего руководителя Соловьева К.В. недостающих материальных ценностей.

Поскольку способ защиты права должен соотноситься с характером допущенного нарушения, иск о понуждении к исполнению обязанности, предусмотренной пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве, допустим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется от участия в передаче конкурсному управляющему имущества, владение которым должник не утратил, создает препятствия в доступе к такому имуществу, удерживая ключи от кассы, сейфа, склада должника и т.п.

В рассматриваемом случае агентство при обращении в суд на наличие таких обстоятельств не ссылалось.

В ситуации, когда имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится в его владении, подлежат применению общие способы защиты – иск о признании недействительной сделки, на основании которой должник передал имущество руководителю, и о применении последствий ее недействительности в виде возврата этого имущества (статья 168 Гражданского

кодекса Российской Федерации), виндикационный иск (статья 301 Гражданского кодекса Российской Федерации) и т.д.

В ходе рассмотрения спора агентство не приводило доводы том, что должник передал Соловьеву К.В. право собственности (владение) на банкоматы, сортировщики банкнот, серверы, коммутаторы и компьютер по какой-либо сделке, в том числе недействительной, а значит, не имелось оснований для возложения на бывшего руководителя обязанности возвратить упомянутое имущество в порядке реституции.

При поступлении имущества бывшему руководителю в отсутствие договорных отношений с собственником (подконтрольным обществом) по поводу этого имущества требование агентства следовало квалифицировать как виндикационный иск. Однако такой иск мог быть удовлетворен, если к моменту рассмотрения дела в суде имущество фактически находилось во владении бывшего руководителя (пункт 32 совместного постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Вместе с тем, в материалах дела не имеется доказательств того, что Соловьев К.В. владеет принадлежащим организации имуществом.

С учетом этого суд апелляционной инстанции обоснованно отказал в удовлетворении заявления агентства об обязанности передать имущество в натуре.

Когда из-за противоправных действий (бездействия) руководителя, не обеспечившего сохранность имущества, оно выбыло из собственности возглавляемой им организации и поступило третьим лицам, защита конкурсной массы должна осуществляться путем предъявления иска о возмещении руководителем убытков (пункт 1 статья 53.1 ГК РФ) или о привлечении его к субсидиарной ответственности (если эти действия (бездействие) не только привели к убыткам, но и стали необходимой причиной банкротства; глава

III.2 Закона о банкротстве).

Организация в лице агентства, полагая, что имели место обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) Соловьева К.В., вследствие которых были утрачены банкоматы, сортировщики банкнот, серверы, коммутаторы и компьютер, не лишена возможности предъявить бывшему руководителю требование о возмещении убытков. В настоящем обособленном споре такое требование на разрешение суда не передавалось.

[Определение ВС РФ от 08.10.2020 № 310-ЭС20-3002](#)

Использование должником недвижимого имущество на территории Российской Федерации в целях ведения предпринимательской деятельности

свидетельствует о наличии эффективной юрисдикции судов Российской Федерации в отношении имущества, находящегося на ее территории, равно как и в отношении должника, чья деятельность по извлечению прибыли тесно связана с её территорией. Осуществление должником в Российской Федерации не носящей временного характера экономической деятельности свидетельствует об образовании предприятия должника, требования к которому могут быть удовлетворены в рамках юрисдикции по месту нахождения имущества и за счет такого имущества. Указанные обстоятельства должны учитываться для установления места неосновного производства в трансграничном банкротстве.

Департамент обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 4 150 935 руб. 18 коп. задолженности по арендной плате, 365 580 руб. 78 коп. пеней; расторжении договора аренды земельного участка.

Суды трех инстанций расторгли договор аренды; отказали в удовлетворении требования об обязанности Общества передать Департаменту земельный участок; требования о взыскании с Общества долга по арендной плате и пеней оставили без рассмотрения.

Заозерненский поселковый совет (арендодатель) и Общество (арендатор) 06.02.2006 заключили договор аренды публичного земельного участка, относящегося к рекреационным землям.

Департамент, к которому перешли права и обязанности арендодателя в том числе по указанному договору обратился в арбитражный суд с настоящим иском.

Оставляя без рассмотрения требования Департамента о взыскании с Общества долга по арендной плате и неустойки, суд первой инстанции сослался на тот факт, что в отношении Общества, являющегося иностранным юридическим лицом, возбуждено дело о банкротстве на территории соответствующего государства (Украине), в котором учреждено данное Общество

В части 5 статьи 27 АПК РФ указано, что арбитражные суды Российской Федерации рассматривают относящиеся к их компетенции дела с участием иностранных организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, в случаях, предусмотренных нормами раздела V «Производство по делам с участием иностранных лиц» Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно пунктам 1 и 3 части 1 статьи 247 АПК РФ к компетенции арбитражных судов Российской Федерации относятся дела по экономическим спорам с участием иностранной организации – ответчика, если он находится на территории Российской Федерации, либо на территории Российской Федерации находится его имущество, спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации.

Предметом требований Департамента является взыскание с Общества арендной платы и пеней в соответствии с договором аренды находящегося в публичной собственности земельного участка, предоставленного ответчику для строительства и обслуживания пансионата «Фотон».

Из материалов дела следует, что ответчик использует недвижимое имущество пансионата (спальный корпус, административный корпус, здание столовой, скважину, трансформаторную подстанцию и другие объекты) в целях ведения предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Кроме того, согласно представленным в дело третьим лицом - Соболевой Н.С. документам у Общества имеется иное недвижимое имущество в других населенных пунктах Республики Крым Российской Федерации (нежилые помещения, производственные строения, склады, конторы в Симферополе, Евпатории, пгт Черноморское). Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии эффективной юрисдикции судов Российской Федерации в отношении имущества, находящегося на ее территории, равно как и в отношении ответчика, чья деятельность по извлечению прибыли с территории Российской Федерации тесно связана с её территорией.

Осуществление должником в Российской Федерации не носящей временного характера экономической деятельности (имеет недвижимое имущество, арендует и использует на ином праве публичные земельные участки) свидетельствует об образовании предприятия должника в целях удовлетворения требований к нему в рамках юрисдикции по месту нахождения имущества и за счет такого имущества, в том числе в целях установления места неосновного производства в трансграничном банкротстве (например, статья 2 Типового закона Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) о трансграничной несостоятельности от 30.05.1997).

Согласно пункту 2 статьи 1 Закона № 127-ФЗ действие данного Федерального закона распространяется на юридических лиц, которые могут быть признаны несостоятельными (банкротами) в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Таким образом, заявленные Департаментом требования относятся к компетенции арбитражных судов Российской Федерации и в отсутствие специальных международных договоров по вопросам взаимного признания и приведения в

исполнение судебных решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация, не могут быть рассмотрены в юрисдикции иностранного государства, в том числе в рамках иностранного дела о банкротстве.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства и нормы права, судебная коллегия полагает, что у судов не было оснований оставлять без рассмотрения требования Департамента со ссылкой на пункт 4 части 1 статьи 148 АПК РФ и на положения пункта 1 статьи 126 Закона № 127-ФЗ, не подлежащие применению в отношении Общества, банкротство которого осуществляется по законодательству другого государства.

[Определение ВС РФ от 12.10.2020 № 302-ЭС20-10575](#)

Поскольку способ защиты права должен соотноситься с характером допущенного нарушения, иск о понуждении к исполнению обязанности, предусмотренной пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве, допустим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется от участия в передаче конкурсному управляющему имущества, владение которым должник не утратил, создает препятствия в доступе к такому имуществу, удерживая ключи от кассы, сейфа, склада должника и т.п.

Если же имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится в его владении, то подлежат применению общие способы защиты – иск о признании недействительной сделки, на основании которой должник передал имущество руководителю, и о применении последствий ее недействительности в виде возврата этого имущества.

При поступлении имущества бывшему руководителю в отсутствие договорных отношений с собственником (подконтрольным обществом) подлежит применению такой способ защиты как виндикационный иск. При этом следует учитывать, что такой иск может быть удовлетворен, если к моменту рассмотрения дела в суде имущество фактически находилось во владении бывшего руководителя.

Конкурсный управляющий Дедок М.Ю. обратился в арбитражный суд с заявлением об истребовании от бывшего руководителя Фирсова В.Ю. материальных ценностей, имущества, бухгалтерской и иной документации должника.

Суды обязали Фирсова В.Ю. передать новому конкурсному управляющему должником Долгодворову С.А. имущество должника – транспортные средства в количестве 46 единиц.

Решением от 14.09.2017 общество «Сибсервис» признано банкротом, в отношении его открыта процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утвержден Дедок М.Ю.

На момент введения процедуры конкурсного производства руководителем должника являлся Фирсов В.Ю., которому конкурсный управляющий направил требование о предоставлении документов.

На основании актов от 23.10.2017, 06.12.2017, 11.05.2018 конкурсному управляющему передана документация должника, в том числе на списанную технику и акты о ее списании.

Согласно абзацу второму пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве руководитель должника обязан обеспечить передачу материальных ценностей. Эта обязанность не является специфической, присущей только отношениям несостоятельности, когда в силу закона полномочия переходят от рядового руководителя к специальному субъекту – конкурсному управляющему. В рамках обычных корпоративных отношений на единоличном исполнительном органе при освобождении его от должности также лежит завершающая обязанность по обеспечению передачи имущества, основанная на положениях пункта 3 статьи 53 ГК РФ.

Поскольку способ защиты права должен соотноситься с характером допущенного нарушения, иск о понуждении к исполнению обязанности, предусмотренной пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве, допустим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется от участия в передаче конкурсному управляющему имущества, владение которым должник не утратил, создает препятствия в доступе к такому имуществу, удерживая ключи от кассы, сейфа, склада должника и т.п.

Таким образом, для целей удовлетворения заявления по указным основаниям суду следовало проверить, имеют ли место указанные обстоятельства.

Если же имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится в его владении, то подлежат применению общие способы защиты – иск о признании недействительной сделки, на основании которой должник передал имущество руководителю, и о применении последствий ее недействительности в виде возврата этого имущества (статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации), виндикационный иск (статья 301 ГК РФ) и т.д.

Поэтому в случае нахождения имущества во владении бывшего руководителя суду необходимо проверить, передавалось ли должником бывшему руководителю право собственности (владение) на указанные транспортные средства по какой-либо сделке, в том числе недействительной.

При поступлении имущества бывшему руководителю в отсутствие договорных отношений с собственником (подконтрольным обществом) подлежит применению такой способ защиты как виндикационный иск. При этом следует учитывать, что такой иск может быть удовлетворен, если к моменту рассмотрения дела в суде имущество

фактически находилось во владении бывшего руководителя (пункт 32 совместного постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Если истребуемое имущество выбыло из собственности должника и поступило третьим лицам в результате противоправных действий (бездействия) руководителя должника, не обеспечившего сохранность имущества, то защита конкурсной массы должна осуществляться путем предъявления иска о возмещении руководителем убытков (пункт 1 статья 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) или о привлечении его к субсидиарной ответственности (если эти действия (бездействие) не только привели к убыткам, но и стали необходимой причиной банкротства; глава III.2 Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 24.12.2020 № 305-ЭС20-14025](#)

При замещении активов должника путем создания на базе его имущества некоего общества и внесения в уставный капитал вновь создаваемого общества здания, часть помещений которого находятся в аренде у третьего лица страховой депозит (обеспечительный платеж) переходит к новому арендодателю вместе с правом собственности на вещь; соответственно, переходит и обязанность по его возврату в случае прекращения арендных отношений, если собранием/комитетом кредиторов не оговорено иное.

В силу [пункта 1 статьи 384](#) ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

Таким образом, лицо, к которому перешло право собственности на арендуемое имущество, вне зависимости от волеизъявления арендатора в силу закона приобретает права и обязанности арендодателя, прежний собственник этого имущества выбывает из правоотношений по его аренде, независимо от того, внесены изменения в договор аренды или нет, а соответствующий договор продолжает регулировать отношения между новым арендодателем и арендатором. Следовательно, к новому арендодателю переходят не отдельные права выбывшего лица, а правовая позиция по договору в целом, то есть вся совокупность его прав и обязанностей, имеющаяся в наличии на момент перехода права собственности.

В [статье 115](#) Закона о банкротстве, регламентирующей порядок и последствия замещения активов должника, указано, что замещение активов должника проводится путем создания на базе имущества должника одного открытого акционерного общества или нескольких открытых акционерных обществ, учредителем которых может быть только должник. В случае создания одного открытого акционерного общества в его уставный капитал вносится все имущество (в том числе имущественные права), входящее в состав предприятия и предназначенное для осуществления предпринимательской деятельности.

По сслу данной [нормы](#) к вновь созданному обществу переходят все имущество, имущественные права и корреспондирующие им обязанности должника.

В отношении договорной позиции арендодателя это означает следующее: пока не доказано иное, предполагается, что страховой депозит (обеспечительный платеж) переходит к новому арендодателю вместе с правом собственности на вещь; соответственно, переходит и обязанность по его возврату в случае прекращения арендных отношений. Общество "Тауэр" не представило доказательств того, что решением комитета кредиторов должника - общества "Нордстар Тауэр" о замещении активов должника был по-иному оговорен вопрос, касающийся перехода страховых депозитов, полученных обществом "Нордстар Тауэр" до процедуры банкротства по договорам аренды от арендаторов помещений в здании, передаваемом в уставный капитал создаваемого акционерного общества. Следовательно, все права и обязанности, связанные с обладанием на праве собственности спорным зданием, в том числе касающиеся действовавших на тот момент договоров аренды и внесенных в рамках соответствующих отношений страховых депозитов, перешли к новому обществу.

Следует отметить, что арендатор был не вправе заявить прежнему арендодателю требование о возврате страхового депозита, поскольку условия реализации этого права согласно договору аренды наступают после прекращения договора.

С момента регистрации права собственности общества "Тауэр" на здание, ряд помещений в котором находились в аренде у Банка на основании договора от 15.07.2010, заключенного с прежним собственником, к ответчику перешли все права и обязанности арендодателя по данному договору, в том числе право зачесть обеспеченные страховым депозитом требования к арендатору, предусмотренные договором аренды, и обязательство по возврату страхового депозита по окончании согласованного сторонами в договоре срока его удержания.

Общество "Тауэр", став собственником указанного здания, в качестве арендодателя 21.08.2018 заключило с истцом соглашение о прекращении договора аренды в связи с истечением установленного в нем срока. На основании данного

соглашения, которое, как указано в его пункте 6, является неотъемлемой частью договора аренды от 15.07.2010, зарегистрировано прекращение этого договора.

Таким образом, поскольку по условиям спорного договора право требовать возврата страхового депозита у арендатора может быть реализовано только после прекращения договора (пункт 13.13), переход прав и обязанностей арендодателя по договору аренды любому третьему лицу не влечет за собой обязанности арендодателя произвести возврат страхового депозита (пункт 6.8) и на момент прекращения договора в связи со сменой собственника арендованного Банком имущества прежний арендодатель в силу закона перестал быть стороной по договору, обязанность по возврату истцу страхового депозита перешла к ответчику как к стороне договора.

С учетом приведенных обстоятельств и норм права неверны выводы судов, послужившие основанием для отказа в иске, о том, что первоначальный арендодатель не передал полученные в качестве депозита денежные средства созданному в процедуре его банкротства в порядке замещения активов обществу "Тауэр" и у последнего отсутствует обязанность по возврату арендатору суммы депозита после прекращения договора аренды.

[Определение ВС РФ от 24.12.2020 № 307-ЭС20-11311](#)

Если совместные противоправные действия двух аффилированных по отношению друг к другу банкротов по заключению договора купли-продажи привели к тому, что при неизменности лица, пользующегося объектом энергоснабжения, договор энергоснабжения был заключен гарантирующим поставщиком с фиктивным собственником, являющимся неплатежеспособным и впоследствии утратившим право на недвижимое имущество – подобные противоправные действия не могут освободить лицо, которое является действительным собственником и пользуется объектом энергоснабжения, от обязанности оплатить услуги гарантирующего поставщика, как если бы мнимая сделка не совершалась. Такие ответчики должны отвечать перед гарантирующим поставщиком солидарно применительно к положениям статей 322, 323, 1080 ГК РФ.

Компания (гарантирующий поставщик) обратилась в арбитражный суд с иском к обществу «Сервис Лайн» и обществу «Норд-Техник» о взыскании 180 097 руб. 19 коп. задолженности за поставленную в марте и апреле 2019 года электроэнергию, 11 072 руб. 90 коп. неустойки.

Судами трех инстанций иск удовлетворен полностью в отношении общества «Сервис Лайн». В удовлетворении требований к обществу «Норд-Техник» отказано.

Гарантирующим поставщиком и обществом «Сервис Лайн» (потребителем) заключен договор энергоснабжения от 30.10.2018.

В марте и апреле 2019 года гарантирующий поставщик поставил на объект потребителя электрическую энергию на сумму 180 097 руб. 19 коп. Общество «Сервис Лайн» оплату электрической энергии в установленные сроки не произвело, что послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с настоящим иском.

Решением от 22.02.2019 общество «Норд-Техник» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

Вступившим в законную силу определением от 06.05.2019 признан недействительным договор купли-продажи недвижимого имущества от 25.04.2018 заключенный между обществом «Норд-Техник» (продавцом) и обществом «Сервис-Лайн» (покупателем), применены последствия недействительности сделки в виде возложения на общество «Сервис-Лайн» обязанности возвратить в конкурсную массу общества «Норд-Техник» объект незавершенного строительства (99,25%), в отношении которого заключен договор энергоснабжения.

Судебная коллегия считает выводы судов, касающиеся недопустимости взыскания задолженности со второго ответчика, ошибочными по следующим основаниям.

Статьей 3 Закона об электроэнергетике предусмотрено, что потребителем признается лицо, приобретающее электрическую энергию для собственных бытовых и (или) производственных нужд.

В соответствии с пунктом 28 Основных положений по договору энергоснабжения гарантирующий поставщик обязуется осуществлять продажу электрической энергии (мощности), а также самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям, а потребитель (покупатель) обязуется оплачивать приобретаемую электрическую энергию (мощность) и оказанные услуги.

Суды, удовлетворяя иск за счет общества «Сервис Лайн», правомерно исходили из условий действующего договора энергоснабжения, в рамках которого указанный ответчик принял на себя обязанность оплачивать электрическую энергию, потребленную на спорном объекте.

На момент заключения договора энергоснабжения для компании, не являющейся стороной договора купли-продажи, общество «Сервис Лайн», право собственности которого на недвижимое имущество зарегистрировано в установленном порядке, признавалось потребителем, с которым гарантирующий поставщик обязан заключить договор энергоснабжения.

Оснований для признания договора энергоснабжения незаключенным или недействительным не имелось.

Вместе с тем, отказывая в удовлетворении требований к обществу «Норд-Текник», суды не учли следующее.

Как установлено вступившим в законную силу определением от 06.05.2019, прежний собственник объекта электропотребления (общество «Норд-Текник») в силу специфики объекта продолжил его использование. Оценив представленные при оспаривании сделки доказательства, суд установил, что ответчики, являясь аффилированными лицами, произвели отчуждение объекта с целью сохранить его внутри группы компаний и не допустить обращение на него взыскания по обязательствам должника. Указав, что договор заключен для вида, без намерения передать покупателю имущество в собственность (статья 170 ГК РФ), усмотрев злоупотребление ответчиками своими правами и нарушение прав кредиторов, суд признал договор купли-продажи недействительным и обязал вернуть должнику имущество.

Таким образом, действия связанных между собой аффилированных лиц были согласованы и направлены, с одной стороны, на заключение договора энергоснабжения с лицом, которое не намеревалось пользоваться спорным имуществом и создавало видимость исполнения договора купли-продажи, и, с другой стороны, на освобождение фактического пользователя (бывшего собственника) от несения расходов по оплате электрической энергии.

Ни одним из ответчиков задолженность не погашена. При этом общество «Норд-Текник» находится в банкротстве с 24.07.2018, а общество «Сервис Лайн» - с 17.09.2019 (процедура наблюдения введена определением суда от 13.03.2020). Имущество, являющееся объектом договора купли-продажи, возвращено в конкурсную массу общества «Норд-Текник».

Совместные противоправные действия ответчиков по заключению договора купли-продажи привели к тому, что при неизменности лица, пользующегося объектом энергоснабжения, договор энергоснабжения был заключен с фиктивным собственником, являющимся неплатежеспособным и впоследствии утратившим право на недвижимое имущество. Подобные противоправные действия не могут освободить лицо, которое является действительным собственником и пользуется объектом энергоснабжения, от обязанности оплатить услуги гарантирующего поставщика, как если бы мнимая сделка не совершалась. Таким образом, ответчики должны отвечать перед истцом солидарно применительно к положениям статей 322, 323, 1080 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 26.01.2021 № 305-ЭС20-16629](#)

Средства компенсационного фонда при банкротстве саморегулируемой организации не включаются в конкурсную массу при признании судом такой организации несостоятельной (часть 5 статьи 55.16-1 ГрК РФ и часть 2 статьи 131 Закона о банкротстве), в связи с чем требования к СРО, подлежащие удовлетворению за счет компенсационного фонда, не включаются в реестр в рамках дела о банкротстве, а заявляются к саморегулируемой организации в пределах средств компенсационного фонда (пункт 2 части 5 статьи 60 ГрК РФ) либо к соответствующему Национальному объединению саморегулируемых организаций в случае исключения сведений об саморегулируемой организации из государственного реестра в пределах средств компенсационного фонда возмещения вреда указанной саморегулируемой организации, зачисленных на счет такого Национального объединения (пункт 2.1 части 5 статьи 60 ГрК РФ).

Общество "Пром" обратилось в суд с иском к Союзу и НОСТРОЙ" о солидарном взыскании 6 017 650 руб. убытков.

В обоснование требований истец сослался на то, что Общество "Пром" (застройщик) и общество "Борстроймонтаж" заключили договор подряда от 01.02.2016 на выполнение работ по строительству двухсекционного жилого двенадцатиэтажного дома со встроенными административными помещениями.

В целях исполнения своих обязательств Общество "Борстроймонтаж" 10.02.2016 заключило договор подряда с Обществом "Регионэнергострой-НН", являвшимся членом Союза.

Союз зарегистрирован в Едином реестре саморегулируемых организаций и входит в НОСТРОЙ.

При проведении Обществом "Регионэнергострой-НН" на объекте работ по демонтажу плит перекрытия и колонн, по причине нарушения требований безопасности при строительстве 30.04.2016 произошел взрыв газовых баллонов, в результате которого погибли работники.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения родственников погибших работников в суд с требованием о взыскании с застройщика - Общества "Пром" компенсации сверх возмещения вреда, предусмотренной статьей 60 ГрК РФ.

Решения Борского городского суда Нижегородской области от 20.12.2017 и от 20.12.2017 требования родственников погибших удовлетворены.

Общество "Пром" исполнило решения судов от 20.12.2017 в полном объеме, что подтверждается платежными поручениями.

Взысканные компенсации по указанным решениям судов в общем размере 6 017 650 руб. Общество "Пром" расценивает в качестве убытков, которые подлежат возмещению за счет ответчиков.

Поскольку направленные Союзу и НОСТРОЙ претензии о возмещении убытков оставлены без удовлетворения, Общество "Пром" обратилось в суд с настоящим иском.

Судами трех инстанций исковые требования Общества "Пром" к Союзу оставлены без рассмотрения. В удовлетворении исковых требований к НОСТРОЙ отказано.

Пунктом 1 части 1 статьи 60 ГрК РФ предусмотрено, что в случае причинения вреда личности или имуществу гражданина, имуществу юридического лица вследствие разрушения, повреждения здания, сооружения либо части здания или сооружения, нарушения требований к обеспечению безопасной эксплуатации здания, сооружения, требований безопасности при сносе здания, сооружения собственник такого здания, сооружения (за исключением случая, предусмотренного частью 2 настоящей статьи), если не

докажет, что указанные разрушение, повреждение, нарушение возникли вследствие умысла потерпевшего, действий третьих лиц или чрезвычайного и непредотвратимого при данных условиях обстоятельства (непреодолимой силы), возмещает вред в соответствии с гражданским законодательством и выплачивает компенсацию сверх возмещения вреда родственникам потерпевшего (родителям, детям, усыновителям, усыновленным), супругу в случае смерти потерпевшего - в сумме три миллиона рублей.

В соответствии с частью 5 статьи 60 ГрК РФ собственник здания, сооружения, концессионер, частный партнер, указанный в части 3 статьи 60 ГрК РФ застройщик, которые возместили в соответствии с гражданским законодательством вред, причиненный вследствие разрушения, повреждения здания, сооружения либо части здания или сооружения, объекта незавершенного строительства, нарушения требований безопасности при строительстве объекта капитального строительства, требований к обеспечению безопасной эксплуатации здания, сооружения, требований безопасности при сносе здания, сооружения, и выплатили компенсацию сверх возмещения вреда в соответствии с частями 1 - 3 настоящей статьи, имеют право обратного требования (регресса) в размере возмещения вреда и выплаты компенсации сверх возмещения вреда.

Такое требование заявляется к саморегулируемой организации в пределах средств компенсационного фонда (пункт 2 части 5 статьи 60 ГрК РФ).

Также требования могут быть заявлены к соответствующему Национальному объединению саморегулируемых организаций в случае исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций в пределах средств компенсационного фонда возмещения вреда

указанной саморегулируемой организации, зачисленных на счет такого Национального объединения (пункт 2.1 части 5 статьи 60 ГрК РФ).

Судами установлено, что Союз исключен из Единого реестра саморегулируемых организаций на основании приказа Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) от 02.11.2017.

Решением от 30.07.2019 Союз признан банкротом и в отношении него открыто конкурсное производство.

Частью 5 статьи 55.16-1 ГрК РФ и частью 2 статьи 131 Закона о банкротстве предусмотрено, что средства компенсационного фонда при банкротстве саморегулируемой организации не включаются в конкурсную массу при признании судом саморегулируемой организации несостоятельной (банкротом).

В рамках дела N А40-33477/2018 о несостоятельности (банкротстве) Союза НОСТРОЙ обращалась с заявлением о включении 4 305 526 154 руб. 04 коп. в реестр требований кредиторов должника.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды указали на то, что денежные средства в размере 4 305 526 154 руб. 04 коп. представляют собой компенсационный фонд саморегулируемой организации, который исключается из конкурсной массы должника, в связи с чем требование к должнику о перечислении указанных денежных средств не может быть включено в реестр требований кредиторов должника, удовлетворение которых осуществляется за счет имущества должника, включенного в конкурсную массу.

Следовательно, вывод судов о необходимости рассмотрения требований к Союзу в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) сделан без учета указанных обстоятельств.

Согласно части 14 статьи 15.16 ГрК РФ в случае исключения сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций средства компенсационного фонда возмещения вреда и компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации в недельный срок с даты исключения таких сведений подлежат зачислению на специальный банковский счет Национального объединения саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация, и могут быть использованы только для осуществления выплат в связи с наступлением солидарной или субсидиарной ответственности саморегулируемой организации по обязательствам членов такой организации, возникшим в случаях, предусмотренных соответственно статьями 60 и 60.1 ГрК РФ.

В соответствии с частью 6 статьи 15.16-1 ГрК РФ при исключении саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций права на средства компенсационного фонда возмещения вреда и

компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств переходят к Национальному объединению саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация.

Поскольку Союз перечислил НОСТРОЙ в порядке, предусмотренном частью 14 статьи 15.16 ГрК РФ компенсационный фонд не в полном объеме (в сумме 125 973 845 руб. 96 коп. из 5 179 674 000 руб.), НОСТРОЙ обратился в суд с иском заявлением.

Решением от 11.07.2018 с Союза в пользу НОСТРОЙ взысканы средства компенсационного фонда в размере 5 053 700 154 руб. 04 коп. (5 179 674 000 руб. - 125 973 845 руб. 96 коп.). Указанное решение суда вступило в законную силу 01.10.2018.

При названных обстоятельствах отказ судов лишь со ссылкой на ограничение ответственности НОСТРОЙ суммой зачисленных на ее специальный счет денежных средств сделан без исследования всех юридически значимых обстоятельств и лишает истца права на судебную защиту.

[Определение ВС РФ от 24.02.2021 № 305-ЭС20-18007](#)

Требование о сносе самовольной постройки направлено на защиту публичного порядка строительства и обеспечение безопасности возводимых строений и не связано с гражданско- правовыми обязательственными отношениями, в которых ответчик является должником, или с публично-правовыми отношениями по уплате таким должником обязательных платежей, а поэтому довод ответчика о том, что банкротство организации-ответчика исключает удовлетворение предъявленного к ней иска о сносе самовольной постройки, не соответствует действующему законодательству.

Администрация обратилась в суд с иском к Компании, Обществу о признании самовольной постройкой объекта капитального строительства, расположенного на земельных участках с кадастровыми номерами 50:20:0070227:1263, 50:20:0070227:1264, 50:20:0070227:1282 в границах, указанных в исковом заявлении, и возложении на ответчиков обязанности осуществить снос самовольной постройки.

В период с 12.11.2018 по 16.11.2018 Отделом надзора за строительством № 1 Главного управления в отношении Компании проведена выездная проверка земельных участков с кадастровыми номерами 50:20:0070227:1263, 50:20:0070227:1264, 50:20:0070227:1282.

По результатам проверки составлен акт от 19.11.2018, в котором зафиксировано нахождение на спорных участках конструкции фундамента и подземной части объекта капитального строительства, выполненных без разрешения на строительство.

О результатах проверки Главное управление уведомило Администрацию, которая в акте осмотра от 28.11.2018 также установила факт расположения на спорных участках категории земель населенных пунктов, с видом разрешенного использования "под застройку жилыми зданиями, объектами культурно-бытового и социального назначения" кирпичного фундамента с арматурной оснасткой и постройки.

Решением от 23.09.2016 Компания признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее открыто конкурсное производство.

В рамках дела о банкротстве в период 25.09.2018 – 28.09.2018 проведены торги посредством публичного предложения.

Согласно протоколу от 02.10.2018 Общество признано победителем торгов по продаже имущества Компании - восемнадцати принадлежащих Компании на праве собственности земельных участков, в том числе вышеуказанных участков.

На основании данного протокола Компания в лице конкурсного управляющего и Общество заключили договоры купли-продажи указанных участков от 12.10.2018.

Решением от 04.07.2019 признаны незаконными решения УФРС об отказе в государственной регистрации права собственности Общества, в том числе на вышеуказанные земельные участки.

По результатам проведенного Администрацией осмотра земельного участка составлен акт от 19.11.2019, где зафиксировано, что на спорных земельных участках, принадлежащих Обществу и Компании, расположен неогороженный объект незавершенного строительства.

Предметом данного спора является требование публичного органа о сносе самовольно возведенного неустановленным лицом без разрешения на строительство незавершенного строительством объекта к собственникам земельных участков, на которых данное строение расположено.

В силу пункта 1 статьи 222 ГК РФ (как в редакции Федерального закона от 13.07.2015 № 258-ФЗ, так и в редакции Федерального закона от 03.08.2018 № 339-ФЗ) здание, возведенное без разрешения на строительство, является самовольной постройкой.

В данном случае к признанию постройки самовольной приводит публично-правовое формальное нарушение в виде отсутствия требуемого разрешения на строительство.

Пунктом 2 статьи 222 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 03.08.2018 № 339-ФЗ) предусмотрено, что лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой - продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки.

Использование самовольной постройки не допускается.

Самовольная постройка подлежит сносу или приведению в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом (далее - установленные требования), осуществившим ее лицом либо за его счет, а при отсутствии сведений о нем – лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором возведена или создана самовольная постройка, или лицом, которому такой земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен во временное владение и пользование, либо за счет соответствующего лица, кроме, в том числе случая, предусмотренного пунктом 3 данной статьи.

В соответствии с пунктом 3 статьи 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности которого находится земельный участок, где возведена постройка, при одновременном соблюдении следующих условий: если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Признание права собственности на самовольную постройку является основанием возникновения права собственности по решению суда. Для применения пункта 3 статьи 222 ГК РФ необходимо предъявление в суд иска, в частности собственником земельного участка, где возведена постройка, о признании за ним права собственности на самовольно возведенный объект, на котором и лежит обязанность доказывания отсутствия угрозы жизни и здоровью граждан.

При рассмотрении иска о признании права собственности суд устанавливает, возможно ли сохранить самовольно возведенный объект, и в обязательном порядке проверяет наличие совокупности прямо предусмотренных пунктом 3 статьи 222 ГК РФ условий, при одновременном соблюдении которых за лицом, в собственности которого находится земельный участок, в судебном порядке может быть признано право собственности на самовольную постройку.

Кроме этого, согласно пункту 26 постановления № 10/22 иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при определении судом того, что единственным признаком самовольной постройки является отсутствие разрешения на строительство, к получению которого лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен

также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает ли угрозу жизни и здоровью граждан.

Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 306-ЭС19-19642, приведенное выше разъяснение направлено на то, чтобы воспрепятствовать явным злоупотреблениям правом легализовать постройку, которое предусмотрено пунктом 3 статьи 222 ГК РФ (статья 10 ГК РФ). Оно касается, например, ситуации, когда лицо, создавшее постройку, обращается в компетентный орган за выдачей разрешения на ее строительство лишь для вида, очевидно понимая, что к его заявлению не приложены требуемые документы, т.е. в отсутствие заблуждений относительно их перечня и порядка выдачи разрешения.

Между тем в рамках данного спора иск о признании права собственности на спорное строение собственником земельных участков, на которых он расположен, не предъявлен.

В силу пункта 1 статьи 222 ГК РФ для признания постройки самовольной достаточно наличия хотя бы одного из перечисленных в ней нарушений, в том числе возведения постройки без разрешения на строительство. Такой объект подлежит квалификации в качестве самовольной постройки и, по общему правилу, подлежит сносу. В случае если осуществившее такую постройку лицо, а при отсутствии сведений о нем, собственник земельного участка имеют намерение сохранить самовольное строение, то они предъявляют иск по правилам пункта 3 статьи 222 ГК РФ.

Согласно разъяснениям постановления № 10/22 с иском о сносе самовольной постройки вправе обратиться собственник земельного участка, субъект иного вещного права на земельный участок, его

законный владелец либо лицо, права и законные интересы которого нарушает сохранение самовольной постройки. С иском о сносе самовольной постройки в публичных интересах вправе обратиться прокурор, а также уполномоченные органы в соответствии с федеральным законом.

Как указано в пункте 24 названного постановления, по смыслу абзаца второго пункта 2 статьи 222 ГК РФ, ответчиком по иску о сносе самовольной постройки является лицо, осуществившее самовольное строительство. При создании самовольной постройки с привлечением подрядчиков ответчиком является заказчик как лицо, по заданию которого была осуществлена самовольная постройка.

В случае нахождения самовольной постройки во владении лица, не осуществлявшего самовольного строительства, ответчиком по иску о сносе самовольной постройки является лицо, которое стало бы собственником, если бы

постройка не являлась самовольной. Например, в случае отчуждения самовольной постройки - ее приобретатель; при внесении самовольной постройки в качестве вклада в уставный капитал - юридическое лицо, получившее такое имущество; в случае смерти физического лица либо реорганизации юридического лица - лицо, получившее имущество во владение.

Если право собственности на самовольную постройку зарегистрировано не за владельцем, а за иным лицом, такое лицо должно быть привлечено в качестве соответчика к участию в деле по иску о сносе самовольной постройки (абзац второй части 3 статьи 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации или часть 2 статьи 46 АПК РФ).

Если ответчик, против которого принято решение о сносе самовольной постройки, не осуществлял ее строительство, он вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков к лицу, осуществившему самовольную постройку.

Согласно прямому указанию пункта 2 статьи 222 ГК РФ при отсутствии сведений о лице, осуществившем строительство объекта, самовольная постройка подлежит сносу лицом, в собственности которого находится земельный участок, на котором такая постройка возведена, кроме в том числе случая, предусмотренного пунктом 3 данной статьи (пункт 2 статьи 222 ГК РФ).

При этом следует учитывать, что предъявленное требование направлено на защиту публичного порядка строительства и обеспечение безопасности возводимых строений и не связано с гражданско- правовыми обязательственными отношениями, в которых Компания является должником, или с публично- правовыми отношениями по уплате Компанией обязательных платежей, а поэтому довод Компании о том, что банкротство организации исключает удовлетворение предъявленного к ней иска о сносе самовольной постройки, подлежит отклонению.